

ISSN 2413-2217

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина»

В е с т н и к
Р я з а н с к о г о
г о с у д а р с т в е н н о г о
у н и в е р с и т е т а
и м е н и *С. А. Есенина*

Научный журнал

№ 3 (64)

Журнал выходит с 1993 года

Рязань 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

5 октября 2018 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-73858.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

МИНАЕВ А. И., д-р ист. наук, проф., ректор РГУ имени С.А. Есенина (председатель),

ПОПОВА О. Д., д-р ист. наук, проф. (гл. редактор),

РЕШЕТОВА А. А., д-р филол. наук, проф. (зам. гл. редактора),

КОНЕНКОВ А. Н., д-р физ.-мат. наук, проф. (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Акимов Ю. Г., д-р ист. наук, проф., **Болысов С. И.**, д-р геогр. наук, проф., **Бредихин А. В.**, д-р геогр. наук, проф., **Варда А.**, д-р филол. наук, проф., **Варданын Т. Г.**, д-р геогр. наук, проф., **Ганин В. Н.**, д-р филол. наук, проф., **Голодов А. Г.**, д-р филол. наук, проф., **Голубкова Е. Е.**, д-р филол. наук, проф., **Гребенкин И. Н.**, д-р ист. наук, проф., **Давыдова И. Ю.**, д-р биол. наук, проф., **Золтан А.**, д-р филол. наук, проф., **Евдокимов С. П.**, д-р геогр. наук, проф., **Кривцов В. А.**, д-р геогр. наук, проф., **Ламзин С. А.**, д-р пед. наук, проф., **Мартишина Н. В.**, д-р пед. наук, проф., **Маунитс Б.**, д-р философии по приклад. мат., проф., **Мауль В. Я.**, д-р ист. наук, проф., **Мызников С. А.**, д-р филол. наук, проф., **Никитин О. В.**, д-р филол. наук, проф., **Носонов А.М.**, д-р геогр. наук, проф., **Орлицкий Ю. Б.**, д-р филол. наук, **Подосян А. А.**, д-р геогр. наук, доц., **Попова А. Д.**, д-р ист. наук, проф., **Решетов В. Г.**, д-р филол. наук, проф., **Родованович М.**, д-р геогр. наук, проф., **Родригес А. М.**, д-р ист. наук, проф., **Рожков А. Ю.**, д-р ист. наук, **Рубаха Я.**, Ph. D. in history, проф., **Русен Т.**, Ph. D., д-р философии, **Севастьянова А. А.**, д-р ист. наук, проф., **Соловьев А. В.**, д-р филос. наук, проф., **Стулов Ю. В.**, канд. филол. наук, **Ташев А. Н.**, д-р биол. наук, проф., **Травников С. Н.**, д-р филол. наук, проф., **Шаклеин В. М.**, д-р филол. наук, проф., **Чикалова И. Р.**, д-р ист. наук, проф., **Юрковский Р.**, Ph. D in history, проф., **Эрлихсон И. М.**, д-р ист. наук, проф., **Ямашкин А. А.**, д-р геогр. наук, проф.

Журнал выходит четыре раза в год.

Адрес издателя и редакции:

390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

Тел.: (4912) 28-19-24; e-mail: vestnik@365.rsu.edu.ru; o.popova@365.rsu.edu.ru; a.reshetova@365.rsu.edu.ru

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией.

Ссылка на журнал «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» обязательна.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55168 в объединенном каталоге «Пресса России».

Решением Президиума ВАК журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 28.12.2018 г.) по специальностям:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки),

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки),

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки),

25.00.25 – Геоморфология и эволюционная география (географические науки).

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2019

© «Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Акульшин П. В. Международная научная конференция «100 лет тому назад: завершение Первой мировой войны в Старом Свете»	7
Айрапетов О. Р. Генерал М. В. Алексеев между А. Ф. Керенским и Л. Г. Корниловым в сентябре 1917 года.....	14
Каримов О. В., Калинов В. В. Разведывательная деятельность Военно-морского флота России в годы Первой мировой войны на Балтийском морском театре	26
Копылов Н. А. Чехословацкий корпус в Первой мировой войне и революции: от нейтралитета к противостоянию.....	39
Роман Юрковский Польское общество и Брестский договор с Украинской центральной радой 9 февраля 1918 года.....	53
Ярослав Рубаха Польско-украинская война 1918–1919 годов в отчетах краковской ежедневной газеты “Czas” («Время»).....	61
Ратьковский И. С. Карательно-репрессивная практика Добровольческой армии в начальный период ее существования	77
Чувардин Г. С. «Император Кирилл I» и правомонархическое будущее России: надежды, отчаяние, фарс	89
Вишняков Я. В. Сербское правительство и русская революция	107
Арпад Хорняк Территориальные споры между Венгрией и Королевством сербов, хорватов и словенцев в 1918–1921 годах	115
Чаба Катона Изменения памяти о великой войне в венгерских дневниках и мемуарах	125
Сунь Ичжи «Русский вопрос» в политике шанхайских властей и общественности 1922–1925 годов	134

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Кривцов В. А., Водорезов А. В., Комаров М. М. Геоморфологическое районирование территории Рязанской области на локальном уровне.....	152
---	-----

Ямских Г. Ю., Макарчук Д. Е., Лебедева Н. В. Палеогеографические реконструкции климата и растительности голоцена в долине реки Лугавки (Южно-Минусинская котловина).....	162
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Андреева Е. А. Русь и Запад в стихотворении Давида Самойлова «Королева Анна».....	173
---	-----

Струкова Т. Г. Париж и жизнь. О книге Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой».....	178
---	-----

Веревкин а Ю. В. Слова с народной этимологией в произведениях В. Овечкина.....	185
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Пахомова И. В. Жребий русского поэта. Рецензия на монографию Л. Ф. Алексеевой «Василий Александрович Сумбатов — русский поэт XX века» (М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2017. 299 с.).....	192
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ВУЗА

Эрлихсон И. М. 30-я юбилейная Международная научно-практическая конференция «Запад и Восток: история и перспективы развития», 18–19 апреля 2019 года.....	196
---	-----

Информация для авторов	200
-------------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY. ARCHAEOLOGY

Akulshin P. V. The International Research Conference “A Century Ago: the End of World War I in the Old World”	7
Ayrapetov O. R. General M. V. Alekseev: between A. F. Kerensky and L. G. Kornilov in September 1917	14
Karimov O. V., Kalinov V. V. Intelligence-related Activities of the Russian Navy in the Early Years of World War I in the Baltic Sea	26
Kopylov N. A. The Czechoslovak Corps in World War I and the Russian Revolution: from Neutrality to Confrontation	39
Roman Yurkovsky Polish Community and the Treaty of Brest-Litovsk with the Ukrainian Central Rada (February 9, 1918).....	53
Yaroslav Rubakha The Polish-Ukrainian War of 1918–1919 in the Reports of the Cracow Daily Newspaper Czas (Time).....	61
Ratkovsky I. S. Punitive and Repressive Practices Exercised by the Volunteer Army in its Early Years	77
Chuvardin H. S. Emperor Cyril I and the Ultra-royalist Future of Russia: Hopes, Frustration, False Pretences	89
Vishnyakov Ya. V. Serbian Government and the Russian Revolution	107
Árpád Hornyák Territorial Disputes between Hungary and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in 1918–1921.....	115
Csaba Katona The Transformation of Memories of the Great War in Hungarian Journals and Memoirs	125
Sun Yizhi Shanghai Russians through the Prism of Shanghai Government Policy and Community in 1922–1925	134

GEOSCIENCE

- Krivtsov V. A., Vodorezov A. V., Komarov M. M.**
Geomorphologic Zonation of the Ryazan Region at the Local Level 152
- Yamskikh G. Yu., Makarchuk D. E., Lebedeva N. V.**
Paleographic Reconstruction of Holocene Climate
and Vegetation in the Valley of the Lugavka River (South-Minusinsk Basin) 162

LITERARY CRITICISM. LINGUISTICS

- Andreeva E. A.**
Russia and the West in David Samoylov’s Poem “Queen Anna” 173
- Strukova T. G.**
Paris and Life. About E. Hemingway’s Book “A Moveable Feast” 178
- Verevkina Yu. V.**
Words with Folk Etymology in V. Ovechkin’s Works 185

REVIEWS

- Pakhomova I. V.**
A Russian Poet’s Fate. Review of L. F. Alekseeva’s Monograph
“Vassily Alexandrovich Sumbatov — a Russian Poet of the 20th Century”
(Moscow : Moscow State Regional University, 2017. 299 p.) 192

RESEARCH WORK

- Erlihson I. M.**
30th Anniversary International Research-Practical Conference
“West and East: History and Perspectives of Development”,
April 18–19, 2019 196
- Submission requirements** 200

УДК 006.3:940.46

П. В. Акульшин

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«100 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД:
ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СТАРОМ СВЕТЕ»**

В статье подводятся итоги проходившей в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина 24–25 мая 2018 года Международной научной конференции «100 лет тому назад: завершение Первой мировой войны в Старом Свете», в которой приняли участие исследователи из Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Сербии, России.

Рассматривается историографическое значение изучения итогов Первой мировой войны в контексте научных и общественно-политических проблем современности. Концепция международной конференции, разработанная научно-образовательным центром историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, включала отказ от традиционного разделения исторической проблематики на «отечественную» и «всеобщую». Такой подход позволил сформулировать проблемное поле конференции, выделив основные направления исследований этого периода в современной историографии: судьбы европейских империй и возникновение новых национальных суверенитетов, экономические, социальные и гуманитарные последствия войны, ведущие идеологические тенденции, революции и гражданские конфликты в послевоенной Европе. Проанализированы тематика и содержание докладов, а также представлены итоги научных дискуссий.

Первая мировая война; исторические исследования; научная конференция; международные научные связи

Завершение Первой мировой войны ознаменовало начало новейшего периода мировой истории, который ушел в прошлое в конце XX века на глазах живущих сейчас поколений. Версальский мир и новая система международных отношений смогли обеспечить Старому Свету лишь двадцать лет относительно мирного существования, прерванные новым, еще более страшным конфликтом. Итогом Второй мировой войны в Европе стали полстолетия мира и стабильности, которые сменились периодом турбулентности с неоднозначными перспективами.

Перестали существовать 8 из 35 государств, подписавших в 1975 году в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе¹. Существенно изменились государственные границы в Восточной Европе. Исчезли возникшие по итогам Первой мировой войны Чехословакия и Югославия. На территории складывающейся на протяжении нескольких столетий российской государственности к 2019 году существуют 15 «признанных» международным сообществом и 6 «непризнанных» государственных образований. На повестку дня поставлен вопрос о целостности исторически сложившихся к началу XX века границ в Западной Европе. Вопрос о возможном распаде таких государств, как Великобритания, Испания, Италия, Бельгия, — это уже не геополитическая футурология, а предмет текущей политической жизни. Стремительно меняется геополитическая ситуация в странах Северной Африки и Ближнего Востока. От Западной Сахары и вплоть до Индийского океана протянулась дуга политической нестабильности и военных столкновений, продолжительность и последовательность которых выходят за рамки понимания самых изощренных аналитиков современности.

Проблемы и конфликты, которые после двух мировых войн в Старом Свете, казалось, навсегда ушли в прошлое, на глазах нашего поколения вновь становятся реальностью. «Войны памяти» перерастают в настоящие кровопролитные противостояния, которые были немыслимы в Европе в годы «холодной» войны. Политические события современности показывают, что противоречия, породившие в свое время Первую мировую войну, не преодолены, а ее уроки остаются «невыученными» современным мировым сообществом.

Об этом свидетельствует то внимание, которое привлекли к себе крупнейшие исторические юбилеи в нашей стране. Годовщина начала Первой мировой войны в 2014 году была отмечена множеством научных и общественных мероприятий, историографический итог которых теперь не позволяет применять к этому грандиозному военному конфликту ставший привычным ярлык «забытая война». На этом фоне гораздо более скромно прошел столетний юбилей Великой российской революции в 1917 году и возникновение Советского государства². Финал же четырехлетней мировой трагедии получил в нашей стране в 2018 году несравненно меньший отклик, нежели ее начало. Анализ причин этого может быть весьма полезным для понимания современного вектора развития политических и идеологических процессов в Российской Федерации. И все же итоги и последствия мирового конфликта не менее важны, чем вопрос о причинах его возникновения и ответственности за это. Совершенно очевидно, что революционный выход России из войны и волна европейских революций, формирование послевоенного международного пространства являются теми сложными и дискуссионными проблемами, ответ на которые должна дать современная историческая наука.

Эти соображения послужили основой замысла Международной научной конференции «100 лет тому назад: завершение Первой мировой войны в Старом Свете», состоявшейся в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина 24–25 мая 2018 года. Проведение этого крупного научного мероприятия стало определенным итогом деятельности научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований РГУ имени С. А. Есенина. Его сотрудники на протяжении многих лет ведут исследования переломных этапов истории России — эпохи Великих ре-

¹ Для лучшего понимания происходящих перемен необходимо учесть, что в числе подписавших Заключительный акт были пять карликовых государств Европы (Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Сан-Марино, Ватикан), четыре «островных» государства (Кипр, Ирландия, Исландия, Мальта) и расположенные в Западном полушарии США и Канада, а подписавший этот документ президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску был свергнут в ходе военного переворота и в 1989 году расстрелян. Остается только констатировать, что современные информационные технологии играют не менее важную роль в качестве помех на пути осмысления происходящих процессов, чем недостаточная информированность в прошлые исторические эпохи.

² См.: Революция-100 : реконструкция юбилея / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2017. 1088 с.

форм, мировых войн и революций в контексте общего хода модернизации европейского общества в новый и новейший периоды истории³. Выработанная концепция международной конференции, посвященной окончанию и урокам Первой мировой войны, учитывала опыт зарубежных и отечественных научных мероприятий последних лет. Организаторы изначально отказались от традиционного разделения исторической проблематики на «отечественную» и «всеобщую». Такой подход позволил сформулировать универсальное проблемное поле конференции, выделив основные направления исследований этого периода в современной историографии. Судьбы европейских империй и возникновение новых национальных суверенитетов, экономические, социальные и гуманитарные последствия войны, ведущие идеологические тенденции, революции и гражданские конфликты в послевоенной Европе — такой тематический ряд привлек внимание как российских, так и зарубежных ученых.

В конференции приняли участие историки Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Сербии, специалисты ведущих академических центров и высших учебных заведений нашей страны. Инициатива историков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина была поддержана рядом общественно-научных организаций страны и региона — Российским военно-историческим обществом, Российской ассоциацией историков Первой мировой войны, Рязанским историческим обществом, которые выступили в качестве соорганизаторов конференции.

Большим разнообразием подходов и затронутых аспектов отличались доклады, посвященные геополитическим итогам Первой мировой войны: программный характер носило выступление П. В. Акульшина (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина), предложившего новый взгляд на проблему выхода из войны стран и регионов Старого Света; общественная реакция народов Европы на новые политические реалии нашла отражение в докладах И. О. Ермаченко (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург), Р. Юрковского и Я. Рубахи (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша); проблемы территориального передела имперских пространств в условиях подготовки мирных соглашений были представлены в выступлениях Г. Д. Шкундина (Российская ассоциация историков Первой мировой войны, Москва), А. Хорняка (Институт истории Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия); влияние уроков Первой мировой войны на формирование послевоенных доктрин политических партий Великобритании рассмотрены В. В. Аболмасовым и М. В. Жолудовым (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина).

³ См.: Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Рязанцы в «прологе» Гражданской войны : Г. К. Петров и его отряд на «калединском фронте» (декабрь 1917 — февраль 1918 г.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. науч. работ. Т. 3. Рязань : Ряз. ин-т развития образования, 2002. С. 155–163 ; Гребенкин И. Н. Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном» походе. Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. 244 с. ; Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Первый Кубанский («Ледяной») поход Добровольческой армии // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 70–87 ; Гребенкин И. Н. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 45–69 ; Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Военная история: направления поиска, методы, проблемы // Исторические исследования в России — III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2011. С. 397–416 ; Белова И. Б., Гребенкин И. Н. Первая мировая: великая забытая война // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1063–1096 ; Акульшин П. В. Первая мировая война и трансформация вооруженных сил России в XX веке // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 162–171 ; Гребенкин И. Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 145–161 ; Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. «Ожидается ужасная бойня. Еще не было ни одной такой войны». Из воспоминаний рязанского историка С. Д. Яхонтова // Исторический архив. 2014. № 3. С. 63–82 ; Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. «Раз дело касается отечественной обороны, то цель оправдывает средства» : забытые пророчества князя Кочубея // Родина. 2014. № 8. С. 8–10 ; Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М. : АИРО-XXI, 2015. 528 с. ; Акульшин П. В. Депутаты Государственной Думы от Рязанской губернии и политические процессы в столице и провинции в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная дума. М., 2015. С. 10–15 ; Igor Grebenkin — Pjotr Akulsin. Az I. világháború és Oroszország nemzeti érdekei. A pánszlávizmustól a proletár internacionalizmusig // Világtörténet. (37), 2015/3. С. 409–419.

Роль национальных акторов в военных действиях и последовавших за ними революционных процессах стала темой докладов Ч. Паолетти (Итальянская комиссия по военной истории), М. Кулика (Институт истории Польской академии наук, Варшава, Польша), М. Милкича и Д. Денды (Институт стратегических исследований Министерства обороны Сербии, Белград, Сербия), Я. В. Вишнякова и Н. А. Копылова (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ). Место армии и военных в политической борьбе и гражданском конфликте в революционной России составили проблематику выступлений О. Р. Айрапетова (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), И. Н. Гребенкина (Рязанский государственный университета имени С. А. Есенина), В. В. Морозана и И. С. Ратьковского (Санкт-Петербургский государственный университет). Судьба русской военной и политической эмиграции была проанализирована в докладах Г. С. Чувардина (Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева) и В. В. Бондаренко (Второй национальный телеканал ОНТ Республики Беларусь, Минск, Беларусь). Отражение Первой мировой войны в религиозном и научном сознании стали темой выступлений А. К. Тихонова (Владимирский государственный университет имени братьев Столетовых), А. Н. Долгих (Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шаньского), Т. А. Ерошиной (Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова).

Экономические последствия войны рассматривали В. Л. Степанов (Институт экономики Российской академии наук, Москва), В. В. Калинов (Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина), А. С. Соколов (Рязанский государственный радиотехнический университет), М. А. Трусова (Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова). Эволюции форм общественной активности в период завершения Первой мировой войны на региональном уровне были посвящены доклады Н. Н. Разумной (Донецкий национальный университет, Донецкая народная республика), Е. Г. Тарабрина (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина), Г. С. Огрызковой (Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова), Э. В. Гатилова и М. Л. Половинкиной (Липецкий государственный технический университет), Г. И. Федулina (Рязанское историческое общество). Образы войны в общественном сознании народов Европы нашли отражение в выступлениях Ч. Катоны (Институт истории Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия), К. А. Пахалюка (Российское военно-историческое общество, Москва), С. В. Белоусова (Пензенский государственный университет), Ю. Б. Будкиной (Рязанский государственный университета имени С. А. Есенина).

По целому ряду вопросов развернулась напряженная дискуссия, которая носила принципиальный характер. Она коснулась значения Октябрьской революции 1917 года в судьбах нашей страны и всего человечества, проблемы революционного выхода России из Первой мировой войны, места и роли в Первой мировой войне Гражданской войны и иностранной интервенции в России. Эти споры проходили в духе лучших академических традиций, требующих уважительного отношения к оппонентам и аргументированного изложения заявленных положений.

Продолжением пленарного и секционных заседаний конференции стал круглый стол «1918: обновленная Европа между войной и миром», который состоялся 26 мая 2018 года в Рязанской областной научной библиотеке имени Максима Горького. Председатель Рязанского исторического общества профессор П. В. Акульшин познакомил его участников с развитием исторических исследований в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина⁴. Отечественные и зарубежные участники заседания обсудили наиболее ак-

⁴ См.: Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Историческая наука на факультете истории Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 9–10. С. 10–17.

туальные вопросы, связанные с итогами Первой мировой войны, среди них: формирование новой политической карты Европы, развитие идентичности стран и народов Старого Света, преемственность и разрыв политических и военных традиций, проблемы мира и стабильности на континенте в XX веке и в современный период, значение исторического опыта мировых конфликтов, а также роль исторической науки в современном обществе.

Гости конференции отметили высокое качество дискуссии, которая отвечает уровню ведущих мировых научных центров и ее важность для укрепления связей исследователей из разных регионов России и зарубежных стран⁵. Были высказаны предложения о создании на основе материалов конференции коллективной монографии, посвященной основным проблемам завершения Первой мировой войны и отражающей взгляды на эту тему различных национальных исторических школ.

Благодаря содействию редакции «Вестника Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина» ряд докладов участников конференции, которые, по мнению оргкомитета конференции, представляют наибольший интерес для понимания современной историографической ситуации, предлагается вниманию читателей журнала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акульшин П. В. Депутаты Государственной Думы от Рязанской губернии и политические процессы в столице и провинции в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная дума : материалы Междунар. науч. конф. — М., 2015. — С. 10–15.
2. Акульшин П. В. Первая мировая война и трансформация вооруженных сил России в XX веке // Новейшая история России. — 2014. — № 3. — С. 162–171.
3. Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Военная история: направления поиска, методы, проблемы // Исторические исследования в России — III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. — М. : АИРО-XXI, 2011. — С. 397–416.
4. Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Историческая наука на факультете истории Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2015. — № 9–10. — С. 10–17.
5. Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. «Ожидается ужасная бойня. Еще не было ни одной такой войны». Из воспоминаний рязанского историка С. Д. Яхонтова // Исторический архив. — 2014. — № 3. — С. 63–82.
6. Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Первый Кубанский («Ледяной») поход Добровольческой армии // Вопросы истории. — 2006. — № 6. — С. 70–87.
7. Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. «Раз дело касается отечественной обороны, то цель оправдывает средства» : забытые пророчества князя Кочубея // Родина. — 2014. — № 8. — С. 8–10.
8. Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Рязанцы в «прологе» Гражданской войны : Г. К. Петров и его отряд на «калединском фронте» (декабрь 1917 — февраль 1918 г.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. науч. работ. — Рязань : Ряз. ин-т развития образования, 2002. — Т. 3. — С. 155–163.
9. Белова И. Б., Гребенкин И. Н. Первая мировая: великая забытая война // Между кабунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюгова. — М. : АИРО-XXI, 2013 — С. 1063–1096.
10. Гребенкин И. Н. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. — 2007. — № 4. — С. 45–69.
11. Гребенкин И. Н. Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном» походе. — Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. — 244 с.
12. Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. — М. : АИРО-XXI, 2015. — 528 с.

⁵ См.: Шкундин Г. Д. Международная научная конференция, посвященная 100-летию завершения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 207–208 ; Милкић М. Међународна научна конференција “100 лет тому назад: завершение Первой мировой войны в Старом Свете”, Рјазань (Руска Федерација), 23–27. Мај 2018 // Војно-историјски гласник. 1/2018. С. 287–288.

13. Гребенкин И. Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. — 2014. — № 3. — С. 145–161.
14. Революция-100: реконструкция юбилея / под ред. Г. А. Бордюгова. — М. : АИРО-XXI, 2017. — 1088 с.
15. Шкундин Г. Д. Международная научная конференция, посвященная 100-летию завершения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. — 2018. — № 6. — С. 207–208.
16. Igor Grebenkin — Pjotr Akulsin. Az I. világháború és Oroszország nemzeti érdekei. A pánszlávizmustól a proletár internacionalizmusig // Világtörténet, (37), 2015/3. — С. 409–419.
17. Милкић М. Међународна научна конференција “100 лет тому назад: завершение первой мировой войны в старом свете”, Рјазань (Руска Федерација), 23–27. Мај 2018 // Војно-историјски гласник. 1/2018. — С. 287–288.

Сведения об авторе

Акульшин Петр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, заведующий кафедрой философии и истории Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова, председатель правления Рязанского исторического общества.

Сфера научных интересов: новая и новейшая история России, региональная история Центральной России.

Контактная информация: электронный адрес: stone2708@mail.ru

P. V. Akulshin

THE INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE

“A CENTURY AGO: THE END OF WORLD WAR I IN THE OLD WORLD”

The article summarizes the results of an international research conference held at Ryazan State University named for S. A. Yesenin on May 24–25, 2018. The conference, which was called “A Century Ago: the End of World War I in the Old World”, welcomed researchers from Belarus, Bulgaria, Hungary, Italy, Poland, Serbia, and Russia.

The article assesses the historiographical significance of the results of World War I in the context of scientific, social, and political problems of the modern world. The concept of the international research conference proposed by the Center for Historic-Humanitarian and Social-Economic Research at Ryazan State University named for S. A. Yesenin presupposed no division into Russia-related and world-related issues. This approach enabled researchers to focus on major issues of modern historiography such as the fate of European empires; the appearance of new sovereign states; economic, social, and humanitarian consequences of the war; leading ideologies; revolutions and civil wars in post-war Europe. The article analyzes the topics and content of presented reports and summarizes the results of discussions.

World War I; historic research; research conference; international research

REFERENCES

1. Akul'shin P. V. Ryazan Delegates of the State Duma and Political Processes in Moscow and Russian Provinces during World War I. *Pervaja mirovaja vojna i Gosudarstvennaja duma* [World War I and the State Duma]. Moscow, 2015, pp. 10–15. (In Russian).
2. Akul'shin P. V. World War I and the Transformation of Military Forces in Russia of the 20th Century. *Novejšaja istorija Rossii* [Modern Russian History]. 2014, no. 3, pp. 162–171. (In Russian).
3. Akul'shin P. V., Grebenkin I. N. Military History: Research Trends, Methods, and Problems. Bordjugov G. A. (ed.). *Istoricheskie issledovanija v Rossii. Pjatnadcat' let spustja* [Historical Research in Russia. Fifteen Years Later]. Moscow, Airo-XXI Publ., 2011, pp. 397–416. (In Russian).

4. Akul'shin P. V., Grebenkin I. N. History at the Faculty of History at Ryazan State University named for S. A. Yesenin. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija "Gumanitarnye nauki"* [Modern Research: Relevant Theoretical and Applied Issues. Humanitarian Research series]. 2015, no. 9–10, pp. 10–17. (In Russian).
5. Akul'shin P. V., Grebenkin I. N. "The Battle will be Severe. We have Never Had such a War": Reminiscences of a Ryazan Historian S. D. Yakhontov. *Istoricheskij arhiv* [Historic Archive]. 2014, no. 3, pp. 63–82. (In Russian).
6. Akul'shin P. V., Grebenkin I. N. The First Kuban ("Icy") Campaign of the Volunteer Army. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2006, no. 6, pp. 70–87. (In Russian).
7. Akul'shin P. V., Grebenkin I. N. "When our Country is in Danger, the End Justifies the Means": the Forgotten Prophecy of Prince Kochubey. *Rodina* [Motherland]. 2014, no 8, pp. 8–10. (In Russian).
8. Akul'shin P. V., Grebenkin I. N. Ryazan Citizens before the Civil War: G. K. Petrov and his Squad at the Kaledin Front (December 1917 – February 1918). *Materialy i issledovanija po rjazanskomu kraevedeniju* [Research Materials on Ryazan Local History]. Ryazan, Ryazan Institute of Education Development Publ., 2002, vol. 3, pp. 155–163. (In Russian).
9. Belova I. B., Grebenkin I. N. World War I: A Forgotten Tragedy. Bordjugov G. A. (ed.). *Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovanija v Rossii za poslednie 25 let* [Between Anniversaries. Historical Research in Russia in Recent 25 Years]. Moscow, Airo-XXI Publ., 2013, pp. 1063–1096. (In Russian).
10. Grebenkin I. N. "We Only Wished for Justice": Reminiscences of a Soldier of World War I. *Istoricheskij arhiv* [Historic Archive]. 2007, no. 4, pp. 45–69. (In Russian).
11. Grebenkin I. N. *Dobrovol'cy i Dobrovol'cheskaja armija: na Donu i v «Ledjanom» pohode* [Volunteers and the Volunteer Army: at the Danube and in during the "Icy" Campaign]. Ryazan, Ryazan Pedagogical University named for S. A. Yesenin Publ., 2005, 244 p. (In Russian).
12. Grebenkin I. N. *Dolg i vybor: russkij oficer v gody mirovoj vojny i revoljucii. 1914–1918 gg.* [Duty and Choice: Russian Officers during World War I and the Revolution. 1914–1918]. Moscow, Airo-XXI Publ. 2015, 528 p. (In Russian).
13. Grebenkin I. N. Degradation of the Russian Army in 1917: Factors and Actors of the Process. *Novejšaja istorija Rossii* [Modern Russian History]. 2014, no. 3, pp. 145–161. (In Russian).
14. Bordjugov G. A. (ed.). *Revoljucija-100: rekonstrukcija jubileja* [The Hundredth Anniversary of the Revolution: a Reconstruction]. Moscow, Airo-XXI Publ., 2017, 1088 p. (In Russian).
15. Shkundin G. D. International Research Conference Dedicated to the Centennial Anniversary of World War I. *Novaja i novejšaja istorija* [New and Modern History]. 2018, no. 6, pp. 207–208. (In Russian).
16. Igor Grebenkin, Pjotr Akulsin. Az I. világháború és Oroszország nemzeti érdekei. A pánszlávizmusról a proletár internacionalizmusig. *Világtörténet*, (37), 2015/3, pp. 409–419. (In Hungarian).
17. Milkij M. Međunarodna nauchna konferencija "100 let tomu nazad: zavershenie pervoj mirovoj vojny v starom svete", Rjazaň (Ruska Federacija), 23–27. Maj 2018. *Vojno-istorijski glasnik*. 1/2018. pp. 287–288. (In Serbian).

Information about the author

Akulshin Petr Vladimirovich — Doctor of History, Professor, Head of the Center for Historic-Humanitarian and Social-Economic Research at Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Head of the Department of Philosophy and History at Ryazan State Medical University named for Academician I. P. Pavlov, Chairman of Ryazan History Society.

Research interests: new and modern history of Russia, local history of Central Russia.

Contact information: e-mail: stone2708@mail.ru

Поступила в редакцию 25.05.2019

Received 25.05.2019

УДК 947.084.21

О. Р. Айрапетов

**ГЕНЕРАЛ М. В. АЛЕКСЕЕВ
МЕЖДУ А. Ф. КЕРЕНСКИМ И Л. Г. КОРНИЛОВЫМ
В СЕНТЯБРЕ 1917 ГОДА**

После провала выступления генерала Л. Г. Корнилова возникла весьма сложная ситуация, грозившая окончательным разгромом сторонников твердой дисциплины. В армии и флоте прошла волна убийств офицеров, сторонников Верховного главнокомандующего, настоящих и подозреваемых. Формально победивший А. Ф. Керенский фактически оказался в политической изоляции. Помощь, оказанная ему со стороны Советов во время «мятежа», на самом деле не усилила, а ослабила его. В это время он принял решение назначить начальником штаба Ставки генерала М. В. Алексева, имевшего значительный авторитет среди офицерского корпуса и генералитета. Тот согласился принять этот пост, надеясь спасти Л. Г. Корнилова и его ближайшее окружение от расправы. С одной стороны, Алексеву удалось спасти Могилев, где располагалась Ставка, от кровавых эксцессов, после чего он немедленно подал в отставку. С другой стороны, Керенскому удался его план — он воспользовался авторитетом Алексева и посеял рознь между ним и Корниловым, что сказалось в начале Гражданской войны на Юге России.

Русская армия; Российская революция; Временное правительство; Ставка Верховного главнокомандующего; выступление Л. Г. Корнилова

30 августа (12 сентября) 1917 года А. Ф. Керенский назначил себя Верховным главнокомандующим (Главкомверх), а генерала М. В. Алексева — начальником своего штаба¹. Вступая в должность, победитель явно надеялся выполнить хотя бы частично программу поверженного врага по восстановлению контроля над армией. Утром этого дня перспективы выступления Л. Г. Корнилова были уже более или менее ясны и поэтому в первом приказе нового Верховного главнокомандующего чувствовались нотки торжествующего победителя: «Вступая в верховное командование всеми вооруженными силами Государства Российского, я заявляю о своем полном доверии всем чинам армии и флота, генералам, адмиралам, офицерам, солдатам и матросам, вынесшим на своих плечах тяжкое испытание последних дней. Полугодовой опыт свободной жизни не мог не убедить каждого, что всякие крайние, неразумные требования, неисполнимые в данную минуту, откуда бы таковые требования ни исходили, приводят лишь к потрясениям государства. Пусть помнят же впредь, кто бы он ни был — генерал или солдат, что малейшее неподчинение власти будет впредь беспощадно караться. Довольно играть судьбой государства»².

Несмотря на эти словесные конструкции, положение все еще оставалось серьезным. В глазах значительной части армии Керенский оставался сомнительной фигурой. Да, он получил реальную поддержку со стороны набирающего силы левого лагеря, но она была оказана только в борьбе против Корнилова. Перспективы опоры на Советы в будущем становились для Керенского все более туманными. В то же время министр-председатель никак не мог рассчитывать на поддержку правых. Оставалось подтвердить свои

¹ См.: Второе прибавление к № 142 (188) Вестника Временного правительства. 31 авг. (11 сент.) 1917 г. С. 1.

² Вестник Временного правительства. 1917, 1 (14) сент. № 143 (189). С. 1 ; Армия и флот свободной России. 1917, 1 (14) сент. № 201. С. 1.

слова о сильной власти арестами, тем более что их требовали провести временные союзники правительства. Совет солдатских и рабочих депутатов города Луги вошел в контакт с казаками стоявшего здесь отряда и договорился об аресте генерала А. М. Крымова, как только будет получен приказ правительства. Вечером 30 августа (12 сентября) такой приказ был получен, и Крымов был арестован³.

Когда Керенский упрекнул арестованного Крымова в предательстве и обмане, тот ответил, что без всякого обмана хотел повесить большинство из столичных политиков. Керенский предложил Крымову написать эти слова, после чего Крымов ушел в кабинет и застрелился⁴. По свидетельству С. П. Мельгунова, когда Керенский начал кричать на него, угрожая сорвать эполеты, тот ответил премьеру: «Не ты, мальчишка, мне их дал, не ты и сорвешь»⁵. Врачам не удалось спасти генерала, вечером он скончался⁶. Существует и версия того, что Крымов был застрелен при этой встрече Б. В. Савинковым или адъютантом Керенского, после того как в горячке поднял на руководителя российской демократии руку⁷.

Сам Керенский, кстати, предпочитал придерживаться другой версии этой встречи. По его словам, генерал застрелился после того, как лидер российской демократии не подал ему руки. Эта картина, безусловно, выглядит благородно, а свидетельство убедительно уже потому, что мертвый Крымов не может его опровергнуть. Да и он вряд ли мог бы решиться на такое. «Пусть никто не подумает, — заявил после смерти Крымова Керенский, — что я перестал уважать его, отказывая ему в рукопожатии. О, совсем нет... Но я был официальнейшим лицом, в официальной обстановке, среди официальных лиц. Передо мной, министром-председателем и военным министром стоял генерал, государственный преступник, и я не мог и не имел права поступить иначе»⁸.

Победа Керенского была явной, но на свободе все еще оставался Корнилов и его сторонники в Ставке, которые еще были живы. Новый Главноверх не торопился отбыть в Могилев, чтобы испытать там убийственную силу своего отказа пожать руку государственным преступникам. Смысл назначения начальником Штаба Алексева объяснялся тем, что ему Керенский поручил провести арест мятежников. Предложение главы правительства вызвало у генерала, по словам Керенского, «вспышку эмоций»⁹, но в конечном итоге он согласился, получив от Временного правительства заверение, что жизни Корнилова и жизни его соратников ничего не угрожает. И Керенский, и Алексеев не доверяли друг другу.

В Могилеве тем временем вполне реально могло произойти кровопролитие.

С Западного фронта сюда прибыл 165-й пехотный Луцкий полк для расправы над «мятежниками», поддержать их готов был Георгиевский батальон. Корниловский и Текинский полки, наоборот, поклялись защищать Корнилова до последнего. Два эшелона «Дикой дивизии» были разоружены в Орше (однако у них оставалось холодное оружие) и отправлены в Быхов, но большая часть ее полков сохранила и огнестрельное оружие и также находилась в Быхове¹⁰. Предугадать их поведение в случае конфликта с Текинским полком было сложно. Части своего корпуса направил к Могилеву и генерал Й. Довбор-Мусницкий, издавший приказ о защите Ставки¹¹.

³ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. М. : РОССПЭН, 2001. С. 414.

⁴ Q. v.: Knox A. With the Russian army, 1914–1917. London, 1921. Vol. 2. P. 687.

⁵ Цит по: Берберова Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. Харьков : Калейдоскоп ; М. : Прогресс-традиция. 1997. С. 47.

⁶ См.: Врангель П. Н. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном / под ред. А. А. фон-Лампе. Франкфурт на Майне. 1969. Ч. 1. С. 47.

⁷ См.: Посевин С. Гибель империи. Северный фронт. Из дневника штабного офицера для поручений. Рига : Etica, 1932. С. 77–78.

⁸ Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 415.

⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары : пер. с англ. М. : Республика, 1993. С. 247.

¹⁰ См.: Авантюры Керенского и К°. Новороссийск : Вперед, 1919. С. 26 ; Буденный С. М. Пройденный путь. М. : Воениздат, 1959. С. 35.

¹¹ См.: Дашкевич. В. О польской вооруженной силе в России за время с 1 июня 1913 г. по 1 июня 1918 г. Историческая справка // Военно-исторический сборник Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М, 1920. Вып. 4. С. 174.

«Восстание закончилось неудачей, — вспоминал В. Б. Станкевич. — Но победители как бы стыдились своей победы. Лишь после долгих переговоров и уговоров удалось убедить Алексеева хоть для виду арестовать Корнилова, который был помещен в Быхов под охраной своих верных текинцев»¹². Именно нежелание допустить столкновения между русскими войсками заставило Алексеева принять пост начальника Штаба нового Главковерха — Керенского¹³.

31 августа (13 сентября) Алексеев, находясь в Витебске, связался по прямому проводу с Могилевом. Он разговаривал с генералом А. С. Лукомским, которому сообщил о характере своей миссии и добавил, что приедет, если должности будут сданы и сопротивления не будет оказано. Корнилов созвал совещание и предложил всем собравшимся высказаться. Алексеев тем временем ждал ответа у телеграфного аппарата Юза. На совещании было принято решение согласиться с предложением подчиниться, которое и было немедленно передано Алексееву¹⁴. 1 (14) сентября генерал прибыл в Могилев и приступил к исполнению своих обязанностей, известив об этом фронт¹⁵. Керенский отдал приказ отозвать направленные в Ставку «подразделения особого назначения»¹⁶.

Угроза столкновения, благодаря авторитету Алексеева именно среди частей, где дисциплина по-прежнему находилась на высоком уровне, резко ослабела, и Михаил Васильевич опять во имя лучших побуждений употребил свой авторитет, но в пользу сил разрушения. «...Решение генерала Алексеева принять должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, казалось, говорило, что не все потеряно, — вспоминал П. Н. Врангель об обстановке тех дней. — Если генерал Алексеев решил стать начальником штаба «главноверха из Хлестаковых» то, видимо, есть еще надежда на какой-то исход»¹⁷.

Тем временем Керенский пытался действовать для расширения числа своих сторонников левых сил. 1 (14) сентября для усиления своих позиций он провозгласил Россию республикой, сославшись на единодушную поддержку, которой у него, кстати, не было: «Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которая сказалась на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский и провозглашает Российскую республику»¹⁸.

Тем же постановлением, которым вводилось республиканское устройство (никак, кстати, не описанное), вся полнота власти в стране была передана Совету Пяти — 5 лицам из Временного правительства во главе с Керенским¹⁹. В него вошли министр иностранных дел М. И. Терещенко, военный министр генерал-майор А. И. Верховский, морской министр контр-адмирал Д. Н. Вердеревский и министр почт и телеграфов А. М. Никитин²⁰. Правительственная пресса восторженно писала о «старом солдате революции», максимально используя факт временного союза его с Алексеевым. «А. Ф. Керенский, — отмечал Б. Гуревич в статье «За работу», — как человек искренне любимый солдатами, вряд ли заменим на своем посту в данный момент. Его твердая поддержка поможет офицерскому составу и генералу Алексееву довести до желанного конца дело сближения солдата и офицера, дело взаимного доверия. И если эти два имени стоят рядом — имя

¹² Станкевич В. Б. Воспоминания, 1914–1919. Берлин, 1920. С. 247.

¹³ См.: Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов на Дону, 1919. С. 29.

¹⁴ См.: Воспоминания генерала А. С. Лукомского : период Европейской войны, начало разрухи в России, борьба с большевиками. Берлин : Отто Кирнер и Ко, 1922. Т. 1. С. 253–254.

¹⁵ См.: Армия и флот свободной России. 1917, 5 (18) сент. № 204. С. 1.

¹⁶ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 247.

¹⁷ Врангель П. Н. Воспоминания ... С. 46.

¹⁸ Русские официальные сообщения о войне // Морской сборник. 1917. № 10. С. 65.

¹⁹ См.: Вестник Временного правительства. 1917, 3 (16) сент. № 145 (191). С. 1.

²⁰ См.: Русские ведомости. 1917, 3 (16) сент. № 202. С. 4.

лучшего ученого работника, целые годы бывшего душой армии, и имя любимого солдатами их вождя — можно верить в победу над темными силами, ищущими мятежа и глупо чуждыми делу обороны»²¹.

Естественно, что никто уже не вспоминал, как, кем и при каких обстоятельствах «лучший ученый работник» и «душа армии» оказался отстраненным от командования ею. Ведь на него возлагались столь оптимистичные надежды! Первоначально все действительно обстояло неплохо. Однако уже 2 (15) сентября последовало сообщение об аресте Корнилова и о том, что его мятеж привел к результатам, обратным планируемым²². Впрочем, арест тоже явно шел не так, как хотелось бы Керенскому. Фактически это была передача командования, при которой проигравшая сторона вела себя достаточно твердо. В момент ареста Корнилова текинцы чуть было не оказали вооруженного сопротивления и подчинились только его личному указанию. При самом аресте и после него все внутренние посты в здании, где находился Корнилов, были заняты солдатами этого полка. У дверей генерала днем и ночью дежурили два текинец с обнаженными клычками²³.

Л. Г. Корнилов прочитал М. В. Алексееву телеграмму на имя главы правительства, текст которой был подготовлен А. С. Лукомским: «Если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка, и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то ген. Корнилов немедленно примет со своей стороны все меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним. Генерал Корнилов еще раз заявляет, что лично для себя ничего не искал и не ищет, а добивается лишь установления в стране могучей власти, способной вывести свободную Россию и армию из того позора, в который они ввергнуты нынешним правительством. Никаких контрреволюционных замыслов ни генерал Корнилов, ни другие не питали и не питают. Генерал Корнилов требует, чтобы правительство немедленно прекратило дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, порочащих его, Корнилова, еще не сдавшего верховного командования, и вносящих смуту в стране и войсках. Со своей стороны генерал Корнилов обязуется не выпускать приказов к войскам и воззвания к народу, кроме уже выпущенных»²⁴.

Телеграмма была уже отправлена Керенскому, в текст которой были добавлены требования прекратить преследования генералов и офицеров, в том числе немедленно прекратить предание суду А. И. Деникина и его подчиненных, прислать в Ставку М. В. Алексеева. Сам тон этих условий и требований, которые не могли исходить от побежденного, не могли не задеть Керенского²⁵. Что касается Михаила Васильевича, то он явно не увидел здесь ничего противоречащего его собственным взглядам. «Я заинтересован только в том сейчас, — заявил он, — чтобы отданы были распоряжения выполнять ваши оперативные указания и приказы по управлению войсками. Мольба о сильной крепкой власти, думаю, есть общая мольба всех любящих родину и ясно отдающих себе отчет в истинном ее положении. Поэтому вы можете быть убеждены в самой горячей поддержке вашего призыва, но каков будет результат — пока сказать не могу»²⁶. Это не был разговор арестованного с конвоиром. Более того, Алексеев просил Корнилова сохранить в руках управление войсками, и тот согласился²⁷. Впрочем, действовать согласно этому соглашению было уже невозможно.

Требования Корнилова не были выполнены. В Орше начал собираться отряд, для того чтобы далее двинуться на Могилев и произвести аресты Корнилова и его окружения. В Могилев готовился выехать из Москвы вместе с «крупным вооруженным отрядом» и командующий войсками Московского военного округа (с 12 сентября — новый воен-

²¹ Армия и флот свободной России. 1917, 2 (15) сент. № 202. С. 1.

²² См.: Русские ведомости. 1917, 2 (15) сент. № 201. С. 1.

²³ См.: Авантюры Керенского и К°. С. 26.

²⁴ Новое время. 1917, 9 (22) сент. № 14867. С. 1.

²⁵ См.: Миллюков П. Н. История второй русской революции. С. 427.

²⁶ Новое время. 1917, 9 (22) сент. № 14867. С. 1.

²⁷ См. там же.

ный министр и член Директории) генерал А. И. Верховский. Он также собирался произвести аресты «заговорщиков», жизни которых оказались под серьезной угрозой²⁸. В Москве готовились к отправке эшелона пехоты, артиллерии и броневиков, которую Верховский отменил только после того как получил известие из Ставки о проведенных арестах Алексеевым²⁹.

В ночь на 3 (16) сентября Корнилов сдал командование Алексееву и переехал из губернаторского дворца в гостиницу «Метрополь». За ним последовали начальник штаба Ставки генерал А. С. Лукомский, генерал-квартирмейстер И. П. Романовский, полковники В. М. Пронин, С. Н. Ряснянский, К. В. Сахаров, В. Е. Роженко, И. Г. Соотс, члены Государственной думы Л. Н. Новосильцев и А. Ф. Аладьин и весь Главный комитет Союза офицеров — всего до 35 человек. Формально они были арестованы и находились под охраной текинцев и корниловцев³⁰. В Могилеве располагался и пробольшевицки настроенный Георгиевский батальон, отношения между ним, текинцами и корниловцами колебались на грани открытого столкновения³¹. Алексеев крайне лаконично известил Керенского: «Около 10-ти часов вечера генерал Корнилов и т. д. арестованы»³². Это дало возможность Керенскому заявить о том, что гарнизон Могилева полностью подчиняется власти правительства. В тот же день в 23.00 в Могилев выехала следственная комиссия³³.

Положение нового Главковерха в этот момент было незавидным. Провозглашение республики и введение Директории не прибавило ему авторитета ни в своей стране, ни за рубежом³⁴. Правительство практически не контролировало ни флот, ни армию и являлось правительством только по названию.

Формально в ходе борьбы с Корниловым Советы призывали к единству и выдержанности. В призыве ЦИК особо отмечалось: «В восстании против революции принимает участие ничтожная кучка предателей. Никакие самосуды над офицерами не должны иметь место»³⁵. После победы говорили уже не о сдержанности, а о бдительности, лучшей формой которой становился самосуд. Повсюду возникали комитеты защиты революции, которые начинали прямую охоту за подозрительными лицами. Объявленный Керенским мятежником генерал А. М. Каледин чудом избежал расправы, организованной Донским областным военным комитетом. Основанием послужила якобы отправленная им телеграмма об отделении Дона от России. Этого, что потом были вынуждены признать представители правительства, оказалось достаточно, чтобы натравить массы на политического противника³⁶.

Далеко не всем повезло так, как Каледину. Всей России было известно о новых массовых избиениях офицеров и генералов. Так, в Выборге были зверски убиты командир 42-го армейского корпуса генерал В. А. Орановский и несколько десятков офицеров³⁷, фактически одним ударом всего за один день штаб корпуса был уничтожен³⁸. Всего, по официальным данным, в Выборге погибли 42 и пропали без вести (!) 60 офицеров. Известия о революционных самосудах широко распространялись в газетах³⁹. Правительство

²⁸ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 428.

²⁹ См.: Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. С. 339.

³⁰ См.: Бубнов А. Д. В царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 354; Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов (Биографический очерк) // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград: Славянское изд-во, 1921. Кн. 1. С. 30.

³¹ См.: Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. С. 21.

³² Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 430.

³³ См.: Вестник Временного правительства. 1917, 2 (15) сент. № 144 (190). С. 2.

³⁴ См.: Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. С. 142.

³⁵ Армия и флот свободной России. 1917, 30 авг. (12 сент.). № 200. С. 1.

³⁶ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. С. 418–422.

³⁷ См.: Дрейер В. Н. фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 110–111.

³⁸ См.: Армия и флот свободной России. 1917, 2 (15) сент. № 202. С. 4.

³⁹ См.: Русские ведомости. 1917, 5 (18) сент. № 203. С. 4; Армия и флот свободной России. 1917, 8 (21) сент. № 202. С. 3; Новое время. 1917, 9 (22) сент. № 14867. С. 1.

не нашло сначала ничего лучшего, как высказать свое недоумение — ведь эти офицеры поддержали его во время «мятежа»⁴⁰. К сожалению, случаи, подобные выборгскому, не были исключением. Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов издал воззвание к солдатам: «Солдаты Российской Революции. Сдержите свой гнев. Не надо расправ и самосудов над офицерами. Среди них огромное большинство наши товарищи по оружию»⁴¹.

Во флоте положение было гораздо более тяжелым. Он давно уже превратился в вольницу, не подчинявшуюся Временному правительству. Собрание судовых комитетов и ЦК Балтийского флота 7 (20) июля приняли резолюцию о признании только той власти, которая будет «выдвинута из состава» Всероссийского исполкома Советов⁴². Одним из центров большевистского влияния на Балтике был дредноут «Петропавловск». Еще в июле 1917 года его представитель — Семен Вольный — открыто заявлял в газете «Волна»: «Мы ни от чего не отказываемся. На наш могучий дредноут затыкали все наступленческие шавки и зарычали все овчарки, охраняющие несгораемые шкапы господ буржуев... Да, «Петропавловск» требовал наступления не на немцев, а на буржуазию и не суда и казни для солдат, а земли и воли народу. Как же не твять и не рычать псам облезлым»⁴³.

В сентябре у «вольных» появилась очередная возможность открыто свести счеты с классовыми врагами. Теперь это было можно. Уже в ходе борьбы с Корниловым ЦК Балтфлота заявил решительный протест против тех, кто распространял слухи о нежелании флота сражаться и потребовал «народного суда» над клеветниками⁴⁴. Время этого суда настало после победы над «мятежом». На Балтике Советы потребовали от всех офицеров подписок в верности, отказавшихся — изгоняли⁴⁵. Такое решение Центробалт принял 30 августа (12 сентября) и уже 1 (14) сентября его жертвами стали 1 лейтенант и 3 мичмана с «Петропавловска»⁴⁶. Их арестовали, вывезли на берег в Гельсингфорс и там расстреляли на глазах у гуляющей публики⁴⁷. Перед убийством 4 офицеров еще долго и зверски мучили⁴⁸.

«Результаты Корниловского выступления показали, — вспоминал В. Чернов, — что в стране тогда дул такой могучий стихийный ветер в левую сторону, что он буквально сметал все, что пыталось ему сопротивляться»⁴⁹. Эсеры еще надеялись поймать этот ветер в свои паруса, поэтому не протестовали против чисток армии и флота. Однако Керенский распорядился немедленно прекратить самосуды и расправы над офицерами⁵⁰. 3 (16) сентября он дал телеграмму в Гельсингфорс: «Требую немедленного прекращения отвратительных насилий, чинимых позабывшими свой долг и совесть командами, прикрывающими свои преступления спасением родины и свободы, а в действительности вносящими полный развал в боевую готовность флота перед лицом врага и поэтому являющимися изменниками родины. Позорные контрреволюционные действия убийц и насильников лягут несмываемым пятном на все команды Балтийского флота. Жду немедленных донесений о восстановлении порядка»⁵¹.

Заняться наведением порядка в войсках должен был член Совета Пяти, только что назначенный на пост военного министра А. И. Верховский. Убежденный противник Корнилова и недоброжелатель Алексева, он все еще мечтал построить армию «на верном

⁴⁰ См.: Армия и флот свободной России. 1917, 2 (15) сент. № 202. С. 4.

⁴¹ Там же. 3 (16) сент. № 203. С. 3.

⁴² См.: Волна / орган Гельсингфорского комитета РСДРП. 1917, 7 (20) июля. № 80. С. 1.

⁴³ Вишневецкий Вс. В. От 1917 к 1932 и дальше (из воспоминаний и наблюдений) // Морской сборник. 1932. № 11. С. 59.

⁴⁴ См.: Армия и флот свободной России. 1917, 30 авг. (12 сент.). № 200. С. 1.

⁴⁵ См.: Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк : Амер. о-во для изучения рус. морской истории, 1961. С. 119.

⁴⁶ См.: Армия и флот свободной России. 1917, 5 (18) сент. № 204. С. 5.

⁴⁷ См.: Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера ... С. 119.

⁴⁸ См.: Русские ведомости. 1917, 5 (18) сент. № 203. С. 4.

⁴⁹ Чернов В. М. «Подполье» и «надполье» в подготовке корниловского движения (по поводу «Очерков русской смуты» ген. Деникина) // Воля России. Прага, 1923. № 4. С. 40.

⁵⁰ См.: Русские ведомости. 1917, 5 (18) сент. № 203. С. 4.

⁵¹ Армия и флот свободной России. 1917, 5 (18) сент. № 204. С. 1.

сочетании принципов дисциплины и самодеятельности»⁵². Сдав Московский военный округ полковнику К. И. Рябцеву, 3 (16) сентября он прибыл в Петроград. По приезду Верховский немедленно заявил о масштабных реформах в армии, план которых готов, но по соображениям секретности пока еще не может быть озвучен. Ясно было одно, а именно то, к чему собирались прийти в финале: «Мы должны создать армию, создать войско так, как оно сконструировано у всех народов, во всех странах и как это делалось испокон веков. Правительство находит необходимым организовать корпус офицеров, который пользовался бы всем авторитетом, который мог бы фактически командовать»⁵³. Министр успокоил сограждан и особенно жителей Петрограда: Россия войны не проиграет, угрозы германского наступления нет⁵⁴.

Появление нового реформатора в лице Верховского было, конечно, очередным фарсом Керенского, явно повторявшего в случае с Алексеевым прием, разыгранный им с «мятежным» Главнокомандующим. Продолжая ротацию высшего командования, Керенский чувствовал себя более уверенно. В конце концов, он нашел человека, который мог вызвать у него доверие. Верховский сочувствовал эсерам чуть ли не с 1905 года, кроме того, он был амбициозен, а благодаря революции проделал в кратчайший срок почти головокружительную карьеру. Встретив 1917-й год на посту начальника штаба формирующейся дивизии в Севастополе, он уже в сентябре стал военным министром и членом Совета Пяти. «Пентарх» был вполне готов говорить то, что хотело услышать большинство социалистов-демократов.

А. Ф. Керенский в свою очередь ждал от Верховского немедленных действий, рекомендуя новому военному министру для восстановления порядка опираться на авторитет Временного правительства. «Я ничего не имел бы против, — записал в дневнике 4 (17) сентября Верховский, — но дело в том, что теперь в сентябре месяце влияние Временного правительства, особенно в солдатских массах, ничтожно и, опираясь на него, ничего сделать нельзя... Здесь же (в Петрограде. — *А. О.*) нет возможности что-либо сделать с выборгскими убийцами. Нет ни одной части, которую можно было бы послать, без уверенности, что она перейдет на сторону убийц»⁵⁵.

Войсками распоряжались Советы и полковые комитеты, на которых Керенский пытался повлиять красотой своего необычного слога. 4 (17) сентября он обратился к ним со словами благодарности за все то, что они сделали для защиты революции, убеждая их, что волноваться уже не из-за чего, так как основные участники и организаторы мятежа арестованы. «Свидетельствуя от имени всей нации о чрезвычайных заслугах этих комитетов, Временное правительство приглашает ныне всех граждан вернуться к обычным условиям жизни, с восстановлением законного порядка деятельности каждого органа власти. Привлечение к законной ответственности всех виновников и соучастников преступного мятежа возложено на всем пространстве Российской Республики на компетентные органы судебной власти, к которым и надлежит направлять все возникшие и могут возникнуть дела, связанные с мятежом. Самочинных же действий в дальнейшем быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться, как с действиями самоуправными и вредными Республике»⁵⁶.

Похоже, глава правительства действительно верил в реальность словесных миражей. «Керенский и группа людей около него, — отметил в своем дневнике 5 (18) сентября Верховский, — не отвечают сейчас требованию обстановки. В то время как массы уходят влево под влиянием разрастающейся разрухи и анархии, интеллигенция и имущие классы резко уходят вправо, теряя веру в народ»⁵⁷. Разнонаправленность движения идей была очевидной, не менее очевидным было и то, на чьей стороне в тот момент окажется победа.

⁵² Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918. С. 113.

⁵³ Армия и флот свободной России. 1917, 5 (18) сент. № 204. С. 5.

⁵⁴ См. там же.

⁵⁵ Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 118.

⁵⁶ Армия и флот свободной России. 1917, 5 (18) сент. № 204. С. 5.

⁵⁷ Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 119.

Арестованный бывший Главковерх тем временем находился в Могилеве, где пользовался безусловно большей поддержкой, чем Керенский. Явиться в Могилев Керенский, «человек искренне любимый солдатскими массами», решился только после ареста Корнилова. Сопровождаемый адмиралом Вердеревским и генералом Верховским, он выехал в Ставку в ночь на 5 (18) сентября⁵⁸, имея уже готовый план новых чисток и перемещений, в частности на пост начальника штаба Ставки планировалось назначить генерала Н. Н. Духонина⁵⁹. Прибыв в Могилев, «солдат революции» продолжал делать звонкие заявления. Так, 7 (20) сентября на смотре гусарского полка Керенский заявил: «Подчиняйтесь единой воле Верховного главнокомандующего. За всю армию я беру ответственность на себя и верю, что вы оправдаете задачу, возложенную на армию», Гусары кричали «Ура!»⁶⁰. Вождь молодой российской демократии мог быть доволен, но одно обстоятельство явно мешало его счастью — близость недобитого противника.

Окно гостиничного номера Корнилова на третьем этаже выходило на Днепровский проспект. Почти каждый день, по свидетельству очевидца, можно было наблюдать следующую картину: «Корниловский ударный полк, прибывший 25 августа в Ставку, проходил церемониальным маршем, взяв винтовки «на руку», мимо гостиницы: офицеры салютовали ген. Корнилову, стоявшему и смотревшему на своих «корниловцев» из окна... Атмосфера в городе в эти дни была крайне напряженной»⁶¹. Этот полк был сформирован исключительно из добровольцев Юго-Западного фронта и числился в составе 8-й армии, когда ею командовал Корнилов. Верность полка и его командира капитана Генерального штаба М. О. Неженцева Корнилову была абсолютной⁶².

М. В. Алексеев явно не устраивал уже не только Керенского, но и Верховского, который так же рвался в Наполеоны и так же считал, что старый генерал не понимает «психологии современного войска». Алексеев знал, что все его попытки исправить ситуацию блокируются комиссарами Временного правительства, в то время как Керенский, по его словам, «рассыпается в любезностях по телеграфу и перлюстрирует мою корреспонденцию»⁶³. Он писал Каледину о том, что Керенский ему лжет, сообщая о скором помиловании Корнилова: «Все это ложь и ложь, Керенский не подымал даже этого вопроса»⁶⁴.

8 (21) сентября было принято следующее решение: «По распоряжению Верховного главнокомандующего Корниловский ударный полк выведен из Могилева. Чины его демонстративно высказывают симпатии Корнилову, чем возбуждают чинов Георгиевского батальона, верных правительству»⁶⁵. Полк отправили назад на Юго-Западный фронт⁶⁶. К 15 (28) сентября он был побатальонно выведен на фронт⁶⁷. Его сменил 4-й Сибирский казачий полк, представитель которого в первый же день по прибытии в Могилев заявил, «что казаки всегда идут рука об руку с демократией и отстают революцию и ее завоевания»⁶⁸.

9 (22) сентября правительство обратилось с призывом к армии, разъясняя свою политику в отношении командного состава. Большая часть офицеров была объявлена абсолютно невиновной в участии в заговоре и полностью лояльной законным властям. Все это делалось с одной целью — остановить террор в отношении офицеров. Виновные в нем, «все те, кто ведет проповедь дальнейшего углубления недоверия ко всему командному составу, разрушают нашу боевую мощь и являются преступниками против Республики, как подрывающие ту незыблемую основу, которая одна может теперь спасти Рос-

⁵⁸ См.: Армия и флот свободной России. 1917, 5 (18) сент. № 204. С. 6.

⁵⁹ См.: Милоков П. Н. История второй русской революции. С. 431.

⁶⁰ Армия и флот свободной России. 1917, 10 (23) сент. № 208. С. 1.

⁶¹ Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Кн. 1. С. 21.

⁶² См.: Воспоминания генерала А. С. Лукомского. С. 259.

⁶³ Никонов В. А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М.: Эксмо, 2017. С. 781.

⁶⁴ Там же. С. 782.

⁶⁵ Армия и флот свободной России. 1917, 8(21) сент. № 207. С. 1.

⁶⁶ См.: Воспоминания генерала А. С. Лукомского. С. 259.

⁶⁷ См.: Новое время. 1917, 16 (29) сент. № 14873. С. 3.

⁶⁸ Там же. 20 сент. (3 окт.). № 14876. С. 1.

сию»⁶⁹. Правительство заявляло, что в отношении руководства армии, виновного в поддержке Корнилова, принимались меры, высший командный состав подвергался чистке, сменялся гарнизон Могилева, откуда уже начался вывод недостаточно верных частей и т. п. И конечно, оно грозило слушникам: «Лица, без суда смертью казнившие своих офицеров по одному лишь подозрению в мятежных замыслах, частью уже схвачены, частью будут схвачены и преданы суду. Они воскресили старый режим произвола и беспорядка, для свержения которого делалась революция»⁷⁰.

Вряд ли можно было найти много людей среди генералитета, которые с уверенностью могли бы сказать в это время, во имя чего же на самом деле делалась эта революция, но все должны были помнить, что старый режим не организовывал событий, подобных Выборгским. Слова об арестах виновных в расправах также были ложью. На предложение Керенского принять пост Верховного главнокомандующего Алексеев ответил отказом⁷¹. Генерал сделал все от него зависевшее для спасения жизни А. И. Деникина, который был изолирован в штабе Юго-Западного фронта в Бердичеве, где ему грозил смертный приговор фронтового суда, возглавляемого комиссаром Н. И. Иорданским. Алексеев настоял на переводе Деникина в Быхов и передаче дела в обычное следствие и суд. Кроме Деникина, сюда были доставлены начальник штаба Юго-Западного фронта генерал С. Л. Марков, генералы И. Г. Эрдели, Е. Ф. Эльснер и ряд других активных участников выступления. Сразу же после этого Алексеев немедленно сдал должность⁷². Генерал подал в отставку без объявления мотивов. Это устраивало нового Верховного. Он довольно цинично признался: «Как бы то ни было, задачу, возложенную на него по ликвидации Ставки, генерал Алексеев выполнил. Длительное сотрудничество для нас обоих было невозможно»⁷³.

9 (22) сентября Керенский подписал приказ об освобождении генерала М. В. Алексева от обязанностей по его собственной просьбе⁷⁴. «Уступая желанию генерала Алексева, я просил Временное правительство об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и о назначении его в распоряжение Временного правительства, дабы опыт в военных делах и его знания могли быть использованы впредь на благо Родины»⁷⁵. 11 (24) сентября Алексеев в беседе с журналистом «Русских ведомостей» сообщил о своем уходе и вызвавших его причинах: выполнив свой «долг солдата и гражданина», он больше не хотел оставаться на этом посту. Он призывал не рассматривать выступление Корнилова «только как мятеж властолюбивого генерала, преследующего личные цели», и снова повторял, что стране необходима сильная власть, без которой окончательно погибнет и армия, и Россия, и никакая работа не будет возможна⁷⁶.

На самом деле старая Россия в тех формах, к которым привык старший генералитет, уже погибла, и той, которой ей только суждено будет стать, решит Гражданская война. Керенский мог быть доволен: последствия его интриг сказывались еще при ее начале. Жизнь доказала простую истину: любой контакт с властолюбивым демагогом, который строил свою политику на интригах, контрпродуктивен. «Паяц власти», перед тем как навсегда исчезнуть с политического поля России, посеял рознь среди лидеров армии. Генерал Алексеев хотел спасти от расправы своих товарищей по оружию. Желание помочь Корнилову привело его к соглашению с интриганом Керенским и сказало даже на первых этапах Гражданской войны на Юге России.

⁶⁹ Вестник Временного правительства. 1917, 10 (23) сент. № 150 (196). С. 1.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Q. v.: Polovtsoff P. A. Glory and downfall. Reminiscences of a Russian General Staff officer. London, 1935. P. 305.

⁷² См.: Кирилин Ф. Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. Ростов н/Д, 1919. С. 14; Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. С. 22; Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-Пресс, 2003. Т. 1. С. 566.

⁷³ См.: Миллюков П. Н. История второй русской революции. С. 431.

⁷⁴ См.: Новое время. 1917, 12 (25) сент. № 14869. С. 2.

⁷⁵ Армия и флот свободной России. 1917, 12 (25) сент. № 209. С. 1.

⁷⁶ См.: Русские ведомости. 1917, 13 (26) сент. № 209. С. 3.

После случившегося Алексеев и Корнилов относились друг к другу враждебно. С самой первой их встречи в Новочеркасске в декабре 1917 года стало ясно, что генералы относятся друг к другу с явным недоверием и совместная их работа будет весьма сложной. 18 (31) декабря на совещании с представителями от Московского «Правого центра» — подпольной организации, в состав которой входили по три представителя от кадетской партии, Торгово-промышленного союза и Совета общественных деятелей, — М. М. Федоровым, кн. Г. Н. Трубецким, П. Б. Струве и А. С. Хрипуновым, эти противоречия стали очевидны для всех. Корнилов требовал единоначалия и в случае отказа подчинить себе армию грозил уехать в Сибирь. С огромным трудом участникам совещания удалось примирить двух бывших верховных главнокомандующих⁷⁷.

Корнилов не мог простить Михаилу Васильевичу его поведения во время своего «мятежа», а Алексеев считал Лавра Георгиевича человеком, не годившимся «на первые роли». Быстро рос штаб армии, составивший около 150 человек. В какой-то момент Корнилов даже собирался уехать в Ростов на-Дону один, но все же в последний момент кризис был преодолен, и штаб выехал в Ростов нерасчлененным. Все это никак не соответствовало ни задачам, которые ставило перед собой Белое движение Юга России, ни его положению⁷⁸.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Авантюры Керенского и К°. — Новороссийск : Вперед, 1919. — 30 с.
2. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. — М. : Прогресс-традиция ; Харьков : Калейдоскоп, 1997. — 400 с.
3. Бубнов А. Д. В царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. — Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. — 405 с.
4. Буденный С. М. Пройденный путь. — М. : Воениздат, 1958. — 448 с.
5. Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). — Пг., 1918. — 140 с.
6. Верховский А. И. На трудном перевале. — М. : Воениздат, 1959. — 448 с.
7. Вишневский Вс. В. От 1917 к 1932 и дальше (Из воспоминаний и наблюдений) // Морской сборник. — 1932. — № 11.
8. Врангель П. Н. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном / под ред. А. А. фон-Лампе. — Франкфурт на Майне : Посев, 1969. — Ч. 1. — 312 с.
9. Дашкевич В. О польской вооруженной силе в России за время с 1 июня 1913 г. по 1 июня 1918 г. Историческая справка // Военно-исторический сборник. Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. — М., 1920. — Вып. 4.
10. Деникин А. И. Очерки русской смуты : в 3 т. — Т. 1. — М. : Айрис-Пресс, 2003. — 590 с.
11. Дрейер В. Н. фон. На закате империи. — Мадрид, 1965. — 232 с.
12. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары : пер. с англ. — М. : Республика, 1993. — 384 с.
13. Кирилин Ф. Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. — Ростов н/Д, 1919. — 24 с.
14. Воспоминания генерала А. С. Лукомского : период Европейской войны, начало разрухи в России, борьба с большевиками. — Берлин : Отто Кирнер и Ко, 1922. — Т. 1. — 300 с.
15. Милуков П. Н. История второй русской революции. — М. : РОССПЭН, 2001. — 767 с.
16. Набоков К. Д. Испытания дипломата. — Стокгольм : Северные огни, 1921. — 282 с.
17. Никонов В. А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. — М. : Эксмо, 2017. — 1184 с.
18. Посевин С. Гибель империи. Северный фронт. Из дневника штабного офицера для поручений. — Рига : Etica, 1932. — 234 с.
19. Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. — Ростов на Дону, 1919.

⁷⁷ См.: Деникин А. И. Очерк русской смуты. Т. 2. С. 190–192, 441–442.

⁷⁸ См.: Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. Монреаль : Русь, 1981. С. 30–33, 35, 40.

20. Пронин В. М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов (биографический очерк) // Военный сборник о-ва ревнителей военных знаний. — Белград : Славянское изд-во, 1921. — Кн. 1.
21. Станкевич В. Б. Воспоминания 1914–1919. — Берлин : И. П. Ладыхников, 1920. — 356 с.
22. Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). — Нью-Йорк : Амер. о-во для изучения русской морской истории, 1961. — 172 с.
23. Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. — Монреаль : Русь, 1981. — 263 с.
24. Чернов В. [М.] «Подполье» и «надполье» в подготовке корниловского движения (по поводу «Очерков русской смуты» ген. Деникина) // Воля России. — Прага, 1923. — № 4.
25. Кнох А. With the Russian army, 1914–1917. — London : Arno Press, 1921. — Vol. 2. — 752 p.
26. Polovtsoff P. A. Glory and downfall. Reminiscences of a Russian General Staff officer. — London : Bell and sons, 1935.

Сведения об авторе

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX — начала XX века, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: история внешней политики России, Россия в Первой мировой войне.

Контактная информация: электронный адрес: oleg_airapetov@list.ru

O. R. Ayrapetov

GENERAL M. V. ALEKSEEV:

BETWEEN A. F. KERENSKY AND L. G. KORNILOV IN SEPTEMBER 1917

An unsuccessful coup attempt led by the Russian Supreme Commander-in-Chief General L. G. Kornilov resulted in a predicament for his supporters. Many navy officers and army officers showing loyalty to the Commander-in-Chief or even suspected of being loyal to him were assassinated. A. F. Kerensky, though formally triumphant, found himself in political isolation. Having accepted Soviet assistance, A. F. Kerensky rendered himself weaker. He decided to appoint General M. V. Alekseev, who was really popular among officers, Chief of Staff of the General Headquarters. M. V. Alekseev accepted the post hoping to save L. G. Kornilov and his retinue. On one hand, Alekseev managed to prevent massacre in the town of Mogilev where the General Headquarters was situated. But on the other hand, A. F. Kerensky took advantage of M. V. Alekseev's popularity and managed to provoke hostility between M. V. Alekseev and L. G. Kornilov, which affected the situation in the beginning of the Civil War in the south of Russia.

Russian army; Russian Revolution, Russian Provisional Government; High Command General Headquarters; Kornilov affair

REFERENCES

1. *Avantjyry Kerenskogo i Ko* [Kerensky's Venture]. Novorossiysk, Forward Publ., 1919, 30 p. (in Russian).
2. Berberova N. *Ljudi i lozhi. Russkie masony XX stoletija* [People and Lodges. Russian Freemasonry in the 20th Century]. Moscow, Progress-Tradition Publ., Kharkov, Kaleidoscope Publ., 1997, 400 p. (in Russian).
3. Bubnov A. D. *V carskoj Stavke. Vospominanija admirala Bubnova* [High Command General Headquarters. Memoirs of Admiral Bubnov]. New York, Chekhov Publ., 1955, 405 p. (in Russian).

4. Budennyj S. M. *Projdenyj put'* [Travelled Path]. Moscow, Voenizdat Publ., 1958, 448 p. (in Russian).
5. Verhovskij A. I. *Rossija na Golgofo (iz pohodnogo dnevnika 1914–1918 g.)* [Russia on its Way to Calvary (Reading a 1914–1918 Itinerary)]. Petrograd (St. Petersburg), 1918, 140 p. (in Russian).
6. Verhovskij A. I. *Na trudnom perevale* [Surmounting an Arduous Pass]. Moscow, Voenizdat Publ., 1959, 448 p. (In Russian).
7. Vishnevskij Vs. V. From 1917 to 1932 and on (Reminiscences and Observations). *Morskoj sbornik* [Naval Collection]. 1932, no. 11. (In Russian).
8. Wrangel P. N. *Vospominanija generala barona P. N. Vrangelja. Materialy, sobrannye i razrabotannye baronom P. N. Vrangelem, gercogom G. N. Lejhtenbergskim i sveitl. Knjazem A. P. Livenom* [Memoirs of General Baron P. N. Wrangel. Materials Collected and Processed by Baron P. N. Wrangel, Duke G. N. Leichtenberg, and Prince A. P. Liven]. A. A. von Lampe (ed.). Frankfurt am Main, Seeding Publ., 1969, part 1, 312 p. (In Russian).
9. Dashkevich V. Polish Military Forces in Russia (June 1, 1913, to June 1, 1918). Historical References. *Voенно-istoricheskij sbornik. Trudy komissii po issledovaniju i ispol'zovaniju opyta vojny 1914–1918 gg* [Military-Historical Collection. Committee on Research and Application of Military Experience (1914–1918)]. Moscow, 1920, iss. 4. (In Russian).
10. Denikin A. I. *Oчерки русской смуты. V 3 t.* [Essays on the Russian Time of Troubles. In 3 vols.]. Moscow, Ayris-Press Publ., 2003, vol. 1, 590 p. (In Russian).
11. Drejer V. N. fon. *Na zakate imperii* [The End of the Empire]. Madrid, 1965, 232 p. (In Russian).
12. Kerensky A. F. *Rossija na istoricheskom povorote: memuary* [Russia and History's Turning Point. Memoirs]. Moscow, Republic Publ., 1993, 384 p. (transl. from English).
13. Kirilin F. *Osnovatel' i verhovnyj rukovoditel' Dobrovol'cheskoj armii general M. V. Alekseev* [General M. V. Alekseev, the Founder and Supreme Leader of the Volunteer Army]. Rostov-on-Don, 1919, 24 p. (In Russian).
14. *Vospominanija generala A. S. Lukomskogo: period Evropejskoj vojny, nachalo razruhi v Rossii, bor'ba s bol'shevikami* [Memoirs of General A. S. Lukomsky: European War, Chaos, Anti-Bolshevik Campaign]. Berlin, Otto Kerner and Co Publ., 1922, vol. 1, 300 p. (In Russian).
15. Miljukov P. N. *Istorija vtoroj russkoj revoljucii* [History of the Second Russian Revolution]. Moscow, Rosspen Publ., 2001, 767 p. (In Russian).
16. Nabokov K. D. *Ispytanija diplomata* [A Test for a Diplomat]. Stockholm, Northern Lights Publ., 1921, 282 p. (In Russian).
17. Nikonov V. A. *Oktjabr' 1917. Kto byl nichem, tot stanet vsem* [October 1917. From Nobody to Somebody]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 1184 p. (In Russian).
18. Posevin S. *Gibel' imperii. Severnyj fronta. Iz dnevnika shtabnogo oficera dlja poruchenij* [The End of the Empire. Northern Front. Reminiscences of a Staff Officer]. Riga, Etica Publ., 1932, 234 p. (In Russian).
19. Pronin V. M. *General Lavr Georgievich Kornilov* [General Lavr Georgiyevich Kornilov]. Rostov-on-Don, 1919. (In Russian).
20. Pronin V. M. General Lavr Georgiyevich Kornilov (a biography). *Voennyj sbornik Obshhestva revnitelej voennyh znaniy* [Military Collection of Military Knowledge Society]. Belgrade, Slavic Publ., 1921, b. 1. (In Russian).
21. Stankevich V. B. *Vospominanija 1914–1919* [Memoirs: 1914–1919]. Berlin, I. P. Ladyzhnikov Publ., 1920, 356 p. (In Russian).
22. Timirev S. N. *Vospominanija morskogo oficera: Baltijskij flot vo vremja vojny i revoljucii (1914–1918 gg.)* [Memoirs of a Navy Officer: Baltic Navy during the War and Revolution (1914–1918)]. New York, American Society for Investigating Russian Naval History Publ., 1961, 172 p. (In Russian).
23. Trubeckoj G. N. *Gody smut i nadezhd* [Years of Trouble and Hope]. Montreal, Russ Publ., 1981, 263 p. (In Russian).
24. Chernov V. M. The Underground and Aboveground Organizations and their Role in the Kornilov Campaign (on General Denikin's Essays on the Russian Time of Troubles). *Volja Rossii* [Russian Will]. Prague, 1923, no. 4. (In Russian).
25. Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917*. London, Arno Press Publ., 1921, vol. 2, 752 p. (In English).
26. Polovtsoff P. A. *Glory and Downfall. Reminiscences of a Russian General Staff Officer*. London, Bell and Sons Publ., 1935. (In English).

Information about the author

Ayrapetov Oleg Rudolfovich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of Russian History of the 19th — Early 20th Centuries, Moscow State University named for M. V. Lomonosov.

Research interests: history of Russian foreign policy, Russian in World War I.

Contact information: e-mail: oleg_airapetov@list.ru

Поступила в редакцию 18.01.2019

Received 18.01.2019

УДК 356.251.2:359:947.083.76

О. В. Каримов, В. В. Калинов

**РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА БАЛТИЙСКОМ МОРСКОМ ТЕАТРЕ**

В статье отражена деятельность органов разведки Военно-морского флота Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Балтийский морской театр по замыслу Морского генерального штаба, поскольку Германия потенциально угрожала Санкт-Петербургу и здесь мог находиться правый фланг русско-германского фронта, должен был стать основным в ходе войны. Поступавшая летом 1914 года информация от находившихся в Германии, Дании, Норвегии и Швеции агентов русской военно-морской разведки часто дезориентировала командование, создавая видимость активных действий Германии на Балтике. Предполагая, что германский флот войдет в Финский залив, командование Балтийского флота развернуло основные силы для предотвращения прорыва противника в залив. Задача отечественной военно-морской разведки состояла в обнаружении главных сил противника при их приближении. Эту задачу выполняли крейсерские дозоры, береговые наблюдательные пункты, зарождающаяся морская авиация и радиоразведка.

Агентурная разведка в этот период не обладала необходимой оперативностью в передаче выявленных разведывательных данных. На примере деятельности русских военно-морских агентов в Германии, Дании, Норвегии, Швеции, а также агентурных групп в этих странах показаны трудности и успехи отечественной военно-морской разведки в борьбе с противником.

Первая мировая война; Морской генеральный штаб; морской агент; разведывательная деятельность; морские коммуникации; агентурная разведка

По замыслу Морского генерального штаба (далее — МГШ) Балтийский морской театр должен был стать основным в ходе войны. Германия потенциально угрожала Санкт-Петербургу, здесь находился правый фланг Русско-германского фронта. К 1914 году Балтийский флот располагал 4 линейными кораблями, 6 броненосными и 4 легкими крейсерами, 49 эсминцами и 12 подводными лодками. Флот Германии располагал 13 линейными кораблями-дредноутами, 20 додредноутами, 3 линейными, 7 броненосными и 32 малыми крейсерами, 140 эсминцами и 28 подводными лодками.

Предполагая, что германский флот войдет в Финский залив, командование Балтийского флота развернуло основные силы в центральной минно-артиллерийской позиции для предотвращения прорыва противника в залив. Однако Германия сама ожидала наступательных действий Балтийского флота. На этом морском театре противник располагал 7 малыми крейсерами (два новых — «Магдебург» и «Аугсбург»), 8 миноносцами (три новых), канонерской лодкой, 3 подводными лодками и вооруженными гражданскими судами в качестве минных заградителей и тральщиков¹.

Задача отечественной военно-морской разведки состояла в обнаружении главных сил противника при их приближении к Финскому заливу. Эта задача возлагалась на береговые наблюдательные посты и крейсерские дозоры. Балтийский флот, за исключением крейсера «Новик», не располагал быстроходными крейсерами, миноносцами и подводными лодками, способными вести глубокую разведку в южной части Балтийского моря. Флотской авиации это было еще не по силам, лишь радиоразведка позволяла установить состав, дислокацию и намерения противника.

Агентурная разведка в этот период не обладала необходимой оперативностью в передаче выявленных разведывательных данных. К примеру, 13 (26) июля 1914 года начальник МГШ вице-адмирал А. И. Русин сообщил командующему Балтийским флотом адмиралу Н. О. Эссену: «Сведения тайной разведки в Германии пока имеются лишь 10 дней назад — все было спокойно; о новых сведениях срочно запрошены агенты, и их сведения немедленно будут сообщены Вам»².

В этот же день морской агент в Германии капитан 1 ранга Е. А. Беренс передавал свою должность капитану 1 ранга М. М. Римскому-Корсакову. В отчете начальнику МГШ он писал: «Сдав вчера дела агентства капитану 1 ранга Римскому-Корсакову, я... остался еще в Берлине... ввиду серьезности положения, краткости пребывания в Германии моего заместителя и отсутствия военного агента... По всем внешним признакам настроение здесь надо считать весьма тревожным: пресса... настроена весьма определенно за поддержку Австрии... С мобилизацией флота затруднений быть не может, ибо обученного персонала у них хватает и германские расстояния позволяют ее провести в короткое время»³.

Разведка велась и с территории Скандинавских стран, где морским агентом был капитан 2 ранга В. А. Сташевский⁴ (Швеция и Норвегия) и его помощник капитан 2 ранга Б. С. Безкровный (Дания). Одной из первых здесь была создана «тайная наблюдательная постовая служба» (сеть постов в районе датских проливов). 14 (27) июля 1914 года. Безкровный сообщал: «В порту Киле сверх обыкновенного числа мастеровых 200 наняты для приведения в порядок. В субботу [12 (25) июля] днем из Киле через канал в Северное море ушло два угольных транспорта и один с провиантом»⁵. К 15 (28) июля 1914 года в Киль прибыло около 20 больших кораблей (из них 5 дредноутов), 3 крейсера и 1 миноносец. Данную информацию подтвердил и русский посланник в Гамбурге, сообщив, что эти корабли ночью прошли Данциг в боевой готовности. Поступили сведения об отправке в Вильгельмсгафен трех поездов с боеприпасами и снаряжении 120 тыс. морских мин⁶.

Командующий флотом Н. О. Эссен предложил начальнику штаба вице-адмиралу А. И. Русину срочно минировать подходы к Килью, используя в качестве маскировки гражданский пароход, однако последний не взял на себя ответственность за принятие та-

¹ См.: Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций: проблема и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 230.

² Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 2 : От Рюрика до Николая II. М. : Русская разведка, 1998. С. 378.

³ Белозер В. Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 243–244.

⁴ См.: Владимиров О. В., Могильников В. А. Я — русский, я — военный, я — патриот (деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В. А. Сташевского) // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 31–37.

⁵ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 2. С. 382.

⁶ См.: Белозер В. Н. Военно-морская разведка ... С. 244.

кого решения. «Ввиду невыясненности нашего взаимоотношения к Германии, едва ли возможно сделать это теперь», — ответил он, но в то же время с горечью заметил, что «в последующее время, вероятно, будет поздно» и предложил Н. О. Эссену самому принять это решение: «...если бы, однако, Вы находили бы необходимым все же подготовить такую операцию, то подходящий пароход мог бы быть получен...»⁷.

17 (30) июля 1914 года капитан 2 ранга Б. С. Безкровный проинформировал о сосредоточении в Киле готового выйти в Балтийское море немецкого флота (6 линкоров, 6 броненосцев, 1 линейный крейсер, 10 легких крейсеров и другие корабли). Но это была дезинформация. Накануне войны немецким морякам ставилась задача «создать... видимость подготовки к широкомасштабной операции. Эта мнимая активность должна была заставить русских воздержаться от наступательных действий и заботиться исключительно об обороне»⁸.

18 (31) июля заградители «Амур», «Енисей», «Ладога», «Нарова» и дивизион эскадренных миноносцев вышли в море для постановки минного заграждения. Увеличилось количество постов Службы связи (радиоразведка) и корабельных дозоров. Из Либавы были эвакуированы подводные лодки и плавбаза «Анадырь».

Однако начальник МГШ А. И. Русин не решился приступить к полному выполнению пунктов плана мобилизации. Вот что он писал Н. О. Эссену 18 (31) июля 1914 года: «Пишу... свои впечатления о переживаемом моменте: вчера вечером положение было очень критическое, шансов на мир не больше 5 %; сегодня значительно улучшилось, уже можно считать 10 % на мир: видимо, Германия рассчитывала на нашу уступчивость и миролюбие, почему со своей стороны была несговорчива и поддерживала Австрию. Увидав же, что мы не шутим, всерьез мобилизуемся, дрогнула, пошла на разговоры и сегодня гр. Пурталес [посол Германии в России] сначала обратился к министру иностранных дел, а затем просил быть принятым Государем... У меня сложилось представление, что Германия воевать не хочет и политическое спокойствие восстановится... Считал бы возможным ограничиться поставленным уже минным заграждением и больше уже не ставить, а даже, пользуясь днями штилей, понемногу и осторожно исподволь подымать мины...»⁹.

1 (14) августа 1914 года Б. С. Безкровный сообщал, что на «завтра» из Свиномюнде в Финляндию будет отправлено 50 транспортов с войсками¹⁰. Но эти сведения опять не соответствовали действительности.

Потенциальный сторонник Германии — Швеция — привлекала повышенное внимание разведки. Русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов информировал: «...шведский флот в количестве 5 броненосцев, 16 миноносцев и 3 подводных лодок вышел из Стокгольма и находится, по слухам, у острова Готланд»¹¹. Шведы уверяли, что намерены только соблюдать и охранять свой нейтралитет. Однако морской агент В. А. Сташевский предупредил: «Швеция объявила частичную мобилизацию, на острове Готланд объявлена мобилизация... Есть основание думать, что между Швецией и Германией существует соглашение и выступление Швеции обусловлено участием противной стороны»¹².

Таким образом, поступавшая летом 1914 года информация от находившихся в Германии, Дании и Швеции агентов русской военно-морской разведки нередко дезориентировала командование, создавая видимость активных действий Германии на Балтике. «Теперь особенно нужна была [бы] агентура, а у нас ее, видимо, совсем нет», — отмечал ад-

⁷ Золотарев В. А., Зданович А. А., Каримов О. В. и др. Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. Т. 4 : Война на море. М. : Кучково Поле, 2017. С. 525.

⁸ Белозер В. Н. Военно-морская разведка ... С. 245.

⁹ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 2. С. 429.

¹⁰ См.: Петров В. А. Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны // Гангут. 1999. № 19. С. 98.

¹¹ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3 : Первая мировая война. М. : Русская разведка, 2001. Ч. 1. С. 8.

¹² Там же. С. 12.

мирал Эссен. Об этом писал начальник оперативной части штаба флота капитан 1 ранга А. В. Колчак: «Мы совершенно лишены сведений о противнике. Разведке нашей цена — ноль. Она ничего путного не делает»¹³.

В августе 1914 года Германия поставила перед Швецией задачу о мобилизации и демонстративном сосредоточении своих сил на границе с Россией, что постепенно приносило свои результаты. Так, в декабре 1914 года В. А. Сташевский сообщал: «Военная партия Швеции, пользуясь печатью, постепенно выигрывает почву, и к апрелю война более чем вероятна». Сдержаннее писал 19 декабря 1914 года о «неопределенном отношении Швеции к нам в настоящее время»¹⁴ морской министр адмирал И. К. Григорович в адрес министра иностранных дел.

Скорость поступления разведанных не устраивала командование флота. А. В. Колчак 3 (16) сентября 1914 года начальнику Особого делопроизводства (начальнику разведки МГШ) капитану 2 ранга М. И. Дунину-Борковскому писал: «Важнейшей стороной разведочной деятельности... я считаю донесения о движении неприятельских сил, базирующихся, по всем данным, на Киль, в Балтийском море и обратно. Мы получаем, по видимому, вполне надежные сведения, но, к сожалению, зачастую они запаздывают и мы не имеем возможности их использовать... усмотрите всю важность своевременно получить извещение о проходе неприятельского флота к Ost'у от Борнгольма... Прошу Вас... ускорить и обеспечить всеми мерами передачу сообщений о движении неприятельских судов с датской территории, делая эти сообщения срочными по радио, а не телеграфом»¹⁵.

Развединформация из-за рубежа поступала чаще всего по телеграфу: «датское побережье — Копенгаген — Петроград — штаб Балтийского флота или шведское побережье — Стокгольм — Петроград — МГШ — штаб Балтийского флота»¹⁶. На каждом этапе происходил процесс шифрования и дешифрования. Отправка телеграмм из малонаселенных пунктов вызывала подозрения местных властей, поэтому в целях безопасности их требовалось направлять лишь при прохождении большой группы кораблей. Лицо, отправлявшее телеграммы за рубеж, особенно с цифрами, попадало под наблюдение местных контрразведывательных органов (КРО). Поэтому сведения о перемещениях отдельных судов сообщались обычными письмами или маршагентами (курьерами).

Изучив обстановку, М. И. Дунин-Борковский ответил А. В. Колчаку: «Ежедневное и срочное осведомление относительно востока Балтики почти невыполнимо: <...> 1) нет никакой гарантии отправки частных телеграмм из Германии даже в нейтральные страны; 2) отправляющий неизменно попадает под наблюдение; 3) наблюдение... приходится вести посылкой агентов, что требует несколько дней, даже при посылке их из ближайших мест, что мы и делаем; 4) для частого осведомления потребовалось бы чрезмерное количество агентов, что... представляет опасность для дела...»¹⁷. В подтверждение своих слов он упомянул, что в 1914 году в Германии была арестована полицией одна из разведгрупп: «осведомление велось сложным телеграфным путем и именно телеграфирование и послужило причиной гибели агентов»¹⁸. М. И. Дунин-Борковский считал необходимым временно прекратить разведку в Данциге до снижения активности КРО.

13 (26) августа группа германских кораблей (бронепалубный крейсер «Аугсбург», легкий крейсер «Магдебург», три миноносца) совершила нападение на дозор русских кораблей в Финском заливе. «Магдебург», насочив на камни у острова Оденсхольм, начал подавать сигналы бедствия, перехваченные русской морской радиоконпасной станцией (радиоразведкой). Прибывшие в район острова бронепалубный крейсер «Богатырь»

¹³ См. Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 39.

¹⁴ Золотарев В. А., Зданович А. А., Каримов О. В. Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 4. С. 529.

¹⁵ Там же. С. 527.

¹⁶ Владимир О. В., Могильников В. А. Я — русский, я — военный, я — патриот. С. 33.

¹⁷ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 43–44.

¹⁸ Там же. С. 44.

и броненосный крейсер «Паллада» подорвали «Магдебург». На крейсере была обнаружена шифровальная книга, что оказало неоценимую помощь российской радиоразведке.

В октябре 1914 года Балтийский флот приступил к постановке мин на германо-шведских морских коммуникациях, обеспечивающих германскую промышленность металлом, рудой, лесоматериалами и целлюлозой из Норвегии и Швеции. С помощью этих коммуникаций снабжались приморские группировки противника. По мнению адмирала Н. О. Эссена, Балтийскому флоту, «обеспеченному надлежащей разведкой», необходимо было появляться на путях сообщений с Мемелем, Кенигсбергом и Данцигом для «попутного выполнения постановок минного заграждения на подходах к ним, уничтожения наблюдательных постов, истребления пароходов»¹⁹.

Морская кампания 1914 года не показала преимущества какой-либо из сторон. Германии удалась задуманная еще перед войной тактика «стараться малыми силами, при помощи решения малых задач активного характера, препятствовать намерениям русских вести наступательные действия»²⁰.

Планы военно-морской разведки на 1915 год не изменились: основную работу выполняли морские агенты и агентурные группы, продолжились командировки отдельных офицеров МГШ за рубеж. Так, весной 1915 года офицер Особого делопроизводства капитан 2 ранга В. А. Виноградов был направлен в Данию для изучения обстановки на месте.

Для агентурной разведки основным препятствием была деятельность местных КРО. Если на территории Германии противодействие противника было объяснимо, то на территории нейтральных Швеции и Норвегии полиция была, на удивление, лишь немногим менее жестка. В Дании немецкие КРО также создавали большие трудности: при обнаружении российского разведчика немецкая дипломатическая миссия предъявляла претензии правительству нейтрального государства с требованием немедленного ареста или выдворения подозреваемого лица. «Такого рода требования были уже неоднократно предъявлены германскою миссией в Копенгагене к датскому правительству (между прочим, такое требование было предъявлено по отношению к капитану 2 ранга Виноградову, бывшему весной этого года в Копенгагене по делам разведки и вынужденному вследствие этого спешно выехать из Дании)», — писал М. И. Дунин-Борковский²¹.

В начале 1915 года В. А. Сташевский проинформировал о продолжающихся военных приготовлениях Швеции к выступлению против России. Российский посланник А. В. Неклюдов, тем не менее, отмечал, что это «отнюдь не знаменует желанья воевать с Россией... Пока кабинет Гаммаршельда и Валленберга у власти, мы можем быть совершенно спокойны... военный и морской агенты вполне разделяют вышеизложенную политическую оценку положения»²².

Весной 1915 года Сташевский сообщил «достоверные агентурные сведения о том, что между Германией и Швецией заключено соглашение, по которому последняя взяла на себя обязательство обеспечивать немецкие транспорты охранением в пределах своих территориальных вод»²³. Германия выгодно воспользовалась тем, что Россия, опасаясь втягивания Швеции в войну на стороне Германии, строго соблюдала ее нейтралитет. Швеция в эти годы превратилась в крупнейшего поставщика Германии и одновременно как нейтральное государство запрещала иностранным подводным лодкам заходить в свои территориальные воды. Разведывательное отделение штаба Балтийского флота располагало данными о том, что шведы передавали Германии сведения о находившихся в их территориальных водах русских и английских кораблях²⁴. В то же время Швеция была связующим звеном в торговле между Россией и Великобританией.

¹⁹ Золотарев В. А., Зданович А. А., Каримов О. В. Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 4. С. 528.

²⁰ Там же. С. 529.

²¹ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 47.

²² Там же. С. 365.

²³ Там же. С. 336.

²⁴ См.: Брыков Д. С. Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — март 1917) // Русский сборник. Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 145.

Летом 1915 года командование Балтийского флота получило информацию о планировании противником прорыва в Рижский залив. Один из агентов в Германии 16 июля телеграфировал капитану 2 ранга Б. С. Безкровному: «...в период с 17 по 28 июля предполагается операция флота против Виндавы и у Рижского залива»²⁵. Силы прорыва включали 7 линкоров, 6 крейсеров, 24 эсминца, 1 заградитель, 14 тральщиков, 12 катеров-тральщиков, 2 прорывателя минных заграждений. Для обеспечения ее действий планировался выход второй группы немецких ВМС: 8 линкоров, 3 линейных крейсеров, 4 крейсера, 32 эсминца, 13 тральщиков. Благодаря деятельности разведки, внезапность немецкой операции была сорвана: Рижский залив был перекрыт русскими минными заграждениями, при тралении которых погибло два немецких тральщика, повреждены легкий крейсер «Тетис» и миноносец.

10 августа 1915 года Службой связи Балтийского флота было перехвачено сообщение о повторной попытке прорыва. В результате 16 августа противник потерял один эсминец (поврежден английской подводной лодкой) и линкор «Мольтке».

В августе 1915 г. германский морской атташе в Скандинавских странах Р. фон Фишер-Лосайнен предложил высадить на Аландских островах пятитысячный немецкий десант и финских добровольцев, рассчитывая на национально-освободительное восстание в Финляндии и выступление Швеции. Однако германское командование считало, что не располагает войсками для проведения этой операции. Кроме того, шведский король Густав V и премьер-министр вряд ли рискнули бы своим статусом нейтрального государства и вступили бы в войну с Россией и Англией²⁶.

Нарушение вражеских коммуникаций на Балтике было важной стратегической задачей Балтийского флота. Но Россия практически не предпринимала никаких попыток к их нарушению или хотя бы блокаде. Российское Министерство иностранных дел опасалось, что объявление подобной блокады затронет шведские интересы и станет поводом для выступления Швеции на стороне Германии. На докладе министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 4 (17) ноября 1915 года Николай II написал «Одобрю». Русский морской агент во Франции капитан 2 ранга В. И. Дмитриев сообщил о негативной реакции французов, «крайне огорченных» отказом России в организации блокады Балтийского побережья Германии²⁷. Подобные действия России явились одной из причин того, что в 1916 году интенсивность морских перевозок между Германией и Швецией возросла. По сведениям разведки, между этими государствами постоянно курсировали около 250 германских, шведских и норвежских судов. Шведский флот нес ответственность за их боевое охранение в своих территориальных водах.

К 1916 году на Балтийском морском театре Германия также не планировала каких-либо операций, кроме позиционной войны, однако сохраняла способность перебросить сюда дополнительные силы. Задача русского флота состояла в обороне Нарген-Порккалаудской позиции в Финском заливе и активном минировании.

В январе 1916 года морской агент в Швеции капитан 2 ранга В. А. Сташевский информировал о маловероятном выступлении Швеции на стороне Германии. Он считал, что не стоит опасаться, что часть поставляемых в Швецию продуктов питания окажется в Германии. Зато Россия могла бы получать крайне необходимые станки, хлопок, медикаменты и т. д.: «Если Германия многое получает от Швеции, то только потому, что многое и дает... Только путем компенсаций можно добиться от Швеции уступок, и никаких других путей для этого нет и быть не может»²⁸. Это письмо Сташевского стало широко известно и дошло до начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева. «Германии удалось втянуть Турцию против нас, затем и Болгарию... Если ей удастся восстановить против нас и Швецию, то задача наша может

²⁵ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 301.

²⁶ См.: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2006. С. 91–94.

²⁷ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 365.

²⁸ Там же. С. 366–367.

стать совсем для нас непосильной», — передал слова Алексева министру иностранных дел директор Дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем Н. А. Кудашев²⁹. Однако было и другое мнение. К примеру, командующий войсками Северного фронта генерал от кавалерии П. А. Плеве, узнав, что Швеция занимается реэкспортом российских товаров в Германию, обратился к председателю Совета министров с предложением о прекращении ввоза в эту страну любых товаров. Правительство посчитало, что такое решение «вызовет в Швеции раздражение» и ухудшит снабжение русской армии продукцией, поступавшей из Англии³⁰.

В апреле 1916 года агентурная разведка получила сведения о маршрутах движения немецких конвоев, порядке их охранения, времени прохода различных участков. Сообщалось, что в Гамбурге было выявлено до 200 вооруженных траулеров³¹. Однако сведения о выходе немецких судов запаздывали, что не давало возможности для нанесения удара, поэтому Балтийский флот активно использовал радио- и авиаразведку. Германское командование в свою очередь стало осторожнее вести радиопереговоры.

В мае 1916 года штаб флота предпринял выход трех подводных лодок для выполнения разведзадач. Необходимо было определить наиболее интенсивные морские коммуникации противника и систему боевого охранения транспортов. 23 мая (5 июня) лодки вернулись в Ревель. Помимо выполнения этих задач, результатом похода было уничтожение трех немецких транспортов общим водоизмещением в 8600 т. Результаты операции были подтверждены данными агентурной разведки. 25 мая состоялся выход пяти подводных лодок, однако противник предпринял меры дополнительной защиты (усилил дозоры, боевое охранение, стал чаще использовать корабли под нейтральными флагами) и лодки смогли повредить лишь один эсминец.

После этого было принято решение отрядами кораблей из 2–3 крейсеров и 7–10 эсминцев организовать нападения на германские конвои после их выхода из шведских портов, о чем должны были сообщать агенты. Так были совершены 3 набега в бухту Норчепинг, маяк Ландсорт — остров Эланд, Ботнический залив.

В мае 1916 года английская дипмиссия проинформировала МГШ о планируемой отправке из Швеции крупной партии железной руды³². Перевозки предполагалось осуществить из Стокгольма на германских транспортах 23 мая (5 июня), 28 мая (10 июня) и 31 мая (13 июня). Российская разведка сообщала, что конвои выходят в основном в светлое время суток и корабли в промежутке с 19 до 20 часов в районе мыса Ландсорт находятся вне территориальных вод Швеции. Штаб Балтийского флота разработал «План операции № 12». Был сформирован «отряд особого назначения» в составе крейсеров «Рюрик», «Олег», «Богатырь», новых эсминцев («Новик», «Победитель», «Орфей», «Гром») и старых эсминцев («Стерегущий», «Страшный», «Украина», «Войсковой», «Забайкалец», «Туркменец-Ставропольский», «Казанец», «Донской казак»). Отряд двумя группами приступил к поиску противника, двигаясь на встречных направлениях в районе между островом Готланд и побережьем Швеции. Для прикрытия планировалось развернуть две английские и три российские подводные лодки, крейсера «Баян» и «Адмирал Макаров».

31 мая (13 июня) 1916 года отряд эсминцев «Новик», «Победитель» и «Гром» под командованием начальника минной дивизии контр-адмирала А. В. Колчака нагнал в Норчепингской бухте неприятельский караван из десяти транспортов в сопровождении трех вооруженных траулеров. Вместо того чтобы воспользоваться преимуществом в скорости и попытаться оттеснить суда от шведских территориальных вод, А. В. Колчак приказал сделать предупредительный выстрел, опасаясь атаковать нейтральных шведов³³. Была

²⁹ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 367.

³⁰ См.: Золотарев В.А., Зданович А.А., Каримов О.В. и др. Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 4. С. 533.

³¹ См.: Флот в Первой мировой войне : в 2 т. М. : Воениздат, 1964. Т. 1. С. 224.

³² См.: Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций... С. 293.

³³ См.: Золотарев В. А., Зданович А. А., Каримов О. В. и др. Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 4. С. 534.

потеряна внезапность. Русский отряд связал себя боем с кораблями охранения, а транспорты ушли в воды Королевства Швеции. Таким образом, три немецких траулера приняли бой с тремя русскими эсминцами. Единственной потерей немцев оказалось «судно-ловушка» «Герман» (пароход-угольщик, вооруженный четырьмя 105-мм пушками), имитировавший отставший транспорт³⁴.

Две недели спустя, 15 (28) июня, после того как штаб флота был предупрежден агентурной разведкой о прохождении вечером следующего дня германским караваном района Ландсорт, был разработан план повторного набега (отряд из 8 эсминцев, крейсера «Громобой» и «Диана» под командованием контр-адмирала А. П. Куроша) на вражескую коммуникацию в районе Ландсорт — Готланд — северная оконечность острова Эланд. На следующий день стало известно, что из-за тумана конвой не выйдет, однако начальник отряда принял решение продолжить поход и 17 (30) июня в бухте Норчепинг русский отряд встретил прикрытие из 8 немецких миноносцев. Эффективная стрельба крейсеров не позволила противнику приблизиться на дистанцию точного торпедного выстрела. Немецкие миноносцы начали выходить из боя, а русские корабли прекратили огонь, не добившись ни одного попадания в немецкие корабли³⁵.

28 июня (11 июля) эсминцы «Внушительный» и «Бдительный» захватили в Ботническом заливе немецкие пароходы «Вормс» (10 000 т) с грузом железной руды и шедший порожняком «Лиссабон» (5000 т). Захват судов был расценен как «грубое нарушение шведского нейтралитета» и вызвал бурную реакцию в шведской прессе с призывами предпринять «действенные меры». Министерство иностранных дел России оставило без последствий шведские ноты, а захваченные суда были зачислены в состав Балтийского флота в качестве угольщиков. В то же время, чтобы не портить отношения с Швецией, надводные корабли прекратили действия на коммуникациях возле шведского побережья³⁶. Боевые операции продолжали лишь подводные лодки. Командующий флотом адмирал В. А. Канин был смещен со своего поста как «неспособный обуздать» своих подчиненных «по отношению к нейтральной Швеции».

3 декабря 1916 года. Особое делопроизводство подготовило доклад «О состоянии тайной морской разведки на Балтийском театре в настоящее время и о ближайших нуждах ее». Согласно докладу морской агентурной разведкой в Центре занимались капитан 2 ранга М. И. Дунин-Борковский, старший лейтенант Р. А. Окерлунд с помощником Шестаковым и двумя гражданскими чиновниками, на местах — морские агенты в Швеции и Норвегии капитаны 2 ранга В. А. Сташевский и П. И. фон Вейнмарн, в Дании капитаны 2 ранга Б. С. Безкровный и его помощник В. С. Георгизон; в Голландии А. А. Спешнев и в Риге (Россия) мичман В. Романенко. Таким образом, агентурно-разведывательная деятельность на Балтийском театре осуществлялась шестью агентами-организаторами, находившимися на территории нейтральных государств. В штабе же Балтийского флота в 1916 году был создан Разведывательный отдел под руководством капитана 2 ранга И. И. Ренгартена, который обобщал данные воздушной и радиоразведки.

За годы войны существенные изменения произошли в составе агентурной сети в Германии: несколько раз практически полностью менялся состав тайных агентов морской агентурной разведки, все предвоенные агентурные группы были выявлены контрразведкой Германии и уничтожены. Капитану 2 ранга Б. С. Безкровному пришлось практиковать направление агентов в Германию на небольшие сроки. Возвращение через границу было сопряжено с серьезным риском. Однако, как правило, «агенты возвращались из портов в лучшем случае на 23-й день, а за это время собранные ими сведения успевали устареть»³⁷. Попытки капитана 2 ранга Б. С. Безкровного создать новые агентурные

³⁴ См.: Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций... С. 300–301.

³⁵ См. там же. С. 311.

³⁶ См.: Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 239.

³⁷ Петров В. А. Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны // Гангут. 1999. № 19. С. 102.

группы были неудачны — германская контрразведка выявляла все его непосредственные контакты с агентурой. Тем не менее, Безкровный, благодаря получаемым сведениям от элиты копенгагенского общества, имел возможность информировать МГШ.

Таким образом, руководство морской агентурной разведки пришло к выводу о необходимости введения так называемых «передатчиков» (агентов — хозяев передаточных пунктов), что полностью исключало непосредственное общение агентов-наблюдателей с морскими агентами. При этом М. И. Дунин-Борковский решил отказаться от услуг иностранных подданных. Он предложил прикомандировать двух знавших немецкий и скандинавские языки флотских офицеров, зачислить не менее пяти капитанов и штурманов коммерческого флота для отправки за границу в качестве вербовщиков, принять на службу не менее двенадцати кондукторов или унтер-офицеров для отправки в Данию и Швецию в качестве наблюдателей. В качестве «передатчиков» планировалось использовать выздоравливавших после ранений офицеров армии и флота, зачисленных в распоряжение МГШ³⁸. Предлагалось организовать новые агентурные сети, посты наблюдения, увеличить количество посылаемых за границу агентов, провести реорганизацию всей разведработы на флотах.

Успешное выполнение заданий агентурной разведки виделось М. И. Дунину-Борковскому в поддержании тесной связи между ее центральным органом и добывающими аппаратами. Для этой цели офицеры Особого делопроизводства должны были не реже одного раза в два месяца посещать агентов в стране их пребывания. При этом должна была происходить обязательная ротация командруемых офицеров, чтобы один и тот же «инспектор» не попал в поле зрения вражеской контрразведки. Помимо слежки за капитаном 2 ранга В. А. Виноградовым, в октябре 1916 года подобная слежка была организована за старшим лейтенантом Р. А. Окерлундом во время пребывания его в Копенгагене. С этой целью Дунин-Борковский надеялся увеличить штаты Балтийского «стола» Особого делопроизводства минимум до четырех человек, так как имевшиеся два офицера не могли слишком часто выезжать в нейтральные страны.

В кампанию 1916 года командование Балтийского флота начало систематически применять подводные лодки после полученных агентурных и радиоразведывательных данных о маршрутах, характере движения и составе германских конвоев, расположении корабельных дозоров противника. В результате в кампанию 1916 года противник потерял 12 грузовых судов. Действия Балтийского флота не парализовали коммуникации противника, но вынудили его прибегнуть к тактике конвоев, что привело к снижению оборачиваемости грузового транспорта. Таким образом, благодаря деятельности разведки впервые с начала войны Балтийский флот смог оказать влияние на интенсивность и объем перевозок противника³⁹.

В кампанию 1917 года Балтийский флот не вел масштабных операций. Задача оставалась прежней — не допустить противника восточнее Нарген-Порккалауддской позиции. Задача нарушения морских сообщений оставалась второстепенной. Надводные силы флота в борьбе на коммуникациях не использовались, не было выставлено ни одного минного заграждения. Боевые действия вели только подводные лодки, но и те выходили в среднем один раз в месяц длительностью 5–6 суток⁴⁰.

В январе 1917 года император Германии Вильгельм II приказал развернуть неограниченную подводную войну. О существовании подобных идей в Германии русской военной агентурной разведке в Дании стало известно еще в 1916 году. 5 (16) февраля 1916 года в Ставку Верховного главнокомандующего поступили сведения, что на закрытом заседании бюджетной комиссии рейхстага рекомендовалось правительству учесть, что «спасение государства лишь в покорении Англии путем беспощадной подводной войны, несмотря на протесты Америки»⁴¹. В марте сотрудник русской миссии в Копенгагене пол-

³⁸ См.: Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 49.

³⁹ См.: Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций ... С. 322, 325.

⁴⁰ См.: Павлович Н. Б. Развитие тактики военно-морского флота : в 4 ч. Ч. 3 : От Первой мировой до Второй мировой войны. М. : Воениздат, 1983. С. 186–187.

⁴¹ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 373.

ковник С. Н. Потоцкий направил подробный доклад по этому вопросу в Петроград. В докладе было приведено высказывание канцлера Т. фон Бетмана-Гольвега: «Если бы у нас была уверенность, что при помощи беспощадной подводной войны мы приведем Англию в течение 6 месяцев в безвыходное положение невзирая на то, что мы вызовем войну с Соединенными Штатами. К несчастью, уверенности в победе Англии путем подводной войны у нас не может быть, а поэтому мы должны во что бы то ни стало избегать решительного столкновения с Соединенными Штатами»⁴². Однако Потоцкий отмечал, что это лишь временный отказ и Германия прибегнет к этой мере в случае, если ей удастся переломить ход войны в свою пользу. Как показало время, в своей оценке он ошибся — Германия развернула подводную войну тогда, когда победа стала ускользать из ее рук.

28 декабря 1916 года (10 января 1917 г.) для ведения морской агентурной разведки МГШ на неопределенное количество времени было отпущено 200 тыс. рублей. В последующие 6 месяцев денег больше не выделялось, что поставило под угрозу само существование агентуры. В условиях кризиса Временное правительство запретило использовать Морскому министерству средства по статье «секретные расходы». Это сразу же отразилось на агентурной разведке. Руководитель агентурной группы в Риге мичман В. Романенко писал в мае 1917 года: «Людей вербовать почти невозможно ввиду высоких заработных плат на всякого рода работах и совершенно индифферентного отношения к вопросам войны среди здешнего населения, которое желает конца войны во что бы то ни стало»⁴³.

Начальник МГШ капитан 1 ранга А. П. Капнист докладывал 25 июня (8 июля) 1917 года морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу: «Принимая во внимание необходимость продолжения морской разведки... прошу Вашего распоряжения о внесении в ближайший перечень расходов из военного фонда суммы в 400 тысяч рублей... За последние дни от многих агентов разведки поступили сведения о полном израсходовании отпущенных авансов, и задержка возобновления этих авансов неминуемо поведет за собой прекращение работы многих организаций, дающих ценные сведения, причем восстановление этих организаций впоследствии уже не представляется возможным»⁴⁴. В результате в июле и августе 1917 года были выделены соответственно 400 и 200 тыс. рублей, в сентябре было выделено еще 400 тыс. рублей, которые, к сожалению, очень быстро обесценились.

Таким образом, из-за недостаточного и нерегулярного финансирования агентурная разведка России постепенно прекратила добывать необходимые сведения. Уже после революции, в декабре 1917 года старший лейтенант Р. А. Окерлунд писал в МГШ: «Из-за неимения денег теперь даже ликвидация невозможна. Убедительно прошу делать все для сохранения организации для России. Пока работу по северу и югу продолжаю как прежде, до получения Вашего распоряжения. В случае малейшего сомнения для безопасности агентов и сохранения организации прошу уничтожить все организационные телеграммы и дела с фамилиями и названиями, ибо все можно потом восстановить. Остаюсь в Лондоне до получения Ваших срочных распоряжений»⁴⁵.

Несмотря на недостаточное финансирование, агентурная разведка своевременно установила подготовку германского наступления на Северном фронте. После взятия 21 августа (3 сентября) Риги противник приступил к подготовке операции по захвату Моонзундских островов, чтобы затем нанести удар по Петрограду с суши и моря. Сведения о планировании операции поступали в МГШ с августа 1917 года от одного из важных источников информации — руководителя агентурной группы в Германии «Барона», который в течение месяца направлял морскому агенту капитану 1 ранга В. А. Сташевскому несколько телеграмм о выходе транспортов из Данцига, Киля в Либаву и крупных железнодорожных перевозках в этом направлении, о подготовке немецкого флота к крупному выходу в море:

⁴² Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 374.

⁴³ Петров В. А. Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны. С. 104.

⁴⁴ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 59.

⁴⁵ Там же. С. 371.

«← 3 августа: “Рыбаки: суда в Киле принимают запасы, много офицеров прибыло по железной дороге. Сообщают о предстоящей операции”.

– 19 августа: “Третий агент пишет из Данцига от 29 июля: ушли в Либаву 10 транспортов с военным грузом и 6 угольных пароходов... Матросы с подводных лодок сообщают: из Либавы предстоит операция флота и подводных лодок на Севере”.

– 25 августа: “Случайно получил сведения, что немцы на днях начнут большое наступление на нашем Северном фронте. Предстоят совместные действия флота и армии”.

– 29 августа: “Третий агент пишет из Данцига от 8 августа: В Нейфарвассере погрузка военного груза для артиллерии на 20 транспортов. По слухам, предстоит большая морская переброска войск в Либаву. В Данциг прибывают войска. Перевозка войск по железным дорогам на Восток”.

– 2 сентября: “По сведениям из штабных кругов, от человека, приехавшего вчера из Берлина, немцы готовят большую операцию армии и флота на Рижском фронте. Граница между Курляндией, Литвой и Германией неделю тому назад закрыта. Большая переброска войск на Восток”⁴⁶.

По словам «Барона», немцы должны были осуществить операцию в полосе Северного фронта. Для проведения операции германская сторона выделила свыше 300 кораблей и судов, 6 дирижаблей, 102 самолета, экспедиционный корпус численностью до 25 тыс. человек. Полученную информацию капитан 1 ранга В. А. Сташевский передал в МГШ.

Кроме того, сведения об операции поступили от морского агента в Великобритании контр-адмирала Н. А. Волкова: «Ближайшей задачей германского флота будет занятие острова Эзель и группы Аландских островов для обеспечения входа в Рижский, Финский и Ботнический заливы и для облегчения дальнейших операций на Ригу и через Финляндию на Петроград»⁴⁷.

Таким образом, германскому командованию не удалось сохранить секретную информацию о подготовке к высадке десанта и начале операции против Моонзундских островов. Благодаря радиоперехватам и дешифрованию, многочисленным сообщениям агентуры, русское командование определило план и время начала операции противника. Ценность данной информации была отмечена в Ставке Верховного главнокомандующего. Так, в сводке сведений о противнике перед армиями Северного фронта за период с 31 августа по 6 сентября 1917 г. (ст. ст.) сообщалось, что согласно сведениям, поступившим от агентуры Морского генерального штаба, в «течение последней недели отмечалось... необычное оживление германских портов и передвижение боевых кораблей противника. Обращает на себя внимание последнее сообщение о наблюдавшемся у берегов Дании в значительном количестве транспортов с войсками, следовавших в сопровождении боевых судов в восточном направлении...»⁴⁸. Констатировалось, что сообщения о морских перевозках и передвижениях германского флота заслуживают внимания.

28 сентября (11 октября) 1917 года немецкое командование приступило к осуществлению десантной операции. 6 (19) октября русский гарнизон оставил Моонзунд и перебрался в военно-морские базы Финского залива. Из-за происходивших беспорядков в русской армии высадка германского десанта прошла почти без потерь.

Кампания 1917 года завершилась подписанием 2 (15) декабря в Брест-Литовске перемирия между РСФСР и державами Тройственного союза. Балтийский флот прекращал боевые действия. Ему запрещалось пересекать демаркационную линию Рогекюль — западный берег острова Вормс — Богшер — Свенска-Хегарне. За период с 1914 по 1917 год Балтийский флот совместно с флотилией английских подводных лодок уничтожил 56 транспортов противника. Часть из них была потоплена благодаря деятельности агентурной разведки и радиоразведки.

⁴⁶ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 369–371.

⁴⁷ Там же. С. 371.

⁴⁸ Там же. С. 359.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алексеев М. Н. Военная разведка России. Кн. 2 : От Рюрика до Николая II. — М. : Русская разведка, 1998. — 608 с.
2. Алексеев М. Н. Военная разведка России. Кн. 3 : Первая мировая война. — М. : Русская разведка, 2001. — Ч. 1–2. — 512 с.
3. Брыков Д. С. Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — март 1917) // Русский сборник. Исследования по истории России. — М. : Модест Колеров, 2008. — Т. 5. — С. 125–151.
4. Владимиров О. В., Могильников В. А. Я — русский, я — военный, я — патриот (деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В. А. Сташевского) // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 4. — С. 31–37.
5. Золотарев В. А., Зданович А. А., Каримов О. В. и др. Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. — Т. 4 : Война на море. — М. : Кучково Поле, 2017. — 848 с.
6. Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. — СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2006. — 450 с.
7. Павлович Н. Б. Развитие тактики военно-морского флота : в 4 ч. — Ч. 3 : От Первой мировой до Второй мировой войны. — М. : Воениздат, 1983. — 424 с.
8. Петров В. А. Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны // Гангут. — 1999. — № 19. — С. 96–104.
9. Флот в Первой мировой войне : в 2 т. — Т. 1. — М. : Воениздат, 1964. — 648 с.

Сведения об авторах

Каримов Олег Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, г. Москва.

Сфера научных интересов: военная разведка, гражданские войны в России и Испании, Великая Отечественная война, история нефтяной и газовой отрасли в России.

Контактная информация: электронный адрес: heleg@bk.ru

Калинов Вячеслав Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, декан факультета гуманитарного образования, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, г. Москва.

Сфера научных интересов: история нефтяной и газовой отрасли в России, государственная политика в СССР, военная разведка.

Контактная информация: электронный адрес: kafedra-i@yandex.ru

O. V. Karimov, V. V. Kalinov

**INTELLIGENCE-RELATED ACTIVITIES OF THE RUSSIAN NAVY
IN THE EARLY YEARS OF WORLD WAR I IN THE BALTIC SEA**

The article focuses on intelligence-related activities of the Imperial Russian Navy in the early years of World War I (1914–1918). Since Germany presented a potential threat to St. Petersburg, the Russian Navy General Staff understood the significance of the Baltic Sea in the Russian-German opposition. The intelligence information gathered by the Russian naval intelligence officers in Germany, Denmark, and Sweden in 1914 was often misleading and overestimated German activities in the Baltic region. Believing that the German Fleet would invade the Gulf of Finland, Baltic Fleet Commanders did their best to prevent enemy invasion. The main task of the Russian naval intelligence was to detect enemy forces approaching. The task was performed by cruisers, coastal observation posts, naval aviation and radio intelligence.

During the abovementioned period, intelligence officers had no adequate means of timely transferring collected information. The article analyzes challenges experienced by Russian naval intelligence officers in Germany, Denmark, Norway, and Sweden, their failures and their success.

World War I; Russian Navy General Staff; naval intelligence officer; intelligence activity; naval communication; intelligence

REFERENCES

1. Alekseev M. N. *Voennaja razvedka Rossii. Kniga 2. Ot Rjurika do Nikolaja II* [Military Intelligence in Russia. Book 2. From Rurik to Nicholas II]. Moscow, Russian Intelligence Publ., 1998, 608 p. (In Russian).
2. Alekseev M. N. *Voennaja razvedka Rossii. Kniga 3. Pervaja mirovaja vojna* [Military Intelligence in Russia. Book 3. World War I]. Moscow, Russian Intelligence Publ., 2001, parts 1–2, 512 p. (In Russian).
3. Brykov D. S. Russia-Sweden Relations during World War I: Military and Political Aspects (1914 – March 1917). *Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii* [Russian Collection. Russian History Research]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2008, vol. 5, pp. 125–151. (In Russian).
4. Vladimirov O. V., Mogil'nikov V. A. I am Russian, I am an Officer, I am a Patriot (the Activities of the Russian Military Intelligence at the Example of V. A. Stashevsky, 1st Rank Captain, Russian Naval Intelligence Officer in Sweden, Norway, and Denmark). *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. 2004, no. 4, p. 31–37. (In Russian).
5. Zolotarev V. A., Zdanovich A. A., Karimov O. V. et al. *Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 godov. V 6 tomah. Tom 4. Vojna na more* [World War I (1914–1918). In 6 vols. Vol. 4. Naval Warfare]. Moscow, Kuchkovo Field Publ., 2017, 848 p. (In Russian).
6. Novikova I. N. “*Mezhdju molotom i nakoval'nej*”. *Shvecija v germano-rossijskom protivostojanii na Baltike v gody Pervoj mirovoj vojny* [“Between the Hammer and the Anvil”. The Role of Sweden in Russia-Germany Opposition in the Baltic Sea Area during World War I]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006, 450 p. (In Russian).
7. Pavlovich N. B. *Razvitie taktiki voenno-morskogo flota. V 4 chastjah. Chast' 3. Ot Pervoj mirovoj do Vtoroj mirovoj vojny* [The Development of Naval Tactics. In 4 parts. Part 3. From World War I to World War II]. Moscow, Voenizdat Publ., 1983, 424 p. (In Russian).
8. Petrov V. A. Naval Intelligence in the Baltic Sea Area before and during World War I. *Gangut* [Gangut]. 1999, no. 19, pp. 96–104. (In Russian).
9. *Flot v Pervoj mirovoj vojne. V 2 tomah. Tom 1* [Navy during World War I. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Voenizdat Publ., 1964, 648 p. (In Russian).

Information about the authors

Karimov Oleg Vladimirovich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of History at Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named for I. M. Gubkin, Moscow.

Research interest: military intelligence, civil wars in Russia and Spain, World War II, history of Russian oil and gas industry.

Contact information: e-mail: heleg@bk.ru

Kalinov Vyacheslav Viktorovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of History, Dean of the Faculty of Humanitarian Education at Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named for I. M. Gubkin, Moscow.

Research interest: history of Russian oil and gas industry, state policy in the USSR, military intelligence.

Contact information: e-mail: kafedra-i@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.01.2019
Received 18.01.2019

УДК 940.414.7(=162.3)

Н. А. Копылов

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ: ОТ НЕЙТРАЛИТЕТА К ПРОТИВОСТОЯНИЮ

События российской революции 1917 года оказали огромное влияние на судьбы народов, стремившихся к обретению собственной государственности. Важным фактором успеха в этом процессе в условиях продолжавшейся в Европе мировой войны стало наличие национальных воинских формирований. В статье освещается проблема участия иностранного славянского формирования — Чехословацкого корпуса — в Первой мировой войне и революционных событиях в России 1917–1918 годов. Анализируются действия Чехословацкого корпуса на основе современных отечественных и зарубежных данных, отмечается своеобразное развитие отношения командования и политического руководства Чехословакии к революционным событиям 1917 года — от нейтралитета до вооруженного сопротивления. В результате заключения Россией мирного соглашения с Центральными державами чехословацкое воинское соединение оказалось в положении заложника внутривойсковой обстановки. Вооруженное выступление Чехословацкого корпуса против советской власти произошло при участии представителей союзников, которые рассматривали это выступление как попытку восстановления антигерманского фронта в России. Чешские политические руководители видели в нем гарантию независимости будущей Чехословацкой республики и рассчитывали на преимущества в вопросе об исторических границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже.

Первая мировая война; Российская революция; Чехословацкий корпус; Парижская конференция; Гражданская война в России

Первая мировая война (1914–1918) обострила национальный вопрос в европейских полиэтнических империях. Многие народы видели в этой войне возможность получить как минимум автономию в рамках многонациональных империй, как максимум обрести политическую независимость. События 1917 года, ознаменовавшиеся крушением самодержавия в России, вывели на первый план идеи формирования государственности у народов, входящих в империи Габсбургов и Романовых. Для них с 1917 года ключевым стал вопрос обретения собственной государственности, гарантом успеха в достижении которого был фактор наличия национальных воинских формирований. К этому времени наиболее многочисленным и действовавшим как отдельная воинская часть был формируемый в России Чехословацкий корпус.

Прежде всего следует отметить, что вступление России в Первую мировую войну проживавшие на территории империи чехи и словаки восприняли как начало борьбы против Австро-Венгрии за возрождение самостоятельного чешского государства. Представители чешских и словацких общин выступили с инициативой создания самостоятельного национального вооруженного формирования в составе русской армии. Как отмечает исследователь Е. П. Серапионова, «движение национального возрождения было направлено на то, чтобы в дальнейшем славяне смогли занять достойное положение в семье европейских народов»¹.

¹ Серапионова Е. П. Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире // Славянский альманах. 2007. М. : Индрик, 2008. С. 126.

Часть чешской политической элиты накануне войны разрабатывала планы действий на стороне Российской империи. 12 (25) апреля 1914 года русский консул в Праге В. Г. Жуковский переслал министру иностранных дел С. Д. Сазонову записку лидера чешской Национально-социалистической партии В. Клофача, в которой прямо говорилось о возможности сотрудничества чехов с русскими властями в случае войны Австро-Венгрии и России и предлагалось «подготовить целый ряд надежных людей в каждом городе и в каждой деревне... на случай наступления русского войска через Силезию и Восточную Моравию»².

В рядах чешского национального движения имелись сторонники и других взглядов. Так, в мае 1914 года из-под пера лидера партии младочехов К. Крамаржа выходит меморандум под названием «Устав Славянской империи». Его основная мысль состояла в создании Славянского союза, включающего Россию, Польшу, Чехию, Болгарию, Сербию, Черногорию. Данное объединение должен был возглавить представитель дома Романовых, имеющий обширнейшие права. В частности, он мог бы утверждать состав имперской Думы и имперского Совета — высших законодательных общесоюзных органов. В решении спорных вопросов приоритет также оставался за царем, общими должны были стать внешняя политика и армия³. Уже во время войны А. Рашин, один из ближайших сотрудников К. Крамаржа, через доверенное лицо передавал русскому осведомителю в Цюрихе, что главным доводом в пользу создания «чешского королевства под державой русской» были те выгоды, которые получают чешские торгово-промышленные круги и чешские аграрии при государственно-таможенном объединении с Россией⁴. Скептически к славянским идеям в целом и к русофильству в частности относился лидер Народной чешской партии доктор Т. Г. Масарик из-за своей прозападной ориентации. Но в любом случае чешские общественные круги смотрели на русскую монархию как на будущего гаранта своей национальной самостоятельности хотя бы в рамках экономического союза. В таких условиях развития чешского вопроса в Габсбургской империи началась Первая мировая война, которая дала толчок к развитию национально-освободительного движения чехов и словаков, прежде всего за границей.

С самого начала Первой мировой войны чехи и словаки оказались в двойственном положении: как славянские народы они были вынуждены воевать на стороне Австро-Венгрии и Германии против своих же братьев-славян. Поэтому их отношение к военным приготовлениям австро-венгерского правительства, о которых было объявлено 18 (31) июля 1914 года, оказалось неоднозначным. По всей стране, включая Прагу, прокатились верноподданнические манифестации в поддержку войны. Но эти демонстрации организовывались властями, хотя действительной поддержки война в чешском обществе не имела. Т. Г. Масарик вспоминал впоследствии: «Призывники шли в армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования»⁵. Однако в целом мобилизация проходила организованно и без задержек.

В России, где проживало около 100 тыс. чехов и словаков, начало войны было встречено с большим энтузиазмом. Организованные к этому времени национальные комитеты заявили о своем объединении и о полной поддержке российской власти. 7 (20) августа 1914 года делегация чешско-словацких объединений была принята Николаем II, одобрившим предложение об организации в составе русской армии воинского подразделения из чехов и словаков — чешской дружины, которая была сформирована к концу сентября

² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. М. ; Л. : Гос. соц-экон. изд-во, 1933. Сер. 3. Т. 2. С. 384.

³ См.: Савваитова М. Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М. : Наука, 1994. С. 114.

⁴ Подробнее о взглядах К. Крамаржа см.: Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М. : Наука, 2006. 510 с.

⁵ Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М. : Наука, 2005. Кн. 1. С. 46.

1914 года. В декабре этого же года в Петрограде создается Союз чешско-словацких обществ в России, возглавивший в пределах империи военно-политическое движение за национальную самостоятельность. В мае 1915 года Союзом было провозглашено, что «настоящая война поставила на повестку дня вопрос чешско-словацкого политического единства и независимости»⁶. Одновременно с этим зимой 1915 года в Париже состоялось учредительное собрание Национального совета чешско-словацких общин, который в следующем году был переименован в Чехословацкий национальный совет (ЧНС), ставший основой национального чешского движения за границей. Его возглавил Т. Г. Масарик⁷. Обе эти организации связывало достижение будущей независимости с созданием самостоятельного национального воинского формирования, каким в данный момент являлся создаваемый в России будущий Чехословацкий корпус.

С одобрения Военного министерства и Совета министров Российской империи был создан проект чешского воинского подразделения и в скором времени была сформирована Чешская дружина, принявшая участие в боях против австро-венгерской армии и превратившаяся к концу 1916 года в Чешско-словацкую стрелковую бригаду.

Однако следует отметить, что ни военные, ни гражданские власти России не стремились придать чешско-словацкому вопросу международный статус. Они даже опасались этого, поскольку в 1914 году еще сохранялась надежда на скорое окончание войны и ломать традиционную международно-политическую систему никто не собирался. Таким образом, принимая решение сформировать в составе русской армии чешский национальный отряд, русские власти рассчитывали использовать его не как военную силу, а как средство пропагандистской (мы сегодня сказали бы — психологической) войны. Главное управление Генерального штаба на это обстоятельство обращало внимание начальника войск Киевского военного округа генерал-лейтенанта Н. А. Ходоровича: «Целью формирования войсковых частей из чехов-добровольцев следует считать поднятие восстания среди чешского населения Австро-Венгрии. Вместе с тем представляется необходимым использовать чешские дружины для создания в пределах Австро-Венгрии благоприятной обстановки для действия наших войск. Указанное назначение чешских дружин, заставляющее смотреть на них не как на боевую часть, а как на собрание пропагандистов в пользу русской армии, естественно, должно повлиять и на уклад внутренней жизни этих частей. Дисциплина в этих частях не может, конечно, быть на том уровне, на котором она стоит в частях, имеющих боевое значение. Чешская дружина должна быть дисциплинирована лишь настолько, чтобы дойти в порядке до театра военных действий. С момента вторжения в австрийские пределы чешская дружина как войсковая часть перестанет существовать. Выделивши от себя целую сеть агитаторов, она распылится среди чешского населения Австро-Венгрии, работая по созданию благоприятной обстановки для наших войск, а также вообще возбуждая чехов к восстанию с оружием в руках против австрийцев»⁸. Именно поэтому по правилам набора добровольцев в Чешскую дружину (такое наименование присвоили этой войсковой части) требовалось присутствие рядом с начальником дружины специального уполномоченного чехословацких обществ, отвечающего за связь между офицерским составом и солдатами-чехами, а на театре военных действий — за агитационную деятельность среди чешского населения.

Вместе с тем верховное командование русской армии понимало риски, связанные с деятельностью Чешской дружины. Оно опасалось, что «широкая поддержка Россией чехословаков в стремлении их провозгласить свою независимость от Австро-Венгрии может создать для названных народностей род миража и в случае неосуществления их заветных мечтаний вызовет чувство горького разочарования и некоторого недовольства против России»⁹.

⁶ Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны. С. 59.

⁷ См. там же. С. 60.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 18–20 об.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 156.

Однако сомнения не мешали выполнению высочайшего повеления о формировании Чешской дружины, которое, как и было запланировано, проводилось в Киеве — городе с более или менее значительным чешским населением. В зависимости от количества добровольцев штаб Киевского военного округа должен был сформировать одну или несколько чешских частей. Но поскольку рядового состава явно не хватало для создания полноценной дружины, выделялись кадровые нижние чины из запасных батальонов округа¹⁰. Офицерский состав набирался из чинов русской службы, причем в составе дружины не менее 1/3 офицеров и нижних чинов должны были быть русскими. Остальные командные должности планировалось замещать чехами-добровольцами, служившими раньше офицерами в иностранных армиях, путем зачисления их на службу на правах офицеров государственного ополчения. Весной 1915 года, во время визита в Ставку, представители Чешского комитета в Киеве обратились с просьбой к Верховному главнокомандующему об установлении среди чинов дружины чешского языка в качестве командного. В ответ начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич объявил: «Принимая во внимание, что чешские добровольческие дружины не являются частями русской армии, Верховный главнокомандующий признал возможным ходатайство удовлетворить»¹¹.

Эти события ускорили процесс превращения национального движения чехов и словаков в России в политическую силу, ставящую своей целью достижение независимости обоих народов от Австро-Венгрии. 22 февраля (7 марта) 1915 года в Москве на съезде представителей национального движения был учрежден Союз чехословацких обществ в России (СЧОР) и выбрано его правление, местом пребывания которого стал Петроград. Съезд высказался за создание самостоятельного государства — Чешско-Словацкого королевства, а также национальной армии чехов и словаков¹². В составе Союза была образована военная комиссия под руководством Л. Тучека, В. Вондрака и З. Реймана, на которую была возложена обязанность добиваться формирования национальных чешско-словацких войск в составе русской армии.

К инициативам чехословацких активистов российское правительство отнеслось сдержанно, уклоняясь от обсуждения с ними политических вопросов по существу и тем более воздерживаясь от каких-либо конкретных обещаний. Отчасти это объяснялось неблагоприятным ходом военных действий на австрийском фронте, где начиная с мая 1915 года русские войска после ряда успешных операций лета — осени 1914 года начали терпеть неудачи и были вынуждены оставить часть отвоеванной у австрийцев территории. Повлияли на позицию российского правительства и события международной жизни. Осенью 1915 года в Париже с явного одобрения западных союзников России был образован Чешский заграничный комитет. В его заявлении, опубликованном 14 ноября 1915 года, говорилось о стремлении к созданию независимого от Австро-Венгрии чехословацкого государства. В 1916 году он был переименован в Чехословацкий национальный совет. Председателем его был избран Т. Масарик, заместителем председателя Й. Дюрих, генеральным секретарем Э. Бенеш. Осенью 1916 года в состав Совета вошел М. Штефаник, представлявший словацкое национальное движение. Масарик и его единомышленники исходили из теории так называемого «чехословакизма», считая чехов и словаков двумя «ветвями» единого чехословацкого народа. В своей деятельности ЧНС опирался на Париж, но в то же время располагал так называемыми пропагандистскими канцеляриями в Великобритании, Италии и Швейцарии.

¹⁰ См.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 5–8.

¹¹ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 84–84 об.

¹² См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1 : Чехословацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М. : Новалис, 2013. С. 14.

Чехословацкий национальный совет развернул главным образом дипломатическую и пропагандистскую деятельность, направленную на то, чтобы заручиться согласием Антанты на создание после войны независимого чехословацкого государства. С этой же целью он прилагал усилия к созданию чехословацкого войска, которое сражалось бы на стороне союзников против Центральных держав. Еще в августе 1914 года 300 добровольцев из числа чешских и словацких колонистов в Северной Африке вступили во французский Иностранский легион, сформировав роту «Наздар». В мае 1915 года в составе Марокканской дивизии чехи и словаки участвовали в боях близ французского город Аррас (известная наступательная операция союзных войск в Артуа), понеся серьезные потери (42 человека погибли, около 100 ранены). Рота «Наздар» как отдельная боевая единица перестала существовать. Но оставшиеся в живых бойцы и влившиеся в их ряды добровольцы продолжали воевать на различных участках французского фронта. В частности, только в составе Иностранного легиона в мировой войне участвовали около 600 чешских и словацких добровольцев, из которых приблизительно 200 погибли, 300 остались инвалидами¹³.

Параллельно развивалось чехословацкое движение в России. Весной 1916 года в Киеве прошел II съезд СЧОР, в котором приняли участие представители чешских и словацких военнопленных австро-венгерской армии. Военная комиссия СЧОР призвала их вступать в чехословацкие вооруженные формирования, существовавшие в русской армии. Именно на них деятели чехословацкого движения намеревались опереться в борьбе за национальную самостоятельность. Фактически встал вопрос о создании чехословацкой национальной армии, которая должна была служить опорой национальной независимости. Решению этого вопроса была посвящена деятельность военной комиссии СЧОР в течение всего 1916 года. По итогам работы съезда правление СЧОР было перенесено из Петрограда в Киев. Новым председателем был избран В. Вондрак, а военная комиссия была преобразована в военный отдел. Ее руководителем был избран Л. Тучек.

Менее чем через полтора месяца после избрания В. Вондрака председателем правления Союза в Ставку Верховного главнокомандующего был представлен проект формирования чехословацких воинских частей в составе русской армии. Согласно этому документу чехословацкое войско должно было подчиняться непосредственно Верховному главнокомандующему и начальнику его Штаба. На правление Союза возлагалась ответственность за политическую благонадежность, нравственную безупречность и физическую пригодность зачисляемых в войско лиц¹⁴. Планировалось привлечь в войско на добровольной основе около 20–25 тыс. человек, главным образом из числа находящихся в лагерях военнопленных славян австро-венгерской армии.

Эти предложения не нашли поддержки правительства России. Против привлечения в армию военнопленных выступил министр иностранных дел С. Д. Сазонов, сославшись на то обстоятельство, что много пленных славян заняты на производстве и что их отзыв может сорвать выполнение важных заказов, в том числе и для армии. Со своей стороны Сазонов находил эти предложения политически опасными и подчеркивал, что «в виды нашего правительства не может, однако, входить связать себя какими-либо формальными заявлениями в отношении национальных вождельцев чехов, так как никакие политические интересы наши не дают оснований стеснить подобным заявлением нашу свободу действий в будущем»¹⁵.

Вместе с тем опасаясь популярности парижского ЧНС, российское правительство пришло к выводу о необходимости создать в противовес парижскому Совету, возглавляемому Т. Г. Масариком, некий альтернативный центр чехословацкого национального движения в России. Возглавить его было предложено руководителю чешской аграрной

¹³ См.: Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны. С. 61.

¹⁴ См.: Лазаревский В. А. Россия и чехословацкое возрождение : очерк чешско-русских отношений, 1914–1918 гг. Париж : Град Китеж, 1927. С. 42.

¹⁵ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. С. 180.

партии Й. Дюриху, который являлся заместителем Масарика в ЧНС. Решительно поддержал создание новой национальной организации чехов и словаков министр иностранных дел С. Д. Сазонов. В письме на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева, написанном в феврале 1916 года, он отмечал, что если политические круги Великобритании и Франции не посчитали для себя зазорным вступить в контакт с лидерами чешского и словацкого национального движения, то и России следовало бы установить контакт с влиятельным чешским деятелем. Сазонов полагал, что Й. Дюрих должен работать не с какими-либо организациями русских чехов, а исключительно с русским правительством, чтобы его можно было, если понадобится, противопоставить ЧНС во главе с Масариком¹⁶.

В ноябре 1916 года товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов представил устав новой организации — «Чешско-словацкого народного совета». В состав его руководящего органа предполагалось ввести 13 человек, половину из которых должен был назначить председатель этой организации Й. Дюрих, а половину — чехословацкие национальные общества по согласованию с тремя российскими министерствами — иностранных дел, внутренних дел и военным. Русская общественность с иронией отнеслась к этому чиновничьему проекту, находя его заведомо обреченным на провал. Один из современников прокомментировал его так: «Приехавший снова в Россию Штефаник (лидер словацкого движения, будущий военный министр Чехословакии. — *Н. К.*) напряг все силы, чтобы предотвратить этот совершенно невероятный скандал. Все было тщетно. Передают, будто бы министр иностранных дел, Покровский, сказал Штефанику: “Я знаю, что это свинство, но сделать ничего не могу”»¹⁷.

Следовательно, в 1916 году российские власти пытались выработать свою позицию по чешско-словацкому вопросу. Однако они не смогли придумать ничего лучшего, как попытаться создать в России некий центр чешского освободительного движения, альтернативный парижскому, поддерживаемому западными союзниками. Проект такого центра, спущенный «сверху» и разработанный бюрократическими методами, был заведомо обречен на провал. Революционные события в России в феврале 1917 года только ускорили развязку¹⁸.

Российская революция 1917 года оказала огромное влияние на развитие национального движения западных славян. Прямо или косвенно она открыла перед ними широкие перспективы, о каких его руководящие деятели раньше и мечтать не смели. Двукратная коренная смена власти — в феврале и октябре 1917 года — временно привела к дезорганизации и развалу государственного управления. Это избавило национальные организации западных славян в России от чиновничьего контроля и позволило им на арене российской политики превратиться в относительно самостоятельную силу, расставляющую приоритеты в соответствии со своими целями и задачами. Вместе с тем военный коллапс России, вынужденной в марте 1918 года заключить сепаратный мир с государствами Четверного союза, придал национальному вопросу мировой политики, прежде всего вопросу о создании западными славянами национальных государств, еще большее значение, чем прежде.

В апреле 1917 года министр иностранных дел П. Н. Милюков и Военное министерство при непосредственном контроле со стороны французской военной миссии утвердили правила формирования чехословацких войск в России, тем самым положив начало формированию самостоятельных национальных вооруженных сил. В мае 1917 года чехословацкие общества в России признали верховенство над собой парижского Национального совета во главе с Т. Г. Масариком на правах его Отделения, определив главенствующей целью своей деятельности борьбу за провозглашение независимой Чехословацкой республики.

¹⁶ См.: Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. С. 47.

¹⁷ Лебедев В. И. Чехословацкая политика царского правительства. Незвестные документы из царского архива // Воля России. Прага, 1924. № 8–9. С. 225.

¹⁸ См.: Савваитова М. Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны. С. 126.

В ходе июньского 1917 года наступления русской армии 1-я Чехословацкая бригада отличилась в сражении за город Зборов, где практически одна сдерживала натиск австро-германских войск. «Чехословаки показали чудеса храбрости и покрыли свои молодые знамена неувядаемой славой. Боем у Зборова они смыли свое рабство и получили полное право на свободу»¹⁹. Заслуги чехов и словаков признавал и главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов, отмечавший, что посылал чехов в «самые опасные и трудные места и они всегда блестяще выполняли возлагавшиеся на нее (Чешскую дружину. — *Н. К.*) задачи»²⁰.

С этого момента начинается процесс развертывания стрелковой бригады в 1-ю дивизию и формирование новой 2-й Чехословацкой стрелковой дивизии. Местом размещения подразделений корпуса стал Киев и территория Киевского военного округа, где в течение войны размещались отделы чехословацких воинских частей. Таким образом, к октябрю 1917 года был сформирован Чехословацкий стрелковый корпус, насчитывавший около 38–40 тысяч человек. Надо отметить, что к этому времени чехи и словаки сражались в составе французской, итальянской, британской и американской армий, но ни в одной из них не удалось создать отдельного национального формирования, поэтому Чехословацкий национальный совет рассматривает корпус как основу будущей армии независимой республики, что во многом предопределило действия руководства Совета и командования корпуса в последующий период.

После 25 октября 1917 года по решению Т. Г. Масарика корпус и ОЧСНС занимают позицию нейтралитета к происходящим в России событиям. Этому, по мнению чехословацкого руководства в лице сподвижника Масарика и будущего министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша, способствовало несколько факторов.

Во-первых, чешские лидеры, офицеры и солдаты корпуса начали разочаровываться в действиях Временного правительства, приводящих к углублению социально-политического кризиса в стране. Стремительная потеря боеспособности русской армии в 1917 году и очевидность неспособности российского политического и военного руководства к продолжению войны заставляли Масарика и его сторонников искать поддержку среди государств Антанты.

Во-вторых, начало мирных переговоров с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске, а затем подписание мирного договора демонстрировали, с точки зрения чехов, бесполезность дальнейшей ориентации на теперь уже Советскую Россию. Такой поворот в войне укреплял позиции Центральных держав и делал проблематичным достижение цели, к которой стремился Чехословацкий национальный совет — восстановление независимого чехословацкого государства.

Наконец, в-третьих, следует учитывать социалистическую ориентацию чехословацкого руководства, не принимавшего идею любой диктатуры как таковой, тем более провозглашенную большевиками идею диктатуры пролетариата и методу ее осуществления. По словам Э. Бенеша, солдаты корпуса не видели «большого различия между диктатурой царя, его приспешников и всего дворянского сословия и диктатурой одной партии, которая в конце концов своей численностью не превышала аристократически-буржуазного сословия, господствовавшего в России до революции»²¹. К вышесказанному следует добавить, что приглашения противников революции примкнуть к антибольшевистскому лагерю заставляли Масарика и его сподвижников обращать внимание на общий ход военно-политической борьбы, в которой противники большевиков пока не могли добиться успеха. Это показали киевские события конца октября 1917 года с участием сводного отряда 1-й Гуситской стрелковой чехословацкой дивизии. Уличные бои выявили неспособность русского командования отстоять свои позиции против организованного большеви-

¹⁹ Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж ; Прага, 1928. С. 32.

²⁰ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. : ОЛМА-Пресс, 2004. С. 145.

²¹ Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. Прага, 1923. № 8–9. С. 17.

ками восстания. По словам современника, события продемонстрировали «всеобщее безразличие, недоверие и уверенность в том, что тогдашняя русская организация была неспособна спасти положение»²². В декабре 1917 года, по соглашению с французским высшим военным руководством Чехословацкий корпус формально вошел в состав армии Третьей республики и объявил главной своей целью борьбу против германской и австрийской агрессии. Данный факт многие советские и современные исследователи трактуют как полное подчинение командования корпуса французским приказам и распоряжениям: «На момент своего выступления Чехословацкий легион был частью вооруженных сил государства Французская республика»²³. Однако это совершенно не соответствовало истинному положению дел: высшее руководство по-прежнему осуществлял Чехословацкий национальный совет, а точнее его Отделение в России, которое вело переговоры с большевиками о выводе корпуса из страны. «Союзническое правительство признавало Национальный совет политическим органом нашего движения, а потому в военном отношении верховным командованием войска. Или, выражаясь иначе, наше войско было хотя и частью союзнической армии, однако оно было и войском автономным, подчиненным Национальному совету», — отмечал в своих работах Т. Г. Масарик²⁴. Поэтому поставить чехословацкое командование в полную зависимость от французской военной миссии в России, как это делается в современной исторической литературе, было бы неверно.

Все вышеприведенные факторы определили позицию нейтралитета и стремление ЧНС и командования корпуса покинуть пределы России. Однако дальнейшая эскалация событий привела к вооруженному выступлению солдат и офицеров Чехословацкого корпуса против советской власти и к их участию в Гражданской войне. Проблема столь резкого изменения политического курса во многом заставляет обратиться к сравнительному анализу отечественных и зарубежных источников, в первую очередь чешских, поскольку в настоящее время в отечественной историографии по-прежнему прослеживается доминанта оценок действий личного состава корпуса с позиций «контрреволюционной» деятельности его командования.

Вступление в силу основных положений Брест-Литовского мирного договора 15 марта 1918 года вынудило чешское руководство вывести состав своих войск с территории Украины, где они до этого размещались. Данный факт отнюдь не способствовал доверительному отношению чехословацких солдат и офицеров к советской власти, заключившей мир с противниками будущей независимой Чехословакии. Также заключение мира противники большевиков использовали для разворачивания среди чехословаков агитационной кампании о намерении Советского правительства расформировать и разоружить чехословацкие части, а затем передать их личный состав австрийской и германской сторонам в порядке обмена военнопленными. Это не могло не беспокоить чешских солдат, так как в случае выдачи им грозила смертная казнь за нарушение воинской присяги. Подобные слухи во многом были беспочвенны, Советское правительство не предполагало использовать части Чехословацкого корпуса в своих интересах. Однако следует отметить, что вопрос о судьбе чехословацких формирований в России обсуждался в ходе мирных переговоров в Бресте и стал объектом пристального внимания и политического давления со стороны германского посольства.

Март 1918 года оказался самым напряженным с точки зрения военной дипломатии. Именно этот период предопределил развитие дальнейших событий. В своих воспоминаниях известный дипломат и сотрудник британской разведки Роберт Брюс Локкарт отмечал: «...период, когда большевики могли скорее всего пойти на соглашение с союз-

²² Бенеш Э. Смысл чешской революции. С. 18.

²³ Волков Е. В. Дневник С. Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург : Белая Россия, 2001. № 9. С. 110.

²⁴ Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. 2 : Воспоминания. Прага, 1926. С. 88.

никами, был март 1918 года. Они боялись дальнейшего германского наступления. У них было мало веры в собственное будущее. Они бы приветствовали помощь офицеров союзных держав в воспитании новой Красной армии, которую тогда формировал Троцкий»²⁵. Действительно, в тот момент дипломаты и главы военных миссий Антанты в России рассматривали вариант воссоздания Восточного фронта, опасаясь германской интервенции, и предлагали Советскому правительству союзную помощь. Однако ратификация Брест-Литовского мирного договора Советским правительством, означавшая полный выход России из войны, заставила французский и британский дипломатические корпуса прервать все официальные отношения с большевиками и покинуть страну. Выступая в палате депутатов, премьер-министр Ж. Клемансо заявил: «Россия нас предала, но я продолжаю войну»²⁶. Ситуацию усугубило германское наступление на Западном фронте, начавшееся 21 марта 1918 года. Теперь союзное командование нуждалось в дополнительных резервах, роль которых мог сыграть имевший достаточный боевой опыт Чехословацкий корпус. 26 марта 1918 года Советское правительство в ответ на запросы со стороны чехословацкого и союзного командования приняло решение о выводе чехословацкого войска из России во Францию.

Однако не следует забывать, что Германия, стремясь в это время всеми силами нанести союзникам сокрушительный удар на Западном фронте, вовсе не хотела увидеть чехословацких легионеров в рядах противников. Германские дипломаты всеми силами старались задержать и даже сорвать продвижение чехословацких войск на Восток. С прибытием в Москву германского посла графа В. фон Мирбаха колебаниям Советского правительства был положен конец. Р. Локкарт отметил, что после появления немецкого посольства «перспективы войны между Германией и Россией стали отдаляться... С начала мая ленинская мирная политика взяла верх даже среди тех большевиков, которые больше других протестовали против Брест-Литовского мира»²⁷. С этого момента принимаются два совершенно противоположных решения, которые превратят чехословацких легионеров в своеобразных «заложников положения». Советское правительство окончательно определяет Владивосток конечным пунктом назначения чехословацких эшелонов, что отдаляет время появления легионеров на Западном фронте. При этом от чехословаков потребовали полного разоружения и немедленного устранения «контрреволюционного командного состава». Находящийся в России филиал Чехословацкого национального совета не принял этих требований. Опасаясь возможности вооруженного конфликта на территории Центральной России, Совет народных комиссаров вынужден был пойти на уступки и передал через наркома по делам национальностей И. В. Сталина новые условия: «чехословаки передвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров» (на 1000 человек 100 винтовок и 1 пулемет). На места, где располагались чехословацкие части, а также в пункты, через которые должны были следовать их эшелоны, была разослана директива с требованием «разоружить чехословаков во что бы то ни стало»²⁸. Такие действия со стороны правительства Советской России вызвали недовольство чехословацкого руководства отношением к себе и к своим проблемам. И это недовольство с течением времени все нарастало.

В это же время под явным давлением со стороны посла Германии начинается процесс перевозки немецких и австро-венгерских пленных из Сибири. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин отправил 21 апреля 1918 года телеграмму: «Опасаясь японского

²⁵ Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2017. С. 262.

²⁶ Вершинин А. А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. М., 2017. № 5. С. 146.

²⁷ Локкарт Р. Агония Российской империи. С. 268.

²⁸ Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. С. 9.

наступления в Сибири, Германия настоятельно требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие войска не должны продвигаться на восток»²⁹. С этого момента темп продвижения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедлился, эшелоны попадали в «пробки», по несколько суток простаивали почти на каждой станции. Положение осложнилось еще и тем, что задержку в дороге местные советские власти мотивировали отсутствием паровозов и вагонов, в то время как легионеры видели, что их противников — германских, австрийских и мадьярских пленных солдат — вывозят из Сибири в Европу в тех самых составах, которых они сами не получили. Кроме того, факт участия многих немцев и мадьяр в интернациональных отрядах, ставших опорой советской власти на местах, во многом внушал легионерам недоверие к большевикам. Эту ситуацию очень хорошо иллюстрируют отрывки из дневника подполковника С. Н. Войцеховского, командира 3-го стрелкового имени Яна Жижки полка: «Вчера наш комиссар показал мне телеграмму из Москвы: немцы боятся наступления японцев и требуют скорейшей эвакуации из Восточной Сибири своих военнопленных: движение наших эшелонов на восток распоряжением советских властей остановлено. Мне начинает казаться, что мы не попадем во Владивосток»³⁰. Как дальше пишет С. Н. Войцеховский, 1 мая 1918 года чехословацкие легионеры, среди которых было немало сторонников социал-демократических идей, решили отметить праздник трудящихся и совершить мирное шествие по улицам города Челябинска с музыкой и песнями. Однако местные советские руководители не дали разрешения, мотивируя свой отказ тем, что чехи планировали выйти отдельной колонной, а не совместно с советскими властями. Это вызвало еще большее неприятие большевиков со стороны солдат и офицеров чешского войска.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в мае 1918 года Чехословацкий корпус находился в положении «между молотом и наковальней». Растянувшиеся в эшелонах вдоль Транссибирской магистрали от Владивостока до Пензы, частично разоруженные, постоянно подвергавшиеся нападкам со стороны сибирских Советов, легионеры желали только одного — выехать из России и идти к этой цели готовы уже были любыми путями. Однако Советское руководство, контролируемое германской стороной, всеми силами стремилось замедлить процесс передвижения чехословацких эшелонов. Кроме того, в мае 1918 года ухудшилось положение на Западном фронте — германские войска провели удачное наступление в районе реки Эн. Было ясно, что надежды союзников на восстановление Восточного антигерманского фронта и на чехословацкие резервы не оправдались: Германия слишком крепко держала Россию в орбите своего влияния, и любая ее попытка вырваться была бы самоубийственной для большевистского режима, не имевшего серьезных сил для сопротивления. Правящие круги Антанты в сложившихся условиях изменили политическую ориентацию и перешли к поиску сил, способных уничтожить большевиков и имевших при этом антигерманскую направленность. Для этих целей очень подходил Чехословацкий корпус. Британская и французская военные миссии в Москве установили связи с представителями Чехословацкого национального совета и вскоре передали им значительную сумму денег (около 15 млн руб.). Финансовая помощь и политическое обещание помощи в обретении независимости чехословацким государством ставились в прямую зависимость от участия чехословацких войск в интервенции в России³¹. Однако прямого решения о выступлении корпуса против советской власти так и не было принято, так как связь с французской военной миссией в России была слабой, а Отделение Чехословацкого национального совета старалось всеми силами избежать конфликта с большевиками.

²⁹ Цветков В. Ж. Мятёж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. М., 2001. № 6. С. 58.

³⁰ Волков Е. В. Дневник С. Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. С. 91.

³¹ Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. С. 14.

14 мая 1918 года в Челябинске произошло столкновение чешских солдат с немецкими и мадьярскими военнопленными, в ходе которого legionеры разогнали местный Совет. Данный инцидент привел к тому, что в Москве руководство Отделения Чехословацкого национального совета во время переговоров с Совнаркомом было арестовано и большевики приняли решение приступить к разоружению частей легиона. Нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий выслал распоряжение о немедленном и полном разоружении корпуса, уточнив, что в противном случае чехословацкие солдаты объявляются «вне закона». Это стало поводом для столкновений чешских солдат с представителями местных Советов, которые стихийно переросли в выступление против большевистской власти. Таким образом чехословаки попали в огонь Гражданской войны в России. Они приняли участие в боях в Поволжье и Сибири, сражаясь против отрядов Красной гвардии и воевавших на стороне большевиков мадьяр и немцев.

Исследуя эти события, можно прийти к выводу: Чехословацкий корпус в России стал заложником, с одной стороны, стран Антанты и Германии, а с другой — большевиков. Оказавшись в такой сложной ситуации, legionеры имели два реальных выхода из сложившегося положения: либо выполнять распоряжения союзного руководства, то есть начать боевые действия против Советов и тем самым не потерять надежду в будущем вернуться на родину, либо подчиняться директивам Москвы о разоружении и вступлении в качестве интернационалистов в ряды Красной гвардии. Оба эти варианта вовлекали чехословаков по воле обстоятельств в Гражданскую войну на просторах России.

Однако ситуация изменилась осенью 1918 года, когда успешные военные операции большевиков в Поволжье совпали с наступлением союзников на Западном фронте, которое закончилось капитуляцией Австро-Венгрии и поражением Германии. Неудачи на фронте и известия о победе Антанты, а также провозглашение 28 октября 1918 года независимости Чехословакии способствовали падению боеспособности среди чехословацких солдат в России.

Руководители новой республики отдавали себе отчет о тяжелом положении Чехословацкого корпуса на антибольшевистском фронте в конце 1918 года, однако они готовы были использовать своих legionеров для достижения выгодных политических целей. Это проявилось уже в директиве от 17 октября 1918 года, в которой президент Т. Г. Масарик констатировал, что «нашей главной задачей является сохранение жизни наших парней, но отступление через Урал должно быть нашим последним шагом... Благодаря присутствию (в России. — *Н. К.*) у нас будет сильнейшая позиция во время мирных переговоров»³².

Т. Г. Масарик и министр иностранных дел Э. Бенеш полагали, что дальнейшее пребывание Чехословацкого корпуса в России может оказаться весьма полезным для максимально благоприятного решения чехословацкого вопроса. Об этом свидетельствовали ноты премьер-министров союзных государств — Франции Жоржа Клемансо и Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа, в которых оба выразили Масарику благодарность за участие чехословацких войск в борьбе с большевизмом в Сибири. Опираясь на этот факт, политики хотели получить максимум в вопросе об исторических границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже.

Факт пребывания Чехословацкого корпуса в России Э. Бенеш использовал как самый веский аргумент, когда летом 1918 года он старался представить чехословацкие власти официальным представителем чешского и словацкого народов, а чехословацкие войска — союзной армией. Почти точно так же в ходе Парижской конференции чехословацкий министр иностранных дел старался представить необходимость и роль чехословацких войск в приостановлении наступления большевиков на востоке России. К тому же чешские политики учитывали, что после завершения Парижской конференции интервенция в России должна была стать для главных мировых держав одной из доминирующих тем в политико-дипломатических играх.

³² Висьневский Я. Чехословацкий военный корпус в Сибири во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после окончания Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2009. С. 135.

28 июня 1919 года был подписан Версальский договор. Последовательное использование в дипломатической игре «сибирской карты» в то время, когда западные политики полагали, что с помощью чехословацких легионов — главной военной силы в Сибири — удастся восстановить демократическую Россию, принесло ощутимую выгоду чехословацкой стороне в виде принятия западными державами почти всех ее требований относительно границ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания. — М. : ОЛМА-Пресс Звездный мир, 2004. — 448 с.
2. Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. — Прага, 1923. — № 8–9. — С. 16–37.
3. Вершинин А. А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. — М., 2017. — № 5. — С. 126–148.
4. Висьневский Я. Чехословацкий военный корпус в Сибири во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после окончания Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). — Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2009. — С. 132–138.
5. Волков Е. В. Дневник С. Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. — Екатеринбург : Белая Россия, 2001. — № 9. — С. 90–94.
6. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. — Париж ; Прага, 1928. — 221 с.
7. Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. — Екатеринбург : Белая Россия, 1997. — № 4. — С. 7–23.
8. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. — М. : Наука, 1965. — 393 с.
9. Лазаревский В. А. Россия и чехословацкое возрождение : очерк чешско-русских отношений, 1914–1918 гг. — Париж : Град Китеж, 1927. — 175 с.
10. Лебедев Вл. Чехословацкая политика царского правительства. Неизвестные документы из царского архива // Воля России. — Прага, 1924. — № 8–9. — С. 209–227.
11. Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. — М. : Алгоритм, 2017. — 368 с.
12. Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. 2 : Воспоминания. — Прага, 1926. — 391 с.
13. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878–1917 гг. — М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. — Сер. 3 : 1914–1917 гг. — Т. 2. — 559 с.
14. Савваитова М. Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. — М. : Наука, 1994. — С. 113–126.
15. Серапионова Е. П. Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире // Славянский альманах. 2007. — М. : Индрик, 2008. — С. 126–132.
16. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М. : Наука, 2006. 510 с.
17. Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. — М. : Наука, 2005. — Кн. 1. — 456 с.
18. Соколов Б. Л. К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и Гражданской войне в России в 1918–1920 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ / ред. А. О. Чубарьян. — М. : Наука, 2015. — С. 82–112.
19. Цветков В. Ж. Мятаж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. — М., 2001. — № 6. — С. 55–61.
20. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920 : документы и материалы. — Т. 1 : Чешско-словацкие воинские формирования в России, 1914–1917 гг. — М. : Новалис, 2013. — 1016 с.

Сведения об авторе

Копылов Николай Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России, г. Москва.

Сфера научных интересов: военная история России, Россия в Первой мировой войне, Гражданская война в России.

Контактная информация: электронный адрес: n-kopylov@mail.ru

N. A. Kopylov

**THE CZECHOSLOVAK CORPS IN WORLD WAR I
AND THE RUSSIAN REVOLUTION:
FROM NEUTRALITY TO CONFRONTATION**

The events of the Russian Revolution of 1917 had a great impact on the fates of people attempting to gain nationhood. National military formations served as an important prerequisite for success in the conditions of a global conflict fought in Europe. The article focuses on the role of the Czechoslovak Corps in World War I and the Russian Revolution of 1917–1918. It analyzes the actions of the Czechoslovak Corps through the prism of modern data gathered by Russian and foreign researchers. The author focuses on the development of the attitude of Czech military officials and political forces to the revolutionary events of 1917, which changed from neutrality to armed confrontation. As a result of a truce between Russia and world powers, the Czechoslovak Corps felt extremely vulnerable. The military actions of Czechoslovak Corps aimed against the Soviet State were supported by allied forces, which viewed the campaign as an attempt to reset an anti-German front in Russia. Czech political leaders viewed this opportunity as a guarantee of Czechoslovak independence and hoped to have advantages when discussing the issue of historical boundaries of Czechoslovakia at the Peace Conference to be held in Paris.

World War I; Russian Revolution; Czechoslovak Corps; Paris Peace Conference; Russian Civil War

REFERENCES

1. Brusilov A. A. *Moi vospominaniya* [My Memoirs]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2004, 448 p. (In Russian).
2. Benesh Je. The Meaning of Czech Revolution. *Volja Rossii* [Russian Will]. Prague, 1923, no. 8–9, pp. 16–37. (In Russian).
3. Vershinin A. A. The Russian Revolution of 1917 as Viewed by French Politicians. *Novaja i novejšaja istorija* [New and Modern History]. Moscow, 2017, no. 5, pp. 126–148. (In Russian).
4. Vis'nevskij Ja. Czechoslovak Corps in Siberia during the Paris Peace Conference of 1919. *Chicherinskie chtenija. Rossija i mir posle okončaniya Pervoj mirovoj vojny (k 90-letiju okončaniya vojny i podpisaniya poslevoennyh soglashenij)* [Chicherin's Readings. Russia and the World after World War I (Commemorating the 90th Anniversary of the End of World War I and Post-war Treaties)]. Tambov, Tambov State University Publ., 2009, pp. 132–138. (In Russian).
5. Volkov E. V. S. N. Voytzechovskij's Journal: Unveiling New Facts of Czechoslovak Corps' Campaign of May 1918. *Belaja armija. Beloe delo* [White Army. White Deeds]. Yekaterinburg, White Russia Publ., 2001, no. 9, pp. 90–94. (In Russian).
6. Dragomireckij V. S. *Chehoslovaki v Rossii. 1914–1920* [Czechs in Russia. 1914–1920]. Paris, Prague Publ., 1928, 221 p. (In Russian).
7. Ivanov A. V. Considering the Causes of Czechoslovak Corps' Anti-soviet Campaign in 1918. *Belaja armija. Beloe delo* [White Army. White Deeds]. Yekaterinburg, White Russia Publ., 1997, no. 4, pp. 7–23. (In Russian).

8. Klevanskij A. H. *Chehoslovackie internacionalisty i prodannyj korpus. Chehoslovackie politicheskie organizacii i voinskie formirovanija v Rossii. 1914–1921 gody* [Czech Internationalists and the Sold Corps. Czech Political and Military Organization in Russia. 1914–1921]. Moscow, Science Publ., 1965, 393 p. (In Russian).
9. Lazarevskij V. A. *Rossija i chehoslovackoe vozrozhdenie: ocherk cheshsko-russkikh otnoshenij, 1914–1918 gody* [Russia and Czech Restoration: Some Sketches on Czech-Russian Relations, 1914–1918]. Paris, Grad Kitez Publ., 1927, 175 p. (In Russian).
10. Lebedev VI. Czech-Related Policy of the Tsar's Government. Unknown Documents of the Royal Archive. *Volja Rossii* [Russian Will]. Prague, 1924, no. 8–9, pp. 209–227. (In Russian).
11. Lokkart R. *Agonija Rossijskoj imperii. Vospominanija oficera britanskoj razvedki* [The Agony of the Russian Empire. Memoirs of a British Intelligence Officer]. Moscow, Algorithm Publ., 2017, 368 p. (In Russian).
12. Masarik T. G. *Mirovaja revoljucija. Tom 2: Vospominanija* [World Revolution. Vol. 2. Memoirs]. Prague, 1926, 391 p. (In Russian).
13. *Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma. Dokumenty iz arhivov carskogo i Vremennogo pravitel'stva. 1878–1917 gody* [International Relations in the Epoch of Imperialism. Documents of the Royal Archive and the Archive of the Provisional Government. 1878–1917]. Moscow, Leningrad, State Social Economy Publ., 1933, series 3: 1914–1917, vol. 2, 559 p. (In Russian).
14. Savvaitova M. D. Czech Issues as Viewed by Russian Officials during World War I. *Pervaja mirovaja vojna. Diskussionnye problemy istorii* [World War I. Controversial Issues of History]. Moscow, Science Publ., 1994, pp. 113–126. (In Russian).
15. Serapionova E. P. Czech and Slovak Politicians of the 20th Century on the Role of Russia in the Slavic World. *Slavjanskij al'manah. 2007* [Slavic Almanac. 2007]. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 126–132. (In Russian).
16. Serapionova E. P. *Karel Kramarzh i Rossija, 1890–1937 gody: idejnye vozzrenija, politicheskaja aktivnost', svjazi s rossijskimi gosudarstvennymi i obshhestvennymi dejateljami* [Karel Kramář and Russia, 1890–1937: Views, Political Activity, Relations with Russian State and Public Officials]. Moscow, Science Publ., 2006, 510 p. (In Russian).
17. Serapionova E. P. Czechs and Slovaks in the Furnace of World War I. *Cehija i Slovackija v XX veke* [Czech Republic and Slovakia in the 20th Century]. Moscow, Science Publ., 2005, book 1, 456 p. (In Russian).
18. Sokolov B. L. The Role of Czech Armed Forces in the Foreign Military Intervention and Civil War in Russia in 1918–1920. Chubar'an A. O. (ed.). *Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG* [The Space of History. History of CIS Countries]. Moscow, Science Publ., 2015, pp. 82–112. (In Russian).
19. Cvetkov V. Zh. Rebellion. Czechoslovak Corps in the Russian Civil War. *Rodina* [Motherland]. Moscow, 2001, no. 6, pp. 55–61. (In Russian).
20. *Cheshsko-Slovackij (Chehoslovackij) korpus, 1914–1920: dokumenty i materialy. Tom 1: Cheshsko-slovackie voinskie formirovanija v Rossii, 1914–1917 gody* [Czechoslovak Corps, 1914–1920: Documents and Materials. Vol. 1: Czechoslovak Armed Forces in Russia, 1914–1917]. Moscow, Novalis Publ., 2013, 1016 p. (In Russian).

Information about the author

Kopylov Nikolay Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of World and Russian History at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

Research interests: Russian military history, Russia in World War I, Russian Civil War.

Contact information: e-mail: n-kopylov@mail.ru

Поступила в редакцию 18.01.2019

Received 18.01.2019

УДК 327(438:477):940.439

Роман Юрковский**ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И БРЕСТСКИЙ ДОГОВОР
С УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДОЙ 9 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА**

В статье представлены обстоятельства участия украинской стороны в мирных переговорах в Брест-Литовске и реакция польского общества на образование украинского государства при посредстве Центральными державами. Рассмотрен состав украинской делегации и характер ее притязаний в переговорах с Центральными державами. Территориальные претензии со стороны Украины не ограничивались землями бывшей Российской империи, но распространялись на ряд регионов, принадлежащих Австро-Венгрии. Раскрываются причины уступок Германии и Австро-Венгрии украинской стороне. Обещания поставок хлеба с Украины Центральным державам не были обеспечены реальными запасами и возможностями вывоза. Автор предполагает, что украинская сторона изначально рассчитывала на оккупацию ее территории австро-германскими войсками. Показана реакция польских политических сил и общественности на условия Брест-Литовского договора. Представлен анализ отношения польских политических партий и течений к известию о заключении соглашения в Бресте. Передача Украине земель с польским населением вызвала возмущение и протесты на оккупированных Германией территориях исторической Польши. Особенно активный характер имели демонстрации и забастовки в регионах, подлежащих передаче под суверенитет Украины. Автор отмечает высокую политическую и гражданскую активность населения польских земель, занятых Центральными державами, накануне объявления государственного суверенитета Польши.

Первая мировая война; Брест-Литовский договор; Украинская Народная Республика; Германия; Австро-Венгрия; польское общество; общественное мнение

Политическую зрелость общества, которое состоит преимущественно из представителей одного народа, можно измерять его деяниями по защите элементарных прав этого народа. Польское население в конце Первой мировой войны и после заключения Брестского договора от 9 февраля 1918 года может служить ярким подтверждением того, что после 123 лет небытия польского государства было готово вернуть потерянную независимость и восстановить свое государство.

Условия Брестского мира относительно польских земель

Условия Брестского мира обстоятельно описаны в исторической литературе как в монографических исследованиях¹, так и в учебниках, посвященных истории Первой мировой войны² и истории дипломатии³, поэтому представим их в энциклопедически сокращенном виде. 26 ноября 1917 года народный комиссар и главком российских войск Ни-

¹ Q. v.: Pajewski J. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959. S. 253–301 ; Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). 2 wyd., poprawione i uzupełnione. Kraków, 1982. S. 182–204 ; Чубарьян А. О. Брестский мир. М. : Наука, 1964. 246 с. ; Wojstomski S. W. Traktat brzeski a Polska. Sprawa polska w pertraktacjach pokojowych w Brześciu Litewskim pomiędzy Czwóprzymierzem a Rosją Sowiecką i Ukrainą. London, 1969 ; Grossfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918. Warszawa, 1962.

² Q. v.: Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. 3 wyd. Warszawa, 2004. S. 627–658 ; Chwalba A. Samobójstwo Europy. Wielka Wojna 1914–1918. Kraków, 2014. S. 257–265 ; Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1975. S. 536–539.

³ Q. v.: Historia dyplomacji polskiej. T. 3 : 1795–1918 / pod red. Ludwika Bazyłowa. Warszawa, 1982. S. 915–920.

колай Крыленко обратился по радио от имени большевистского правительства к немецкому командованию с вопросом, может ли Германия немедленно начать переговоры о мире. Немцы без промедлений выразили согласие и 3 декабря 1917 года в Брест-Литовске начались переговоры о заключении перемирия. 15 декабря представители Советского правительства, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии подписали соглашение о перемирии, которое вступало в силу с 17 декабря 1917 года на срок три месяца. 20 декабря 1917 года там же начались мирные переговоры. Во главе немецкой делегации стоял заместитель министра иностранных дел Рихард фон Кульманн (Richard von Kühlmann), но наиболее важные решения фактически принимал грубоватый генерал Макс Гоффман (Max Hoffmann). Габсбургов представлял министр иностранных дел граф Отокар Чернин (Otokar Czernin).

Советское правительство в Брест-Литовск направило делегацию, состоящую из нескольких лиц во главе с Адольфом Йоффе и Львом Каменевым. В начале 1918 года в Брест также прибыл народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий, который с 10 до 19 января руководил советской делегацией. В брестских переговорах польская делегация не принимала участия, несмотря на предпринятые усилия со стороны Рады регенционнoй и правительства Яна Кухажевского (Jan Kucharzewski). Полякам было заявлено, что в Бресте встречаются представители только воюющих сторон и что Польша к ним не принадлежит. Это не препятствовало, однако, тому, чтобы в Брест пригласили представителей Украинской центральной рады, которая была сформирована 17 марта 1917 года, а 20 ноября провозгласила Украинскую Народную Республику (УНР), и также не являлась воюющей стороной. Во главе украинской делегации, состоящей из четырех человек, был премьер правительства Всеволод Голубович, остальные — очень молодые люди, двадцати с небольшим лет, имена которых называет польский историк Януш Паевский (Janusz Pajewski): Мыкола Любынский, Мыкола Левыцкий и Олександр Севрюк. Во время заседаний они выступали очень уверенно, что действовало на нервы солидному графу О. Чернину. Вся ситуация вокруг украинской делегации в Бресте была, говоря деликатно, непростой.

Полякам, представлявшим Раду регенционную, созданную немецкими и австрийскими оккупантами, было отказано в праве участия в заседаниях. Между тем представители Германии и Австро-Венгрии приняли как равноправного партнера делегацию никому неизвестной Центральной рады. По свидетельству графа Чернина, один из членов украинской делегации, О. Сервюк, раньше служил капралом в австрийской армии, откуда дезертировал. Как дезертира, его должны были судить военным трибуналом за измену Австро-Венгрии во время войны, в то время как он разговаривал как равный с равным с самим министром иностранных дел Габсбургской монархии и к тому же вся украинская делегация ставила следующие условия: присоединение к Украине Холмщины, причем территории даже больше, чем Холмская губерния, которая была выделена из Царства Польского в 1912 году, Восточной Галиции и Буковины.

Выступавшие от имени Украины представители Центральной рады, которая не имела документов, устанавливающих компетенцию и полномочия этого органа, требовали не только того, что не принадлежало Австро-Венгрии, но и Галицию и Буковину, что фактически значило раздел Габсбургской монархии. Было решено, что граница между Украиной и Австро-Венгрией останется на реке Збруч, а дальше «пойдет начиная от Тарногорода линией через Билгорай, Щебжешин, Красныстав, Пухачев, Радзиль-Подляский, Менджижец-Подляский, Самаки, Мельник»⁴. Взамен представители правительства УНР брали на себя обязательства доставить Центральным государствам к 31 июля 1918 года по меньшей мере миллион тонн зерна, до 50 тыс. тонн мяса и других продуктов (ст. VII Договора с Украиной)⁵. Самое странное во время этих переговоров состояло в том, что ни австрийцы, ни немцы не задавали себе вопроса: имеет ли Украина такое количество зерна и имеет ли Центральная рада какие-нибудь возможности вывезти их из страны. Создавалось впечатление, что в Бресте не знают о гражданской войне на Украине, о военных

⁴ Q. v.: Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. S. 651.

⁵ См.: Полный текст договора с Украиной: Reichsgesetzblatt. Jahrgang 1918. N 107. S. 1010–1029.

успехах большевиков, занимающих все большую часть ее территории, а сама Центральная рада не имеет никакого влияния, власти и армии. Все это могло означать, что при существующей анархии на Украине какой-нибудь систематический и мирный вывоз продуктов был неосуществим и будет требовать военной интервенции.

Но австрийцы не были готовы ее осуществить, а немцы ждали подходящего момента. Для них договор с Украиной был не только подходящим способом шантажировать Троцкого во время мирных переговоров в Бресте — он имел гораздо большее значение. Немецкие империалисты хотели также ослабить Россию путем отделения от нее Украины, создавая там сферу своего влияния. Эта немецкая Серединная Европа (*Mittleuropa*), включающая Литву, Латвию, Эстонию, Польшу, Украину, Балканские и Закавказские государства, должна была быть новой сферой немецкой экспансии на случай поражения в войне на западе Европы⁶. К тому же украинской картой можно было играть и против Польши, подчиняя эти два государства Германии.

Договор с Украиной свидетельствовал также об упадке габсбургской дипломатии на заключительном этапе существования монархии. 8 февраля 1918 года, накануне подписания договора с Украиной, Центральными государствами австро-венгерское правительство в одиночку подписало тайное соглашение с представителями Центральной рады, согласно которому украинцам было обещано, что «австрийское правительство внесет в обе палаты парламента проект закона об отделении части Галиции, населенной преимущественно украинским населением, объединении ее с Буковиной и создании нового коронного края»⁷. Было в этом что-то противоестественное: такой опытный дипломат, каким был граф Чернин, подписывал тайное соглашение с правительством государства, которого де-факто не существовало и к тому же соглашался на вмешательство этого квазигосударства во внутренние дела Австро-Венгрии, относящиеся к таким важным делам, как изменение конституции⁸.

Неточная формулировка «территории, где превалирует украинское население», давала украинским националистам широкие возможности интерпретации и означало раздел Восточной Галиции вопреки требованиям польского населения. Следует также вспомнить, что и Буковина наполовину была заселена румынами, которых также без их согласия отдавали Украинской центральной раде взамен за обещанное, но все же иллюзорное продовольствие. Фактически это соглашение должно было быть тайным до 31 июля 1918 года, но о нем стало известно уже в конце февраля, когда член делегации Севрюк во время пребывания в Вене похвастался содержанием договора. Эта информация попала в прессу, что вызвало очередное бурное выступление польских политиков и окончательно разрушило планы на воссоздание польского государства при поддержке Габсбургской монархии. В последующие месяцы 1918 года события показали, что тайные статьи договора так и не удалось претворить в жизнь, тем более что в договоре, кроме всего прочего, было записано об их неважности при условии, если «не будут исполнены какие-нибудь обязательства мирного договора» от 9 февраля 1918 года. Кстати, Австро-Венгрия никогда не ратифицировала договора с Украинской центральной радой (Германия это сделала в июле 1918 г.). К тому же в конце апреля 1918 года правительство Центральной рады уже не существовало, так как немцы его разогнали из-за неспособности навести элементарный порядок в деревнях. На территориях, не занятых большевиками, немцы создали «государство гетмана Павла Скоропадского», полностью зависимое от Германии.

⁶ Q. v.: Pajewski J. *Mittleuropa*. S. 46–47.

⁷ Texte de Déclaration [w:] *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemande des Affaires étrangères. Publiés et annotés par A. Scherer et J. Grunevald*, t. 3 (De la révolution soviétique à la paix de Brest-Litovsk (9 novembre 1917 — 3 mars 1918). Paris, 1976. N 233. S. 359–360. Польский текст этого договора: *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925 / pod red. Haliny Janowskiej i Tadeusza Jędruszczyka*. Warszawa, 1981. N 187. S. 394–395.

⁸ Этим секретным докладом было решено, что до 31 июля 1918 года австрийское правительство представит обем палатам Венского Государственного совета законопроект, направленный на создание новой королевской страны, охватывающей те части Восточной Галиции, в которых преобладает «украинское население», и Буковину (см.: *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. № 187. S. 394–395*).

Реакция польских властей и политических партий на подписание договора

Информация об уступке в Бресте Холмщины и части Подлясья никому неизвестной УНР должна была вызвать реакцию Рады регенционной и ее правительства. Уже сам факт недопуска польских представителей на переговоры в Бресте — показатель того, что положительное решение польского вопроса на конференции имеет смутные перспективы. Когда стало известно об условиях договора с Украинской центральной радой, проигнорированная оккупантами Рада регенционная, подвергавшаяся к тому же колоссальному давлению со стороны негодующего общества, рассматривала вопрос о своей отставке, но, когда эмоции несколько убавились, эту мысль отбросили из-за страха, что возникнет политический вакуум и в такой ситуации немецкие и австрийские оккупанты не допустят появления каких-либо других польских политико-государственных институтов. Это не был тривиальный вопрос: оккупационные власти старательно следили за восстановлением польских государственных структур под эгидой Рады регенционной и назначенных им правительств, и не каждый элемент этой польской национальной независимости находил у них признание. В частности, немцы считали, что деятельность Рады регенционной выходит далеко за рамки, изложенные в Акте от 5 ноября 1916 года. Рада регенционная не ушла в отставку вместе с правительством Яна Кухаржевского 11 февраля 1918 года. Свою отставку правительство обосновывало «протестом против нарушения прав народа Брестским договором, особенно против унижения польского правительства, которое лишилось возможности защищать интересы Польши в заключении этого договора»⁹. Вся акция была очень хорошо скоординирована польскими национальными кругами. В течение трех дней после демонстративной отставки правительства Рада регенционная (14 февраля 1918 г.) издала свое второе «Воззвание к народу», которое явилось решительным протестом против нового раздела и одновременно резким осуждением Брестского договора как нового акта против Польши и поляков.

В «Воззвании...» читаем: «Это является протестом во имя Бога и мира, перед лицом людей и судом истории, перед немецким народом и народами Австро-Венгрии... против нового раздела»¹⁰. Кроме протеста, в Воззвании содержались очень важные правовые и политические решения, указывалось, что Брестский договор является «односторонним нарушением духа и внутреннего содержания изданных монархами актов» (Акт от 5 ноября и Патент от 12 сентября 1917 г. — *P. Ю.*) и что Рада регенционная основополагающим фактом верховенства своей власти считает «волю народа, полагая, что народ хочет иметь символ своей независимости. <...> Эта воля народа должна быть нашей миссией и наших усилий»¹¹. Исследователь истории Рады регенционной профессор З. Ю. Винницкий пишет: «Созданную в условиях издания Воззвания ситуацию можно было квалифицировать как своего рода государственный переворот со стороны Рады регенционной правового и политического уклада Патента от 12 сентября 1917 года¹² и шаг в направлении политической эмансипации существующей в Царстве системы польских органов»¹³. Одновременно со 2-м Воззванием Рада регенционная направила обращение к обоим монархам, в которых обстоятельно обосновала свои действия и призвала к нератификации Брестского договора.

15 февраля 1918 года вышло Воззвание Рады регенционной, адресованное польской армии. В нем говорилось о «тяжелых временах, которые переживает наш народ», содержался призыв к солдатам быть «стойкими и спокойными в этот серьезный момент на службе Родины...»¹⁴. Генерал Станислав Шептыцкий (*Stanisław Szeptycki*), исполня-

⁹ Dodatek nadzwyczajny do „Monitora Polskiego”. 1918, 14 Luty. N 7. [cyt. za.]; Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). Wrocław, 2017. S. 101. Przep. N 171.

¹⁰ Ibid. S. 54. Przep. N 80.

¹¹ Ibid.

¹² Это патент варшавского генерал-губернатора генерала Ханса Хартвиг-фон Беслера в отношении органов государственной власти в Королевстве Польском, в которых он признал Совет Регентства и Государственный совет как высшую законодательную власть в Королевстве Польском (См.: *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925*. N 163. S. 353–354).

¹³ Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). S. 54.

¹⁴ *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925*. N 191. S. 399–400.

ющий обязанности Люблинского губернатора во время австрийской оккупации, 9 февраля 1918 года, затем 12 февраля обращался в Главное руководство армии с просьбой об отставке, получив ее 19 февраля 1918 года. Вместе с ним в отставку вышли все польские высшие служащие генерал-губернаторства во главе с руководителем польской гражданской администрации Ежи Мадейским (Jerzy Madeyski)¹⁵.

Польские парламентарии тоже протестовали в парламентах Центральных государств: Польское коло в Венском парламенте опубликовало 16 февраля 1918 года Манифест Польского кола¹⁶, а 20 февраля 1918 года протест в этом же парламенте был официально оглашен на заседании палаты депутатов. Аналогичные два протеста были оглашены в парламенте Германии (22 февраля 1918 года) и в прусском парламенте (7 марта 1918 года)¹⁷.

Воззвания Рады регенционной оказались только началом целого ряда других политических решений, принимаемых разными польскими политическими и административными институтами. Воззвания к полякам издали все польские политические партии, начиная от пробольшевистских «Социал-демократии Королевства Польского» и Литвы¹⁸, Польской социалистической партии — левицы и Бунда¹⁹ на Польском Стронництве Людовом и кончая Объединением Стронництв Демократических²⁰. Среди польских организаций, которые сотрудничали с австрийскими оккупантами, наиболее ощутимым для них было расторжение всяческих контактов с Государственным экономическим советом, главная задача которого состояла в руководстве отделами обеспечения в уездах. Для оккупантов это значило, что всю акцию обеспечения (т. е. также поставок в Австрии) они должны были взять в свои руки.

Аналогичных примеров можно привести множество. Брестский договор Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии с эфемерной Украинской центральной радой как никакой другой политической акт немецких и австрийских захватчиков объединил всех поляков, показал, какой они являются силой, когда совместно действуют во благо национальных интересов.

Отношение польского общества к решениям договора

Как только вести о решениях договора на счет польских территорий стали известны польскому обществу, на улицы городов и сел вышли тысячи протестующих. В период с 12 до 14 февраля 1918 года демонстрации носили спонтанный и наиболее бурный характер:

«12 февраля вечером на улицах Варшавы начались манифестации: разбиты окна в австрийских учреждениях, нескольких немецких учреждениях и казино на Краковском (Предместье. — *Р. Ю.*), несколько манифестантов арестовано. 14 февраля ППС провозгласила генеральную забастовку. Ночью с 13 на 14 (февраля) взорван соединительный столб трамвайных линий, что приостановило движение транспорта. Все учреждения и магазины были закрыты, движение на улицах возросло. В 12 часов в Краковском Предместье начались манифестации. Во время атаки войск на улицах ранили несколько десятков человек»²¹.

Княгиня Мария Любомирская, жена князя Здзислава Любомирского, одного из членов Рады регенционной, внимательная и интеллигентная наблюдательница тогдашних политических событий, сделала следующую запись в своем дневнике 14 февраля 1918 года: «Всеобщая забастовка, демонстрации. Утром все газеты издают на дополнительном листке Воззвание Рады регенционной к народу, в обход цензуры... В Краковском Предместье собирается толпа, организуется митинг, толпу атакует немецкий патруль... после обеда народ стал расходиться и уменьшилось число движений с оружием в руках немецких патрулей; утром перед визитка-

¹⁵ Q. v.: Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914–1918. Warszawa, 1980. S. 118.

¹⁶ Читаем в нем: «Мы поднимаем от имени польского населения австрийской части раздела Речи Посполитой торжественный протест против Брестского договора и мы ведем борьбу за его свержение» (Q. v.: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. N 192. S. 400–401).

¹⁷ Q. v.: Historia dyplomacji polskiej. T. 3. S. 919.

¹⁸ Q. v.: Treść odezwy: Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. N 188. S. 395–397.

¹⁹ Q. v. ibid. N 189. S. 397–398.

²⁰ Q. v. ibid. N 190. S. 398–399.

²¹ Komunikat Informacyjny. 1918, 15 luty. N 116.

ми (костел Ордена посещения Пресвятой Девы Марии в Варшаве на улице Краковское Предместье, 34. — *Р. Ю.*) стоял наготове *mitrailleuse* (пулемет. — *Р. Ю.*)»²².

Как вскоре оказалось, протесты охватили все польские оккупированные Центральными государствами земли. Очередной номер «Комуниката информационного» поместил описание событий в Люблине, Кельцах, Радоме, Пулавах, Хелме и Красныставе.

В Люблине в забастовке и демонстрации принял участие весь город. Состоялся марш и митинг под открытым небом. Выступающие от разных партий осуждали позорное австрийское насилие и вероломство, выкрикивая: «Да здравствует революция!», «Долой Габсбургов!», «Долой Брестский мир!». Сожгли политые керосином портреты Карла и Вильгельма и австрийско-венгерский флаг. Вечером прошли демонстрации во время заседания городского совета. Было столкновение с армией. Несколько человек ранило. Конные патрули атаковали толпу и тоже ранили несколько человек. Несмотря на это, демонстрации продолжались. В Кельцах и Радоме состоялись многолюдные манифестации. В Пулавах беспорядки охватили все население и привели к серии демонстраций и конфликтов с оккупационными властями. Австрийский гарнизон получил патроны, усилил дозоры. В Хелме 12 февраля при участии 1500 человек состоялся митинг, на котором было принято решение начать подготовку к активному сопротивлению и началу действий на местах²³.

В Красноставским уезде (бывшая Люблинская губерния), часть которого должна была отойти к Украине, по манифестантам стреляли.

Огромные манифестации состоялись во Львове и Кракове. В Кракове разгромлено немецкое консульство, вокзал и др. Толпа снимала все австрийские гербы и вешала их на столбах. На Старовисляной улице на столбе повесили шпиона. Во время демонстрации 5 человек было убито и 97 ранено²⁴.

О событиях в Кракове так записала 15 февраля княгиня Мария Любомирская: «Сильный протест против насилия распространяется по всей Польше, охватив все слои и все сословия, вызвав неожиданную консолидацию мнений в Кракове, революционные настроения на национальном фоне: содраны двуглавые орлы со всех учреждений и т. д. На Сукенницах должен висеть образ распятого Христа на кресте между двумя негодями: Карлом и Вильгельмом»²⁵.

Княгиня Мария Любомирская, вспоминая о протестах, обратила внимание на очень важный аспект отношения польского населения к Брестскому миру и марионеточному правительству УНР — протест действительно охватил все общественные группы польского народа. И если для немецких и австрийских оккупантов понятны были протесты политических деятелей, городской интеллигенции, землевладельцев, то выступления крестьян были для них чем-то абсолютно новым. Поэтому их реакция на происходящие события была очень разной.

Во многих селах население ставило дозоры, чтобы недопустить реквизиций. Вартовые возвращали отнятое зерно. Во многих местах войска отказывались стрелять в демонстрантов, в других доходило до кровавых столкновений с жандармами. В гмине Людвине были убитые и раненые как со стороны населения, так и жандармерии²⁶.

Наибольшее негодование среди крестьянского населения имело место в Галиции. Вот как описал протесты крестьянский деятель, член Польского кола в Вене Винценты Витос: «В каждом городе и городишке, деревне проводились массовые демонстрации и митинги, на которых выступали многие ораторы. <...> ...Крестьяне и рабочие не только принимали массовое участие в проводимых демонстрациях, митингах, богослужениях, но сами организовывали множество собраний и очень смело на них выступали»²⁷.

Протест польского населения в самых разнообразных формах охватил всю страну. Массово в Вену возвращали ордена и медали, занятия в школах были прерваны, гминные

²² Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. Poznań, 1997. S. 608.

²³ Q. v.: Komunikat Informacyjny. 1918, 19 Luty. N 117.

²⁴ Q. v. *ibid.* 1918, 8 Marz. N 120.

²⁵ Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. S. 608–609.

²⁶ Q. v.: Komunikat Informacyjny. 1918, 19 Luty. N 117.

²⁷ Witos W. *Moje wspomnienia*. Warszawa, 1978. S. 520–521.

учреждения отказывались сотрудничать с оккупантами, солдат и жандармов разоружали, в немецких и австрийских учреждениях разбивали окна и т. д.

Польская армия и Брестский договор

Возмущение из-за Брестского договора с Украинской центральной радой не обошло и польскую армию. Польский вспомогательный корпус, состоящий из солдат 2-й бригады легионов во главе с полковником Юзефом Галлером, отказался исполнять приказы австрийцев. Он находился на Буковине недалеко от Черновиц и 15 февраля 1918 года руководство приняло решение о переходе линии Русско-австрийского фронта и марша на соединение с 2-м Польским корпусом, создаваемым на Подолье по русской стороне фронта. В ночной битве с 15 на 16 февраля 1918 года с австрийскими войсками под Рараньчей (на северо-востоке от Черновцов) через линию фронта прорвалось около 100 офицеров и 1500 солдат. Несмотря на потерю всего обоза, что значительно ослабило их боевую силу, им все же удалось соединиться с 2-м корпусом²⁸.

Выводы

1. Сегодня известно, что решения договора от 9 февраля 1918 года не были реализованы. Более того, правительство Австро-Венгерской монархии никогда его не ратифицировало, несмотря на то, что в июле того же года это сделала Габсбургская монархия.

2. После нескольких месяцев оказалось, что отделение Холмщины от Царства Польского имело чисто символический характер. Тактические успехи немецкой армии в наступлении на Западном фронте в марте — мае 1918 года уже не в силах были изменить ситуацию: в июле 1918 года на этом фронте было уже 1211 тыс. хорошо подготовленных и вооруженных американских солдат, что вызвало поражение Германии в битве на Марне. После наступления союзников 8 августа стало ясно, кто выйдет победителем в войне.

3. Брестский договор полностью разоблачил позиции Германии и Австро-Венгрии в польском вопросе, которые совершенно не считались с польскими национальными стремлениями и что связывание судьбы Польши с этими странами может привести к национальной трагедии.

4. Протест польского общества против отделения Холмщины и части Подлясья от Царства Польского и присоединение их к Украинской Народной Республике дал понять всем польским политическим лидерам, что ставка на австрийское, а тем более немецкое разрешение польского вопроса после Бреста — не что иное, как национальное предательство. «9 февраля 1918 г., — как выразился польский социалист Игнацы Дашиньский в своем выступлении в австрийском Государственном совете, — потухла звезда Габсбургов на польском небосводе».

5. Брестский договор также показал польским политикам, что в своих усилиях по восстановлению независимости они могут рассчитывать только на польское общество

Протесты поляков в разных частях страны против договора от 9 февраля 1918 года были самым красноречивым свидетельством успеха, который в течение полувека, предшествовавшего Великой войне, достигнут польской нацией в процессе собственного развития. Длительная и упорная работа по развитию польского национального сознания, постоянная борьба с русификацией (в русской неволе) и германизацией (в немецкой неволе) привела к созданию современной нации, осознающей свою историю, смысл и цели усилий ради независимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРОВ

1. Чубарьян А. О. Брестский мир. — М. : Наука, 1964. — 246 с.
2. Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). — 2 wyd., poprawione i uzupełnione. — Kraków, 1982.
3. Chwałba A. Samobójstwo Europy. Wielka Wojna 1914–1918. — Kraków, 2014.

²⁸ Q. v.: Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990. S. 288–292.

4. Grossfeld L. Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918. — Warszawa, 1962.
5. Historia dyplomacji polskiej. T. 3: 1795–1918 / pod red. Ludwika Bazyłowa. — Warszawa, 1982.
6. Kieniewicz S. Historia Polski 1795–1918. — Warszawa, 1975.
7. Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914–1918. — Warszawa, 1980.
8. Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990.
9. Pajewski J. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. — Poznań, 1959.
10. Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. — 3 wyd. — Warszawa, 2004.
11. Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. — Poznań, 1997.
12. Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). — Wrocław, 2017.
13. Wojstomski S. W. Traktat brzeski a Polska. Sprawa polska w pertraktacjach pokojowych w Brześciu Litewskim pomiędzy Czwórzprzymierzem a Rosją Sowiecką i Ukrainą. — London, 1969.

Сведения об авторе

Юрковский Роман — Ph. D, профессор, Университет Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша).
Сфера научных интересов: общественно-политическая жизнь в западных губерниях России во второй половине XIX — начале XX века, польское дворянство в политической жизни Российской империи, Польское коло в Государственной Думе и Государственном Совете.
Контактная информация: электронный адрес: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Roman Yurkovsky

POLISH COMMUNITY AND THE TREATY OF BREST-LITOVSK WITH THE UKRAINIAN CENTRAL RADA (FEBRUARY 9, 1918)

The article focuses on the Treaty of Brest-Litovsk signed by the Central Powers with Ukraine on February 9, 1918 and the reaction of Polish community to the formation of the Ukrainian State. The article centers on the members of the Ukrainian delegation and the claims they made during the negotiation. Ukrainian territorial claims were not limited to the lands of the former Russian Empire, but involved some lands belonging to the Austro-Hungarian Empire. The article explains why Germany and Austro-Hungary offered concessions to Ukraine. The deliveries of Ukrainian bread were not entirely plausible. The author maintains that Ukraine accepted the possibility of German and Austrian occupation. The article shows the reaction of Polish political powers and Polish community to the conditions of the Treaty of Brest-Litovsk. It analyzes the attitude of Polish political parties to the Treaty. The news that Ukraine got lands populated by Poles provoked indignant protests in German-occupied Poland. Territories that were to be transferred to Ukraine were engulfed by demonstrations and strikes. The author underlines the intense political and civic engagement of people in the territories occupied by Central Powers on the eve of the declaration of Poland's sovereignty.

World War I; Treaty of Brest-Litovsk; Ukrainian People's Republic; Germany; Austro-Hungary; Polish community; public opinion

REFERENCES

1. Chubar'jan A. O. *Brestskij mir* [The Treaty of Brest-Litovsk]. Moscow, Science Publ., 1964, 246 p. (In Russian).
2. Batowski H. *Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne)*. 2 wyd., poprawione i uzupełnione. Kraków, 1982. (In Polish).
3. Chwalba A. *Samobójstwo Europy. Wielka Wojna 1914–1918*. Kraków, 2014. (In Polish).
4. Grossfeld L. *Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918*. Warszawa, 1962. (In Polish).
5. Bazyłow L. (ed.) *Historia dyplomacji polskiej*. Vol. 3 : 1795–1918. Warszawa, 1982. (In Polish).
6. Kieniewicz S. *Historia Polski 1795–1918*. Warszawa, 1975. (In Polish).

7. Lewandowski J. Królestwo Polskie pod okupacją austriacką 1914–1918. Warszawa, 1980. (In Polish).
8. Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990, pp. 288–292. (In Polish).
9. Pajewski J. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959. (In Polish).
10. Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. 3 wyd. Warszawa, 2004. (In Polish).
11. Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej 1914–1918. Poznań, 1997. (In Polish).
12. Winnicki Z. J. Rada Regencyjna Królestwa Polskiego i jej organy (1917–1918). Wrocław, 2017. (In Polish).
13. Wojstomski S. W. Traktat brzeski a Polska. Sprawa polska w pertraktacjach pokojowych w Brześciu Litewskim pomiędzy Czwórzprzymierzem a Rosją Sowiecką i Ukrainą. London, 1969. (In Polish).

Information about the author

Yurkovsky Roman — Ph. D, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).
Research interests: social and political life in western regions of Russia in the late 19th — early 20th centuries, the role of Polish nobility in the political life of the Russian Empire, Polish Kolo in the State Duma and State Council
Contact information: e-mail: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Поступила в редакцию 25.05.2019
Received 25.05.2019

УДК [327(438:477)«1918/1919»]:002.702.36(438)

Ярослав Рубаха

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКАЯ ВОЙНА 1918–1919 ГОДОВ В ОТЧЕТАХ КРАКОВСКОЙ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ “CZAS” («ВРЕМЯ»)

В статье исследуется одно из последствий Первой мировой войны в Восточной Европе — Польско-украинская война 1918–1919 годов и ее восприятие в общественном мнении польского населения. Развитие национальной идеи в Европе во второй половине XIX века стимулировало украинские общественные круги к борьбе за национальную автономию, что служило предпосылкой к созданию независимого государства. Следствием этих изменений стало провозглашение в 1918 году двух украинских государств еще до окончательного завершения военных действий. Польские политические круги придерживались мнения, что польские коренные земли, в частности Восточная Галиция, а также Хелмщина и Волынь, должны были быть включены в состав польского государства. Эта позиция привела к началу войны с украинцами на рубеже октября — ноября 1918 года. Показана сложная военно-политическая обстановка на восточных рубежах Польши. Развитие конфликта оказалось под влиянием событий Гражданской войны в России. Автор анализирует реакцию средств массовой информации и общественного мнения Польши на события и итоги войны.

Польша; Украинская Народная Республика; Польско-украинская война 1918–1919 годов; Восточная Галиция; Львов

© Рубаха Я., 2019

Многовековая традиция польско-украинских отношений, в основе которой лежит близкое соседство двух народов, уходит корнями в раннее Средневековье. Однако нет сомнения, что лишь относительно недавно они превратились в открытый конфликт национального характера, а взаимные обвинения в неприязни присутствуют в сознании поляков и украинцев по сей день. Все это обусловлено динамичными процессами, которые имели место в западной части украинских земель во второй половине XIX века и являлись результатом роста национального самосознания и националистических тенденций во всех странах Европы. Их влияние заключалось в создании украинских журналов, политических групп и социокультурных организаций, которые со временем все более четко постулировали необходимость предоставить права украинцам и выступали за создание в Австрии Украинского кронланда со столицей во Львове, охватывающего все территории с украинским населением. Эти идеи вызвали сопротивление польских политических кругов, которые, однако, под давлением австро-венгерских властей постепенно либерализовали свои взгляды¹, но до начала Первой мировой войны остро и однозначно оспаривали идею как о разделении Галиции, так и о более широком участии украинцев в общественной жизни. Подобный подход представили также польское научное сообщество и польскоязычная пресса в Галиции. Одним из изданий, активно участвовавшим в продолжающемся споре, была краковская ежедневная газета “Czas” («Время»), основанная в 1848 году. Ее создание стало возможным благодаря изменениям, произошедшим в Австрии после Весны народов, прежде всего в области возможности печати. Результатом стало не только значительное увеличение количества названий, но также появление газет, адресованных конкретным группам получателей. В связи с прочными связями между создателями и первыми редакторами ежедневника “Czas” с консервативными кругами, газета с самого начала своей деятельности представляла именно консервативные взгляды. Поэтому она остро выступала за то, чтобы не только поддерживать существующую социальную систему, но и политическую в общеевропейском и общеевстрийском понимании, сохраняя и даже расширяя права поляков в Галиции. Благодаря этой позиции газета быстро завоевала большую популярность среди землевладельцев и духовенства, а затем и части мещанства, буржуазии и представителей свободных профессий, то есть наиболее влиятельных слоев польского общества. В то же время “Czas” заняла важное место на краковском рынке прессы и в начале XX века стала самым читаемым ежедневником в Кракове² и важным печатным органом, формирующим общественное мнение во всей Галиции.

Между тем динамично развивающаяся ситуация в Европе в первые годы XX века обострила польско-украинское соперничество³, а начало Первой мировой войны, которое обе страны воспринимали как удобную возможность для достижения национальных целей, поставило новые задачи как для поляков, так и для украинцев⁴. Нет сомнений в том, что в этой области польская сторона проявила большую инициативу, которая была вызвана как исторической традицией, так и тем, что у нее было гораздо больше людей, готовых провести эту акцию. Украинцы, которые лишь в ограниченной степени могли рассчитывать на поддержку со стороны относительно плохо осведомленного общества, имели меньше возможностей. В то же время украинские воинские части, сформированные

¹ Q. v.: Polityka ukraińska // “Czas”. 1918. N 202 ; Białoń A. Wpływ ugody Badeni — Romańczuk na polsko-ukraińskie relacje polityczne w Galicji na łamach krakowskiego Czasu, “Studia Polsko-Ukraińskie” 2016. T. 1. S. 147–174 ; Semczyszyn M. Polsko-ukraińska rywalizacja podczas wyborów do Sejmu Krajowego w Galicji Wschodniej w latach 1867–1901 // Litopys. Studia i Materiały Ukraińskiego Towarzystwa Historycznego w Polsce. 2014. N 1. S. 12 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. Warszawa, 2000. S. 13 ; Buszko J. Historia Polski 1864–1948. Kraków, 1985. S. 116 ; Mączyński C. Boje lwowskie. Ч. 1 : Oswobodzenie Lwowa. T. 1. Warszawa, 1912. S. 15.

² Q. v.: Bańdo A. Krakowski “Czas” (1848–1939) na tle dotychczasowych badań krakowskiej prasy, “Rocznik Historii Prasy Polskiej”. 2010. T. 13. Ч. 1–2. S. 87–88.

³ Q. v.: Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 13–14 ; Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. S. 154–155.

⁴ Q. v.: Leinwand A. J. Walka dyplomatyczna Polski o Galicję Wschodnią 1918–1923. “Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej”. 2011. T. 46. S. 86.

в начале войны, на пропагандистскую деятельность которых очень рассчитывали, были небольшими и не могли играть более значительную военную роль. Поэтому украинские политические круги в Восточной Галиции не предприняли широких мер и рассчитывали на помощь австро-венгерских властей, которые отрицательно относились к польским стремлениям к независимости⁵.

С начала войны произошли события, которые повлияли непосредственно на польско-украинские отношения в Восточной Галиции. Среди них важную роль сыграло провозглашение 22 января 1918 года независимости Украинской Народной Республики (УНР) на украинских землях, являющихся частью России⁶, и особенно тот факт, что ее представители были приглашены на заседания мирной конференции в Брест-Литовске⁷. В обмен на поставку зерновых в подписанном в начале февраля мирном договоре⁸ Центральные державы согласились расширить территорию украинского государства за счет Волыни, Холмщины и части Подляшья⁹, и в секретном приложении Австро-Венгрия объявила о создании Украинского кронланда в районах Восточной Галиции и Северной Буковины¹⁰. Объявление положений договора вызвало панику в польских политических кругах. На страницах ежедневника "Czas" сообщалось: «Мир, заключенный с Украиной, дает Украине Холмщину и часть Подляшья. Самые пессимистические прогнозы относительно разрешения польского дела не могли предполагать такое решение. И исторически, и этнографически эти земли настолько переплетаются с Королевством Польши, что даже российское правительство... не решилось отделить их от остальной части страны»¹¹.

Реакция широких масс польского общества на положения Брестского договора сопровождалась огромной волной критики¹², демонстрациями, нападениями на немецкие и австрийские патрули и посты¹³. Уровень неприязни поляков по отношению к украинцам также стремительно вырос. В то же время содержащиеся в договоре статьи мобилизовали украинских борцов за независимость в Восточной Галиции, чтобы начать масштабную работу по реализации идеи создания автономного Украинского кронланда в рамках Габсбургской монархии¹⁴, что ухудшило ситуацию в провинции и могло стать началом польско-украинского конфликта. Тем не менее, летом 1918 года во Львове по инициативе лидеров Украинской национально-демократической партии был создан политический комитет, который должен был координировать деятельность как гражданской, так и военной части

⁵ Q. v.: *Polityka ukraińska*; Klimecki M. *Lwów 1918–1919*. S. 19; Kozłowski M. *Między Sanem a Zbruczem. Walki o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919*. Kraków, 1990. S. 97–98; Skrzypek J. *Ukraińcy w Austrii podczas Wielkiej Wojny i geneza zamachu na Lwów*. Warszawa, 1939. S. 43–44.

⁶ Q. v.: *Rzeczpospolita ukraińska* // *Czas*. 1918. N 72; Mączyński C. *Boje lwowskie*. T. 1. S. 16; Klimecki M. *Lwów 1918–1919*. S. 25–26.

⁷ Q. v.: *Separatyzm i nacyonalizm* // *Czas*. 1918. N 40.

⁸ Q. v.: *Warunki traktatu* // *Czas*. 1918. N 68; *Zawarcie pokoju z Ukrainą* // *Ibid.* N 65; *Po podpisaniu pokoju z Ukrainą* // *Ibid.* N 67.

⁹ Q. v.: *Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne)*. Kraków, 1982. S. 188–189; *Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... Konflikt polsko-ukraiński o Galicję Wschodnią w latach 1918–1919*. Poznań, 2004. S. 19; *Jabłoński H. Z dziejów genezy sojuszu Piłsudski — Petlura. Początki konfliktu zbrojnego XI 1918 — III 1919* // *Zeszyty Naukowe WAP. Seria Historyczna*, 1961. N 5. S. 40–58.

¹⁰ Q. v.: *Leinwand A. J. Historia Polski 1864–1948*. S. 87; *Łytwyn M. Proklamowanie niezależnej Zachodnio-Ukraińskiej Republiki Ludowej i podejmowane przez nią próby porozumienia się z państwem polskim* // *Rok 1918. Odrodzonej Polska w nowej Europie* / ed. A. Ajnenkiel. Warszawa, 1999. S. 105. Эти решения были ответом на территориальные претензии, возникающие все чаще среди украинских националистов (Q. v.: *Maksymalizm ukraiński* // *Czas*. 1918. N 40; *Hr. Czernin o rokovaniach pokojowych* // *Ibid.*; *Konferencya Ukraińców z rządem* // *Ibid.* N 55) и с возрастающими антипольскими настроениями (Q. v.: *Separatyzm i nacyonalizm* // *Czas*. 1918. N 40; *Oświadczenia hr. Czernina i hr. Hartlinga* // *Ibid.* N 41; *O przyszłość Polski* // *Ibid.* N 55; *Rokowania pokojowe w Brześciu* // *Ibid.* N 59.

¹¹ *Traktat pokojowy z Ukrainą* // *Czas*. 1918. N 68.

¹² Q. v.: *Kronika* // *Ibid.*; *W groźnej chwili* // *Ibid.* N 70; *Rada regencyjna do Narodu Polskiego* // *Ibid.* N 74 itp.

¹³ Q. v.: *Wezwanie do rozważy* // *Ibid.* N 78; Klimecki M. *Lwów 1918–1919*. S. 21–22.

¹⁴ Q. v.: *Żądania galicyjskich Ukraińców* // *Czas*. 1918. N 99; *Zjazd ukraińskich "notablów"* // *Ibid.* N 144; *Koniec idylli* // *Ibid.* N 159; *Stanowisko Rusinów* // *Ibid.* N 279.

независимо настроенной среды. Его главная цель состояла в том, чтобы овладеть Восточной Галицией и взять под контроль действия местной администрации. Подготовка к этой акции началась осенью 1918 года. Восточная Галиция была разделена на районы, куда направлялись эмиссары, определялось примерное количество украинских солдат и добровольцев, которые могли принять участие в захвате провинции. В то же время были предприняты попытки перевести во Львов легион украинских сечевых стрельцов, дислоцированных в Буковине, а также другие подразделения с украинским этническим составом, которые должны были обеспечить украинской стороне преимущество в случае возможной конфронтации с поляками¹⁵.

Переломным моментом в украинской подготовке стало, однако, опубликование 16 октября 1918 года императором Карлом I манифеста¹⁶, в котором он сообщил о преобразовании Австро-Венгрии в федерацию, признал права живущих в ней народов на самоопределение и призвал к созданию местных советов. Документ с энтузиазмом был принят украинцами¹⁷, которые в ответ на предложения императора спустя два дня приняли решение о создании Украинского национального совета (УНС) во Львове. Уже во время первого заседания, которое состоялось 19 октября 1918 года, этот орган провел учредительное собрание и объявил о начале работы по подготовке конституции. Одновременно были определены границы и территория будущего Украинского кронланда, охватывающая «всю этнографическую территорию в Австро-Венгерской империи, а именно: Восточную Галицию с границей на реке Сан, с Лемковщиной, северо-западной Буковиной, с городами Черновцы, Сторожинец и Серет и украинскую территорию северо-восточной Венгрии»¹⁸, принято решение о формировании состава делегации, которая должна была представлять интересы Украины на сессии будущей мирной конференции¹⁹. Важным местом в текущих дискуссиях стал вопрос об отношении к УНР. Однако, поскольку новое государство боролось с серьезными внутренними проблемами, им управляло непопулярное правительство гетмана Павла Скоропадского и ему угрожало быстрое вторжение Советской России, было решено не принимать окончательных решений по этому вопросу. На этом заседании УНС единогласно был избран председатель и три делегации для действий на местах²⁰. В контексте предстоящих событий наиболее важную роль сыграла галицкая делегация во Львове, которая должна была организовать украинскую администрацию в Восточной Галиции и поддерживать постоянный контакт с военными подпольными организациями.

Изменения, происходящие в монархии Габсбургов, мотивировали польские политические круги, которые, ссылаясь на исторические аргументы, еще сильнее подчеркивали необходимость создания независимого польского государства:

«Восточная Галиция с ее культурой, историей и традициями последних нескольких столетий чисто польскими, с ее мозаичным населением, с городами, имеющими польский характер, и особенно с несомненно польским Львовом, — это для нас не только польская земля, но и земля для создания сильного польского государства почти незаменима»²¹.

¹⁵ Q. v.: W Galicyi wschodniej // Czas. 1918. N 488 ; Z dokumentów X. Hanyckiego // Ibid. N 505 ; We Lwowie // Ibid. N 492 ; Akta jen. Pfeffera // Ibid. N 513 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 23–27 ; Kozłowski M. Między Sanem a Zbruczem. S. 143.

¹⁶ Q. v.: Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. Ossolineum, 1990. S. 12. Текст манифеста доступен, в частности: Manifest o przeobrażeniu Austrii // Czas. 1918. N 463.

¹⁷ Q. v.: Austriacy Ukraińcy na rozdrużu // Czas. 1918. N 4770 ; Wrzosek M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. Białystok, 1988. S. 282–285.

¹⁸ Q. v.: Ukraińska konstytuanta // Czas. 1918. N 468.

¹⁹ Q. v.: Ukraińska konstytuanta // Czas. 1918. N 468 ; Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 12 ; Leinwand A. J. Walka dyplomatyczna Polski o Galicję Wschodnią 1918–1923. S. 88–89 ; Dąbkowski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1912–1923. Warszawa, 1985. S. 88 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew... S. 22–23 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 34–38.

²⁰ Q. v.: Klimecki M. Polsko-ukraińska wojna o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919. Warszawa, 1999. S. 50–51 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 23.

²¹ W sprawie likwidacyi // Czas. 1918. N 480.

Руководствуясь этими аргументами, 20 октября 1918 года Львовский городской совет принял резолюцию, в которой было объявлено о создании политических и социальных центров, необходимых для реализации польской государственности в Восточной Галиции²². Это решение, которое явилось ответом на призыв варшавского Регентского совета от 7 октября 1918 года, провозгласившего создание независимого польского государства²³, встретило поддержку польской общины, организовавшей серию митингов и демонстраций. Восемь дней спустя в Кракове была создана Польская ликвидационная комиссия (ПЛК)²⁴, которая в письме-уведомлении премьер-министру Австрии Генриху Ламмашу заявила, что земли Австрийского раздела являются частью польского государства и поэтому комиссия берет власть во всей Галиции. Похожее письмо было направлено галицкому губернатору Карлу фон Гуйну, в котором сообщалось, что делегация ПЛК возьмет на себя его компетенции во время визита во Львове 1 ноября 1918 года²⁵.

Создание ПЛК в качестве субститута польских властей в Галиции потребовало одновременного создания вооруженных сил, которые могли бы обеспечить польские интересы. Однако это была непростая задача. На польских землях одновременно находились конкурировавшие друг с другом военные командования, представлявшие разные политические силы. Серьезной проблемой была нехватка людей и оборудования. В Галиции не было крупных польских подразделений²⁶, а военное имущество Австрии, захваченное в Кракове, оказалось меньше ожидаемого. Поэтому было сложно вооружать большое количество добровольцев. В условиях нарастающих трудностей генерал Болеслав Роя, который был назначен командующим польскими вооруженными силами в Западной Галиции²⁷, энергично приступил к проведению операций по подбору персонала²⁸ и для расширения района действий направил в Восточную Галицию капитана Бронислава Перацкого. Однако эта миссия не была успешной, что было вызвано прежде всего негативным отношением львовских военных организаций к генералу Б. Рою.

Между тем военная ситуация во Львове была очень неблагоприятной для польской стороны. Хотя в городе действовали секретные польские военные организации, число их не превышало 700 человек²⁹. Самой крупной из них была Польская военная организация (ПВО) во главе с лейтенантом Людвиком де Лаво, собравшая около 350 добровольцев, у которых на вооружении было только тридцать ручных винтовок, один пулемет и несколько килограммов взрывчатки. Эти силы могли быть дополнены членами Стрелкового союза³⁰ и скаутами львовских мужских команд, но только 1/3 из них имела полувоенную подготовку. В то же время до конца сентября 1918 года у организаций, действующих во Львове, не было никаких структур, а меры, принятые в конце октября, лишь слегка изменили ситуацию. Это было продиктовано прежде всего преуменьшением деятельности УНС и украинской военной конспирации и убежденностью в том, что реальной угрозы захвата власти украинцами в Восточной Галиции не существует³¹.

²² Q. v.: *Obrona Lwowa 1–22 listopada 1918. T. 2 : Relacje uczestników*. Warszawa, 1991. S. 115–116 ; Klimecki M. *Lwów 1918–1919*. S. 38–39.

²³ Q. v.: Призыв доступен: „Monitor Polski”, *Dodatek nadzwyczajny*. 1918, 7 Paźd. N 168 ; *Ogłoszenie niepodległego państwa polskiego // Czas*. 1918. N 446 ; *Manifest Rady regencyjnej // Ibid*. N 447, 448.

²⁴ Q. v.: *Polska komisja likwidacyjna // Czas*. N 476 ; *Utworzenie komisji likwidacyjnej // Ibid*. N 481.

²⁵ Q. v.: *Jen. Huyn o zamachu Ukraińców // Ibid*. N 511 ; Klimecki M. *Lwów 1918–1919*. S. 39.

²⁶ Q. v.: *Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 34, 54*. Большинство полков с польским составом были переведены на итальянский фронт: *Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 24*.

²⁷ Q. v.: *Przejmowanie władzy w Krakowie // Czas*. 1918. N 487.

²⁸ Q. v.: *Obejmowanie władzy // Ibid*. N 488.

²⁹ Q. v.: Это были Польская военная организация, Польский военный штаб и группа, собравшаяся вокруг полковника Владислава Сикорского; создана офицерами бывшего Польского корпуса помощи. (Q. v.: *Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 36–38 ; Jak opanowali Lwów Rusini // Czas*. 1918. N 500 ; *Wrzosek M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. S. 290–295 ; Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 14–15 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 42.*)

³⁰ Q. v.: *Mieszczanieństwo w obronie Lwowa // Czas*. 1918. N 478.

³¹ Q. v.: *Mrocza L. Galicji rozstanie z Austrią. Zarys monograficzny. Kraków, 1990. S. 59 ; Leinwand A. J. Walka dyplomatyczna Polski o Galicję Wschodnią 1918–1923. S. 89 ; Mączyński C. *Boje lwowskie. T. 1. S. 61–63*.*

Тем не менее создание ПЛК вызвало серьезную озабоченность украинских политических кругов³². Хотя украинцы переоценили количество и состояние подготовки польских военных организаций, однако информация, которая поступала из Кракова о быстром появлении представителей ПКЛ во Львове и подчинении Восточной Галиции польской военной системе, свидетельствовала о готовности поляков захватить провинцию. Возглавляющий галицкую делегацию Константин Левицкий с нетерпением ждал указаний пребывавшего в Вене председателя УНС Евгения Петрушевича, который более спокойно относился к поступающей информации и был уверен, что австрийские власти 31 октября 1918 года примут окончательное решение о подчинении Восточной Галиции УНС³³. Однако К. Левицкий, считая, что примирительная политика и ожидание неопределенного решения Вены способствовали действиям поляков, и желая опередить действия ПЛК, направил губернатору К. фон Гуйну делегацию, требуя передачи власти в Восточной Галиции в руки УНС³⁴. Категорический отказ губернатора Вены убедил некоторых из украинских общин и особенно членов военного заговора, что австрийские власти предпочитают польскую сторону. Поэтому было принято решение взять Львов и Восточную Галицию как можно скорее путем военного переворота. Во время заседания УНС вечером 31 октября 1918 года, представляя заговорщиков, сотник Дмитрий Витовский заявил, что подготовка завершена и отмена приказов невозможна³⁵. В этой ситуации УНС решил поддержать инцидент.

Первой задачей было овладеть Львовом. План оккупации города предусматривал быстрый захват ключевых объектов. Эту задачу следовало выполнить группой из 1500 солдат³⁶ в ночь на 1 ноября 1918 года. Украинские офицеры и солдаты, дислоцированные в Перемышле, Стрые, Коломые, Тарнополе и других городах, должны были согласно полученным приказам и инструкциям разоружить солдат других национальностей и обеспечить создание местной украинской власти. Важной задачей являлись также разрушение железнодорожного моста на реке Сан в Перемышле³⁷, чтобы недопустить переправу польских войск из Кракова в Восточную Галицию.

Украинская подготовка к овладению Львовом не была вовремя замечена командирами польских военных организаций города³⁸. Только 31 октября 1918 года были сделаны первые попытки по созданию объединенного командования в случае возникновения польско-украинского конфликта, но консультации не закончились полным успехом³⁹. Кроме того, из-за части офицеров, отрицающих угрозу со стороны украинской стороны не были предприняты никакие серьезные приготовления на случай инцидента. В результате за три часа заговорщикам удалось захватить ключевые объекты во Львове⁴⁰, а с утра 1 ноября 1918 года город патрулировался крупными украинскими отрядами⁴¹. На своих страницах ежедневник „Czas” сообщал о результатах украинской акции: «Вчера (1 ноября. — Я. Р.) в 4 утра вооруженные украинские солдаты занимали все служебные и общественные здания, в том числе наместничество, почтовое отделение и телеграф, железнодорожный вокзал, Австро-венгерский банк и т. д. На улицах города были размещены

³² Q. v.: Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 13 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 24.

³³ Q. v.: Zamach ukraiński na Lwów // Czas. 1918. N 490 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 47.

³⁴ Q. v.: Zamach ukraiński na Lwów ; Jen. Huyn o zamachu Ukraińców // Czas. 1918. N 511.

³⁵ Q. v.: W Galicyi wschodniej // Ibid. N 488 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 24–26, 30 ; Wrzosek M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. S. 286 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew... S. 24.

³⁶ Q. v.: Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 48–49.

³⁷ Q. v.: W Galicyi wschodniej // Czas. 1918. N 488.

³⁸ Q. v.: Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 13.

³⁹ Q. v.: Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 65, 67 ; Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 17–18 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 51–52.

⁴⁰ Q. v.: W Galicyi wschodniej // Czas. 1918. N 488 ; Zamach ukraiński na Lwów // Ibid. N 490 ; Zająścia we Lwowie // Ibid. N 493 ; Walki we Lwowie // Ibid. N 500 itp. ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 68 ; Dąbkowski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicyi Wschodniej 1912–1923. S. 104.

⁴¹ Q. v.: Zamach ukraiński na Lwów // Czas. 1918. N 490 ; We Lwowie // Ibid. N 492 ; Lipiński W. Wśród Orłąt lwowskich. Warszawa, 1931. S. 5–7.

украинские военные охранники, которые отнимают оружие у проходящих солдат. <...> На постерах Украинский национальный совет сообщает, что он взял на себя управление Восточной Галицией»⁴².

Первая информация о событиях, которые произошли ночью, стала поступать к польским подпольным группам около 6 утра, а немного позже на улицах города произошли первые столкновения⁴³. Несмотря на критическую ситуацию, создание единого командования по-прежнему оставалось чрезвычайно сложной проблемой. В конечном счете главнокомандующим польскими войсками стал капитан Чеслав Мончинский⁴⁴. В тот же день было создано Верховное командование Вооруженных сил Польши во Львове⁴⁵, которое должно было стать главным штабом и Комитетом по безопасности и общественной защите в качестве гражданской власти⁴⁶. Комитет немедленно издал прокламацию, в которой призвал всех польских мужчин присоединиться к польским воинским частям. Несмотря на большой организационный хаос, к концу дня было мобилизовано около 2000 добровольцев⁴⁷ и проведено несколько наступательных действий⁴⁸, но они не принесли большого успеха. Не могла похвастаться особыми успехами и украинская сторона. Украинцы не смогли подавить основные очаги польского сопротивления, и, кроме того, командование столкнулось с серьезной проблемой массового дезертирства, которое в первые дни боевых действий сократило состояние украинских войск наполовину⁴⁹. Хотя относительно быстро удалось пополнить отряды добровольцами из провинций⁵⁰ и спешно мобилизовать их, созданные отряды имели низкую боевую готовность. 2 ноября 1918 года полякам удалось вытеснить украинцев с главного железнодорожного вокзала⁵¹ и аэропорта в Левандовке⁵², но в последующие дни жестокие и кровавые бои проходили на отдельных улицах и даже объектах⁵³. Несмотря на то что украинцы получили поддержку украинских сечевых стрельцов и других подразделений, инициатива в первые дни боевых действий принадлежала польской стороне. К 7 ноября фронт в городе стабилизировался, но почти все львовские склады продовольствия и боеприпасов были расположены в районах, контролируемых поляками.

Одновременно с боевыми действиями во Львове украинские заговорщики начали действия на местах⁵⁴. В качестве стратегического пункта был назначен Перемышль, в котором планировалось развернуть сильный гарнизон, чтобы защитить Львов от возможно-

⁴² Sytuacja we Lwowie // *Czas*. 1918. N 489.

⁴³ Q. v.: *Zamach ukraiński na Lwów* // *Ibid*. N 490.

⁴⁴ Q. v.: *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 67–69, 85, 162; *Łapiński-Nilski S., Korn A. Listopad we Lwowie* (1918). *Łapy-Białystok*, 1993. S. 14–15.

⁴⁵ Q. v.: *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 67–68.

⁴⁶ Q. v.: *Pod terrorem ukraińskim* // *Czas*. 1918. N 505; *Klimecki M. Lwów 1918–1919*. S. 61; *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 79–80. В то же время в части города, оккупированной украинцами, был создан Польский национальный комитет. Оба комитета объединились 25 ноября 1918 г., создав Временный руководящий комитет (Q. v.: *W oswobodzonym Lwowie* // *Czas*. 1918. N 515).

⁴⁷ Q. v.: *Z dni grozy we Lwowie* // *Czas*. 1918. N 503. Значительную часть добровольцев составляли младшие школьники и учащиеся (Q. v.: *We Lwowie* // *Ibid*. N 492; *Zajścia we Lwowie* // *Ibid*. N 493; *W oswobodzonym Lwowie* // *Ibid*. N 515 *itp.*) О смерти одного из самых молодых защитников Львова сообщили в «Цесе», написав: «Тяжело раненный Персенковке 13-летний солдат Антони Петрыкевич, ученик второго класса, умер 14 числа текущего месяца в больнице от полученных ранений. Молодой солдат принадлежал к тем, кто первым защищал Львов; во время украинского вторжения он сражался на самом опасном посту, на Казнейной горе» (Q. v.: *Na froncie lwowskim* // *Ibid*. N 13). А. Петрусевич, награжден посмертно военным орденом «*Virtuti Militari*» и остается самым молодым его кавалером.

⁴⁸ Q. v.: *Sytuacja we Lwowie* // *Czas*. 1918. N 495; *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 77, 86.

⁴⁹ Q. v.: *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 223; *We Lwowie* // *Czas*. 1918. N 492.

⁵⁰ Q. v.: *Sytuacja we Lwowie* // *Czas*. 1918. N 495.

⁵¹ Q. v.: *We Lwowie* // *Ibid*. N 492; *Sytuacja we Lwowie* // *Ibid*. N 495; *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 96–100.

⁵² Q. v.: *Mordawski H. Polskie lotnictwo wojskowe 1918–1920. Narodziny i walka*. Wrocław, 2009. S. 20–21; *Olejko A. Działania lotnicze w pasie karpackim w latach 1914–1947*. Rzeszów, 2005. S. 85–86.

⁵³ Q. v.: *We Lwowie* // *Czas*. 1918. N 498; *Z dni grozy we Lwowie* // *Ibid*. N 503; *Filar W. Przyczyny i przebieg bojów o Lwów i Małopolskę wschodnią w roku 1918–1919* // *Polskie Jutro*, 2005. N 162.

⁵⁴ Q. v.: *Mączyński C. Boje lwowskie*. T. 1. S. 88–90.

го польского захвата с запада. Несмотря на подготовку, проведенную с начала октября, итоги этой деятельности были очень ограниченными. Поэтому председатель УНС в Перемышле скептически оценил планы вооруженного захвата города⁵⁵ и решил начать переговоры с польской стороной. Это привело к тому, что большинство солдат украинского происхождения вернулось домой, игнорируя призывы офицеров присоединиться к украинским подразделениям. Однако, несмотря на это, положение польских конспирационных структур оставалось сложным. В Перемышле и его окрестностях были созданы структуры ПВО, которые собирались захватить город в случае развала Австро-Венгрии, и хотя их число было небольшим, 1 ноября 1918 года, когда они узнали о начале боевых действий во Львове, им удалось захватить город. В то же время начались переговоры с украинцами относительно совместного управления, которые завершились подписанием соответствующего соглашения⁵⁶. На эту тему ежедневник «Czas» писал: «В Перемышле на данный момент существует временный комитет, состоящий из 4 украинцев и 4 поляков. Комитет ввел нейтралитет до принятия решения соответствующей властью. Весь Перемышль осажден поляками. На данный момент украинцы создают свои посты. Город спокоен. <...> Переговоры с украинцами только что были подписаны»⁵⁷.

Однако это соглашение длилось недолго и через три дня украинцы предприняли успешную попытку захватить город⁵⁸. Несмотря на ожесточенные бои, они не смогли пересечь Сан и контролировать левобережную часть Перемышля⁵⁹. Поэтому их успех следует считать частичным, а удержание части Перемышля польской стороной оказало значительное влияние на события, происходящие в этом районе: полякам удалось завладеть Саноком и Ярославом, создать местные власти в Новом Сонче, Тарнуве, Кросно, Ланьцуте и Жешуве⁶⁰, что позволило быстро разбить слабые войска украинской милиции к западу от Сана. В Восточной Галиции процесс формирования украинской администрации в захваченных городских центрах проходил без осложнений⁶¹.

Продолжавшиеся во Львове тяжелые бои⁶² привели к значительным потерям с обеих сторон, а отсутствие убедительных успехов на линии фронта побудило УНС продолжить политику фактов. Окончательно отказавшись от надежд на поддержку национальных планов Австро-Венгрией, 9 ноября 1918 года было создано правительство — Государственный секретариат во главе с К. Левицким, а через четыре дня принята так называемая Малая Конституция. В силу этого акта было провозглашено создание независимого украинского государства и введены его официальное название — Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), государственный герб и флаг⁶³. В то же время были организованы украинские вооруженные силы — Галицкая армия⁶⁴, и начались переговоры о налаживании сотрудничества с УНР⁶⁵.

⁵⁵ Q. v.: W Galicyi wschodniej // Czas. 1918. N 488.

⁵⁶ Q. v.: Sytuacja w Przemyślu // Czas. 1918. N 489.

⁵⁷ W Galicyi wschodniej // Ibid. N 488.

⁵⁸ Q. v. ibid. 1918 N 490 ; Ogłoszenie Zarządu miasta Przemyśla o objęciu władzy przez Ukrainką Narodową Radę z 4.11.1918 r. // Kaput W. Akta dotyczące działalności Polskiej Rady Narodowej w Przemyślu (listopad 1918 — luty 1919) // Przemyskie Zapiski Historyczne. 1974. T. 1. N 6. S. 111 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 91.

⁵⁹ Q. v.: Sytuacja we Lwowie // Czas. 1918. N 495 ; Walka o Galicyę wschodnią // Ibid. N 498 ; Pismo Polskiej Rady Narodowej w Przemyślu do PKL z 7.11.1918 r. // Kaput W. Akta dotyczące działalności Polskiej Rady Narodowej w Przemyślu (listopad 1918 — luty 1919). N 11. S. 115.

⁶⁰ Obejmowanie władzy // Czas. 1918. N 492 ; W Galicyi wschodniej // Ibid. N 494.

⁶¹ Obejmowanie władzy // Ibid. N 488 ; W Galicyi wschodniej // Ibid. N 494, N 496 itp.

⁶² Walki we Lwowie // Ibid. N 502 ; Z frontu bojowego we Lwowie // Ibid. N 503 ; Pod terrorem ukraińskim // Ibid. N 505 itp.

⁶³ Republika zachodnio-ukraińska // Ibid. N 509 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 2. S. 75 ; Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 41 ; Wrzosek M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. S. 315 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 87–88 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 54–55.

⁶⁴ Mączyński C. Boje lwowskie. T. 2. S. 76.

⁶⁵ Q. v.: Dąbkowski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1912–1923. S. 107, 114 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 55.

Вспышка польско-украинской войны сильно обеспокоила польские политические круги как в Варшаве, так и в Кракове. Ход событий в Восточной Галиции показал, что провинция может оказаться за пределами возрождающегося польского государства, что противоречило польским национальным интересам. Поэтому самой быстрой задачей было отправить военные резервы как можно скорее во Львов. Но это была непростая задача. Генеральный штаб, который был создан в Варшаве, имел в своем распоряжении только 9000 солдат Польских вооруженных сил, подчиненных Регентскому совету, а у ПЛК было такое же количество солдат в Западной Галиции, набранных в основном из выздоравливающих и молодых новобранцев, мобилизованных на последнем этапе войны. Однако не было никаких сомнений в том, что отправка резервов во Львов является вопросом срочности⁶⁶, тем более что, как сообщалось на страницах ежедневника "Czas", «после двух недель героической обороны Львов, уставший от голода, покрытый градом пушечных снарядов, телами храбрых защитников, стоял на грани капитуляции перед бандами сичевников и диких украинских солдафонов»⁶⁷. Поэтому для проведения этой акции были приняты координированные меры для создания и оснащения соответствующих сил⁶⁸. Сформированные в Кракове и отправленные на восток войска 11 ноября 1918 года вернули Перемышль⁶⁹, что открыло дорогу в направлении Львова. Однако их дальнейший путь к осажденному городу был остановлен генералом Б. Роей на несколько дней. Только вечером 18 ноября 1918 года польские войска, насчитывающие около 1400 солдат⁷⁰, были отправлены по железной дороге из Перемышля. Их охрану осуществлял бронепоезд и кавалерийские подразделения, которые несколько раз сталкивались с меньшими украинскими подразделениями⁷¹. Достигнув Львова 20 ноября 1918 года, эти войска уже на следующий день были направлены на передовую, что значительно улучшило стратегическую ситуацию польской стороны и позволило 21 ноября совершить нападение на позиции противника⁷², вызвав в нескольких местах панику в украинских рядах. Эта ситуация побудила украинское командование принять решение о выводе войск из Львова 22 ноября 1918 года⁷³. Занятие всего города было воспринято гражданским населением с большим энтузиазмом, но в результате столкновений, продолжавшихся с 1 ноября, погибли или умерли от ран 439 солдат и 157 гражданских лиц⁷⁴. В то же время овладение Львовом, хотя и имело существенное психологическое значение, привело к окончанию польско-украинской войны и город стал самым дальним форпостом, связанным с территорией, контролируемой польскими властями, только железнодорожной линией из Перемышля⁷⁵. Сам город и его непосредственное окружение по-прежнему были уязвимы для нападений со стороны как небольших, так и крупных украинских подразделений или антипольски настроенного местного населения⁷⁶. На эту тему публицисты «Времени» писали: «В окрестностях Львова украинские банды сожгли, кроме Сокольников, несколько других

⁶⁶ Q. v.: Na odsiecz Lwowa // Czas. 1918. N 500 ; Odsiecz dla Lwowa // Ibid. N 501 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 205.

⁶⁷ Q. v.: Lwów — bez odsieczy! // Czas. 1918. N 505.

⁶⁸ Q. v.: Lwów jeszcze się trzyma // Ibid. N 506.

⁶⁹ Q. v.: Walki o wschodnią Galicyę // Ibid. N 500 ; Zajęcie Przemyśla // Ibid. N 501 ; Zajęcie Przemyśla // Ibid. N 503 ; Z walk o Przemyśl // Ibid. N 506.

⁷⁰ В их числе были: батальон 5-го пехотного полка легионов, Краковский офицерский легион, компания из 10-го пехотного полка с отрядом пулеметов, саперный взвод, две артиллерийские батареи (восемь пушек), две кавалерийские секции и бронепоезд (Q. v.: Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 302).

⁷¹ Q. v.: W oswobodzonym Lwowie // Czas. 1918. N 514 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 263.

⁷² Q. v.: Odsiecz Lwowa // Czas. 1918. N 513 ; W oswobodzonym Lwowie // Ibid. N 514.

⁷³ Q. v.: Lwów w polskich rękach! // Ibid. N 512 ; Ostatnie wiadomości ze Lwowa // Ibid. N 515 ; Po oswobodzeniu Lwowa // Ibid. N 516 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 1. S. 328–329 ; Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. S. 52 ; Dąbkowski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1912–1923. S. 109 ; Leinwand A. J. Walka dyplomatyczna Polski o Galicyę Wschodnią 1918–1923. S. 89.

⁷⁴ Q. v.: Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 126–127 ; Olszański T. A. Historia Ukrainy XX wieku. Warszawa, 1994. S. 88 ; Mączyński C. Boje lwowskie. T. 2. S. 168 ; Walki o Galicyę wschodnią // Czas. 1918. N 498 ; Walki we Lwowie // Ibid. N 502 ; Z frontu bojowego we Lwowie // Ibid. N 503.

⁷⁵ Q. v.: Lwów kwaterą główną // Czas. 1918. N 520.

⁷⁶ Q. v.: Walki w Galicyi wschodniej // Ibid. N 525 ; Próba odcięcia Lwowa // Ibid. N 526 ; Rusczy zakłdanicy // Ibid. N 526.

деревень с польским населением, а именно Верхнюю Белку, Нижнюю Белку, Сихов и Давыдов. В Лесицах, за Лычаковским шлагбаумом, отделение польской армии разоружило украинских крестьян, которые занимали опасную позицию. В Виннички, колонию за Винниками, вторглась украинская банда и убила шесть хозяев — поляков»⁷⁷.

Несмотря на попытки, предпринятые несколько раз к концу ноября 1918 года, командование не смогло создать постоянную линию фронта и боевые действия носили характер подвижной войны, что значительно затрудняло проведение военных операций. Серьезная проблема заключалась также в относительно низком уровне подготовки значительной части польских солдат и недостатке поставок и снабжения⁷⁸.

Между тем УНС после ухода из Львова впервые установил командование в Золочеве, а затем в Тернополе и принял меры по возврату столицы Галиции. Были усилены переговоры с представителями УНР об активизации сотрудничества⁷⁹, началась реорганизация и перегруппировка подразделений Галицкой армии, в структуру которых были включены подразделения, отправленные властями УНР в Восточную Галицию, хотя помощь гетмана П. Скоропадского, а затем Семена Петлюры была намного меньше, чем ожидалось⁸⁰. Тем не менее, уже в последние дни ноября 1918 года украинцы предприняли первые попытки вернуть утраченную территорию⁸¹. Однако эти действия не принесли ожидаемых результатов, что привело к смене главнокомандующего УГА. Полковник Гнат Стефанов был заменен генералом Михаилом Омеляновичем-Павленко, который разработал новый план наступления на польские войска. С этой целью вблизи столицы Галиции были сосредоточены значительные силы, которые в начале декабря начали наступательные действия, изначально приносявшие значительный успех⁸². Украинцы заняли Хыров, Городок (Ягеллонский) и Дубляны, разбили польские войска под Яворовом и Микулинцами. Однако 11 декабря 1918 года под давлением поляков вынуждены были вернуться на прежние позиции. Хотя украинцы не смогли вновь занять Львов, город был окружен⁸³. В ходе непрерывных боев и артиллерийских обстрелов положение защитников и жителей города стало очень сложным. Украинцы разрушили здание водоснабжения, канализационные трубы, серьезно повредили электростанцию, число убитых и раненых постоянно росло, командование обороны боролось с проблемой обеспечения достаточного количества солдат для пополнения отдельных участков⁸⁴. В последние дни декабря 1918 года украинцы вели сильную атаку на Львов, что почти закончилось прорывом оборонительных линий Польши. Это побудило Верховное командование принять немедленные меры. 6 января 1919 года созданная несколькими днями ранее оперативная группа «Буг» под командованием генерала Яна Ромера совершила наступление в направлении Львова с задачей прорвать окружение и обеспечить зону между Равой Руской и железнодорожной линией Перемышль — Львов⁸⁵. Некоторые из подразделений этой группы после ожесточенных боев в Куликове три дня спустя вошли во Львов, значительно усилив защиту города. Однако на других участках фронта польские войска не смогли

⁷⁷ Q. v.: Lwów kwaterą główną // Czas. 1918. N 520 ; Przeciw hajdamaczyźnie // Ibid. N 529 ; Walki w Galicyi wschodniej // Ibid. N 538 itp.

⁷⁸ Q. v.: Walki w Galicyi wschodniej // Czas. 1918. N 521 ; Walki w Galicyi wschodniej // Ibid. N 523 ; Próba odcięcia Lwowa // Ibid. N 526 itp.

⁷⁹ Q. v.: Na Ukrainie // Czas. 1919. N 26 ; Uniwersał o Wielkiej Ukrainie // Ibid. N 27 ; Kozłowski. M. Między Sanem a Zbruczem. S. 206–207 ; Front ukraiński a bolszewicy // Czas. 1919. N 19.

⁸⁰ Q. v.: Bolszewizm w Galicyi wschodniej // Czas. 1919. N 10 ; Mobilizacja polska w Galicyi wschodniej // Ibid. N 10 ; Sopotnicki M. Kampania polsko-ukraińska. Doświadczenia operacyjne i bojowe. Lwów, 1921. S. 19.

⁸¹ Q. v.: Przed inwazyją ukraińską // Czas. 1918. N 523 ; Walki w Galicyi wschodniej // Ibid. N 524, 525.

⁸² Q. v.: Komunikat polskiego jen. Sztabu // Czas. 1918. N 520 ; Przeciw hajdamaczyźnie // Ibid. N 529 ; Przed inwazyją // Ibid. N 530.

⁸³ Q. v.: W oblężanym Lwowie // Czas. 1918. N 546 ; Walki pod Lwowem // Ibid. ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 145–148 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 73.

⁸⁴ Q. v.: Kto nie chce odsieczy Lwowa? // Czas. 1919. N 4 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 83.

⁸⁵ Q. v.: Polska ofenzywa w Galicyi wschodniej // Czas. 1919. N 7 ; Ofenzywa polska w Galicyi wschodniej // Ibid. N 8 ; Walki pod Lwowem // Ibid. N 12 itp.

добиться больших успехов. Таким образом, результатом кровавых столкновений первой половины января 1919 года была лишь частичная коррекция линии фронта, а Львов по-прежнему находился почти в полном окружении⁸⁶.

В то же время геополитическая ситуация в польском государстве значительно ухудшилась. В последние дни декабря 1918 года вспыхнуло Великопольское восстание, в критическую фазу вступили польско-чешские конфликты в Тешинской Силезии и польско-литовский спор, а Красная армия появилась в районах, на которые на Востоке претендовала Польша. Эта чрезвычайно сложная ситуация побудила главу государства Юзефа Пилсудского рассмотреть возможность поиска путей достижения соглашения с украинской стороной. Эта идея была основана на двух важных предпосылках. Во-первых, она перекликалась с созданной Ю. Пилсудским федеративной концепцией, предусматривающей создание и союз с Польшей независимых государств, которые должны представлять собой своего рода буферную зону между Польшей и Советской Россией. Во-вторых, мирные переговоры Польши с украинской стороной ожидали силы Антанты, для которых обе страны являлись своего рода защитой Западной Европы от большевистской революции. Поэтому Антанта решила активно участвовать в переговорах по завершению польско-украинского конфликта.

Первые попытки повлиять на ситуацию в Восточной Галиции были предприняты лейтенантом Анри Виллайем, отправленным в Галицию уже во второй половине ноября 1918 года из города Яссы⁸⁷. Однако его действия не принесли никаких результатов, как и работа британской делегации, прибывшей во Львов в середине декабря⁸⁸. Однако это не остановило политиков западных держав. В конце декабря 1918 года в Варшаву прибыла британская военная миссия с полковником Гарри Уэйдом, чтобы ознакомиться с общей ситуацией в Польше⁸⁹. Во время разговоров с Пилсудским он настаивал на самых быстрых переговорах с украинцами и даже предлагал временно оккупировать Восточную Галицию союзными войсками и посредничество в переговорах. Хотя британская концепция не полностью подходила Пилсудскому, он пообещал рассмотреть ее. В начале января 1919 года польская сторона заявила о готовности начать переговоры с украинцами и предложила потенциальную линию перемирия вдоль рек Буг и Свича. В то же время англичане начали переговоры с украинцами, которые в свою очередь твердо настаивали на демаркационной линии на реке Сан, что в принципе определяло бы будущее Львова. Однако более широкие польско-украинские консультации под эгидой Соединенного Королевства не состоялись из-за появления новой военной миссии в Галиции⁹⁰, председателем которой был французский генерал Джозеф Бартелеми⁹¹, предложивший с учетом ситуации на линии фронта демаркационную линию вдоль Буга и верхнего Днестра, одновременно отдав Дрогобычско-Бориславский нефтегазоносный бассейн под международное управление⁹². Это предложение не получило признания украинской стороны, которая, обвинив французов в поддержке поляков, отказалась от переговоров. Таким образом, единственным результатом работы миссии союзников было ознакомление западных держав с ситуацией в Восточной Галиции⁹³. В то же время жесткая позиция украинских поли-

⁸⁶ Q. v.: Walki w Galicyi wschodniej // Czas. 1919. N 8 ; Lwów pod ogniem // Ibid. N 10 ; Walki w Galicyi wschodniej // Ibid. N 11 и итп. ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 87–90 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 151–156.

⁸⁷ Q. v.: „Times” o zdobyciu Lwowa // Czas. 1918. N 532.

⁸⁸ В состав миссии вошли: капитан Томас Джонсон и лейтенант Рилок Бидерманн (Q. v.: Misja angielska we Lwowie // Czas. 1918. N 536 ; Nowe walki pod Lwowem // Ibid. N 537).

⁸⁹ Q. v.: Misye koalicyi we Lwowie // Czas. 1919. N 12 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 90–98 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 162–164 ; Klimecki M. Wojna czy pokój. Polsko-ukraińskie negocjacje w latach 1918–1921 // Polska i Ukraina. Sojusz 1920 r. i jego następstwa / ред. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka. Toruń, 1997. S. 48–51.

⁹⁰ Q. v.: Misya wojskowa koalicyi w Krakowie // Czas. 1919. N 13 ; Misya koalicyjna w Krakowie // Ibid. N 15 ; Misya koalicyjna w Krakowie // Ibid. N 16 итп.

⁹¹ Q. v.: Telegram jen. Barthelemy’ego // Czas. 1919. N 22 ; Na froncie wschodnim // Ibid. N 33 ; Kozłowski M. Między Sanem a Zbruczem. S. 229–245 ; Klimecki M. Wojna czy pokój ... S. 51–57 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 98–107.

⁹² Q. v.: Na frontach wschodnich // Czas. 1919. N 42.

⁹³ Q. v.: Przemówienie jen. Barthelemy’ego // Ibid. N 38 ; Na froncie wschodnim // Ibid. N 38.

тиков все чаще склоняла представителей Антанты задуматься о присоединении к Польше не только Львова, но и всей области⁹⁴. Провал переговоров через военные миссии и отношение союзников к украинцам, убедило власти ЗУНР в том, что единственный способ разрешить конфликт с поляками — это политика свершившихся фактов. Таким образом, в конце января 1919 года была возобновлена подготовка к наступлению, которое должно было вернуть Львов и другие потерянные районы до того, как мирная конференция в Париже примет решение по этому вопросу.

Наступление Галицкой армии началось 16 февраля 1919 года⁹⁵. Проведенные контратаки польского командования не принесли никаких результатов⁹⁶, и украинским войскам удалось контролировать пригороды Львова и соседние местности и затем отбросить польские войска к Судовой Вишне, Мостискам и Медыке⁹⁷. Таким образом, положение осажденной столицы Галиции стало критическим, а Верховное командование Польши не смогло отреагировать на отчаянные просьбы Львова о помощи. Улучшение ситуации ожидалось от деятельности Межсоюзной комиссии по изучению польских дел, которая прибыла в Варшаву в середине февраля⁹⁸. Надежды на международное вмешательство доказали свою правоту, и Комиссия решила навязать сторонам конфликта соглашение о перемирии. Из ее состава был назначен специальный подкомитет, возглавленный Дж. Бартелеми⁹⁹, который 23 февраля 1919 года начал работать во Львове¹⁰⁰. Твердое давление на украинцев повлияло на то, что они согласились назначить делегацию для проведения переговоров о прекращении огня¹⁰¹. Возглавил украинскую делегацию Осип Бурачевский. Однако переговоры во Львове не дали никаких результатов. В их ходе выяснилось, что украинцы не только не согласились с демаркационной линией, предложенной подкомитетом¹⁰², но и потребовали, чтобы она была перенесена на линию реки Сан, и что в будущем они предусматривают включение не только Перемышля, но и всей Лемковщины в свои границы¹⁰³. Хотя тупик в переговорах был преодолен и украинская делегация изначально приняла условия¹⁰⁴, перемирие не было подписано. 1 апреля 1919 года ЗУНР сорвал прекращение огня¹⁰⁵, а через три дня возобновил наступательные операции в Восточной Галиции¹⁰⁶.

В первые дни боевых действий силы украинской армии, воспользовавшись фактором неожиданности, разбили польские подразделения в Стодольниках, прервали железнодорожное сообщение со Львовом и окружили Грудек Ягеллоньский¹⁰⁷. Защитники Львова были полностью отрезаны от поставок продовольствия и боеприпасов. Ситуация

⁹⁴ Эта позиция была даже представлена британцами, ранее негативно относившимися к расширению польского владения в Восточной Галиции (Q. v.: Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew ... S. 81).

⁹⁵ Q. v.: Na frontach wschodnich // Czas. 1919. N 42 ; Ofenzywa ukraińska na Lwów // Ibid. N 43.

⁹⁶ Q. v.: Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 168–170.

⁹⁷ Q. v.: Przed rozejmem we Lwowie // Czas. 1919. N 44 ; Walki pod Lwowem // Ibid. N 45 ; Na froncie ukraińskim // Ibid. N 46 itp.

⁹⁸ Q. v.: Delegaci koalicyi w Warszawie // Ibid. N 39–41 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew... S. 107–118 itp.

⁹⁹ Q. v.: Przed rozejmem we Lwowie // Czas. 1919. N 44 ; Jen. Barthelemy w Przemyślu // Ibid. N 46.

¹⁰⁰ Q. v.: Misya koalicyjna we Lwowie // Ibid. N 49.

¹⁰¹ Q. v.: Rozejm na froncie ukraińskim // Czas. 1919. N 51 ; Po rozejmie na froncie ukraińskim // Ibid. N 52. Однако более мелкие столкновения между армиями обеих сторон продолжались (Q. v.: Na froncie bolszewickim // Ibid. N 53).

¹⁰² Q. v.: Koalicya i Ukraina // Ibid. N 58.

¹⁰³ Q. v.: Podwójna gra Ukraińców // Ibid. N 67.

¹⁰⁴ Q. v.: Misya koalicyjna a rozejm z Ukraińcami // Ibid. N 55.

¹⁰⁵ Q. v.: Lwów znowu zagrożony! // Ibid. N 56.

¹⁰⁶ Q. v.: Lwów pod ruskim ogniem // Ibid. N 57 ; Ofenzywa ukraińska na Lwów // Ibid. N 57 ; Odrzucenie Ukraińców pod Gródkiem // Ibid. N 62 itp. ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 173. Возобновив военные действия, украинцы также стреляли в поезд, которым миссия союзников покинула Львов. Об этом говорилось на страницах „Czas”: «Родатычами и Городком был обстрелян союзный поезд, несколько человек в котором получили ранения. Поезд, везущий миссию, был оснащен флажками союзников. Несмотря на это, украинцы стреляли в поезд артиллерийским огнем. Команда украинских войск была специально уведомлена о прохождении этого поезда» (Lwów pod ruskim ogniem // Ibid. N 57).

¹⁰⁷ Q. v.: Na froncie pod Lwowem // Czas. 1919. N 59 ; Zasadzka na pociąg pod Lwowem // Ibid. N 61.

польских войск, сражавшихся в Восточной Галиции, вновь стала критической. Комментируя эту ситуацию и обращаясь к польскому обществу и политическим кругам, публицисты «Времени» писали: «Историк нашей эпохи однажды предъявит серьезное обвинение обществу, которое так беспомощно смотрит на трагедию одной из польских столиц и позволяет ей кровоточить или голодать пять месяцев. Поляков, собравшихся вместе, более двадцати миллионов. Если бы между ними воцарилось только согласие, наш Львовский фронт — и еще весь наш восточный фронт выглядел бы иначе. У нас нет этого согласия и этого единства. Наша энергия иссякает гораздо больше на борьбу против друг друга, чем на борьбу с большевистской Россией или гайдамацкой Украиной»¹⁰⁸.

По инициативе Польши вновь была проведена работа Межсоюзной комиссии, члены которой признали украинскую сторону виновной в нарушении переговоров о перемирии, заверили польские власти в том, что Антанта не допустит, чтобы немцы совершили боевые действия в Великой Польше, что позволило передать несколько батальонов из Познани на галицийский военный театр¹⁰⁹. Появление новых подразделений на поле боя определенно улучшило ситуацию и позволило провести 12 марта 1919 года контратаку¹¹⁰. В результате польским войскам удалось захватить железнодорожную линию Перемышль — Львов, разбить украинские войска, сосредоточенные в окрестностях Вишенки и Яворова¹¹¹, и, наконец, 26 марта разбить позиции противника в Залесье и прорвать кольцо вокруг галицийской столицы¹¹². Хотя линия фронта находилась недалеко от Львова и город обстреливался украинской артиллерией, польская армия в любой момент могла рассчитывать на пополнение людскими ресурсами и военной техникой в ходе продолжающихся позиционных сражений.

Однако успех операций с середины марта не означал конца военных действий. Из-за повышенной угрозы со стороны Красной армии на северо-востоке Ю. Пилсудский решил свести к минимуму наступательные действия в Восточной Галиции до прибытия из Франции «Голубой Армии» генерала Юзефа Галлера и до успешного завершения Вильнюсской экспедиции.

Между тем с начала января 1919 года Красная армия начала наступление против УНР и заставила армию противника отступить на запад. В первые дни февраля русские вошли в Киев, а к концу марта, отразив несколько украинских контратак, захватили значительную часть территории УНР¹¹³. Положение украинцев было дополнительно осложнено информацией о приближении поддерживаемых Антантой контрреволюционных вооруженных сил Юга России генерала Антона Деникина¹¹⁴. Хотя потенциальная конфронтация между этой армией и Красной армией казалась благоприятным обстоятельством для Польши, но официальные заявления «белых генералов» относительно западных границ России после победы контрреволюции исключали возможность существования независимого украинского государства и ограничили Польшу территорией Царства Польского¹¹⁵. Это вызвало немедленную реакцию польских властей, которые, стараясь достичь своих собственных целей, были вынуждены вновь вернуться к политике свершившихся фактов. С одной стороны, это должно было защитить польское население, живущее в районах к востоку от Буга, а с другой — обеспечить реализацию концепции федерации, продвигаемой Пилсудским. Используя усиление собственных сил за счет прибывающих из Франции с середины апреля

¹⁰⁸ Roma deliberante // Ibid. N 69.

¹⁰⁹ Q. v.: Złamanie ofenzywy ukraińskiej // Ibid. N 74 ; Klimecki M. Lwów 1918–1919. S. 177–178.

¹¹⁰ Q. v.: Dalsze ataki Ukraińców pod Lwowem // Czas. 1919. N 68.

¹¹¹ Q. v.: Akcja przeciw Ukraińcom pod Lwowem // Ibid. N 70 ; Na froncie wschodnim // Ibid. N 71 ; Obrona Lwowa // Ibid. N 73 itp.

¹¹² Q. v.: Odwrót Ukraińców // Ibid. N 81 ; Lwów pod ogniem huraganowym // Ibid. N 82.

¹¹³ Q. v.: Na froncie bolszewickim // Ibid. N 86 ; Na Ukrainie // Ibid. N 89 ; Ukraina pod rządami bolszewików // Ibid. N 101 itp.

¹¹⁴ Q. v.: Zwycięstwa jen. Denikina // Czas. 1919. N 167.

¹¹⁵ Q. v.: Francuski plan wskrzeszenia Rosyi // Ibid. N 137 ; Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew... S. 43–44 ; Brzoza C., Sowa A. L. Historia Polski 1918–1945. Kraków, 2006. S. 30.

1919 года частей «Голубой Армии»¹¹⁶, польская сторона 14 мая 1919 года провела обширное наступление на Вольни и быстро отбросила украинские войска на юго-восток¹¹⁷. В конце месяца под контролем армии УНР оставалось лишь несколько десятков квадратных километров в районе Дубно и Ровно¹¹⁸. В этой ситуации командование армией УНР решило прорваться к Подолью, куда украинские подразделения прибыли в первые дни июня 1919 года.

После операции в Вольни польские действия продолжились в первые дни июня в Восточной Галиции, а их результатом стало вытеснение противника к линии Галич — Броды¹¹⁹, где польские действия были остановлены контратаками украинской армии. Поскольку движения противника не были своевременно замечены польским командованием, уже 8 июня украинцы легко отразили атаку противника и вынудили польские отряды отступить. В середине июня украинцы достигли линии Подгайцы — Тарнополь¹²⁰. Польское командование стремилось как можно скорее остановить украинское наступление. На это решение также повлияла информация из Парижа. Представители Антанты, опасаясь успехов Красной армии на территории УНР, пытались любой ценой привести к польско-украинскому соглашению в Восточной Галиции, однако поскольку их попытки не принесли ожидаемых результатов¹²¹, 25 июня 1919 года на Парижской мирной конференции было принято решение, согласно которому Восточная Галиция в течение 25 лет должна была быть передана польской администрации, после чего о ее принадлежности должен решить плебисцит¹²². Однако такое решение, хотя и временно выгодное для Польши, представляло для нее реальную угрозу потери Восточной Галиции из-за значительной распространенности украинского населения на данной территории¹²³. Осознавая эту угрозу, польские власти пытались решить «украинский вопрос» до того, как решение Совета десяти станет окончательным, тем более что в северных и центральных частях Восточного фронта происходило все больше столкновений с Красной армией и угрожало открытым конфликтом с Советской Россией. Поэтому план следующего наступления, которое началось уже 29 июня 1919 года¹²⁴, был подготовлен спешно. В ходе жестоких боев польские войска сумели отбросить украинцев в юго-восточном направлении и 17 июля 1919 года окончательно вынудили их отступить за Збруч¹²⁵. Вместе с ними территорию Восточной Галиции оставили и власти ЗУНР.

Таким образом, Польша достигла всех целей, поставленных на пороге независимости в 1918 году в Восточной Галиции. В пределах польского государства оказалась вся провинция, которая была быстро интегрирована в административные структуры остальной страны. Хотя официального подтверждения со стороны великих держав существующей с июня 1919 года ситуации Польше пришлось ждать еще четыре года, об отделении Галиции от Польши не могло уже быть и речи.

¹¹⁶ Q. v.: Pierwszy pociąg z wojskiem jen. Hallera // Czas. 1919. N 103 ; Pierwsze wojska jen. Hallera w Warszawie // Ibid. N 104 itp.

¹¹⁷ Q. v.: Sukcesy wojsk polskich // Czas. N 128 ; Oswobodzenie Sokala // Ibid. N 129 ; Zajęcie Łucka, Żółkwi i Sambora // Ibid. N 130 itp. ; Hupert W. Zajęcie Małopolski Wschodniej i Wołynia w 1919 r. Lwów ; Warszawa, 1928. S. 60–76.

¹¹⁸ Q. v.: Na frontach wschodnich // Czas. 1919. N 131.

¹¹⁹ Q. v.: Dalsze sukcesy wojsk polskich // Czas. 1919. N 136 ; Na froncie ukraińskim // Ibid. N 137 ; Odwrót Ukraińców // Ibid. N 139 itp.

¹²⁰ Q. v.: Nowe walki pod Tarnopolem // Ibid. N 158 ; Nowa ofensywa ukraińska // Ibid. N 159 ; Nowe walki pod Tarnopolem // Ibid. N 158 itp.

¹²¹ Q. v.: Układy o rozejm z Ukraińcami // Ibid. N 161 ; Zerwanie rokowań z Ukraińcami // Ibid. N 164.

¹²² Q. v.: “Wyodrębnienie Galicji” // Ibid. N 167 ; Koalicja o linii Zbrucza // Ibid. N 170.

¹²³ Согласно переписи 1900 г., 62,5 % местного населения были украинцами, 33,7 % — поляками, в том числе значительный процент составляли евреи (Q. v.: Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. S. 160–161) ; десять лет спустя украинцев был уже 71 %, поляков — 27 % (Q. v.: Nicięja S. S. Smentarz Obrońców Lwowa. S. 10). В Восточной Галиции в сельской местности проживало в 82 % украинцев, в городах же значительно преобладали поляки и евреи (Q. v.: Dąbkowski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1912–1923. S. С. 25–31). По данным переписи 1910 г., во Львове поляки составляли 86,5 % местного населения, украинцы — всего 3,5 % (Q. v.: Lwów w cyfrach // Czas. 1918. N 46).

¹²⁴ Q. v.: Kontrofensywa przeciw Ukraińcom // Czas. 1919. N 172.

¹²⁵ Q. v.: Wojska polskie nad Zbruczem // Ibid. N 179 ; Leinwand A. J. Walka dyplomatyczna Polski o Galicję Wschodnią 1918–1923. S. 90.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bańdo A. Krakowski “Czas” (1848–1939) na tle dotychczasowych badań krakowskiej prasy // Rocznik Historii Prasy Polskiej. — 2010. — Т. 13. — Ч. 1–2.
2. Batowski H. Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne). — Kraków, 1982.
3. Białoń A. Wpływ ugody Badeni — Romańczuk na polsko-ukraińskie relacje polityczne w Galicji na łamach krakowskiego “Czasu” // Studia Polsko-Ukraińskie. — 2016. — Т. 1. — S. 147–174.
4. Brzoza C., Sowa A. L. Historia Polski 1918–1945. — Kraków, 2006.
5. Buszko J. Historia Polski 1864–1948. — Kraków, 1985.
6. Dąbkowski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1912–1923. — Warszawa, 1985.
7. Filar W. Przyczyny i przebieg bojów o Lwów i Małopolskę wschodnią w roku 1918–1919 // Polskie Jutro. — 2005. — N 162.
8. Galuba R. Niech rozsądzi nas miecz i krew... Konflikt polsko-ukraiński o Galicję Wschodnią w latach 1918–1919. — Poznań, 2004.
9. Jabłoński H. Z dziejów genezy sojuszu Piłsudski — Petlura. Początki konfliktu zbrojnego XI 1918 — III 1919 // Zeszyty Naukowe WAP. Seria Historyczna. — 1961. — N 5. — S. 40–58.
10. Klimecki M. Lwów 1918–1919. — Warszawa, 2000.
11. Klimecki M. Polsko-ukraińska wojna o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919. — Warszawa, 1999.
12. Klimecki M. Wojna czy pokój. Polsko-ukraińskie negocjacje w latach 1918–1921 // Polska i Ukraina. Sojusz 1920 r. i jego następstwa / ред. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka. — Toruń, 1997.
13. Kozłowski M. Między Sanem a Zbruczem. Walki o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919. — Kraków, 1990.
14. Łapiński-Nilski S., Korn A. Listopad we Lwowie (1918). — Łapy-Białystok, 1993.
15. Leinwand A. J. Walka dyplomatyczna Polski o Galicję Wschodnią 1918–1923. Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. — 2011. — Т. 46.
16. Lipiński W. Wśród Orłąt lwowskich. — Warszawa, 1931.
17. Łytwyn M. Proklamowanie niezależnej Zachodnio-Ukraińskiej Republiki Ludowej i podejmowane przez nią próby porozumienia się z państwem polskim // Rok 1918. Odrodzona Polska w nowej Europie / ed. A. Ajnenkiel. — Warszawa, 1999.
18. Mączyński C. Boje lwowskie. Ч. 1 : Oswobodzenie Lwowa. — Т. 1. — Warszawa, 1912.
19. Mordawski H. Polskie lotnictwo wojskowe 1918–1920. Narodziny i walka. — Wrocław, 2009.
20. Mroccka L. Galicji rozstanie z Austrią. Zarys monograficzny. — Kraków 1990.
21. Nicieja S. S. Cmentarz Obrońców Lwowa. Ossolineum, 1990.
22. Olejko A. Działania lotnicze w pasie karpackim w latach 1914–1947. — Rzeszów, 2005.
23. Olszański T. A. Historia Ukrainy XX wieku. — Warszawa, 1994.
24. Semczyszyn M. Polsko-ukraińska rywalizacja podczas wyborów do Sejmu Krajowego w Galicji Wschodniej w latach 1867–1901 // Litopys. Studia i Materiały Ukraińskiego Towarzystwa Historycznego w Polsce. — 2014. — N 1.
25. Skrzypek J. Ukraińcy w Austrii podczas Wielkiej Wojny i geneza zamachu na Lwów. — Warszawa, 1939.
26. Sopotnicki M. Kampania polsko-ukraińska. Doświadczenia operacyjne i bojowe. — Lwów, 1921.
27. Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. — Kraków 1911.
28. Wrzosek M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. — Białystok, 1988.

Сведения об авторе

Рубаха Ярослав — Ph. D, профессор, Университет Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша).
 Сфера научных интересов: история Балканских стран второй половины XIX — начала XX века, Балканы и общественная мысль Польши.
 Контактная информация: электронный адрес: j.rubacha@wp.pl

Yaroslav Rubakha

**THE POLISH-UKRAINIAN WAR OF 1918–1919
IN THE REPORTS OF THE CRACOW DAILY NEWSPAPER CZAS (TIME)**

The article researches one of the consequences of World War I in Eastern Europe, namely the Polish-Ukrainian War of 1918–1919 and the Polish population's attitude to this conflict. The development of national ideas in Europe of the second half of the 19th century induced Ukrainian people to fight for their national sovereignty, which served as a prerequisite for the formation of an independent state. In 1918 even before the termination of military actions, these changes brought about the declaration of two sovereign Ukrainian states. Polish political parties believed that lands that had traditionally belonged to Poland, such as Eastern Galicia, Chełm Land, and Volhynia, for instance, were to remain Polish. Such views resulted in military actions against Ukraine in October-November 1918. The article shows a complex military and political situation in the eastern part of Poland. The conflict was heated by the Russian Civil War. The author analyzes the way mass media and public opinion reacted to the events and results of the war.

Poland; Ukrainian People's Republic; Polish-Ukrainian War of 1918–1919; Eastern Galicia; Lvov

REFERENCES

1. Bańdo A. Krakowski "Czas" (1848–1939) na tle dotychczasowych badań krakowskiej prasy. *Rocznik Historii Prasy Polskiej*. 2010, vol. 13, parts 1–2. (In Polish).
2. Batowski H. *Rozpad Austro-Węgier 1914–1918 (Sprawy narodowościowe i działania dyplomatyczne)*. Kraków, 1982. (In Polish).
3. Białoń A. Wpływ ugody Badeni-Romańczuk na polsko-ukraińskie relacje polityczne w Galicji na łamach krakowskiego "Czasu". *Studia Polsko-Ukraińskie*. 2016, vol. 1, s. 147–174. (In Polish).
4. Brzoza C., Sowa A. L. *Historia Polski 1918–1945*. Kraków, 2006, s. 30. (In Polish).
5. Buszko J. *Historia Polski 1864–1948*. Kraków, 1985. (In Polish).
6. Dąbkowski T. *Ukraiński ruch narodowy w Galicji Wschodniej 1912–1923*. Warszawa, 1985. (In Polish).
7. Filar W. Przyczyny i przebieg bojów o Lwów i Małopolskę wschodnią w roku 1918–1919. *Polskie Jutro*, 2005, no. 162. (In Polish).
8. Galuba R. *Niech rozsądzi nas miecz i krew... Konflikt polsko-ukraiński o Galicję Wschodnią w latach 1918–1919*. Poznań, 2004. (In Polish).
9. Jabłoński H. Z dziejów genezy sojuszu Piłsudski-Petlura. Początki konfliktu zbrojnego XI 1918 — III 1919. *Zeszyty Naukowe WAP. Seria Historyczna*, 1961, no. 5. (In Polish).
10. Klimecki M. *Lwów 1918–1919*. Warszawa, 2000. (In Polish).
11. Klimecki M. *Polsko-ukraińska wojna o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919*. Warszawa, 1999. (In Polish).
12. Klimecki M. *Wojna czy pokój. Polsko-ukraińskie negocjacje w latach 1918–1921. Polska i Ukraina. Sojusz 1920 r. i jego następstwa*. (Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka (eds.). Toruń, 1997. (In Polish).
13. Kozłowski M. *Między Sanem a Zbruczem. Walki o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919*. Kraków, 1990. (In Polish).
14. Łapiński-Nilski S., Korn A. *Listopad we Lwowie (1918)*. Łapy-Białystok, 1993. (In Polish).
15. Leinwand A. J. *Walka dyplomatyczna Polski o Galicję Wschodnią 1918–1923*. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2011, vol. 46. (In Polish).
16. Lipiński W. *Wśród Orłąt lwowskich*. Warszawa, 1931. (In Polish).
17. Łytwyn M. *Proklamowanie niezależnej Zachodnio-Ukraińskiej Republiki Ludowej i podejmowane przez nią próby porozumienia się z państwem polskim. Rok 1918. Odrodzona Polska w nowej Europie*. Ajnenkiel A. (ed.). Warszawa, 1999. (In Polish).
18. Mączyński C. *Boje lwowskie. Part 1: Oswobodzenie Lwowa*. Vol. 1. Warszawa, 1912. (In Polish).
19. Mordawski H. *Polskie lotnictwo wojskowe 1918–1920. Narodziny i walka*. Wrocław, 2009. (In Polish).
20. Mroccka L. *Galicji rozstanie z Austrią. Zarys monograficzny*. Kraków, 1990. (In Polish).
21. Nicieja S. S. *Cmentarz Obrońców Lwowa*. Ossolineum, 1990. (In Polish).
22. Olejko A. *Działania lotnicze w pasie karpackim w latach 1914–1947*. Rzeszów, 2005. (In Polish).

23. Olszański T. A. Historia Ukrainy XX wieku. Warszawa, 1994. (In Polish).
24. Semczyszyn M. Polsko-ukraińska rywalizacja podczas wyborów do Sejmu Krajowego w Galicji Wschodniej w latach 1867–1901. Litopys. Studia i Materiały Ukraińskiego Towarzystwa Historycznego w Polsce. 2014, no. 1. (In Polish).
25. Skrzypek J. Ukraińcy w Austrii podczas Wielkiej Wojny i geneza zamachu na Lwów. Warszawa, 1939. (In Polish).
26. Sopotnicki M. Kampania polsko-ukraińska. Doświadczenia operacyjne i bojowe. Lwów, 1921. (In Polish).
27. Wasilewski L. Ukraina i sprawa ukraińska. Kraków, 1911. (In Polish).
28. Wrzosek M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. Białystok, 1988. (In Polish).

Information about the author

Rubakha Yaroslav — Ph. D, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).
Research interests: history of the Balkans of the late 19th — early 20th centuries, the Balkans and Polish social thought
Contact information: e-mail: j.rubacha@wp.pl

Поступила в редакцию 18.01.2019
Received 18.01.2019

УДК 947.084.3

И. С. Ратьковский

**КАРАТЕЛЬНО-РЕПРЕССИВНАЯ ПРАКТИКА
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

Гражданская война в России стала ареной массового террора, который осуществляли все стороны и военно-политические образования, сложившиеся в условиях кризиса российской государственности. В статье рассматривается карательно-репрессивная практика Белого движения в период с декабря 1917 по август 1918 года. Данный период связан с формированием на Юге России Добровольческой армии — важнейшего очага военного противостояния центральной советской власти. На основе различных источников в статье раскрываются особенности карательной практики Добровольческой армии. Для этого периода характерным явлением было уничтожение военнопленных, использование системы заложничества и применение чрезвычайного военного законодательства. Причина этой практики состояла в отсутствии собственной территориальности, системы гражданского управления. Автор отмечает, что факторами развертывания террора формированиями Белого движения становилась социальная и национальная неприязнь, выражавшаяся в актах личной мести и носившая военно-криминальный характер. Раскрывается вклад руководства Добровольческой армии в практику белого террора: генералов Л. Г. Корнилова, С. Л. Маркова и др. Опираясь на разнообразные источники, автор оценивает численность жертв карательной практики Добровольческой армии в период Первого Кубанского похода.

Гражданская война; Добровольческая армия; Л. Г. Корнилов; белый террор; 1918 год

История Добровольческой армии подробно представлена в новейших научных российских публикациях. Следует также отметить большое количество введенных в последний период источников личного происхождения, в меньшей степени документальных источников. Вместе с тем ряд тем не стал объектом специального исследования, среди них — история карательной практики Добровольческой армии в начальный период ее существования. Данный период, который определяется, на наш взгляд, рядом основополагающих черт (добровольческий характер формирования частей, отсутствие собственной территориальности, и соответственно специализированного гражданского госаппарата) четко обозначают хронологические рамки статьи: декабрь 1917 — август 1918 года.

Сразу следует обозначить, что карательная практика Добровольческой армии в значительной степени основывалась на практике расстрелов 1917 года, реализации приказа от 12 июля 1917 года о восстановлении на фронте смертной казни. Данный документ был принят при непосредственном участии генералов Л. Г. Корнилова и М. А. Алексеева¹.

Характерным является причастность указанных генералов и к репрессивной практике Добровольческой армии со всей ее спецификой. Генерал Алексеев в беседе 14 ноября 1917 года высказывал атаману А. М. Каледину пожелание не церемониться с делегациями рабочих районов Ростова и Макеевки: «Церемониться нечего с ними, Алексей Максимович. Видите ли, Вы меня простите за откровенность, много времени на разговоры уходит, а тут — ведь если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец»². Именно позиция генерала Алексеева определила переход атамана Каледина к наступательным действиям против большевиков в начале декабря 1917 года.

2 декабря 1917 года войска донского атамана генерала А. М. Каледина занимают Ростов-на-Дону. В боях за город, помимо казаков, участвовало 400 добровольцев³. В городе произошли расстрелы большевиков, советских работников и отдельных рабочих. Позднее, 11 декабря, состоялись похороны 62 расстрелянных ростовских рабочих⁴.

Переход к более жесткой позиции, к принятию новой практики репрессий фиксируется и в других округах донского казачества, а также на сопредельных с казаками территориях, что стало следствием активизации добровольческих отрядов зимой 1917–18 годов. Часто такая активность связывалась с действиями добровольческого отряда В. М. Чернецова. Можно отметить в этом отношении несколько случаев индивидуальных и массовых расстрелов, а также угроз применения смертной казни к населению. Ночью 3 декабря отряд донских казаков предположительно под предводительством есаула В. М. Чернецова, прибывший из Новочеркасска в Таганрогский округ, напал на Боково-Хрустальский Совет. Были убиты его председатель Н. В. Переверзев, начальник штаба Красной гвардии А. И. Княжиченко и красноармеец И. Ф. Григорьев. Их изуродованные до неузнаваемости тела были обнаружены утром следующего дня⁵. 19 декабря отряд донских казаков под командой Кабакова численностью примерно в 200 человек занял Берестово-Богодуховский рудник. На следующее утро на рудник прибыл отряд казаков уже во главе с Чернецовым и полковником Балабачаном. Ими был зачитан приказ, предусматривающий смертную казнь за отказ сдачи оружия⁶. Позднее, 28 декабря, казаками отряда В. М. Чернецова был прибит штыками к вагону командир красногвардейского отряда Дебальцево Н. Н. Коня-

¹ См.: Ратьковский И. С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 48–58.

² Цветков В. Ж. Генерал Алексеев. М.: Вече, 2014. С. 390–391.

³ См.: Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники формирования, 1917–1920. М.: Посев, 2012. С. 57.

⁴ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: энцикл. / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 521.

⁵ См.: История Луганского края: учеб. пособие / А. С. Ефремов [и др.]. Луганск, 2003. С. 304.

⁶ См.: Терехов Р. Я. Берестово-Богодухово — Кальмиусский район // Летопись революции. Харьков, 1923. № 5. С. 156.

ев. Согласно воспоминаниям В. А. Антонова-Овсеенко, всего на станции Дебальцево было расстреляно 13 красногвардейцев и советских работников⁷. Данное событие было зафиксировано и в других источниках⁸.

30 декабря, по воспоминаниям белого генерала А. П. Богаевского, есаул В. М. Чернецов со своим партизанским казачьим донским отрядом повесил после налета на ближайшей к Луганску железнодорожной станции двух большевиков-рабочих⁹.

Отметим, что подобные эксцессы были массовыми по обе стороны Гражданской войны. Как правило, усугубляло ситуацию социальное и национальное происхождение. Известный советский переводчик и лингвист Яков Рейцкер позднее вспоминал: «По дороге, когда я ехал в Таганрог, у меня началась испанка. Это было уже примерно за Курском. Там в это время была неразбериха. Еще советская власть не была установлена, но между Белгородом и Курском уже не знали, какая власть. Я лежал в вагоне 3-го или 4-го класса на самой верхней полке, где вещи кладут, в бреду и слышал, как вошел какой-то офицер и спросил: “Жидов нет тут?” Это уже были белые. Когда эти офицеры вошли, они вот что делали: хватили евреев, на полном ходу выбрасывали их, а тех, кто сопротивлялся, убивали — большей частью закалывали, чтобы не тратить патроны. У нас в купе не было евреев, были все русские, которые про меня сказали: “Слушайте, какой же он еврей, когда он офицер?”. Меня обыскали, достали документы и оставили в покое. А из соседнего купе вытащили какого-то еврея с бородой и его дочь... Ну, они, во-первых, изнасиловали дочь, а потом обоих убили. Так что я понял вообще, что такое белые, еще в декабре 1917 года»¹⁰.

31 декабря отряд В. М. Чернецова после ожесточенного боя (штурм начался еще 28 декабря) взял под контроль Ясиновский рудник на Донбассе. Позднее им будет расстреляно 73 шахтера и 45 военнопленных — всего 118 человек¹¹. Таким образом, только в декабре от действий отряда Чернецова жертвами стали примерно 150 человек.

Лидеры Добровольческой армии неоднократно указывали на отряд Чернецова как на образцовый. Тем самым подобная практика расстрелов практически узаконивалась.

Вскоре военные действия на Дону приняли новый масштабный характер. Ситуация резко изменилась, и опыт партизанских отрядов был легализован уже и формально. 11 января 1918 года возобновились бои между красными отрядами Р. Ф. Сиверса и подразделениями Добровольческой армии на Таганрогском направлении. Войска Сиверса заняли Матвеев курган. Борьба с обеих сторон становится более ожесточенной. По свидетельству В. Е. Павлова, вождь Белого движения генерал Л. Г. Корнилов, выступая в эти дни перед добровольцами-офицерами, сказал следующее: «...вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру я на себя...». Схожее напутствие перед отправкой на фронт офицеров Гвардейской роты произнес и генерал С. Л. Марков. «Имейте в виду, — говорил он, — враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными перегружать наш тыл не надо!»¹². Имеются свидетельства и более жестких директив этого периода генерала Л. Г. Корнилова. Так, согласно М. А. Нестерович-Берг, генерал Корнилов заявлял следующее: «Пусть надо сжечь пол-России, залить кровью три четверти России, а все-таки надо спасти Россию. Все равно когда-нибудь большевики пропишут неслыханный террор не только офицерам

⁷ См.: Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне : в 3 т. Т. 1. М. : Высш. воен. ред. совет, 1924. С. 104.

⁸ См.: Холмская Е. Из истории борьбы в Донбассе в октябрьские дни // Летопись революции. Харьков. 1922. № 1. С. 56 ; Казимирчук П. Революционное движение в Горловско-Щербиновском районе Донбасса (воспоминания) // Летопись революции. Харьков, 1923. № 3. С. 68.

⁹ См.: Богаевский А. П. 1918 год // Белое дело : избр. произв. в 16 кн. Кн. 2 : Ледяной поход. М. : Голос, 1993. С. 6.

¹⁰ URL : http://www.trworkshop.net/wiki/рецикер_яков (дата обращения: 25.11.2018).

¹¹ См.: Запорожец М. Я. Макеевка : ист.-краевед. очерк. Донецк : Донбасс, 1978. 183 с. С. 75–77 ; Бугаев А. Очерки истории Гражданской войны на Дону. Ростов н/Д : Книга, 2010. С. 242.

¹² Бугаев А. Очерки истории Гражданской войны на Дону. С. 292–293.

и интеллигенции, но и рабочим, и крестьянам»¹³. Очевидно, что это высказывание хотя и могло быть с преувеличением пересказано М. А. Нестерович-Берг, но оно отражало суть корниловского подхода к репрессивной практике этого периода. Генерал Корнилов считал террор в любой его форме действенным и эффективным оружием, утверждая, что без него в борьбе с большевиками не обойтись¹⁴. Как обоснованно указывал известный российский историк В. П. Булдаков, «не удивительно, что находились и такие офицеры-добровольцы, которые считали, что для искоренения большевизма предстоит истребить всех рабочих старше 16 лет»¹⁵.

Уже 12 января отряд полковника А. П. Кутепова начал ответное наступление в направлении Матвеева кургана. Во время движения была захвачена одна из станций. «Каким-то непонятным образом оказалось и несколько десятков пленных красных. Один из них, рабочий из Москвы, перед смертью сказал: “Да! В этой борьбе не может быть пощады”. Офицеры были поражены выдержкой, хладнокровием этого коммуниста, его несломленным убеждением в правоте дела, которому он отдался. Ему не отказали в просьбе написать письмо своим матери и жене. Письмо это было опущено в почтовый ящик на станции Неклиновка»¹⁶. Характерно упоминание «случайности» захвата пленных, поскольку приказ Корнилова этого не предусматривал. В этот период расстрелы пленных белыми отрядами после боя становятся системой. Так, 16 января партизанский отряд есаула В. М. Чернецова был остановлен красноармейским отрядом у разъезда Северо-Донецкий и после успешного для казаков боя все пленные красноармейцы были расстреляны¹⁷.

Данная практика вскоре проявилась и в ходе боев за Таганрог. 17 января здесь началось восстание рабочих против калединского режима. Во время восстания юнкера расстреляли группу красногвардейцев и рабочих Русско-Балтийского завода в гостинице «Европейская» (помещение 3-й киевской школы прапорщиков). Согласно данным Советской исторической энциклопедии, всего в Таганроге было убито 90 рабочих¹⁸. Очевидно, что сюда были включены как расстрелянные в гостинице, так и погибшие во время восстания. Определить количество расстрелянных лиц позволяют газетные публикации, в частности в «Красной газете» за 9 февраля 1918 года, во дворе гостиницы было расстреляно 12 рабочих, причем это был запланированный расстрел, так как для рабочих была заранее вырыта специальная могила, где их и расстреляли¹⁹. Более подробно это событие изложено в работе И. Борисенко, в которой он использовал мемуары Г. В. Шабалиевского: вооруженный отряд рабочих Русско-Балтийского завода численностью в 12 человек во главе с Ткаченко был захвачен юнкерами после того, как у членов отряда закончились патроны, членам отряда отрезали носы, уши, выкололи глаза, а позднее уже полуживых закопали во дворе гостиницы²⁰. В исторической литературе схожие эксцессы отмечаются 18 января в Ростове-на-Дону²¹.

18 января отряд Чернецова захватил станцию Лихую на Дону. Количество жертв в белом отряде составило 11 человек, среди красных — 300. Однако, после боя, как отметил корреспондент «Донской зари», осталось 50 трупов красных, а всем пленным красно-

¹³ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками // Зарождение Добровольческой армии. М. : Центрполиграф, 2001. С. 316–317.

¹⁴ См.: Хаджиев Хан Р.-Б. Великий Бояр. Белград : М. А. Суворин, 1929. С. 349.

¹⁵ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. С. 235.

¹⁶ Павлов В. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов : в 2 кн. Париж, 1962–1964 (тип. С. Березняка).

¹⁷ См.: Бугаев А. Очерки истории Гражданской войны на Дону. С. 303–304.

¹⁸ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 255.

¹⁹ См.: Красная газета. Пг., 1918, 9 фев.

²⁰ См.: Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году : в 2 т. Ростов н/Д : Сев. Кавказ, 1930. Т. 1. С. 70.

²¹ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 521–522 ; Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. С. 71.

армейцам был «подписан смертный приговор»²². За «взятие» станции Лихой Чернецов был произведен донским атаманом Калединым через чин сразу в полковники, а вся первая сотня его отряда была награждена Георгиевскими медалями²³. Система повышения в звании после подобных решительных побед также была знаковой.

Важным событием, закрепившим практику расстрелов пленных, стал бой за Гуково. Здесь необходимо учитывать прямое указание генерала Л. Г. Корнилова перед отправкой добровольческого офицерского отряда в Гуково не брать пленных, зафиксированное в мемуарах Б. А. Суворина: «Первым боем армии, организованной и получившей свое нынешнее название, было наступление на Гуково в половине января. Отпуская офицерский батальон из Новочеркасска, Корнилов напутствовал его словами, в которых выразился точный его взгляд на большевизм: по его мнению, это был не социализм, хотя бы самый крайний, а призыв людей без совести, людьми тоже без совести, к погрому всего трудящегося и государственного в России. Он сказал: “Не берите мне этих негодяев в плен! Чем больше террора, тем больше будет с нами победы!”»²⁴. Очевидно, что данное наставление Корнилова не было единичным, ранее, как уже отмечалось, подобные речи он произносил перед отрядом Кутепова, направленного к Матвееву кургану. Это известное корниловское выражение «пленных не брать» в оправдание красных репрессий впоследствии приводил в своей статье известный чекист М. Я. Лацис²⁵.

21 января 1-й сводно-офицерский батальон Добровольческой армии под командованием подполковника Борисова захватил со второй попытки станцию Гуково в Восточном Донбассе. Вспомогательную роль при этом выполнил офицерский отряд, сформированный походным атаманом генералом А. М. Назаровым. По воспоминаниям участника боя корниловца С. М. Пауля, убитых со стороны белых в этом сражении было 4 человека, а «потери “товарищей” достигли полутора человека и большинство из них расстрелянными»²⁶. Он же вспоминал, что за этот бой некоторые донские офицеры получили следующий воинский чин²⁷. Большие, чем С. М. Пауль, цифры жертв называет в своей работе современный исследователь А. В. Венков. По его данным, расстреляно было 300 пленных красноармейцев при 7 убитых среди белых²⁸. За этот успешный бой подполковник Борисов будет произведен в следующий чин — полковника. Отметим, что жестокость гуковских событий объяснялась как общим ожесточением, так и гибелью штабс-капитана Добронравова при первой попытке белого подразделения занять станцию (захваченные в плен добровольцы были после пыток расстреляны)²⁹.

Имели место и единичные случаи расстрелов, в том числе парламентаров. 26 января во время боя первой сотни «чернецовцев» под командованием сотника В. Курочкина с красным отрядом на подходе к станции Заповедное (11 километров от станции Звереве в сторону Гуково). К ним вышел с белым флагом красный парламентар-латыш с предложением прекратить огонь и вынести раненых бойцов. Предложение не было принято, а парламентар был застрелен одним из членов отряда³⁰.

Жесткая репрессивная практика продолжалась и в последующие дни. Так, когда 27 января полковник А. П. Кутепов встретил сопротивление местного населения при попытке окопаться между станциями Морская и Синявская у Казачьей деревни, деревня

²² Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М.: Вече, 2008. С. 47.

²³ См.: Скорик А. П. Милютинский казачий Юрт: опыт исторической реконструкции / отв. ред. В. А. Бондарев. Новочеркасск: Лик, 2015. С. 296; Венков А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав, 1917–1920 гг. Вып. 1. Ростов н/Д: Южн. науч. центр РАН, 2014. С. 24.

²⁴ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. С. 48.

²⁵ См.: Лацис М. Я. Пленных не брать // Красноармеец. 1927. № 21. С. 18.

²⁶ Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело. Кн. 2. С. 186.

²⁷ См. там же.

²⁸ См.: Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. С. 53.

²⁹ См.: Бугаев А. Очерки истории Гражданской войны на Дону. С. 334.

³⁰ См. там же. С. 339.

в наказание была сожжена³¹. 16 (3) февраля офицерский отряд хорунжего Ф. Д. Назарова напал на село Султан-Салы Малые (Дон), где, по имевшимся сведениям, стояло только два красных эскадрона. Действия отряда Назарова поддержал сводный добровольческий отряд во главе с войсковым старшиной 1-го Кубанского полка Мадгавариани. Нападение было отбито, так как в селе находились не два эскадрона, а два полка. При отходе захваченные 18 пленных были уничтожены³², а также застрелены несколько своих же тяжело-раненых участников набега, в том числе Мадгавариани, во избежание пленения всех добровольцев красными. «Выхода нет, до своих не дойдешь, но живыми тоже не возьмут: глухой выстрел — и войсковой старшина Мадгавариани уже не рискует быть взятым живым... Еще ряд выстрелов — и пленных у нас нет...»³³. Были расстрелы и в последние дни пребывания Добровольческой армии в Ростове-на-Дону³⁴. Фиксировались массовые расстрелы и в казачьих станицах, например в Платовской (до 365 человек) и в ряде других³⁵. Если суммировать общее количество жертв добровольцев в январе — начале февраля 1918 года, то их общее количество достигает 1200–1500 человек.

Начавшийся Первый Кубанский (Ледяной) поход не привел к отказу от прежней репрессивной практики. Более того, он еще более обозначил отказ от захвата пленных и их расстрел после боя. Типичными стали два события 6 марта (21 февраля) 1918 года. В этот день на границе Ставропольской губернии и Области войска Донского корниловцами было взято с боем село Лежанка (Средний Егорлык). Ожесточенное сопротивление стоило жизни четырем участникам похода. Незамедлительно после боя было расстреляно несколько партий пленных: крупные группы в десятки человек и небольшие группы, а также отдельные пленные. Всего 500 человек³⁶. В этот же день отряд донского походного атамана П. Х. Попова, ушедший ранее в Сальские степи, атаковал объединенный красный отряд (300 платовских красногвардейцев и калмыцкий отряд) у Хар-Булука. В ходе боя около 60 калмыков перешло к белым. Платовская была сдана без боя. Мамонтов учредил военно-полевой суд, по решению которого 20 большевиков расстреляли, еще несколько человек были убиты до суда³⁷. Хронологически данный расстрел совпал с аналогичным, но более масштабным расстрелом в Лежанке. Указанное обстоятельство свидетельствует об общей практике расстрелов военнопленных, которая была характерна для добровольческого движения этого периода. Позднее, 2 мая (19 апреля), отступающая с Кубани на Дон Добровольческая армия снова направится к Лежанке. Утром в селе повесят захваченных комиссаров и они висели, несмотря на церковный праздник — Великий четверг³⁸.

Были, хотя и меньшие, расстрелы и в последующие дни. Так, 10 марта (25 февраля) находившийся в арьергарде Добровольческой армии сводный отряд под командованием ротмистра А. Крицкого арестовал, а впоследствии казнил атамана станицы Ново-Донецкая³⁹. 14 (1) марта после непродолжительного боя добровольцами занята станица Березанская. Согласно мемуарам С. М. Пауля, после сражения была продолжена практика расстрелов захваченных пленных солдат. Сам С. М. Пауль упоминает расстрел одного матроса и еще шести пленных, трупы которых остались лежать неприбранными. «Когда минут через пять я возвращался обратно, то наткнулся на картину. У одного из расстрелянных снесло череп. Какая-то большая свинья рылась в мозгу и пожирала их с громким

³¹ См.: Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 — январь 1919 г.): Идеология, политика, основы режима власти : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 199.

³² См.: Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. С. 71–72.

³³ Крицкий А. История 1-го Кавалерийского «полковника Гершельмана» дивизиона // Первопроходник. 1962. № 5. URL : <http://rosword.ru/viewtopic.php?f=8&st=45> (дата обращения: 28.11.2018).

³⁴ См.: Бугаев А. Очерки истории Гражданской войны на Дону. С. 389.

³⁵ См.: Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М. : Воениздат, 1958. С. 52, 64.

³⁶ См.: Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. С. 52–56.

³⁷ См.: Ленивов А. В калмыцких степях // Ковыльные волны. Париж, 1932. № 4. С. 22–23 ; Очиров У. Б. От казака до генерал-полковника: военная биография О. И. Городовикова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 41.

³⁸ См.: Гуль Р. Ледяной поход. М. : Воениздат, 1992. С. 99–100.

³⁹ См.: Крицкий А. История 1-го кавалерийского «полковника Гершельмана» дивизиона.

чавканьем. Настроение сильно упало, и я три дня не мог есть мяса»⁴⁰. 15 (2) марта во время Первого Кубанского похода добровольцами взяты станция и поселок Выселки. В составе красных было около 150 матросов, во время боя и после него почти все погибли⁴¹. Еще больше погибло в бою и после него красных солдат. «Сотни зарубленных трупов лежали на дорогах и улицах станицы»⁴². 19 (6) марта добровольцами была взята с боем станица Усть-Лабинская. Н. Басов вспоминал о своем соратнике прапорщике Капранове: «Под Усть-Лабинской в первом бою мне пришлось быть свидетелем, как он хотел зарубить одного красного солдата, оставшегося в окопе и не отступившего со своими. Солдат этот был уже в летах, зарубить ему его не удалось и он пристрелил его из револьвера. Впечатление от экзекуции у меня осталось самое кошмарное»⁴³. Впоследствии прапорщик Капранов не один раз пробовал осуществить это намерение — зарубить с одного раза своей пехотной шашкой раненого красноармейца⁴⁴. После этого же боя уже другого раненого пожилого красноармейца застрелил солдат ударного батальона⁴⁵.

28 (15) марта добровольцами была захвачена станица Ново-Дмитриевская. «Большевики выбивали из хаты в хату. Это были матросы. Тех, кого захватывали в хатах, прикалывали штыками»⁴⁶. В той же станице во время последовавшей дневки был устроен военнопольевой суд: восемь человек было повешено на площади. Среди них — два добровольца за насилие над женщинами⁴⁷. В Александро-Грушевском районе в марте казаки совершили набег на Петропавловский и Парамоновский рудники. Ворвавшись в казарму рабочих, они зарубили около 20 рабочих, женщин и детей⁴⁸.

6 апреля (24 марта) во время Первого Кубанского похода корниловскими войсками занята станица Смоленская. По воспоминаниям генерала А. П. Богаевского, его передовыми частями в отдельной усадьбе был захвачен десяток матросов, очевидно сторожевая застава; все они были незамедлительно расстреляны. «Из большевиков, кажется, никто не возбуждал такой ненависти в наших войсках, как матросы — «краса и гордость русской революции». Их зверские подвиги слишком хорошо были известны всем, и потому этим негодьям пощады не было. Матросы хорошо знали, что их ждет, если они попадут в плен, и поэтому всегда дрались с необыкновенным упорством, и — нужно отдать им справедливость — умирали мужественно, редко прося пощады. По большей части это были здоровые, сильные молодцы, наиболее тронутые революцией»⁴⁹. Об этом же эпизоде похода вспоминал участник похода Н. Какурин: «Наши передовые части в отдельной усадьбе захватили десяток матросов, бывших в сторожевой заставе, и немедленно их расстреляли. Зверские подвиги матросов хорошо были известны всем, и поэтому этим негодьям пощады не было»⁵⁰. 6 (24 марта) апреля во время Первого Кубанского похода в станице Георгие-Афипской генерал С. Л. Марков, неожиданно столкнувшись у кубанцев с заложниками из числа красных, приказал их немедленно расстрелять. Только вмешательство кубанского конвоя предотвратило расправу⁵¹. 4 мая (21 апреля) партизанский белоказачий полк в селе Гуляй-Борисовка на Дону взял 300 пленных. Как часто указывается в исторической литературе, впервые, в связи со Страстной субботой, пленных решили не расстреливать⁵². Б. Казанович вспоминал: «Здесь я впервые от начала 1-го похода

⁴⁰ Пауль С. М. С Корниловым. С. 198–199.

⁴¹ См.: Какурин И. Первый Кубанский генерала Корнилова поход // Первый Кубанский («Ледяной») поход / под науч. ред. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001. С. 51–52.

⁴² Карабут И. Поход Корнилова // Первый Кубанский («Ледяной») поход. С. 305.

⁴³ Басов Н. Воспоминания о 1-м Кубанском походе // Там же. С. 539.

⁴⁴ См. там же.

⁴⁵ См. там же. С. 540.

⁴⁶ Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Бой под Лежанкой // Там же. С. 147.

⁴⁷ См.: Половцов Л. Рыцари тернового венца // Там же. С. 199.

⁴⁸ См.: Шахты. Историко-краеведческий очерк о городе. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 1974. 232 с. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000060/st006.shtml> (дата обращения: 28.11.2018).

⁴⁹ Богаевский А. П. 1918 год. С. 80.

⁵⁰ Какурин И. Первый Кубанский генерала Корнилова поход. С. 67.

⁵¹ См.: Лиманский А. Заложники у белых. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. С. 68.

⁵² См.: Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. С. 150–151.

получил приказание ген. Богаевского: по случаю Страстной субботы пленных не расстреливать»⁵³. Впрочем, это указание генерала Казановича и данные историка А. В. Венкова существенно корректируют более точные мемуары первопоходника И. Какурина: «Пленных сгоняли на площадь на краю слободы. Вскоре их набралось у партизан генерала Казановича более 300 человек. Здесь впервые от начала похода было получено приказание генерала Богаевского, по случаю Страстной субботы, пленных не расстреливать. Но суровая действительность заставила военно-полевой суд отнестись к некоторым из них более строго»⁵⁴. Очевидно, что во время Первого Кубанского похода общее количество погибших красных военнопленных приближалось к 1500 человек.

Сопоставимое количество жертв пришлось и на действия уже упомянутого отряда Попова. 11 мая (28 апреля) донскими казаками взят Александровско-Грушевск. По приказу генерала П. Х. Попова белые угнали в станицу Константиновскую 800 шахтеров с семьями и пленных красноармейцев, где 750 человек впоследствии расстреляли. После занятия Александровско-Грушевска генерал Попов обнародовал приказ, в котором говорилось: «Приказываю самым беспощадным образом усмирять рабочих, расстреляв, а еще лучше — повесив на трое суток девятого человека из всех пойманных»⁵⁵. 17 мая в поселке был опубликован приказ № 7 за подписью генерал-майора А. П. Фицхелаурова об упразднении на рудниках и в городе всех организаций советской власти. «Со всяким неподчинившимся я буду вести самую беспощадную борьбу, не останавливаясь перед расстрелами»⁵⁶. 11 июня были расстреляны рабочие Балашов и Дуванов, 2 казака и один подросток 16 лет. В конце июля по приговорам полевого суда расстреляно 20 человек. Среди них бывший комиссар финансов Киселев, комиссар Недельский и т. д. Советские газеты, возможно преувеличивая, сообщали осенью о более масштабных итогах репрессий в указанном регионе: свыше 400 расстрелянных⁵⁷. Позднее, в начале декабря, в Александровско-Грушевске и Луганске белогвардейцы расстреляли за участие в стачках 120 человек, большинство из которых были шахтеры⁵⁸. 23 (10) мая на станцию Суровикино, где в тупике стоял санитарный поезд примерно с 600 ранеными бойцами Донецко-Криворожской Советской республики, ранним утром напали 40-й Есауловский, 41-й Суворовский казачьи полки и три полка конной бригады Попова. Ввиду отсутствия паровоза вывезти поезд в безопасное место не удалось. Почти все раненые были изрублены на месте. Днем красным частям удалось отбить населенный пункт. Очевидец этих событий так описал последствия резни санитарного поезда: «Когда санитарный поезд был отбит, то во всем поезде нашлось только 70 человек живых, все остальные представляли собой груды изрубленных тел со следами самого невероятного изуверства и издевательства. Поезд был абсолютно разграблен. Медперсонал частично расстрелян, частично взят в плен. Старого луганского рабочего Петра Цупова едва живым вытащили из-под трупа его сына Павла»⁵⁹. Простая арифметика дает количество жертв этого события — более 500 человек.

Символом Белого движения был и поход добровольческого отряда полковника М. Г. Дроздовского, в дневнике которого приводятся многочисленные примеры подобной практики массовых расстрелов пленных⁶⁰. Их дополняют выявленные Р. М. Абинякиным архивные данные. Только отдельная команда разведчиков особого назначения под командованием Бологовского при отряде Дроздовского истребила более 700 человек, в том числе около 500 непосредственно в Ростове-на-Дону⁶¹.

⁵³ Казанович Б. Партизанский полк в Первом кубанском походе // Вестник Первопоходника. 1963, янв. № 16.

⁵⁴ Какурин И. Первый Кубанский генерала Корнилова поход. С. 85.

⁵⁵ Шахты. Историко-краеведческий очерк о городе.

⁵⁶ Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. С. 103.

⁵⁷ См.: Известия Рязанского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов. Рязань. 1918. 10 сент.

⁵⁸ См.: Очерки истории партийных организаций Дона : в 2 т. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1973. Т. 1. С. 470.

⁵⁹ Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта. СПб. : Питер, 2017. 576 с. URL : <http://kornilov.name/category/dkr/page/28/> (дата обращения: 30.11.2018).

⁶⁰ См.: Генерал Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин : Отто Кирхнер и Ко, 1923.

⁶¹ См.: Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел : А. Воробьев, 2005. С. 127.

Таким образом, совокупная расстрельная практика красных военнопленных трех основных добровольческих белых отрядов весной 1918 года приближается к 4–5 тыс. человек, при этом отметим, что сюда не входят жертвы казачьих отрядов, не подчинявшихся Добровольческой армии. Из известных случаев массового уничтожения пленных можно упомянуть Тираспольский отряд.

Изменений в летний период 1918 года в практике расстрелов красных военнопленных со стороны подразделений Добровольческой армии также не наблюдалось. Количественный подсчет здесь более затруднен. Хотя в белых мемуарах фиксируются отдельные массовые расстрелы, в том числе дроздовцами 6 июля 1918 года в Белой Глине.

Новый подход в карательной практике Добровольческой армии происходит в конце лета — начале осени 1918 года. Связано это с появлением собственной территории и возможности организации фильтрации населения. Впрочем, это не обозначало снижение уровня репрессий, а скорее их большее разнообразие. Так, в этот период стала складываться система белых концлагерей военнопленных на Юге России. Первым таким лагерем стал концлагерь в Новороссийске⁶².

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. — Орел : А. Воробьев, 2005. — 204 с.
2. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне : в 3 т. — Т. 1. — М. : Высш. воен. ред. совет, 1924. — 271 с.
3. Басов Н. Воспоминания о 1-м Кубанском походе // Первый Кубанский («Ледяной») поход / науч. ред. С. В. Волков. — М. : Центрполиграф, 2001.
4. Богаевский А. П. 1918 год // Белое дело : избр. произв. : в 16 кн. — Кн. 2 : Ледяной поход. — М. : Голос, 1993.
5. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году : в 2 т. — Ростов н/Д : Северный Кавказ, 1930. — Т. 1. — 271 с.
6. Бугаев А. В. Очерки истории Гражданской войны на Дону. — Ростов н/Д : Книга, 2010. — 384 с.
7. Буденный С. М. Пройденный путь : в 2 кн. — М. : Воениздат, 1958. — Кн. 1. — 448 с.
8. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М. : РОССПЭН, 1997. — 969 с.
9. Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия, 1918 год. — М. : Вече, 2008. — 496 с.
10. Венков А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав, 1917–1920 гг. — Вып. 1. — Ростов н/Д : Южн. науч. центр, 2014. — 423 с.
11. Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники формирования, 1917–1920. — М. : Посев, 2012. — 704 с.
12. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. / гл. ред. С. С. Хромов. — М. : Сов. энцикл., 1987. — 720 с.
13. Гуль Р. Ледяной поход. — М. : Воениздат, 1992. — 348 с.
14. Дроздовский М. Г. Дневник. — Берлин : Отто Кирхнер и Ко, 1923. — 187 с.
15. Запорожец М. Я. Макеевка : ист.-краевед. очерк. — Донецк : Донбасс, 1978. — 183 с.
16. История Луганского края : учеб. пособие / А. С. Ефремов [и др.]. — Луганск : Альма-матер, 2003. — 433 с.
17. Казанович Б. Партизанский полк в Первом Кубанском походе // Вестник первоходника. — 1963, янв. — № 16.
18. Казимирчук П. Революционное движение в Горловско-Щербиновском районе Донбасса (воспоминания) // Летопись революции. — Харьков, 1923. — № 3.
19. Какурин И. Первый Кубанский генерала Корнилова поход // Первый Кубанский («Ледяной») поход / науч. ред. С. В. Волков. — М. : Центрполиграф, 2001.

⁶² См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3437. Новороссийский лагерь для военнопленных 1918–1919.

20. Карабут И. Поход Корнилова // Первый Кубанский («Ледяной») поход / науч. ред. С. В. Волков. — М. : Центрполиграф, 2001.
21. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. СПб : Питер, 2017. — 576 с.
22. Крицкий А. История 1-го Кавалерийского «полковника Гершельмана» дивизиона // Первопоходник. — 1962. — № 5.
23. Лацис М.Я. Пленных не брать // Красноармеец. — 1927. — № 21.
24. Ленивов А. В калмыцких степях // Ковыльные волны. — Париж, 1932. — № 4.
25. Лиманский А. Заложники у белых. — Ростов н/Д : Севкавказ, 1927. — 96 с.
26. Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Бой под Лежанкой // Первый Кубанский («Ледяной») поход / науч. ред. С. В. Волков. — М. : Центрполиграф, 2001.
27. Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками // Зарождение Добровольческой армии. — М. : Центрполиграф, 2001.
28. Очерки истории партийных организаций Дона : в 2 т. — Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1973.
29. Очиров У. Б. От казака до генерал-полковника: военная биография О. И. Городовикова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2014. — № 3.
30. Павлов В. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов : в 2 кн. — Париж, 1962–1964. — (Тип. С. Березняка).
31. Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело : избр. произв. : в 16 кн. Кн. 2 : Ледяной поход. — М. : Голос, 1993.
32. Половцов Л. Рыцари тернового венца // Первый Кубанский («Ледяной») поход / науч. ред. С. В. Волков. — М. : Центрполиграф, 2001.
33. Ратьковский И. С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. — 2015. — № 1. — С. 48–58.
34. Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). — М. : Алгоритм, 2017. — 464 с.
35. Скорик А. П. Милютинский казачий Юрт: опыт исторической реконструкции / отв. ред. В. А. Бондарев. — Новочеркасск : Лик, 2015. — 1184 с.
36. Терехов Р. Я. Берестово-Богодухово — Кальмиусский район // Летопись революции. — Харьков, 1923. — № 5.
37. Хаджиев Хан Р.-Б. Великий Бояр. — Белград : М. А. Суворин, 1929. — 397 с.
38. Холмская Е. Из истории борьбы в Донбассе в октябрьские дни // Летопись революции. — Харьков, 1922. — № 1.
39. Цветков В. Ж. Генерал Алексеев. — М. : Вече, 2014. — 564 с.
40. Шахты. Историко-краеведческий очерк о городе. — Ростов н/Д : Ростов. кн. изд-во, 1974. — 232 с.

Сведения об авторе

Ратьковский Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: история российской революции и Гражданской войны, история политических партий, история государственных учреждений России.

Контактная информация: электронный адрес: i.ratkovskij@spbu.ru

I. S. Ratkovsky

PUNITIVE AND REPRESSIVE PRACTICES EXERCISED BY THE VOLUNTEER ARMY IN ITS EARLY YEARS

The Russian Civil War was a period of repression and mass killings carried out by all military and political forces in the conditions of the crisis of statehood. The article centers on punitive and repressive practices exercised by the White Army in December 1917 — August 1918. The period is associated with the formation of the Volunteer Army in Southern Russia. The Volunteer Army played an essential role in military opposition to Soviet forces. The article relies on various sources to investigate the punitive

practices employed by the Volunteer Army. During the aforementioned time period, prisoners of war were frequently killed or held hostage. These extreme measures can be accounted for by the lack of territory and the absence of management. The author maintains that repression and killings were often caused by social and national hostility, were frequently provoked by acts of vengeance and military crimes. The author underlines that General L. G. Kornilov and General S. L. Markov played an important role in promoting punitive and repressive measures adopted by the Volunteer Army. The author analyzes various sources to assess the number of people who fell victim to the repressive practices of the Volunteer Army during its First Kuban Campaign (aka the Ice March).

Civil War; Volunteer Army; L. G. Kornilov; White Terror; 1918

REFERENCES

1. Abinjakin R. M. *Oficerskij korpus Dobrovol'cheskoj armii: social'nyj sostav, mirovozzrenie. 1917–1920 gody* [Officers of the Volunteer Army: Social Composition, Worldviews. 1917–1920]. Orel, A. Vorobyev Publ., 2005, 204 p. (In Russian).
2. Antonov-Ovseenko V. A. *Zapiski o Grazhdanskoj vojne. V 3 tomah* [Civil War Memoirs: in three volumes]. Moscow, Supreme Military Editorial Board Publ., 1924, vol. 1, 271 p. (In Russian).
3. Basov N. *Memoirs of the First Kuban Campaign. Volkov S. V. (ed.). Pervyj Kubanskij («Ledjanoj») pohod* [The First Kuban Campaign (the Ice March)]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2001. (In Russian).
4. Bogaevskij A. P. *1918. Beloe delo. Izbrannyje proizvedenija v 16 knigah* [1918. White Creed]. Selected works in 16 vol. Vol. 2. The Ice March. Moscow, Voice Publ., 1993. (In Russian).
5. Borisenko I. *Sovetskie respubliki na Severnom Kavkaze v 1918 godu. V 2 tomah* [Soviet Republics in the North Caucasus in 1918]. In 2 vol. Rostov-on-Don, North Caucasus Publ., 1930, vol. 1, 271 p. (In Russian).
6. Bugaev A. V. *Očerki istorii Grazhdanskoj vojny na Donu* [Historical Sketches of the Civil War on the Don River]. Rostov-on-Don, Book Publ., 2010, 384 p. (In Russian).
7. Budennyj S. M. *Projdennyj put'. V 2 knigah* [The Path Travelled: in 2 volumes]. Moscow, Voenizdat Publ., 1958, vol. 1, 448 p. (In Russian).
8. Buldakov V. P. *Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija* [The Red Turmoil. The Nature and Consequences of the Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 969 p. (In Russian).
9. Venkov A. V. *Ataman Krasnov i Donskaja armija, 1918 god* [Commander Krasnov and the Don Army, 1918]. Moscow, Veche Publ., 2008, 496 p. (In Russian).
10. Venkov A. V. *Donskaja armija. Organizacionnaja struktura i komandnyj sostav, 1917–1920 gody* [The Don Army. The Organizational Structure and Commanders, 1917–1920]. Rostov-on-Don, Southern Research Center Publ., 2014, iss. 1, 423 p. (In Russian).
11. Gagkuev R. G. *Beloe dvizhenie na Juge Rossii: voennoe stroitel'stvo, istochniki formirovani-ja, 1917–1920* [White Movement in Southern Russia: Military Construction, Generation Sources, 1917–1920]. Moscow, Seeds Publ., 2012, 704 p. (In Russian).
12. Hromov S. S. (ed.) *Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: jenciklopedija* [The Russian Civil War and the Soviet Military Intervention: encyclopedia]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1987, 720 p. (In Russian).
13. Gul' R. *Ledjanoj pohod* [The Ice March]. Moscow, Voenizdat Publ., 1992. 348 p. (In Russian).
14. Drozdovskij M. G. *Dnevnik* [Journal]. Berlin, Otto Kirchner and Co. Publ., 1923, 187 p. (In Russian).
15. Zaporozhec M. Ja. *Makeevka. Istoriko-kraevedcheskij očerok* [The Town of Makeyevka]. Historical and ethnographic sketches. Donetsk, Donbas Publ., 1978, 183 p. (In Russian).
16. Jefremov A. S. (et al.) *Istorija Luganskogo kraja* [The History of Lugansk]. Lugansk, Alma-mater Publ., 2003, 433 p. (In Russian).
17. Kazanovich B. *Guerrilla Squads in the First Kuban Campaign. Vestnik pervopohodnika* [Pioneer Bulletin]. 1963, Jan., no. 16. (In Russian).
18. Kazimirchuk P. *Revolutionary Movement in the Gorlovka-Shchebinovka Region of Donbas (Memoirs). Letopis' revoljucii* [Revolutionary Chronicles]. Kharkov, 1923, no. 3. (In Russian).
19. Kakurin I. *The First Kuban Campaign of General Kornilov. Volkov S. V. (ed.). Pervyj Kubanskij («Ledjanoj») pohod* [The First Kuban Campaign (the Ice March)]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2001. (In Russian).

20. Karabut I. Kornilov's Campaign. Volkov S. V. (ed.). *Pervyj Kubanskij ("Ledjanov") pohod* [The First Kuban Campaign (the Ice March)]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2001. (In Russian).
21. Kornilov V. V. *Donecko-Krivorozhskaja respublika. Rasstreljannaja mehta* [The Donetsk-Krivoy Rog Republic. A Dream Destroyed]. St. Petersburg, Peter Publ., 2017, 576 p. (In Russian).
22. Krickij A. The History of the First Cavalry Battalion of Colonel Hershelman. *Pervopohodnik* [Pioneer]. 1962, no. 5. (In Russian).
23. Lacis M. Ja. Take No Prisoners. *Krasnoarmec* [Red Army man]. 1927, no. 21. (In Russian).
24. Lenivov A. In Kalmyk Steppe. *Kovyl'nye volny* [Stipa Waves]. Paris, 1932, no. 4. (In Russian).
25. Limanskij A. *Zalozhniki u belyh* [Taken Captive by the White Army]. Rostov-on-Don, Sev-kavkniga Publ., 1927, 96 p. (In Russian).
26. L'vov N. N. Light in the Dark. The Ice March. The Battle of Lezhanka. Volkov S. V. (ed.). *Pervyj Kubanskij ("Ledjanov") pohod* [The First Kuban Campaign (the Ice March)]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2001. (In Russian).
27. Nesterovich-Berg M. A. Fighting the Bolsheviks. *Zarozhdenie Dobrovol'cheskoj armii* [The Origin of the Volunteer Army]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2001. (In Russian).
28. *Ocherki istorii partijnyh organizacij Dona*. V 2 tomah [Historical Sketches of the Don Region Parties]. Rostov-on-Don, Book Publ., 1973. (In Russian).
29. Ochirov U. B. From Cossack to Colonel General: O. I. Gorodovikov's Military Biography. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyj issledovanij Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Science]. 2014, no. 3. (In Russian).
30. Pavlov V. *Markovcy v bojah i pohodah za Rossiju v osvoboditel'noj vojne 1917–1920 godov*. V 2 knigah [Markov's Regiment and its Role in the Liberation War of 1917–1920]. In 2 vol. Paris, S. Bereznyak Publ., 1962–1964 (In Russian).
31. Paul' S. M. Following Kornilov. *Beloe delo*. Izbrannyje proizvedenija v 16 knigah [White Creed]. Selected works in 16 vol. Vol. 2. The Ice March. Moscow, Voice Publ., 1993. (In Russian).
32. Polovcov L. Knights of the Crown of Thorns. Volkov S. V. (ed.). *Pervyj Kubanskij ("Ledjanov") pohod* [The First Kuban Campaign (the Ice March)]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2001. (In Russian).
33. Rat'kovskij I. S. The Resumption of Capital Punishment in the Russian Front in Summer 1917. *Novejšaja istorija Rossii* [Modern History of Russia]. 2015, no. 1, pp. 48–58. (In Russian).
34. Rat'kovskij I. S. *Hronika belogo terrora v Rossii. Represii i samosudy (1917–1920 gody)* [The Chronicles of White Terror in Russia: Repressions and Mob Rule (1917–1920)]. Moscow, Algorithm Publ., 2017, 464 p. (In Russian).
35. Skorik A. P. *Miljutinskij kazachij Jurt: opyt istoricheskoj rekonstrukcii* [Milyutin's Cossacks' Yurt: Historical Reconstruction]. Bondarev V. A. (ed.). Novocheerkassk, Visage Publ., 2015, 1184 p. (In Russian).
36. Terehov R. Ja. Berestovo-Bogohudovo of the Kalmius Region. *Letopis' revoljucii* [Revolutionary Chronicles]. Kharkov, 1923, no. 5. (In Russian).
37. Hadzhiev Han R. B. *Velikij Bojar* [The Boyar]. Belgrad, M. A. Suvorin Publ., 1929, 397 p. (In Russian).
38. Holmskaja E. The Battle of Donbas. The October Revolution. *Letopis' revoljucii* [Revolutionary Chronicles]. Kharkov, 1922, no. 1. (In Russian).
39. Cvetkov V. Zh. *General Alekseev* [General Alekseev]. Moscow, Veche Publ., 2014, 564 p. (In Russian).
40. *Shahty*. Istoriko-kraevedcheskij ocherk o gorode [The Mines. Historical and Ethnographical Sketches]. Rostov-on-Don, Rostov Publ., 1974, 232 p. (In Russian).

Information about the author

Ratkovsky Ilya Sergejevich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of Modern Russian History at the Institute of History of St. Petersburg State University

Research interests: history of the Russian revolution, history of the Russian Civil War, history of political parties, history of Russian government bodies

Contact information: e-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

Поступила в редакцию 25.05.2019

Received 25.05.2019

УДК 947.084.223

Г. С. Чувардин

**«ИМПЕРАТОР КИРИЛЛ I»
И ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ:
НАДЕЖДЫ, ОТЧАЯНИЕ, ФАРС**

В статье анализируются процессы становления и эволюции политического движения «легитимизм» в русской эмиграции 1920–1930-х годов. В центре исследовательского интереса находится личность самопровозглашенного российского «императора в изгнании» великого князя Кирилла Владимировича. В качестве основного предмета исследования выступают социальный облик движения, его ценностные ориентиры, особенности понимания дальнейшего пути развития России, формы политической борьбы. Отдельной темой статьи является определение места в эмиграции офицеров Российской императорской гвардии, в первую очередь «гвардейского генералитета», а также степень вовлеченности данной условной группы членства в различные течения правомонархического движения. Исследование осуществляется в контексте анализа особенностей русской политической эмиграции в заявленных хронологических рамках.

В статье делается вывод о непоследовательном (в области программных установок и сотрудничестве с разнородными политическими силами вплоть до национал-социализма) и даже авантюрном характере рассматриваемого движения, крайней неоднозначности механизмов политической борьбы, очевидной размытости и популистском содержании политических лозунгов. Глубокий кризис «легитимизма» и его политическое фиаско связываются со смертью великого князя, личность которого являлась едва ли не единственной связующей всех элементов движения.

военная эмиграция; легитимизм; «кирилловцы»; Русский общевоинский союз; монархизм; императорская гвардия

В последнее десятилетие в политических дискуссиях о будущем России все чаще встречаются рассуждения о необходимости возрождения монархии. Данные политические фантазии являются прямой отсылкой к процессам, вызванным Первой мировой войной и порожденной ею цепью различного рода трагических явлений. Отречение Николая II стало началом катастрофического калейдоскопа событий 1917–1921 годов, наиболее ужасающим из которых следует считать братоубийственную Гражданскую войну, общее число жертв которой до сих пор вызывает острые исторические дискуссии.

Последствием победы большевиков стало образование за границей значительной русской диаспоры (согласно данным Лиги Наций, Россию покинуло 1 160 000 человек¹), представленной различными социальными группами, исповедующими сложную совокупность политических идей и смутных переживаний как «правого», промонархического, так и «левого», либерального, толка. Значительный процент в среде этих людей занимали «военные» (на начало 1920-х годов только в списках Русского общевоинского союза (РОВС) числилось около 100 тыс. человек), которых отличала «беспомощность» в политических вопросах, связанная с брезгливым отношением к политике и ставшая важной составляющей идеологии «непредрешенчества». Этому отчасти способствовала линия,

¹ Исследователь В. Ю. Жуков предполагает, что численность эмигрантов могла достигать до 2,5 млн человек (См.: Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. Ю. В. Жуков. СПб. : С.-Петерб. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2011. С. 12).

проводимая руководством РОВСа: 8 сентября 1923 года барон Н. П. Врангель издал приказ № 82, запрещающий офицерам вступать в политические организации и обсуждать политические вопросы².

Однако то, что было хорошо для предвоенного офицерского люляизма, являлось абсолютно неприемлемым в условиях эмиграции, когда возникла необходимость как в «спасении страны», так и того жизненного уклада, которого эти люди лишились. Именно «военная» часть эмиграции, прежде всего в формате обер-офицерства, оказалась наиболее мятущейся и озлобленной на все происходящее.

В становлении эмигрантского вектора монархизма (условно разделенного на «легитимизм» и «непредрешенчество», а также на левый, правоцентристский и правый) можно выделить три этапа.

Первый этап. В этот период происходит активный поиск претендента, хотя бы и номинального, на роль объединителя монархических, а по возможности и либеральных политических сил за границей. Первоначально в качестве возможных фигур назывались вдовствующая императрица великая княгиня Мария Федоровна и великие князья Дмитрий Павлович и Кирилл Владимирович. В конечном итоге выбор остановился на последнем.

В то же время в «Основных положениях...», принятых I съездом хозяйственного восстановления России, призванным объединить монархистов, подчеркивалось, что единственный путь для возрождения страны — восстановление в ней монархии, но в строгом «согласии с основными законами Российской империи»³ (что затрудняло отдельным великим князьям, в первую очередь Кириллу Владимировичу, легитимно занять престол), при этом вел. кн. Кирилл Владимирович, занявший в соответствии с Манифестом от 8 августа 1922 года место «блюстителя государева престола», в целом устраивал различные слои эмиграции, но именно как временная фигура. В данный отрезок времени великий князь пытался путем апелляции к народу снять юридические противоречия, связанные с его претензиями на престол. В сводках Государственного политического управления (ГПУ) отмечалось: «ГПУ информировало, что Кирилл Владимирович считает себя до некоторой степени либералом, придерживается той точки зрения, что восстановление трона в России возможно лишь при поддержке и помощи русского крестьянства»⁴.

Претензии вел. кн. Кирилла на престол не поддержали ни вел. кн. Мария Федоровна, до последнего не желавшая верить в смерть сына и внуков, ни вел. кн. Николай Николаевич-младший, который, по воспоминаниям вел. кн. Владимира Кирилловича, «...взял на себя руководство всеми теми группировками русских изгнанников, которые образовывались из эвакуированных частей армии барона Врангеля»⁵, ни, как следствие, барон П. Н. Врангель, ни Высший монархический совет (ВМС). Данный период «метаний» и сомнений завершился в 1924 году. Уже к 1923 году все отчетливее стало проявляться, пусть и незначительное по численности, движение «легитимистов», ориентирующееся исключительно на вел. кн. Кирилла. Одновременно произошел раскол ВМС на четыре самостоятельные группы («легитимистов-абсолютистов» во главе с Н. Е. Марковым-2; «конституционалистов» во главе с А. Н. Масленниковым и Е. А. Ефимовским, «Братство белого креста» во главе с А. Н. Павловым и С. Е. Крыжановским и «Мюнхенскую», связанную с «Ауфбау», во главе с В. В. Бискупским, вице-президентом «Ауфбау»)⁶.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4. Л. 262.

³ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. : документы и материалы / под ред. А. Ф. Киселева. М. : ВЛАДОС, 1999. С. 115.

⁴ 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом. URL : <http://inmrf.ru/russian-history/the-fate-of-the-russian-statehood/1922-god-iz-dokumentov-vchk-ogpu-o-deyatelnosti-russkih-monarhicheskikh-organizacij-v-sssr-i-za-rubezhom.html> (дата обращения:).

⁵ Кирилл I Владимирович. Государь Император Всероссийский в изгнании, 1876–1938. Мемориальный сборник к 130-летию со дня рождения / сост. и ред. К. К. Немирович-Данченко. М., 2008. С. 26.

⁶ См.: 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом.

В противовес РОВСу был создан Корпус императорской армии и флота (КИАиФ), призванный привлечь в свои ряды военную часть эмиграции. Желая разрушить РОВС, вел. кн. Кирилл Владимирович заявил о недопустимости распыления военных сил и необходимости создания единой армии.

Второй этап. Ситуация изменилась после подписания Манифеста 13 сентября 1924 года, в котором вел. кн. Кирилл Владимирович объявил себя императором. Данное решение буквально звучало так: «...Я, Старший в Роде Царском, Единственный законный правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо Титул Императора Всероссийского»⁷. Далее князь объявлял Наследником Престола своего старшего сына и клялся блюсти православную веру и российские основные законы о престолонаследии.

Таким образом, с 1924 года начался второй период, который можно рассматривать как противостояние сторонников вел. кн. Николая Николаевича-младшего, всецело ориентирующегося на «союзников» (страны Антанты), и «кирилловцев», рассматривающих в качестве возможных союзников, или по крайней мере *попутчиков*, Германию и правые группы различного идеологического толка. Вел. кн. Кирилл также получал ощутимую поддержку из США. Указанное противостояние продолжалось до смерти вел. кн. Николая Николаевича-младшего. Примечательно, что уже в 1926 году П. Б. Струве видел в качестве единственной политической фигуры, способной объединить «монархистов-доктринеров», вел. кн. Кирилла Владимировича⁸.

Третий этап. Данный этап к началу 1930-х годов был связан с постепенным переходом значительной части представителей политической эмиграции на позиции «кирилловцев»⁹.

В свою очередь в идеологическом плане вырисовывается следующий вектор эволюции монархических взглядов: от легитимизма и «непредрешенчества»¹⁰ с сохранением идеи единой и неделимой России к правым взглядам, связанным с пониманием революции как «жидо-масонского заговора», сознательно и активно поддержанного «союзниками», то есть Францией и Великобританией, и ставкой на «третий путь». В 1926 году центристами и правыми был сформулирован тезис, согласно которому территория России захвачена антирусским и антироссийским Интернационалом, важнейшей «подрывной» составляющей которого является СССР.

Середина 1930-х годов была связана с рассуждениями (и не более) на тему построения «социальной монархии» с элементами национал-большевизма и русского национализма как доктрины, весьма близкой в содержательном плане к итальянскому фашизму, что в конечном итоге было идеологическим тупиком движения «кирилловцев». В данном случае необходимо было считаться с триумфом национал-социализма в Германии.

Представители монархистской группы были вынуждены либо покинуть Германию, либо проявить абсолютную лояльность к нацистскому режиму, как это сделал генерал В. В. Бискупский, ставший в конечном итоге главой Национального координационного агентства по эмигрантским делам — Бюро русских беженцев (Vertrauensstelle für Russische Flüchtlinge), курируемого ГЕСТАПо. К указанному отрезку времени в Германии по-прежнему оставалось 125 тыс. русских эмигрантов.

В отношении некоей условной «конкуренции» между вел. кн. Николеом Николаевичем-младшим и вел. кн. Кириллом Владимировичем можно отметить следующее: до 1922 года вел. кн. Кирилл, изъявивший согласие представлять монархическое движение,

⁷ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. С. 74.

⁸ См.: Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. Ставрополь : Кавказский край, 1992. С. 42.

⁹ По одной из версий термин «кириллисты» и «кириллизм» был запущен в политический оборот И. А. Ильиным (в середине 20-х гг. XX в.), причем сам он относился к данному, во многом стихийному движению крайне негативно.

¹⁰ На I Бад-Рейхенгалльском съезде особо подчеркивалось, что съезд «...не считает себя вправе за рубежом России предопределять будущие формы государственного устройства Империи Российской» (см.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. С. 116).

считался единственной возможной фигурой для консолидации монархических сил различного толка, а также одним из претендентов на роль императора со стороны легитимистов в формате ВМС, представители которого полагали, что для восстановления монархии необходимо всего лишь наличие «законных прав на престол».

К середине 1920-х годов вел. кн. Кирилл Владимирович был преимущественно связан с «германской» эмиграцией. Его поддерживали генерал П. В. фон Глазенап, генерал П. Н. Краснов, мюнхенская группа монархистов, в которой важную роль играл генерал В. В. Бискупский, связанный с «Ауфбау» и «Балтикум» и организовавший Русское монархическое объединение в Баварии. Популярность великого князя среди монархических групп была существенной, но не подавляющей. Государственное политическое управление отмечало «значительный рост кирилловщины»¹¹ в 1921–1922 годах, при этом указывалось, что вел. кн. Кирилл имел «за собой 80 % работавших за границей монархистов и других примыкающих к ним групп»¹² и что подобная популярность великого князя в Германии обусловлена устойчивой поддержкой его «германскими промонархическими кругами», генералом Э. Людендорфом, баварским правительством и германскими промышленниками, которые выделили ему около 5 млн золотых марок, в то время как популярность его во Франции и ряде других европейских стран стремительно падала¹³.

На Парижском съезде монархистов в 1926 году констатировалось, что подавляющая часть эмиграции перешла на позиции монархизма в «той или иной форме». К указанному моменту вел. кн. Кирилл Владимирович уже провозгласил себя императором Кириллом I и постепенно начал придерживаться правых взглядов. Как следствие, возник вопрос о его политической программе. При этом следует учитывать, что у него был действительно уникальный шанс объединить весь монархический вектор эмиграции в единое консолидированное антибольшевистское движение. Очевидным было и то, что после Рапальского договора и признания СССР рядом европейских государств существовавшая в начале 1920-х годов иллюзия на возможность новой интервенции стремительно разрушалась.

Политические взгляды вел. кн. Кирилла начала 1920-х годов в целом сводились к установкам «легитимизма», но, в отличие от последних, характеризовались *крайне противоречивым содержанием*. На это, в частности, указывала вел. кн. Мария Павловна, дочь вел. кн. Павла Александровича и сестра одного из участников убийства Распутина вел. кн. Дмитрия Павловича. Она считала, что при всем разнообразии эмигрантских образований в первой половине 1920-х годов вел. кн. Кирилл снискал себе популярность только среди *незначительной* по численности группы ортодоксальных монархистов. В отношении их политических пристрастий, а скорее переживаний, она писала: «В конце августа великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат покойного государя и первый в иерархии престолонаследия, объявил себя императором... Однако приверженцев у него было не много, поскольку он так и не сформулировал лозунг, способный привлечь к нему костяк монархистов... Лишь небольшая фракция монархистов, так называемые легитимисты, приветствовали его шаг, большинство же ответило взбешенным непризнанием. А легитимисты, для которых вековые традиции были единственной отрадой в распавшемся мире, обрели номинального главу, на кого и уповали теперь»¹⁴.

Следует обратить внимание на то, что вел. кн. Кирилл был категорически против интервенции извне. Главные его опасения были связаны с нечистоплотностью «друзей» и, как следствие, высокой вероятностью расчленения страны в случае вторжения сил

¹¹ Колодникова Л. П. Документы информационной службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х годов русских зарубежных монархических организаций // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 2. С. 254.

¹² Там же.

¹³ 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом.

¹⁴ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М.: Захаров, 2017. С. 470.

«союзников» («союзникам») не могли простить «восторженную» поддержку февральского переворота¹⁵ и крайне противоречивую позицию во время Гражданской войны).

Определенная популярность вел. кн. Кирилла в эмигрантских кругах была обусловлена тем, что он «бежал» из России еще в 1917 году, и, несмотря на то, что некоторый отрезок времени прожил в изоляции в Финляндии, смог выстроить контакты прежде всего по линии своей жены Виктории Мелиты, герцогини Саксен-Кобург-Готской («Даки») ¹⁶, с различными политическими силами, включая официальных представителей властных кругов Франции, Германии и Великобритании. Именно «Даки» будет своеобразным вдохновителем высокой политической активности великого князя с начала 1920-х годов и до конца его жизни.

Вел. кн. Николай Николаевич-младший особенно после «разоружения» П. Н. Врангеля стал более осторожным и в «большую политику» не стремился. Примечательно, что после объявления себя «блюстителем государева престола», вел. кн. Кирилл предложил ему пост Главнокомандующего, но тот предложение проигнорировал, а по факту не принял.

Вел. кн. Николай Николаевич-младший опирался на представителей военной эмиграции, преимущественно из среды «врангелевцев». Вел. кн. Мария Павловна отмечала, что он «...своей властью и личным авторитетом объединил рассеянные на чужбине остатки Белой армии» ¹⁷. Фактически же он был провозглашен главой РОВСа после его создания и, в силу своей «осторожности» (по замечаниям современников, «бездействия») и нежелания вступать в различные политические альянсы ¹⁸, находился в тени генерала П. Н. Врангеля, при этом самого Врангеля как фигуру более независимую и менее управляемую в силу своего колоссального авторитета, пытались заменить полностью лояльным великому князю А. П. Кутеповым.

Очевидно, что именно П. Н. Врангеля и его сторонников вел. кн. Мария Павловна считала «теми ветеранами», которые «ничуть не поумнели после революции» и «...стенной обступили великого князя», активно мешая ему и «молодым патриотам» (видимо, ее брату вел. кн. Дмитрию Павловичу) «спасти» Россию ¹⁹. По сути обозначилась некая тенденция в политическом процессе, характерная для предвоенной России: Романовы выступали представительными фигурами, своеобразным пропагандистским приемом различных политических сил, часто нескольких сразу, причем с крайне противоположными политическими убеждениями. Общую же позицию Романовых «в изгнании» однозначно выразил вел. кн. Петр Николаевич: «Считаю своим долгом, как член семьи Романовых, стоять вне всяких партий, союзов и политических агитаций, в какой бы форме они не проявлялись» ²⁰.

«Конкурентная борьба» между великими князьями воспринималась как противостояние старорежимного аристократа, воспитанного в традициях эпохи Александра II последним «русским барином» вел. кн. Владимиром Александровичем, длительное время возглавлявшим войска Императорской гвардии и С.-Петербургский военный округ, и человеком, прошедшим через реалии политической и военной модернизации предвоенного периода и являвшимся одним из организаторов этой модернизации.

После Русско-японской войны вел. кн. Кирилл был отстранен от политической жизни. Некоторое время он находился за границей «в ссылке» по причине «неудачного брака», встретившего осуждение императора и в первую очередь императрицы: вел. кн. Кирилл женился на разведенной супруге родного брата императрицы Александры Федоровны — великого герцога Эрнста Людвиг Гессенского и Рейнского. В 1910 году вел. кн. Кирилл

¹⁵ См., напр., заявление представителя французской армии (см.: Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. С. 261–262.

¹⁶ Являлась внучкой британской королевы Виктории, в 1909 году приняла православие и стала именоваться Викторией Федоровна. Тогда же ей был пожалован титул «великая княгиня».

¹⁷ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. С. 470.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 471.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 501.

лу Владимировичу было присвоено звание капитана 1-го ранга и дозволено вернуться на родину. В указанный период он играл в политической жизни России роль высокопоставленного статиста. Отдельные современники вспоминали вел. кн. Кирилла предвоенной эпохи как человека «простого и порядочного»²¹.

С началом Первой мировой войны, в октябре 1914 года, великий князь получил должность исполняющего обязанности «наблюдающего за морскими командами действующей армии». В ноябре он был назначен начальником морских батальонов, а в феврале 1915 года ему было присвоено звание контр-адмирала Свиты Его Императорского Величества. Наконец, 9 сентября 1915 года вел. кн. Кирилл становится начальником морских батальонов и речных флотилий. В указанной должности до ухода в отставку он оставался до марта 1917 года.

В годы Первой мировой войны великий князь много ездил по стране и периодически находился в Ставке. В 1915 году, после смерти контр-адмирала Н. М. Толстого, возглавил Гвардейский флотский экипаж, но фактического руководства им не осуществлял и в боевых действиях не участвовал. Он был одним из тех, кто пытался отговорить императора от возложения на себя звания Главнокомандующего²².

Вел. кн. Николай Николаевич-младший командовал Русской армией до осени 1915 года. Затем продолжал командовать русскими войсками на Кавказе. В войсках он зарекомендовал себя как опытный высокопрофессиональный военачальник, к тому же с его именем ассоциировались попытки спасения страны накануне революции. Но одновременно с этим ему приписывалось участие в заговоре против императора Николая II. Тем не менее в эмиграции популярность его была не столь высока. «...В то время как Гинденбург за год сумел заслужить общее одобрение, отмечал А. А. фон-Лампе, великий князь Николай Николаевич заслужил всеобщее порицание», проявлял крайнюю политическую «пассивность» («...правые казаки восстают против бездействия великого князя Николая Николаевича»²³), при этом на снижении его роли спасателя страны сказались также устойчиво сохранившаяся значительная популярность «среди простого офицерства» барона П. Н. Врангеля. Ряд офицеров также считал, что своим «бездействием» вел. кн. Николай Николаевич дискредитировал деятельность РОВСа.

Если вел. кн. Кириллу пришлось вести настоящую войну с «непредрешенцами», то вел. кн. Николай Николаевич-младший в конечном итоге записался в «скрытые противники» барона П. Н. Врангеля, который к середине 1920-х годов занял позицию между «непредрешенчеством» и монархизмом, причем «война эта велась», если можно так сказать, невоенными методами. А. А. фон-Лампе отмечал, что вел. кн. Николай Николаевич несколько раз лишал П. Н. Врангеля средств, забирая у него «последние» деньги, в том числе «предназначавшиеся для пособий офицерам»²⁴. Наконец, 12 января 1926 года Врангель был окончательно лишен сметных ассигнований²⁵. Примечательно, что к «антиврангелевской кампании» присоединились и сторонники вел. кн. Кирилла Владимировича. А. А. фон-Лампе писал: «Вообще против Петра Николаевича идет довольно сильная работа, в которой стараются: ВМС, кириллисты, Деникин, Кутепов... вот он наконец «общий фронт», который не могут создать против большевиков!»²⁶.

Следует отметить, что к 1924–1925 годам вел. кн. Кирилл Владимировича стали активно поддерживать гвардейские офицеры «из молодых», то есть офицеры «военного призыва», которые последовательно игнорировали РОВС, демонстрируя «нездоровый сепаратизм». «...Преображенцы, Конная гвардия (меньше других), кирасиры Ее В., Кон-

²¹ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1916. Минск : Харвей, 2003. С. 649.

²² Там же.

²³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. № 30. м/ф. 1 Дневник № 63–68. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ См.: Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский общевоинский союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI вв. Архангельск : СОЛГИ, 2006. С. 101.

²⁶ Там же. С. 32.

ная артиллерия, частью уланы Ее В. (кроме служащих у меня) — все это, щеголяя преданностью нездоровому течению монархизма, бравирует своею «независимостью» по отношению к командованию», — писал А. А. фон-Лампе в отношении гвардейских союзов и «молодых гвардейцев»²⁷. Следует отметить, что предвоенные гвардейцы также не являли собой однородную группу. Часть офицеров, принадлежавших к высшей аристократии, постепенно вышла из войны в 1914–1915 годах и оказалась за границей значительно раньше «февральской катастрофы».

Особое место в гвардейской эмигрантской среде занимали предвоенные гвардейские генералы, которые либо старались политикой не заниматься, либо, подобно В. М. Безобразову (в указанный момент генералу было 64 года) или барону Е. А. Рауш-фон-Траубенбергу, «пассивно» примкнули к ВМС, а затем опять же «пассивно» поддержали вел. кн. Кирилла Владимировича. Примечательно, что на I Бад-Рейхенгалльском съезде (из 100 делегатов) присутствовало 14 генералов и 1 адмирал²⁸ (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о присутствующих на съезде делегатов из числа военных

№ п/п	Ф.И.О.	Титул	Звание	Принадлежность к гвардии; особые примечания
1.	Кеппен Владимир Густавович (1885–1960)	барон	ген.-майор	
2.	Кантакузен Владимир Георгиевич (1872–1937)	князь	ген.-майор	В марте-октябре 1917 г. командовал Л.-гв. Гусарским полком
3.	Паттон Петр Иванович (Паттон-Фантон-де-Верайон) (1866–1941)	-	адм.	
4.	Есимонтовский Андрей Васильевич (1889–1947)	-	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Измайловского полка; кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
5.	Голеевский Николай Лаврентьевич (1878–1958)	-	ген.-майор	Офицер Ген. штаба; цензовое командование отбывал в Л.-гв. Павловском полку; по всей вероятности масон
6.	Долгоруков Александр Николаевич (1872–1948)	князь	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Кавалергардского полка; окончил Николаевскую академию Ген. штаба; к началу Первой мировой войны командир Л.-гв. Кавалергардского полка (декабрь 1912 — ноябрь 1914 г.); кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
7.	Нирод Федор Максимилианович (1871–1952)	граф	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Конного полка; командир Л.-гв. Драгунского полка (ноябрь 1912 — январь 1915 г.); командир 2-х бригад 1-й и 2-й гв. кавалерийской дивизии.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. м/ф 3. Л. 208.

²⁸ Сводка Иностранного отдела ВЧК о русском монархическом движении за границей // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1 : Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 2. М. : Гея, 1998. С. 462.

Окончание таблицы

№ п/п	Ф.И.О.	Титул	Звание	Принадлежность к гвардии; особые примечания
8.	Граббе Михаил Николаевич (1871–1952)	граф	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Казачьего полка; командир Л.-гв. Сводно-казачьего полка (сентябрь 1911 — январь 1915 г.); командир 3-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии; кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
9.	Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934)	-	ген. артиллерии	Начальник 1-й гв. пехотной дивизии (1908–1912 гг.).
10.	Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932)	-	ген. кавалерии	Офицер Л.-гв. Гусарского полка; командир Л.-гв. Кавалергардского полка (май 1900 — апрель 1904 г.); нач. 1-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии; начальник 2-й гв. кавалерийской дивизии; командующий Гв. корпусом; с 1916 г. командующий войсками Гвардии.
11.	Рауш-фон-Траубенберг Евгений Александрович (1855–1923)	барон	ген. кавалерии	Офицер Л.-гв. Конного полка; командир Л.-гв. Кирасирского полка (07.04.1899 — 18.12.1900 г.); нач. штаба Гв. корпуса
12.	Шульман Сергей Николаевич (1869–1927)	-	ген.-майор	Офицер Л.-гв. 1-й артиллерийской бригады.
13.	Бискупский Василий Викторович (1878–1945)	-	ген.-лейт.	Офицер Л.-гв. Конного полка
14.	Арсеньев Евгений Константинович (1873–1938)	-	ген.-лейт.	Офицер Л.-гв. Уланского Ее Величества полка; командир Л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (ноябрь 1914 — декабрь 1915 г.); командир 1-й гв. кавалерийской дивизии (1917 г.); кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
15.	Мосолов Алексей Александрович (1854–1939)	-	ген.-лейт.	Офицер Л.-гв. Конного полка; нач. канцелярии Министерства императорского двора

Анализ приведенных в таблице статистических особенностей данной социальной микрогруппы позволяет сделать вывод о том, что из 14 генералов 8 офицеров (57 %) начинали службу и служили значительный отрезок времени в Императорской гвардии, командуя в ее рядах отдельными полками и соединениями, то есть были «коренными гвардейцами», из них 4 офицера начинали служить в Конной гвардии. К представителям титулованной аристократии принадлежало 6 человек, или 43 %. Всего же с гвардией в той или иной степени было связано 13 генералов. Указанные офицеры сохраняли определенную приверженность если уж не самой монархии в лице ее отдельных представителей, то по крайней мере «гвардейскому стилю» и стереотипу поведения. Для них патриотизм ассоциировался с монархией, но понимание монархии носило крайне примитивный характер: восстановить законного царя, вернуть дореволюционный политический и социальный уклады.

Кроме этого, в списках I съезда прослеживается определенный процент полковников-гвардейцев, среди которых можно выделить отдельных аристократов-монархистов, поддержавших вел. кн. Кирилла, например полковника герцога Г. Н. Лейхтенбергского, офицера Лейб-гвардии Конного полка. Примечательно, что в отношении «миссии» офицеров Конной гвардии «по спасению Отечества» князь П. Р. Бермонд-Авалов (со слов А. А. фон-Лампе) говорил: «Почему это конная гвардия взяла патент на спасение отечества?!» — и действительно В. К. (вел. кн. — Г. Ч.) Дмитрий Павлович — ликвидация Распутина, Скоропадский — гетманство, Лейхтенбергский — Южная Армия, Врангель — наша Армия, Бискупский — попытки и проекты без конца»²⁹. Думается, что среди конногвардейцев был значительный процент аристократии, потерявшей в ходе революционных потрясений не только имущество, но и «особое» положение в обществе. С определенными оговорками конногвардейцев можно отнести, по меньшей мере, к военной элите. Значительная часть офицеров Конной гвардии предвоенного состава успешно пережила мировую и Гражданскую войны, покинув ряды воюющей армии после Каушенской бойни и разгрома 1-й и 2-й армий в Восточной Пруссии.

Таким образом, в военной эмиграции обозначился еще один интересный феномен, характерный для России рубежа веков: с середины 1920-х годов наблюдается раскол в среде офицеров-эмигрантов на «армию» и «гвардию». На это по воспоминаниям А. А. фон-Лампе указывал в своих донесениях ряд старших офицеров. Офицер РОВСа полковник К. Н. Скуратов неоднократно отмечал, что «молодые офицеры гвардии» образуют «главным образом в Юго-Славии, отчасти же во Франции и Бельгии» независимые «ячейки» и не собираются вступать в уже существующие союзы и объединения. В первую очередь речь шла о РОВСе³⁰.

Следует отметить, что «гвардейское офицерство» открыто склонялось на сторону вел. кн. Кирилла Владимировича, который не требовал жесткого подчинения, дисциплины и субординации. Попытки противостояния этому расколу со стороны РОВСа успехов не имели.

Активному сближению вел. кн. Кирилла Владимировича с «гвардейцами», как наиболее преданной Престолу и «пассивной» части российской армии в предвоенный период, способствовал «великий визирь» вел. кн. Кирилла, конногвардеец, генерал Василий Викторович Бискупский.

Разыграть «гвардейскую» карту вел. кн. Кирилл Владимирович решил только в начале 1930-х годов, что отчасти было связано сначала со смертью П. Н. Врангеля, а затем вел. кн. Николая Николаевича-младшего, а также похищением советскими спецслужбами генералов А. П. Кутепова и Е. К. Миллера. Данные события нанесли серьезный удар по РОВСу и заставили его членов искать новые способы политической борьбы.

В своем дневнике А. А. фон-Лампе писал, что часть гвардейцев «металась» между различными монархическими группами и РОВСом, а гвардейские объединения сотрясали внутренние конфликты, развивавшиеся по линии офицеров разных возрастов. В отношении «своего», Семеновского, объединения он отмечал: «Вечером собралось Семеновское объединение, которое, как мне говорил Хольмсен, благодаря нетерпимости Тилло, который во всех добровольческих вождях видит республиканцев, — превратилось в разъединение»³¹. Показательна фраза о республиканской ориентации лидеров Белого дела, что, в частности, касалось П. Н. Врангеля и «негласного лидера» вел. кн. Николая Николаевича-младшего. Значительная часть гвардейцев старших возрастов сохраняла приверженность монархизму.

В 1931 году Кирилл Владимирович начинает поддерживать полковые объединения (речь идет преимущественно об объединениях гвардейских полков), а затем принимает действенное участие в возрождении гвардейских частей, первым из которых был Лейб-гвардии Измайловский полк.

²⁹ ГАРФ. Д. 5853. Оп. 1. Д. 16. м/ф 1. С. 31.

³⁰ См. там же. м/ф 4. Л. 21.

³¹ Там же. Д. 30. м/ф 1. Л. 47.

Контакты с отдельными «измайловцами» (преимущественно склонными к различного рода авантюрам), предлагавшими свои «услуги» великому князю, обозначились еще в 1924 году. По воспоминаниям А. А. фон-Лампе (запись от 12.10.1924), «на стороне Кирилла — в Берлине орудует измайловский полковник Хомутов³², осужденный судом чести...»³³.

В 1931 году 22 офицера-измайловца во главе с полковником П. В. Данильченко (офицером еще довоенного состава полка³⁴) обратились к великому князю с прошением о возрождении полка. Вел. кн. Кирилл отменил распоряжение о расформировании полка большевиками (он прекратил свое существование в апреле 1918 года) и принял на себя шефство над указанной частью. В списки полка также был включен сын великого князя — Владимир Кириллович.

Отдельного внимания заслуживает личность «великого визиря» (указанный термин использует генерал Н. А. Епанчин³⁵) великого князя — генерала В. В. Бискупского, которого с уверенностью можно отнести к «политическим авантюристам». Именно благодаря В. В. Бискупскому, вел. кн. Кирилл Владимирович в политическом плане стремительно становился более консервативным.

Василий Викторович Бискупский родился 27 апреля 1878 года в семье вице-губернатора города Томска (его отец служил в Русской императорской гвардии). В соответствии со «Списком (по старшинству в чинах) генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов Лейб-гвардии Конного полка за 1907 г.», Бискупский происходил «из дворян Харьковской губернии»³⁶. В 1895 году окончил 2-й императора Петра Великого кадетский корпус в С.-Петербурге, а затем в 1897 году Николаевское кавалерийское училище с «занесением имени на мраморную доску»³⁷. Был выпущен в Лейб-гвардии Конный полк и в чине поручика добровольцем отправился на Русско-японскую войну (был прикомандирован подьесаулом ко 2-му Дагестанскому конному полку³⁸). Во время войны получил серьезное ранение «в грудь на вылет»³⁹. Награжден боевыми орденами: Святого Владимира IV степени с мечами и бантом, Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святой Анны III степени с мечами и бантом и Святого Станислава III степени с мечами и бантом. Указанный «дождь из наград» «пролился» в 1905 году⁴⁰. После войны вернулся в Лейб-гвардию Конный полк и получил должность командира 3-го эскадрона. В. В. Бискупский был аттестован помощником командира полка князем А. А. Манвеловым следующим образом:

«1) в служебном отношении: Во всех отношениях отличный строевой офицер, выдающийся и лихой эскадронный командир. Военная служба и строй — его сфера. Характера ровного, но строгий и требовательный к службе. <...> Пользуется любовью и уважением товарищей;

2) в физическом отношении: Здоровья крепкого и вынослив;

3) в умственном отношении: В высокой степени развит и всесторонне образован. Много читает, интересуется и следит за военной литературой и военным делом...;

4) в нравственном отношении: Безупречен»⁴¹.

³² По всей вероятности речь идет об Александре Дмитриевиче Хомутове, 1897 года рождения, выпускника Павловского военного училища, подпоручика гвардии с 17 мая 1909 г. (см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2577. Оп. 2. Д. 356, 371).

³³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 7951.

³⁴ РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353, 356.

³⁵ См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Наше наследие, 1996. С. 497.

³⁶ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3145. Л. 24.

³⁷ Там же.

³⁸ Офицеры Конно-гвардейского (Лб.-гв.) полка, участвовавшие в Русско-японской войне // Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1907. С. 12.

³⁹ Аттестация за 1910 г. ротмистра Василия Бискупского, командира 3 эскадрона с 13.IV.1906 // РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1897. Л. 1.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3145. Л. 24.

⁴¹ Аттестация за 1910 г. ротмистра Василия Бискупского... Л. 1.

В отношении последнего пункта полковник А. А. Манвелов оказался не совсем прав. Василий Викторович тайно женился на выдающейся русской певице Анастасии Вяльцевой и по этой причине в чине полковника в феврале 1913 года был вынужден покинуть полк. Брак оказался неудачным. В декабре 1912 года у певицы был обнаружен рак. Несмотря на переливание крови от Василия Викторовича, она умерла 4 февраля 1913 года. Накануне войны Бискупский вернулся на службу в качестве офицера 16-го Иркутского гусарского полка и отправился с ним на фронт. С 27 декабря 1914 по 15 января 1917 года командовал 1-м Лейб-драгунским Московским полком. За участие в летнем наступлении 1916 года был награжден орденом Святого Георгия IV степени и «пожалован» званием генерал-майора. В январе 1917 года Бискупский получил под свое начало 1-ю бригаду 3-й кавалерийской дивизии.

После революционных потрясений Василий Викторович оказался на Украине и 29 апреля 1918 года был назначен командующим войсками гетмана П. П. Скоропадского. В 1919 году эмигрировал в Германию, где после сложных переговоров с П. Р. Бермонд-Аваловым и безуспешных попыток забрать у него Западную армию, возглавил в качестве министра-председателя и министра иностранных дел Западно-русское правительство.

Сближение Бискупского с немцами, в частности с генералом Рюдигером фон дер Гольцем, произошло во время «гетманщины». Р. фон дер Гольц вспоминал о Василии Викторовиче: «Генерал Бискупский, выходец из русской гвардейской кавалерии, в войну достигший поста командира кавалерийской дивизии, был необычной личностью. Опытный полководец, весьма светский и элегантный, очень хорошо выглядящий, умный, обладавший политическими воззрениями, весьма умелый оратор...»⁴².

В 1920 году устанавливается прочная связь Василия Викторовича и с вел. кн. Кириллом Владимировичем.

Из других приближенных к великому князю можно выделить графа В. А. Бобринского и В. П. Мятлева, в прошлом офицера гусарского полка, а также генерала Е. П. Доливо-Долинского, начальника канцелярии «Блюстителя Государева престола» в прошлом офицера Лейб-гвардии Петроградского полка. При его непосредственном участии 30 апреля 1924 года был организован КИАиФ, который был подчинен великому князю и вел активную борьбу с РОВСОм с целью создания единой русской армии за границей. Противостояние РОВСа и КИАиФ — отдельная страница в истории «кирилловцев». Деятельность КИАиФ, численность которого первоначально составляла около 15 тыс. человек, привела к тому, что к началу 1930-х годов ряды РОВСа сократились на 1/3, а часть его деятелей была серьезно дискредитирована.

В 1924 году генерал Е. П. Доливо-Долинский по протекции В. В. Бискупского был заменен морским офицером финляндского происхождения, участником Цусимского сражения Г. К. Графом, сделавшим при великом князе стремительную карьеру от капитана II ранга до контр-адмирала⁴³. В 1941 году он был арестован ГЕСТАПО и помещен в концентрационный лагерь. Сын великого князя Владимир Кириллович «сместил» его с должности начальника Управления по делам вел. кн. Владимира Кирилловича и полностью отказался от «его услуг».

Генерал Н. А. Епанчин отмечал, что первоначально В. В. Бискупский делал ставку на вел. кн. Дмитрия Павловича, которому в сентябре 1920 года исполнилось 29 лет и который, в отличие от вел. кн. Кирилла, не был скомпрометирован «неудачным браком» и лояльным отношением к февральским событиям 1917 года⁴⁴. В эмиграции вел. кн. Ки-

⁴² Гольц Р. фон дер, граф. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / пер. с нем., вступ. ст., коммент. Л. Ланника. СПб.: Европ. ун-т в СПб., 2015. С. 226–227.

⁴³ С 1924 по 1938 г. занимал пост начальника Канцелярии Его Императорского Величества. К моменту смерти великого князя имел звание контр-адмирала (См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. С. 506).

⁴⁴ Вел. кн. Кирилл Владимирович отреагировал на революцию крайне неоднозначно: фактически он поддержал ее, предложив Государственной Думе услуги подчиненного ему Гвардейского экипажа.

риллу все время напоминали про красный флаг над его дворцом в февральские дни и интервью (со ссылкой на П. А. Половцева), в котором он отмечал: «Мой дворник и я одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все»⁴⁵.

К вел. кн. Дмитрию Павловичу был прочно приклеен ярлык «убийцы Распутина»⁴⁶. Примечательно, что после убийства группа великих князей (среди них был Кирилл Владимирович) вступилась за Дмитрия Павловича, который, по версии вел. кн. Андрея Владимировича, был «арестован императрицей»⁴⁷. Отношение к этому событию после расстрела царской семьи кардинальным образом изменилось в худшую сторону для его участников.

Практически сразу же выяснилось, что вел. кн. Дмитрий Павлович участия в политических играх принимать не желает. Он предпочел спасению России торговлю шампанским. Н. А. Епанчин отмечал, что после отказа вел. кн. Дмитрия от «предложения» Бискупского последний «открыто заявил, что он раньше был сторонником Великого князя Дмитрия Павловича, но теперь он перешел на сторону Великого князя Кирилла Владимировича (так как Великий князь Дмитрий Павлович “ушел в кусты”...)»⁴⁸. Генерал Н. А. Епанчин резюмирует поведение Бискупского следующей репликой: «С этих пор генерал Бискупский стал не только сторонником Великого князя Кирилла Владимировича, но, как его называли, *великим визирем*»⁴⁹.

Историк М. Келлогг считал, что В. В. Бискупский стремился не только к реставрации монархии в России. Он отмечал, что Василий Викторович «усердно работал «за кулисами» (европейской политики. — Ч. Г.), стремясь организовать военизированные силы с целью восстановления монархических режимов в Центральной и Восточной Европе»⁵⁰. Генерал стремился наладить контакты со всеми прогерманскими, антибольшевистскими «белыми» эмигрантскими группами в Германии⁵¹.

В идеале центром сплочения антибольшевистских сил мог стать «российский император в изгнании» — вел. кн. Кирилл Владимирович. Бискупским отработывалась идея, согласно которой военная элита Германии и России близки друг другу по духу и не могут терпеть унижения со стороны «союзников» и большевиков (впоследствии появятся политические ярлыки: «мировое еврейство», «еврейский капитал», «торгаши») в отношении своей Родины. Честь офицера и дворянина, как главного защитника Отечества, превыше всего. Эту мысль на свой лад также озвучил генерал П. Р. Бермонд-Авалов: «В центре общемировой жизни за последние семь лет стоит Россия, потрясенная сначала войной, а затем и революцией. В смысле государственных потрясений за ней стоит Германия, и, таким образом, в истории отчетливо обрисовываются две разрушенные страны, два угнетенных народа»⁵².

В. В. Бискупский также вел активную борьбу по разрушению РОВСа, надеясь привлечь его членов в ряды «кирилловцев» и таким образом расширить военную составляющую движения.

В частности, А. А. фон-Лампе описал указанную борьбу в Венгрии. Генерал отмечал: «... поход идет и шел против всех не кириллистов, успех его обеспечивается отсутствием в стране наших представительств и постоянным там пребыванием «легитимистов», а также их готовностью пачкать имя русских как угодно, до обвинения в большевизме, социализме и хищениях... Говорю быть может потому, что пока видел против себя только обвинения в франкофильстве, которое распространяется кириллистами и большевиками»⁵³.

⁴⁵ Половцев П. А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 г. М.: Вече, 2016. С. 33.

⁴⁶ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова. С. 206.

⁴⁷ Там же. С. 218.

⁴⁸ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 497.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Kellogg M. The Russian Roots of Nazism / Wight Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945. Cambridge University Press, 2005. Vol. 14.

⁵¹ См. там же.

⁵² Бермонд-Авалов П. Р. В борьбе с большевизмом. М.: Вече, 2017. С. 425.

⁵³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. № 30. м/ф 2. Дневник 49–54. Л. 143.

В. В. Бискупский стремился получить представление о ситуации в России путем установления контактов с «совневающими» в советском военном руководстве, в первую очередь с «бывшими» офицерами императорской армии, перешедшими на службу в РККА. Данная «активность» внимательно отслеживалась советскими спецслужбами, стремившимися в свою очередь использовать как генерала, так и вел. кн. Кирилла в своей политической игре.

В ноябре 1925 года в Берлин был направлен агент ГПУ Попов, выдававший себя за представителя штаба Внутренней российской национальной организации. Он встретился с генералом Бискупским и договорился о ведении совместной «антисоветской работы». В разговоре речь также зашла о возможном использовании в целях антибольшевистской борьбы бывшего семеновца М. Н. Тухачевского, демонстрировавшего якобы бонапартистские настроения. О данном разговоре Попов доносил в ОГПУ следующее: «Бискупский очень интересовался, что из себя представляет Н. И. Ратгэль, О. И. Савватеев, М. Н. Тухачевский и новые командующие армиями. А когда я ему несколькими мазками нарисовал Тухачевского как чистейшего бонапартиста, то он сказал, чтобы мы обещали ему, что государь (великий князь Кирилл Владимирович) его назначит флигель-адъютантом, если он перейдет на нашу сторону в нужный момент и вообще бы не скупился всяких наград лицам, нам нужным, если этим можно перетянуть их на свою сторону»⁵⁴.

Примечательно, что в начале 1927 года В. В. Бискупский организовал встречу Попова с О. К. Энцелем, представителем организации «Стальной шлем», открыто демонстрировавшей профашистскую направленность своей деятельности⁵⁵. Данная информация подводит нас к еще одному направлению в деятельности В. В. Бискупского и великого князя — их связи с национал-социализмом.

Очевидно, что наиболее туманной частью биографии генерала Бискупского (и соответственно вел. кн. Кирилла Владимировича) являлась его (их) связь с организацией «Ауфбау»⁵⁶ и с одним из ее главных руководителей М. Э. фон Шойбнер-Рихтером, членом Национал-социалистической немецкой рабочей партии⁵⁷ с 1920 года.

Американский историк М. Келлогг в ряде своих работ указывает (без ссылки на источник), что А. Гитлер был членом «Ауфбау» (в организацию также входил секретарь НСДАП Макс Аманн)⁵⁸. В свою очередь генерал Н. А. Епанчин отмечал устойчивую связь Гитлера с «Ауфбау» и членство в ней Альфреда Розенберга, редактора газеты “*Volkischer Beobachter*” а также их постоянные контакты с В. В. Бискупским и Г. В. Немировичем-Данченко⁵⁹. Он описывает участие последних в подготовке Капповского путча, который можно считать попыткой построить в Германии милитократию с аристократическим уклоном.

Именно по линии «Ауфбау» А. Гитлер получал деньги на возрождение «российско-германских связей» от вел. кн. Кирилла Владимировича и «Даки», по всей вероятности через В. В. Бискупского. Историк Дж. Стефан пишет о том, что Гитлер еще в 1922 году приезжал в Кобург «для участия в собраниях по случаю дня Германии», а «Виктория почтила присутствием несколько слетов штурмовых отрядов»⁶⁰.

Степень близости «императора Кирилла» и будущего «фюрера германской нации» вызывает серьезные споры историков, особенно зарубежных. Тема о русских корнях германского фашизма является одной из наиболее излюбленных для конструирования политических мифов и ведения идеологической войны.

⁵⁴ Трагедия РККА. М. Н. Тухачевский и военно-фашистский заговор // Военно-исторический архив. Вып. 1. М.: Церера, 1997. С. 241.

⁵⁵ См. там же.

⁵⁶ Организация «Aufbau» («Возрождение») создана Максом Эрвином фон Шойбнером Рихтером и Эрихом фон Людендорфом в 1920 г. для «восстановления хозяйственных связей между Германией и Россией». В силу законспирированного характера деятельности данной организации информация о ее деятельности пока еще имеет неполный характер.

⁵⁷ Ее предшественница — партия DAP — была основана в 1919 г. Свое полное название, NSDAP, партия получила в феврале 1920 г. Тогда же была обнародована программа «25 пунктов», составленная А. Гитлером.

⁵⁸ Q. v.: Kellogg M. The Russian Roots of Nazism. P. 123.

⁵⁹ См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 508–509.

⁶⁰ Стефан Дж. Русские фашисты 1925–1945. М.: Слово, 1992. С. 32.

В середине 1920-х годов А. Гитлер казался одним из многочисленных авантюристов, а к тому моменту, когда он утвердился во власти, великокняжеской четы в Германии уже не было. Сложно также определить степень восприятия великим князем национал-социалистических идей. Романовым начиная с эпохи Александра III был не чужд национализм и антисемитизм как своеобразная реакция на политический экстремизм и революцию, в которых оказался значительный процент *«инородцев»*, а скорее *«иноверцев»*. Отец великого князя, вел. кн. Владимир Александрович, был одним из организаторов «Священной дружины», одного из главных инструментов так называемой «реакции» («политической реакции») после убийства Александра II. Примечательно, что о своем «генетическом антисемитизме» (как некой «визитной карточке» Романовых в целом) писал вел. кн. Александр Михайлович. «Стараясь быть честным с самим собой, я пришел к заключению, что мой духовный актив был отягощен странным избытком ненависти. Ненавистью к личностям и даже целым нациям». Указанную «ненависть» применительно к себе великий князь объясняет пагубным влиянием православной догматики («влиянием учения православной церкви»⁶¹) и доктриной официального патриотизма, которая «вбивалась ему в голову»⁶². Он отмечал, что его наставник отец Георгий Титов внушал ему антисемитские установки, во многом «противоречащие христианскому учению»⁶³.

Вел. кн. Кирилл Владимирович крайне брезгливо относился к методам политической борьбы и особенностям построения государства, характерным для нацистов. Он не смог принять учение о «высшей расе», хотя был «большим арийцем», чем Гитлер и его политическое окружение. Фашизм выглядел для него как одна из разновидностей охлократии, а он, в отличие от Гитлера, до уровня толпы опускаться не хотел. Но подчеркнем еще раз: вел. кн. Кирилл *не осуждал нацизм*, а просто испытывал к нему брезгливое отношение. В основных программных документах 20-х годов (1924, 1928) великий князь декларировал национальную, культурную и религиозную терпимость и призывал к тому, что позднее было названо толерантностью и «культурным диалогом».

Так, в «Высочайшем рескрипте...» от 19 декабря 1924 года подчеркивалась необходимость «соглашения с народностями, отпавшими от России и получившими за время смуты особое государственное устройство». Кроме этого, декларировалось «установление действенных начал веротерпимости»⁶⁴. А в «Декларации императора Кирилла I...» от 26 января 1928 года отмечалась необходимость полного искоренения «угнетения других национальностей русским большинством»⁶⁵. Отрицалась вероятность дискриминации по национальному, религиозному и социальному признакам⁶⁶.

Следует отметить, что М. Э. фон Шойбнер-Рихтер и В. В. Бискупский также установили контакты с Львом Александровичем Казим-Беком, который в начале 1920-х годов был президентом «Клуба русских монархистов» в Венгрии. С Казим-Беком связан последний период политических прожектов вел. кн. Кирилла Владимировича, который между 1925 и 1926 годами переехал из Кобурга во Францию и проживал на вилле Кер-Аргонид в Сен-Бриак-сюр-Мере в Бретани (департамент Иль и Вилен, регион Бретань).

Политическая концепция Казим-Бека, в 1930-е годы лидера «младороссов», о возможности построения «социальной монархии», основанной на идее о том, что революция есть «рождение монархии нового типа», опорой которой будет выступать пролетариат как основной класс после завершения индустриализации, показалась великому князю крайне привлекательной.

⁶¹ Великий князь Михаил Александрович. Книга воспоминаний. М. : Современник, 1991. С. 77.

⁶² Там же. С. 76.

⁶³ Там же. С. 77.

⁶⁴ Кирилл I Владимирович. Государь Император Всероссийский в изгнании. Рязань, 2006. С. 28.

⁶⁵ Там же. С. 32.

⁶⁶ См. там же.

Казим-Бек также полагал, что в отличие от «бездушного», детерминированного «материалистически учения» и политической экономией коммунизма, монархия обладает «органической» животворительной силой, основанной на особом типе духовности, генетически присущей русскому народу. Власть Советов без коммунизма как политической доктрины и партokratической модели государственности может стать прочной опорой монархии. Таким образом, возможен союз «Народного Царя» и «Советской власти» как некий симбиоз монархического конституционализма и гражданского общества. Казим-Бек также призывал к поиску контактов и сотрудничеству с СССР.

В то же время Казим-Бек не скрывал своих симпатий к фашизму, в первую очередь «итальянскому» (в своей биографии он открыто пишет о личных «симпатиях» к Б. Муссолини⁶⁷), и верил в весьма скорую «фашизацию» России. Французский историк М. Массип приводит следующее извлечение из биографии Казим-Бека: «Как и все мое поколение, я испытал влияние фашизма, организаторский и дисциплинарный опыт которого нам казался надеждой на лучшее устройство мира...»⁶⁸. И далее: «... в 1934 году в ожидании встречи с Муссолини я был настроен еще очень положительно к нему и к итальянскому фашизму»⁶⁹. В одном из отчетов МИД Италии от 12 апреля 1934 года отмечалось: «Он (Казим-Бек. — Г. С.) исповедовал монархистские взгляды и был сторонником великого князя Кирилла... Он слывет как германофильский и итальянский фашист, питающий особые симпатии к Италии»⁷⁰, а также как «руководитель русских фашистов», стремящийся «организовать белых из России по фашистской модели»⁷¹.

Великому князю данные идеи были более симпатичны, чем абсолютизм или имперский национал-социализм, но после того как в 1937 году Казим-Бек оказался дискредитирован связью с ГПУ, вел. кн. Кирилл Владимирович отшатнулся от него. Это еще раз продемонстрировало, что великий князь так и не смог самостоятельно сформулировать четкую и последовательную политическую программу.

2 марта 1936 года умирает супруга великого князя Виктория Федоровна. Это событие можно считать началом прекращения политической активности Кирилла Владимировича. К тому же у него наблюдаются серьезные проблемы со здоровьем, выражающиеся в частичном параличе левой ноги и проблемах с кровообращением — сказывались последствия пережитой им во время Русско-японской войны гибели эскадренного броненосца «Петропавловск». Несмотря на то что в своих дневниках А. Н. Куропаткин указывал на «легкое ранение» великого князя, со временем оно вылилось в неизлечимую прогрессирующую болезнь⁷².

По этому поводу М. Ф. Кшесинская писала: «Участие в Русско-японской войне сильно подорвало здоровье великого князя. <...> Из-за длительного пребывания в холодной морской воде после затопления «Петропавловска» великий князь до конца жизни страдал от болей в ногах в результате нарушения кровообращения. Кроме этого, он тяжело пережил смерть жены, что еще больше подорвало его здоровье»⁷³.

Примечательно, что именно после похорон Виктории Федоровны генерал В. В. Бискупский окончательно порывает с «авантюрами», в силу того что в основном именно Виктория Федоровна обеспечивала его финансами, и начинает работать в официальных структурах Третьего рейха. До этого, как и князь П. Р. Бермонд-Авалов, обвиненный в растрате выделенных ему средств, он был арестован, но фактически сразу же выпущен на свободу. За князя ходатайствовал сам Бенито Муссолини: в Третий рейх Павел Рафаилович больше не вернулся. Кирилл Владимирович умер в американском госпитале в Париже 12 сентября 1938 года.

⁶⁷ См.: Русская эмиграция и фашизм... С. 70.

⁶⁸ Там же. С. 69.

⁶⁹ Там же. С. 70.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Там же. С. 72.

⁷² См.: Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М.: Гос. публ. б-ка России, 2010. С. 266.

⁷³ Кшесинска М. Ф. Воспоминания / пер. с фр. Л. Папилиной. Смоленск, 1998. С. 387.

Последние годы жизни великого князя еще раз продемонстрировали, что для высшей аристократии Европы даже после череды революций не существовало государственных границ: вел. кн. Кирилл Владимирович свободно перемещался между европейскими государствами, включая нацистскую Германию, где Романовы были идентифицированы как «арийцы». Но одно государство для него все равно оставалось закрытым. Это была его родина — Россия, в которой бурлила совсем другая, непонятая и непринятая русской монархической эмиграцией жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Бермонд-Авалов П. Р. В борьбе с большевизмом. — М. : Вече, 2017. — 432 с.
2. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. — М. : Захаров, 2017. — 512 с.
3. Великий князь Михаил Александрович. Книга воспоминаний. — М. : Современник, 1991. — 271 с.
4. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2008. — 448 с.
5. Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский общевойсковой союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI вв. — Архангельск : СОЛГИ, 2006. — 794 с.
6. Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / пер. с нем., вступ. ст., коммент. Л. Ланника. — СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2015. — 318 с.
7. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. — М. : Наше наследие, 1996. — 576 с.
8. Колодникова Л. П. Документы информационной службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х годов русских зарубежных монархических организаций // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — Т. 11, № 2. — С. 250–256.
9. Кирилл I Владимирович. Государь Император Всероссийский в изгнании, 1876–1938: мемориальный сборник к 130-летию со дня рождения / сост. и ред. К. К. Немирович-Данченко. — М., 2008. — 48 с.
10. Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина / вступ. ст. О. Р. Айрапетов. — М. : Гос. публ. б-ка России., 2010. — 455 с.
11. Кшесинска М. Ф. Воспоминания / пер. с фр. Л. Папилиной. — Смоленск : Русич, 1998. — 416 с.
12. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1916. — Минск : Харвест, 2003. — 672 с.
13. Назаров М. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь : Кавказский край, 1992. — Т. 1. — 414 с.
14. Офицеры Конно-гвардейского (Лб.-гв.) полка, участвовавшие в Русско-японской войне // Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка. — СПб., 1907. — 117 с.
15. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. : документы и материалы / под ред. А. Ф. Киселева. — М. : ВЛАДОС, 1999. — 776 с.
16. Половцев П. А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 г. — М. : Вече, 2016. — 320 с.
17. Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. Ю. В. Жуков. — СПб. : С.-Петерб. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2011. — 264 с.
18. Сводка Иностранного отдела ВЧК о русском монархическом движении за границей // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1 : Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. — Кн. 2. — М. : Гея, 1998. — 751 с.
19. Стефан Дж. Русские фашисты 1925–1945. — М. : СЛОВО, 1992. — 441 с.
20. Трагедия РККА. М. Н. Тухачевский и военно-фашистский заговор // Военно-исторический архив. — М. : Церера, 1997. — Вып. 1.
21. 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом. URL : <http://inmrf.ru/russian-history/the-fate-of-the-russian-statehood/1922-god-iz-dokumentov-vchk-ogpu-o-deyatelnosti-russkih-monarhicheskikh-organizacij-v-sssr-i-za-rubezhom.html> (дата обращения: 25.07.2019).
22. Kellogg M. The Russian Roots of Nazism / Wight Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945. — Cambridge University Press, 2005. — Vol. 14. — 327 pp.

Сведения об авторе

Чувардин Герман Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета) имени И. С. Тургенева, г. Орел.

Сфера научных интересов: социальная история, «персональная история», военная история, просопографический подход в исторической науке, элитология, историческая психология.

Контактная информация: электронный адрес: wodantag@mail.ru

H. S. Chuvardin

**EMPEROR CYRIL I AND THE ULTRA-ROYALIST FUTURE OF RUSSIA:
HOPES, FRUSTRATION, FALSE PRETENCES**

The article analyzes the formation and evolution of the legitimist political movement among Russian emigrants in the 1920s–1930s. The research treats the personality of the self-proclaimed Russian Emperor in exile, Grand Duke Cyril Vladimirovich of Russia. The article centers on the social aspects of the political movement, on the values it adheres to, on development trends it is willing to pursue, on the forms of political struggle it has chosen. The article also focuses on officers of the Russian Imperial Guard and on their involvement in the ultra-royalist movement. The research analyzes the peculiarities of political emigration from Russia during the aforementioned time period.

The article underlines that the legitimist movement was characterized by inconsistent guidelines, promiscuous collaboration with various political forces (including national socialists), ambiguous mechanisms of political struggle, and populist nature of political slogans. The severe crisis of the movement and its political fiasco are associated with the death of Grand Duke Cyril Vladimirovich, who was, probably, the only one to integrate these otherwise uncoordinated elements.

military emigration; legitimism; Cyrillists; Russian All-Military Union; Imperial Guard

REFERENCES

1. Bermond-Avalov P. R. *V bor'be s bol'shevizmom* [Fighting Bolshevism]. Moscow, Veche Publ., 2017, 432 p. (In Russian).
2. *Velikaja knjaginja Marija Pavlovna. Memuary* [Grand Duchess Maria Pavlovna of Russia. Memoirs]. Moscow, Zakharov Publ., 2017, 512 p. (In Russian).
3. *Velikij knjaz' Mihail Aleksandrovich. Kniga vospominanij* [Grand Prince Mikhael Aleksandrovich of Russia. Memoirs]. Moscow, Contemporary Publ., 1991, 271 p. (In Russian).
4. Osin V. M., Hrustalev V. M. (comp.) *Voennyj dnevnik velikogo knjazja Andreja Vladimirovicha Romanova (1914–1917)* [The Military Journal of Grand Duke Andrey Vladimirovich Romanov of Russia (1914–1917)]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 2008, 448 p. (In Russian).
5. Goldin V. I. *Soldaty na chuzhbine. Russkij obshhevoinskij sojuz, Rossija i russkoe zarubezh'e v XX–XXI vekah* [Soldiers in Foreign Lands. The Russian All-Military Union, Russia and Russian Emigration in the 20th–21st Centuries]. Arkhangelsk, SOLTI Publ., 2006, 794 p. (In Russian).
6. Gol'c R. fon der. *Moja missija v Finljandii i Pribaltike* [My Mission in Finland and the Baltic States]. St. Petersburg, European Institute at St. Petersburg, 2015, 318 p. (Transl. form German).
7. Epanchin N. A. *Na sluzhbe treh imperatorov. Vospominanija* [Serving Three Emperors. Memoirs]. Moscow, Our Heritage Publ., 1996, 576 p. (In Russian).
8. Kolodnikova L. P. Documents of the Information Service of the All-Russian Extraordinary Commission of the State Political Administration on Russian Monarchist Organizations Abroad (the Early 1920s). *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences]. 2009, vol. 11, no. 2, pp. 250–256. (In Russian).
9. Nemirovich-Danchenko K. K. (comp., ed.) *Kirill I Vladimirovich. Gosudar' Imperator Vserossijskij v izgnanii, 1876–1938: memorial'nyj sbornik k 130-letiju so dnja rozhdenija* [Cyril I Vladimirovich of Russia. Emperor in Exile, 1876–1938: Memorial Collection. Commemorating the 130th Birth Anniversary]. Moscow, 2008, 48 p. (In Russian).

10. Kuropatkin A. N. *Dnevnik generala A. N. Kuropatkina (vstupitel'naja statja O. R. Ajrapetov)* [General A. N. Kuropatkin's Journal. Introductory Essay by O. R. Ajrapetov]. Moscow, Russian State Public Library, 2010, 455 p. (In Russian).
11. Kshesinska M. F. *Vospominaniya* [Memoirs]. Smolensk, Rusich Publ., 1998, 416 p. (Transl. from French).
12. Lemke M. K. *250 dnei v carskoj stavke 1916* [250 Days in the Tsar's Stavka]. Minsk, Harvest Publ., 2003, 672 p. (In Russian).
13. Nazarov M. *Missiya russkoj jemigracii* [The Mission of the Russian Emigration]. Stavropol, Caucasus Publ., 1992, vol. 1, 414 p. (In Russian).
14. Officers of the Life Guards Horse Regiment Taking Part in the Russo-Japanese War. *Kratkij ocherk istorii Lejb-gvardii Konnogo polka* [Historical Sketches of the Life Guards Horse Regiment]. St. Petersburg, 1907, 117 p. (In Russian).
15. Kiselev A. F. (ed.) *Politicheskaja istorija russkoj jemigracii. 1920–1940 gody: dokumenty i materialy* [Political History of the Russian Emigration of the 1920s–1940s: Documents and Materials]. Moscow, VLADOS Publ., 1999, 776 p. (In Russian).
16. Polovcev P. A. *Dni zatmenija: zapiski glavnokomandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga generala P. A. Polovceva v 1917 godu* [Obscure Days: Memoirs of General P. A. Polovtsev, Commander-in-Chief of the Petrograd Military District (1917)]. Moscow, Veche Publ., 2016, 320 p. (In Russian).
17. Zhukov Ju. V. (ed., comp.) *Russkaja jemigracija i fashizm. Stat'i i vospominaniya* [Russian Emigration and Fascism. Articles and Memoirs]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Architecture, 2011, 264 p. (In Russian).
18. The Bulletin of the External Department of the All-Russian Extraordinary Commission on the Russian Monarchist Movement Abroad. *Russkaja voennaja jemigracija 20–40 godov. Dokumenty i materialy. Tom 1: Tak nachinalos' izgnan'e 1920–1922 gody.* [Russian Military Emigration of the 1920s–1940s. Documents and Materials. Vol. 1: This is How it Started.]. Moscow, Gaia Publ., 1998, b. 2, 751 p. (In Russian).
19. Stefan Dzh. *Russkie fashisty 1925–1945* [The Russian Fascists of 1925–1945]. Moscow, WORD Publ., 1992, 441 p. (In Russian).
20. The Tragedy of the Workers' and Peasants' Red Army. M. N. Tukhachevsky and the Military-Fascist Conspiracy. *Voенно-istoricheskij arhiv* [Military Historical Archive]. Moscow, Ceres Publ., 1997, iss. 1. (In Russian).
21. *1922 god: iz dokumentov Vserossijskoj chrezvychajnoj komissii gosudarstvennogo politicheskogo upravlenija o dejatel'nosti russkih monarhicheskikh organizacij v SSSR i za rubezhom* [1922: Documents of All-Russian Extraordinary Commission of the State Political Administration]. URL : <http://innmf.ru/russian-history/the-fate-of-the-russian-statehood/1922-god-iz-dokumentov-vchk-ogpu-o-deyatelnosti-russkih-monarhicheskikh-organizacij-v-sssr-i-za-rubezhom.html> (Accessed: 25.07.2019). (In Russian).
22. Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism. White Emigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945.* Cambridge University Press Publ., 2005, vol 14, 327 p.

Information about the author

Chuvardin Herman Sergejevich — Doctor of History, Professor in the Department of Russian History at Orel State University named for I. S. Turgenev (Orel).

Research interests: social history, personal history, military history, prosopographical approach, elitology, historical psychology

Contact information: e-mail: wodantag@mail.ru

Поступила в редакцию 18.01.2019

Received 18.01.2019

УДК 949.711:947.084.22

Я. В. Вишняков**СЕРБСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹**

В статье рассматривается взаимосвязь событий русской революции 1917 года с процессами становления новых государств, возникших по итогам Первой мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Автор подчеркивает, что события Февраля 1917 года привели к пересмотру планов, касавшихся будущего Западных Балкан. Вместо первоначальных планов расширения границ Сербии за счет сербских районов Австро-Венгрии (Воеводина, Босния и Герцеговина, части Славонии и Далмации с выходом к морю), речь пошла о слиянии в рамках одного государства хорватов и сербов с полной ликвидацией Австро-Венгерской империи. Ведомая «творцами Февраля» российская дипломатия поддержала создание «югосферической» модели будущего государства, что на тот момент отвечало интересам исключительно Франции и Англии, которые видели в этом наднациональном «големе» путь к ослаблению в регионе политических амбиций немцев и итальянцев и в то же время средство для нейтрализации российского влияния в самой Сербии. Все эти события стали предпосылками будущей трагической судьбы возникшего в декабре 1918 года государства.

Русская революция 1917 года; Н. Пашич; Николай II; М. Живкович; Сербский добровольческий корпус; Корфская декларация

События русской революции 1917 года существенно повлияли на процессы становления новых государств, в том числе Югославии, возникших по итогам Первой мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе. Заметим в этой связи, что при формировании идеологической доктрины сербского государства в конце XIX — начале XX века, выработке его внутри- и внешнеполитического курса, тесно связанного с проблемой инкорпорации югославянских народов в сербское государство, среди лидеров страны удивительным образом переплетались две концепции: принцип национальной, территориальной государственности и принцип «личной» национальности². Первый исходил из того, что территориальное государство естественным образом порождает единый народ, когда пребывание части «сербского племени» вне рамок единого государства рассматривалось политическими лидерами как серьезная проблема, требующая немедленного решения, а второй предусматривал также и то, что народы Балканского полуострова имеют право на собственное развитие и внутреннюю самоидентификацию. Неслучайно российский посланник в Белграде Г. Н. Трубецкой отмечал, что «у сербов было большое преимущество долговременного пользования независимостью. Сербия была государством, имевшим все необходимые, хотя, может быть, и несовершенные органы власти, а также и прекрасную армию. Если бы объединение совершилось, то заслуга в этом деле принадлежала бы Сербии, а не Хорватии, цементом его была бы сербская кровь. Это создавало Сербии несомненное право на первенство в будущем государстве. Кроме того, если бы такое государство осуществилось, перед ним стали бы многочисленные международные задачи, для решения которых потребовалась бы сильная власть»³. Заметим, что окончательный трагический и кровавый финал этого, более чем векового противостояния произошел уже в наши дни.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

² См.: Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара : Самар. гос. ун-т, 2001. С. 364.

³ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль : Русь, 1983. С. 105.

Если говорить о конкретном воплощении этого тезиса, то можно констатировать, что в начале XX века конкретная программа национального развития Сербского королевства состояла из двух разновекторных и при этом противоречивых компонентов. С одной стороны, решение конкретными методами борьбы с опорой на традиции программы «Начертание»⁴ как приоритетной задачи освобождения всех территорий, населенных сербами и находящихся под властью Турции и Австро-Венгрии, в первую очередь, однако, речь шла о Старой Сербии (Косово и Метохия, Рашка), части Македонии и Боснии и Герцеговине. С другой стороны, именно в самый канун Первой мировой войны компонентом данной программы стал и югославянский вопрос. Как заметил исследователь А. Л. Шемякин, «поворотным пунктом ее эволюции в сторону “югославизма” стали Балканские войны (1912–1913). Санкционированное Бухарестским мирным договором (август 1913 г.) присоединение к Королевству Вардарской Македонии и Старой Сербии означало частичное решение сербского национального вопроса (южного его “фланга”), что не могло не повлиять на состояние умов в стране. Именно в этот момент претерпевают определенные изменения национальные предпочтения Радикальной партии»⁵. Акценты в них смещаются с юга на север, начинают явственно звучать “интегралистские” мотивы»⁶. Именно национальные акценты стали в сознании сербской военной и политической элиты не только отвечать задачам внутреннего развития государства, но и превалировать над ними, создавая в стране особое смысловое поле и став апробированным арсеналом средств для идеологического воздействия на сербское общество в целом. Известный журналист Д. Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир», в своих заметках о Первой мировой войне привел разговор с одним старым офицером, который «сказал в каком-то экстазе: “Мы учили, что эта мечта о Великой Сербии, несомненно, осуществится — но в будущем, через много лет. А вот она осуществилась в наше время. За это стоит умереть!”»⁷. Открыто же «югославянский вопрос» сербское правительство поставило после начала Первой мировой войны. 7 декабря 1914 года Народной Скупщиной страны была принята Нишская декларация, в которой, в частности, говорилось: «...королевское правительство в настоящий судьбоносный момент считает своей главнейшей и единственной задачей — способствовать успешному завершению этого великого вооруженного противостояния, которое с самого начала стало одновременно и борьбой за освобождение и объединение всех наших еще несвободных братьев сербов, хорватов и словенцев». Как отмечал А. Л. Шемякин, сербский премьер был отнюдь не идеалист, а принятие этого документа было тесно увязано с военно-политической конъюнктурой того времени. «Декларация о военных целях Сербии приобрела общеславянскую “упаковку” лишь после того, как Пашича убедили в том, что это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»⁸.

Иными словами, все острые политические дискуссии на просторах Балканского полуострова в начале XX века, нередко выходившие за рамки академических споров, были лишь внешним выражением противостояния двух форм видения национальной идентичности югославянских народов: либо интегральное славянство, считающее сербов, хорватов и словенцев одним народом, которому предначертана общая судьба в общем славянском доме, либо собственные национальные сербо-хорватско-словенские доктрины

⁴ О программе «Начертание» подробнее см.: Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашианина и внешняя политика Сербии в 1842–1853. М. : Индрик, 2015. 256 с.

⁵ Народная радикальная партия, крупнейшая политическая сила страны, оформилась в 1881 году. Ее лидером был Никола Пашич, один из выдающихся сербских политиков. В конце XIX века она составляла ведущую оппозиционную силу правящему Королевскому дому Обреновичей. В 1901 году партия раскололась на две группы — старорадикалов, сторонников Н. Пашича, и младорадикалов, образовавших Независимую радикальную партию.

⁶ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2011. С. 175.

⁷ Рид Д. Вдоль фронта. М. ; Л. : Земля и фабрика, 1928. С. 66–67.

⁸ Шемякин А. Л. Югославская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 — октябрь 1915) // Первая мировая война. Пролог XX века. М. : Наука, 1998. С. 388.

ны, основанные на принципах национальной идентичности. Поэтому представление сербской политической и интеллектуальной элиты о том, каким будет послевоенное государство южных славян, было весьма смутным, в том числе и в контексте перспектив практической реализации Нишской декларации. Однако маневры союзников заставили сербов задуматься о собственных предложениях. Отметим, что и страны Антанты, и ее противники рассматривали столицы Балканских государств — Бухарест, Софию, Тирану и Афины — как своеобразную «биржу», где был уместен торг за вхождение этих стран в войну. Наградой на этом «рынке» служили исходившие с двух сторон заманчивые предложения территориальных компенсаций за счет соседей. Страны Антанты, а особенно российская дипломатия, пытались привлечь в свои ряды Болгарию, требовали от Сербии отказаться от завоеванной ею в ходе Балканских войн части Македонии. Это давление усилилось после неудачи Дарданелльской операции и поражения итальянских войск на Соче. Не стоит также забывать, что в апреле 1915 года в Лондоне был подписан секретный договор об условиях вступления в войну Италии и ее будущих территориальных компенсациях, касавшихся прежде всего переустройства Северной Адриатики. По этому соглашению территории нынешней Хорватии и Словении должны были быть разделены между Италией, которая получала, помимо австрийских владений, Истрию и Далмацию, и Сербией и Черногорией, которые получали Южную Далмацию вплоть до Сплита и Дубровника. Кроме того, сербам обещали Боснию и Герцеговину. Заметим, что данный договор, декларирующий территориальный передел Балкан, сам по себе иллюстрирует неверие российской и европейской дипломатии в светлые перспективы сербо-хорватского объединения в рамках общего государства. В мае 1915 года был создан Югославянский комитет, ставивший своей задачей объединение всех югославянских земель с Сербией и формирование единого югославянского государства. В состав комитета вошли представители от Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины: Ф. Супило, Ф. Поточняк, Б. Вошняк, И. Мештрович, Н. Жупанич и др. Председателем комитета стал адвокат из Сплита А. Трумбич. К 1916 году Комитет имел своих представителей в Париже, Женеве, США, странах Южной Америки. В России интересы Комитета представляло общество «Юрий Крижанич» во главе с известными хорватскими общественными деятелями К. Геруцем, И. Гарапичем и словенцем Л. Тумой. В 1916 году К. Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Л. Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием.

Однако уже тогда проницательным современникам было ясно, что югославянство как национальная идеология была нежизнеспособна. Так, например, в 1915 году русский посол в Париже А. П. Извольский в частных беседах с Й. Жуйовичем, президентом Сербской Королевской академии и неофициальным сербским представителем во Франции, предупреждал сербов об опасности формирования югославянской модели будущего государства, советуя не идти по легкому пути объединения с хорватами и словенцами, а попытаться после окончания войны как можно больше расширить границы именно Сербского королевства⁹.

События Февраля 1917 года внесли в эти планы существенные коррективы. Сербское правительство потеряло своего главного союзника в лице Николая II. По ходу развития событий в Петрограде надежды сербского премьера Н. Пашича на то, что союзники при определении дальнейшей судьбы югославянских территорий учтут интересы его страны, таяли с каждым днем. В свою очередь свержение монархии привело к пересмотру российских планов, касавшихся будущего западных Балкан. Вместо первоначальных планов расширения границ Сербии за счет сербских районов Австро-Венгрии — Воеводины, Боснии и Герцеговины, частей Славонии и Далмации с выходом к морю, речь пошла о слиянии в рамках одного государства хорватов и сербов с полной ликвидацией Австро-Венгерской империи. Российская дипломатия, ведомая «творцами Февраля», поддержала создание «югосферической» модели будущего государства, что на тот момент отвечало

⁹ См.: Джурич Дж. Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику президента Сербской королевской академии) // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2004. С. 84.

интересам исключительно Франции и Англии, которые видели в этом наднациональном «големе» путь к ослаблению в регионе политических амбиций немцев и итальянцев и в то же время средство для нейтрализации российского влияния в самой Сербии.

Для правящих кругов Сербии полной неожиданностью стало назначение на пост министра иностранных дел Временного правительства в России П. Н. Милюкова, известного болгарофила. Временный поверенный в делах при сербском правительстве Б. П. Пелехин 8 (21) марта 1917 года прямо писал об этом Милюкову: «Не могу скрыть от вас впечатление, что ваши прошлые отношения с сербским общественным мнением вызывают здесь известную озабоченность»¹⁰. В свою очередь военный агент в Сербии В. А. Артамонов так писал о настроениях сербского правительства: «Государственный переворот в России вызывает в сербах смешанные чувства: с одной стороны, убеждение, что война будет доведена до конца, надежду на полное использование русских сил и средств и таким образом ускорение конечной победы, с другой стороны, сербы скорбят об удалении от власти Государя императора — защитника сербского народа от порабощения его противниками славянства. К скорби примешивается недоверие и боязнь по отношению к одному из влиятельных членов нового правительства, министру иностранных дел Милюкову, который известен сербам как ярый защитник болгар, их притязаний, направленных на умаление Сербии. Это обстоятельство вызывает у всех сербов, начиная с королевича Александра, опасения за будущее»¹¹. Стоит напомнить, что лидер русских кадетов еще с конца XIX века был регулярным получателем болгарских денег, активно лоббируя ее интересы в европейской и российской прессе, а также при подготовке доклада Комиссии Карнеги о причинах Балканских войн 1912–1913 годов. Все это можно отнести к одному из первых мировых примеров информационной пропагандистской войны, когда вся ответственность за совершенные в ее ходе преступления возлагалась на сербов и греков, защищая при этом болгар, турок и албанцев¹².

С удовлетворением было воспринято новыми российскими властями и подписание знаменитой Корфской декларации. 2 (25) июня 1917 года министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко, сменивший П. Н. Милюкова, отправил Б. П. Пелехину следующую телеграмму: «Благоволите от имени Временного правительства ниже следующее приветствие съезду делегатов Юго-Славянских земель, собравшемуся на Корфу: “С чувством особого нравственного удовлетворения Временное правительство осведомилось о решении делегатов юго-славянских земель съехаться на Корфу для совместного обсуждения с представителями сербского народа интересующих юго-славян вопросов. Временное правительство посылает свой искренний и братский привет съезду и высказывает горячие пожелания, чтобы труды его увенчались полным успехом как подготовительная работа для установления в будущем тесного и прочного единения между юго-славянами на началах самоопределения, справедливого признания взаимных прав и согласования политических и экономических интересов. Съезд при этом может быть уверен, что в этом отношении он встретит сочувствие и поддержку со стороны свободной России”»¹³.

Естественно, что политику сербских властей по отношению к русскому вопросу в период революции, а затем начавшейся Гражданской войны определяла сохранявшаяся прорусская ориентация официальных кругов страны. Помимо исконных исторических симпатий, сербы помнили помощь, оказанную Россией в период июльского кризиса 1914 года, двустороннее военное сотрудничество и твердую поддержку сербских национальных интересов перед союзниками по Антанте в период 1914–1917 годов. Так, например, после

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. : Политархив. Оп. 482. Д. 4025. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 12–22.

¹² Q. v.: Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13. — Could Report's authors and their employers be objective? // Токови историје. 2016. № 3. Р. 43–70 ; Тимофеев А. Ю., Живанович М. «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов — открытый неприятель Сербии и Греции»: взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 32–39.

¹³ АВПРИ. Ф. 323: Дипломатическая канцелярия при Ставке. Оп. 617. Д. 94. Л. 32.

полного разгрома сербской армии осенью 1915 года Н. Пашич в беседе с Г. Н. Трубецким «высказал убеждение, что союзники не бросят Сербии», полагая при этом, что «даже если бы, как некоторые думают, война окончилась вничью, он надеется, что в этом случае Сербия сохранит свою территорию, а союзники возьмут на себя ее долги»¹⁴. Кроме того, по мысли сербского премьера, именно Сербия, как воюющая страна, вложившая в победу союзников весь свой потенциал, имеет право представлять интересы юго-славян на международной арене. Именно поэтому провозглашенный большевиками знаменитый «Декрет о мире» не мог не вызвать глубокое разочарование сербского премьера. Кроме того, крах империи Романовых ставил крест на многих внутри- и внешнеполитических планах Н. Пашича, в том числе и в контексте озвученных в январе 1918 года знаменитых 14 пунктов В. Вильсона. Если союзники хотят исправить «историческую несправедливость» с Эльзасом и Лотарингией, то почему это не должно касаться аннексированной Австро-Венгрией в 1908 году Боснии и Герцеговины? Действительно, помимо дилеммы «Великая Сербия» или «Югославия», в то время существовала еще одна: сохранится ли Австро-Венгрия, и если да, то в какой форме? От ответа на этот вопрос зависело многое для определения судьбы будущей интеграции юго-славян, что, естественно, было обусловлено также общим ходом военных действий держав Антанты.

Кроме того, престолонаследник, а затем король Югославии Александр Карагеоргиевич обучался в русском Пажеском корпусе. И наконец, династии как сербских, так и черногорских правителей были связаны династическими узами с домом Романовых¹⁵. Таким образом, несложно представить, что к происходившим в России событиям весны — осени 1917 года официальная Сербия отнеслась не только консервативно, но и с оттенком возмущения. Подписание 3 марта 1918 года Брест-Литовского договора окончательно лишило сербское правительство своего внешнеполитического покровителя и гаранта восстановления сербской государственности¹⁶. Несколько дней спустя сербское правительство на Корфу обнародовало Декларацию о внешней политике и целях войны, в которой недвусмысленно заявляло, что революция в России выгодна только Германии¹⁷. Расстрел в июле 1918 года Николая II и его семьи усилил неприятие официальных кругов страны и происходящих в бывшей империи событий¹⁸. Исходя из этого, становится понятно, почему официальная Сербия оказала открытую поддержку антибольшевистским силам.

Логическим завершением всех этих событий стал отзыв в июле 1918 года посланника в России М. И. Спалайковича и последовавший затем полный разрыв дипломатических отношений с большевистским правительством. 18 августа 1918 года советские власти арестовали сербскую военную миссию во главе с полковником Б. Лонткиевичем и произвели обыск в сербском посольстве в Петрограде¹⁹. Военных, правда, быстро от-

¹⁴ Международные отношения в эпоху империализма. Т. 9. М., Л. 1937. С. 655.

¹⁵ В августе 1911 года сербская княгиня Елена, дочь короля Петра, вышла замуж за великого князя Иоанна Константиновича. Так Карагеоргиевичи породнились с Романовыми. Подробнее см.: Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М.: Союз-Дизайн, 2017. 556 с.

¹⁶ При ратификации Брест-Литовского договора по собственной инициативе и на свой страх и риск, присутствовал сотрудник сербского посольства профессор Р. Йованович. (Q. v.: Јовановић Р. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913 до 1923 године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Белград, 1925. С. 17.)

¹⁷ Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака // Русский сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2006. Т. 2. С. 295.

¹⁸ Г. Н. Трубецкой в своих мемуарах оставил такое свидетельство: «Я слышал от дипломатов, что в конце июля 1918 года на одном из очередных приёмов дипломатического корпуса В. И. Ленин объявил о расстреле императорской семьи. Спалайкович не смог себя сдержать и, подойдя к Ленину, плюнул ему в физиономию. Советская власть была еще слаба, и инцидент был “затерт”. Было решено не обращать внимания на “невоспитанного и несдержанного больного человека»». (Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 159.)

¹⁹ Подробнее см.: Ганин А. В. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. 2012. № 5. С. 92–95; Его же. Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 80–97.

пустили и уже в ноябре того же года они покинули пределы России. На негативное отношение югославского правительства к новой советской власти повлияло и также создание III Интернационала в марте 1919 года. Тогда же в Москве был образован «Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов».

Одновременно на Балканах происходили не менее судьбоносные события. 16 октября 1918 года австро-венгерский император Карл издал манифест «Моим преданным народам монархии» о трансформации монархии в союзное государство. Однако это была последняя агония двуединой империи. Народное вече хорватов, словенцев и сербов, созданное 5 октября 1918 года в Загребе, выступило с манифестом о переходе власти в его руки. 29 октября 1918 года на югославянских землях бывшей Австро-Венгрии было создано государство словенцев, хорватов и сербов (СХС) со столицей в Загребе²⁰. 24 ноября Народное вече СХС приняло решение об объединении с королевствами Сербия и Черногория. Новое государство, которого ждала трагическая участь, было торжественно провозглашено 1 декабря 1918 года в Белграде регентом Александром Карагеоргиевичем.

В апреле 1919 года, после встречи Н. Пашича и С. Д. Сазонова, ставшего министром иностранных дел в правительстве А. В. Колчака, во время заседаний Парижской мирной конференции Белград принял решение об официальном признании омского правительства. Таким образом, Королевство сербов, хорватов, словенцев было единственным государством в мире, установившим с омским правительством официальные дипломатические контакты. «Выбор Колчака в качестве «верховного правителя», как заметил сербский исследователь М. Йованович, получил горячую поддержку со стороны Франции, Великобритании и США, бывших на тот момент основными внешнеполитическими партнерами Королевства СХС»²¹. Кроме того, правительство Колчака отстаивало принципы политической преемственности старой российской империи. В качестве сербского дипломатического представителя в Омск был назначен Й. Миланкович. В Белграде интересы правительства Колчака представлял секретарь русской императорской миссии, уважаемый в сербских политических и общественных кругах В. Н. Штрандтман²². После поражения белых сил на востоке бывшей империи он остался во главе русской миссии как представитель А. И. Деникина, а затем и П. Н. Врангеля. В свою очередь при штабе Деникина в Екатеринодаре, а затем после его разгрома в Севастополе при П. Н. Врангеле действовала сербская военно-дипломатическая миссия, в которую входили полковник Р. Георгиевич, бывший первый секретарь сербского посольства М. Ненадич, а также Ж. Стефанович. После полного поражения Белого движения на Юге России в ноябре 1920 года они вместе с армией П. Н. Врангеля эвакуировались из Крыма. Российскую военную миссию возглавил не менее известный в Сербии бывший военный агент Российской империи в Белграде В. А. Артамонов. В 1924 году в Королевстве СХС, как и в большинстве европейских стран, деятельность бывшей Российской миссии была преобразована в Делегацию по защите интересов русских беженцев во главе с тем же Штрандтманом, который продолжал числиться в списках аккредитованного в Белграде дипломатического корпуса. На фасаде формально закрытого русского посольства продолжал красоваться двуглавый орел и развиваться российский триколор. Последовательная антибольшевистская позиция югославских властей привела не только к тому, что Королевство СХС приняло на своей территории более 40 тыс. русских беженцев, но и к тому, что Югославия одна из последних европейских государств признала СССР. Но произошло это уже в 1940 году, после начала Второй мировой войны, в кардинально изменившейся международной политической обстановке²³.

²⁰ Q. v.: Krizman B. Raspad Austro-Ugarske I stvaranje Jugoslovenske države. Zagreb, 1977. S. 46.

²¹ Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака. С. 305.

²² См.: Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. М.: Книжница, 2014. 504 с.

²³ Надо отметить, что в 1920-е годы советская дипломатия предпринимала попытки установить дипломатические отношения с Королевством СХС. Так, в 1920 году в Лондоне состоялись первые контакты министра иностранных дел Югославии Анте Трумбича и Л. Б. Красина. В 1922 году произошла встреча наркома Г. В. Черина и главы МИД М. Нинчина. Однако эти попытки так и не увенчались успехом. (См.: Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака. С. 299.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганин А. В. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. — 2012 — № 5. — С. 92–95.
2. Ганин А. В. Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы : очерки истории. — М. : Институт славяноведения РАН, 2015. — С. 80–97.
3. Джурич Дж. Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику президента Сербской королевской академии) // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. — М. : Институт славяноведения РАН, 2004.
4. Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака // Русский сборник: исследования по истории России. — М. : Модест Колеров, 2006. — Т. 2. — С. 293–312.
5. Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашинина и внешняя политика Сербии в 1842–1853. — М. : Индрик, 2015. — 256 с.
6. Рид Д. Вдоль фронта. — М. ; Л. : Земля и фабрика, 1928. — 324 с.
7. Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. — Самара : Самар. гос. ун-т, 2001. — 364 с.
8. Тимофеев А. Ю., Живанович М. «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов — открытый неприятель Сербии и Греции»: взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. — 2017. — № 5. — С. 32–39.
9. Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. — Монреаль : Русь, 1983. — 283 с.
10. Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. — М. : Союз-Дизайн, 2017. — 556 с.
11. Шемякин А. Л. Югославская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 — октябрь 1915) // Первая мировая война. Пролог XX века. — М. : Наука, 1998. — С. 380–396.
12. Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. — М. : Книжница, 2014. — 504 с.
13. Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. — М. : Индрик, 2011. — 888 с.
14. Јовановић Р. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913 до 1923 године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. — Белград, 1925.
15. Krizman V. Raspad Austro-Ugarske I stvaranje Jugoslovenske države. Zagreb : Skolska knjiga, 1977.
16. Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13. — Could Report's authors and their employers be objective? // Токови историје. — 2016. — № 3. — Р. 43–70.

Сведения об авторе

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России, г. Москва.

Сфера научных интересов: политическая история Сербии и Черногории, политика России на Балканах в XIX — начале XX века.

Контактная информация: электронный адрес: vishnyakov@yandex.ru

Ya. V. Vishnyakov

SERBIAN GOVERNMENT AND THE RUSSIAN REVOLUTION

The article focuses on the interconnection between the Russian Revolution of 1917 and the creation of new states which emerged in Central and South-Eastern Europe in the wake of World War I.

The author underlines that in the aftermath of February 1917, the future of the Western Balkans was reconsidered. The previously favored plans of extending the territory of Serbia by claiming back some Serbian provinces occupied by Austro-Hungary (Vojvodina, Bosnia and Herzegovina, a portion of Slavonia and Dalmatia) were discarded. Serbia and Croatia were to make one country, while the Austro-Hungarian Empire was to be dissolved. The events of the February Revolution made Russian diplomacy support the South-centered model of the new state. This was only favorable to England and France, which treated this “golem” as a means to dilute German and Italian influence in the region and to neutralize Russian influence in Serbia. All these events were the forerunner to the tragedy awaiting the country which emerged in 1918.

Russian Revolution of 1917; N. Pašić; Nicolas II; M. Živković; Serbian Volunteer Corps; Corfu Declaration

REFERENCES

1. Ganin A. V. Photographic Archives of the Serbian Military Mission in the Soviet Russia. *Staryj cejhgauz* [The Old Arsenal]. 2012, no. 5, pp. 92–95. (In Russian).
2. Ganin A. V. The West and South Slavs in the Russian General Staff during World War I and the Civil War (1914–1922). *Pervaja mirovaja vojna i sud'by narodov Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy: ocherki istorii* [World War I and the Fates of People Populating Central and South-Eastern Europe: Historical Sketches]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 80–97. (In Russian).
3. Dzhurich Dzh. World War I from the Point of View of a Typical Serbian Intellectual (based on the journal of the President of the Serbian Royal Academy). *Pervaja mirovaja vojna v literaturah i kul'ture zapadnyh i juzhnyh slavjan* [World War I in the Literature and Culture of the West and South Slavs]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. (In Russian).
4. Jovanovich M. Serbia (Yugoslavia): Torn between Bolsheviks and White Generals, or Diplomatic Recognition of Kolchak. *Russkij sbornik: issledovanija po istorii Rossii* [Russian Collection: Researching Russian History]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2006, vol. 2, pp. 293–312. (In Russian).
5. Nikiforov K. V. «Nachertanie» Ilii Garashanina i vneshnjaja politika Serbii v 1842–1853 [Ilija Garašanin's “Načertanije” (“The Draft”) and Serbia's Foreign Policy in 1842–1853]. Moscow, Indrik Publ., 2015, 256 p. (In Russian).
6. Rid D. *Vdol' fronta* [Along the Frontline]. Moscow, Leningrad, Land and Factory Publ., 1928, 324 p. (In Russian)
7. Slezkin Ju. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Encouraged Ethnic Clannishness. *Amerikanskaja rusistika. Vehi istoriografii poslednih let. Sovetskij period* [Russian Studies in America. Recent Landmarks of Historiography]. Samara, Samara State University Publ., 2001, 364 p. (In Russian).
8. Timofeev A. Ju., Zhivanovich M. “The Commission has failed... because one of its members is openly hostile to Serbia and Greece”: a Propaganda Maneuver Directed against the Balkans in 1913–1914 and a Relapse 79 Years Later. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Journal of Military History]. 2017, no. 5, pp. 32–39. (In Russian).
9. Trubeckoj G. N. *Russkaja diplomatija 1914–1917 godov i vojna na Balkanah* [Russian Diplomacy in 1914–1917 and the Balkan War]. Montreal, Russ Publ., 1983, 283 p. (In Russian).
10. Shevcova G. I. *Krasnye maki dlja knjagini. Materialy k biografii knjagini Eleny Petrovny* [Red Poppies for the Duchess. Materials for the Biography of Grand Duchess Elena Petrovna]. Moscow, Union-Design Publ., 2017, 556 p. (In Russian).
11. Shemjakin A. L. The Yugoslav Project of the Kingdom of Serbia in the Beginning of the War (August 1914 – October 1915). *Pervaja mirovaja vojna. Prolog HH veka* [World War I. The Prologue of the 20th Century]. Moscow, Science Publ., 1998, pp. 380–396. (In Russian).
12. Shtrandtman V. N. *Balkanski vospominanija* [Balkan Memories]. Moscow, Scribe Publ., 2014, 504 p. (In Russian).
13. Nikiforov K. V. (ed.) *Jugoslavija v XX veke. Oчерki politicheskoi istorii* [Yugoslavia in the 20th Century. Sketches of Political History]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 888 p. (In Russian).
14. Jovanović R. *Zashto sam i kako bio i ostao u Rusiji od 1913 do 1923 godine. Kratki memorandum ministru spolnih poslova Краљевине Srba, Hrvata i Slovenaca*. Belgrad, 1925. (In Serbian).

15. Krizman B. Raspad Austro-Ugarske I stvaranje Jugoslovenske države. Zagreb: Skolska knjiga Publ., 1977. (In Croatian).

16. Timofeev A., Živanović M. The Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912–1913. Were the Authors of the Report and their Employers Objective? *Tokovi istorije* [Currents of History]. 2016, no. 3, pp. 43–70. (In Serbian).

Information about the author

Vishnyakov Yaroslav Velerianovich — Doctor of History, Professor in the Department of World and Russian History at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

Research interests: political history of Serbia and Montenegro, Russian policy in the Balkans in the 19th – early 20th centuries

Contact information: e-mail: vishnyakov@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.05.2019

Received 07.05.2019

УДК 327(439:497.11:497.13:497.12)«1918/1921»

Арпад Хорняк

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ МЕЖДУ ВЕНГРИЕЙ
И КОРОЛЕВСТВОМ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ
В 1918–1921 ГОДАХ**

В статье анализируется международная обстановка, сложившаяся в Центральной Европе по итогам окончания Первой мировой войны. В результате военного поражения и распада Австро-Венгерской империи возник ряд независимых национальных государств. Вопрос о границах молодых государств решался под влиянием держав-победительниц. Определены интересы и позиции Великих держав в ходе Парижской мирной конференции, повлиявшие на процесс формирования территорий новых европейских государств. Делегации, участвовавшие в мирной конференции, находились в неравных условиях, так как одни представляли сторону победителей, а другие побежденных. Состав делегаций и их позиция зависели от политических процессов, происходивших на родине. В сложных и конфликтных ситуациях роль арбитров принадлежала Великим державам, которые исходили из своих международных приоритетов. Основное внимание уделено противоречиям и территориальным спорам, имевшим место, в частности, между Венгрией и Королевством сербов, хорватов и словенцев в исторической области Воеводина. Автор показывает сложный комплекс политических, этнических, культурных факторов, определивших отношения государств, возникших в результате распада Австро-Венгерской империи.

Парижская мирная конференция; Великие державы; Венгрия; Королевство сербов, хорватов и словенцев; границы; город Печ

The Serbian political elite dealt relatively little with the territorial extension of Serbia to the North at the expense of Kingdom of Hungary before the First World War (if we compare it with its aims towards Bosnia and Macedonia). Nevertheless, the Great War brought radical

changes in this, too. As early as in September 1914 the Serbian Government made it clear to its representatives abroad and to the Serbian public that Southern parts of Hungary, mostly the recent Vojvodina, are integral and important parts of its war aims.

This newly gained importance in the Serbian political thought Vojvodina kept during the whole period of the war and even after though there were some phases when less attention was given to it. The reason simply was that its claims against Hungary were hardly opposed and the south Slav troops (Serbian troops) occupied all the desired northern territories¹ while the new born Kingdom of the Serbs Croats and Slovenians had to conduct a desperate diplomatic fight against Italy and against its another so called ally, Romania until June 1919.

Nevertheless, despite the fact that the Serbian/Yugoslav troops controlled all those territories desired from Hungary the placement of the border was a matter to be decided by the Peace Conference and within it by a narrower group representing the Great Powers, namely the Supreme Council.

During the first year after the war the determination of the international border played a decisive role. The placement of the border was a matter to be decided by the Peace Conference and within it by a narrower group representing the Great Powers, namely the Supreme Council, consisting of the heads of government and the foreign ministers of the Big Five. Representatives of the vanquished countries were not invited to these deliberations. The Yugoslav delegation could participate in the Peace Conference but as a new and hitherto not recognized country and having one of the Great Powers, Italy, as a mortal enemy it was faced in Paris with numerous uncertainties. This was largely the reason why the position of the Yugoslav government about its northern border and about its relationship to Hungary varied repeatedly. Its policies can be divided into five distinct phases.

Prior to discussing these phases I consider it important to draw the reader's attention to one situation which fundamentally determined Yugoslavia's behavior vis-à-vis Hungary at the Peace Conference. This was the fact that at the beginning of 1919 the territorial demands of Yugoslavia were really just adjustments at least so far as the line of demarcation was concerned. The Hungarian-Yugoslav border had been, for all practical purposes, set by demarcation line that was drawn in the Belgrade Military Convention and by occupation of the Muraköz (Medimurje) in December, not counting the Muravidék (Prekmurje).² The line of demarcation was not identical with the final border and later events prove that there was little difference between the temporary and definitive border. Yugoslavia already controlled the areas it wanted to acquire and expected the Peace Conference to endorse the already existing situation. In fact, the Peace Conference awarded almost all of the occupied and "temporarily" taken areas to the new Yugoslav State. The only exception to this was the Baranya and Pécs area. It should be noted that the Yugoslav Peace Delegation arrived in Paris with the view that the significant territorial demands vis-à-vis Hungary had already been met. None of the Great Powers debated this point. The awarding of the Vajdaság (Vojvodina) to Yugoslavia, at a later date, was debated only very briefly and was considered only as an assignment of a marginal area.³ Equally, the

¹ The legal besement of the Serbian occupation was provided by the Belgrade Military Convention of November 13, 1918 that ordered among others the withdrawal of the Hungarian army behind the demarcation lines (Szatmárnémeti-Arad-Szeged-Szabadka-Baja-Pécs) and allowed the advance of the entente troops (mostly Serb troops).

² The Muraköz was occupied by the Croatians on December 25, 1918, and was kept by them thereafter. (Fogarassy László, *A Magyar-delszláv kapcsolatok katonai története 1918–1921* [The military history of Hungarian-Yugoslav Relations, 1918–1921], Baranyai helytörténetírás: a Baranya Megyei Levéltár évkönyve 16, no. 1 (1986): 537–539.)

³ According to the recollections of Stanoje Stajonević, who attended the Peace Conference as an expert, there was never any doubt that they would be given the Vojvodina: "We got the Vojvodina easily and without any fight and the debate was only about the size of some of the Vojvodina components. The battle was about getting the eastern Bánát, northwestern Bácska and north Baranya, namely Temesvár, Baja and Pécs. It was obvious right from the start that we would get almost all of Bácska and one part of Baranya." (In Stanoje Stajonević, "Vojvodina na Konferenciji mira" [The Vojvodina at the peace conference], in *Letopis Matice srpske*, book 300, (Za godine 1914–1921), 83.) The Romanian border commission was given the task of drawing the Hungarian-Yugoslav border on February 18. On February 28 the commission stated its position that the border would follow "the line recommended basically by the Serbs." (See Francis Deák, *Hungary at the Paris Peace Conference* (New York, 1972), 48.)

attachment of Croatia and Slavonia to Yugoslavia was not a matter for debate because these territories were ceded by Hungary without any heart aches.⁴

The first phase lasted from the arrival of the delegation until the middle of February. Because the delegation did not have a universally worked out official concept, this period was used to formulate such a plan. Depending on their nationality, the members of the delegation worked out in detail which areas they wanted to acquire and this was based largely on where these nationalities were living. Thus the border line in the north and, particularly the acquisition of the Bánát and parts of the Bácska were of particular importance to the Serb politicians. The Croats wanted primarily the Muraköz and the Slovenes wanted the Muravidék included within the borders of the new country.

During the formulation of the demands there was an argument between the Croat and Serb members about the principle on which the demands should be based. The Croats wanted to use the national-ethnic principle because it was on this basis that they believed that their demands could be implemented against Italy. It was evident to the Serbs that the national-ethnic principle would not allow them to claim the Bánát region which they considered essential for the defense of the country. For this reason they wanted to use the strategic principle. The debate ultimately led to a compromise which both contenders could view as a victory for their point of view. The Croats believed this because they could use the national-ethnic principle in the formulation of their demands and the Serb members of the delegation because the delegation accepted, with some modification, the proposal made to the Supreme War Council of the Allies by General Pešić, discussed above.⁵ These modifications were important from a Hungarian perspective because the agreed upon memorandum no longer contained the northern part of Bácska and Baranya (Baja and Pécs) and also left Szigetvár to Hungary.⁶ Even these demands, however, made a claim for the Muravidék and for Mohács.

The Yugoslav Peace Delegation submitted its territorial demands to the Supreme Council on February 18. It used historical, ethnic, ethnographic and strategic arguments for the Bánát as well as for the Bácska and Baranya. It questioned the accuracy of the Hungarian census and indicated that in the Bánát 20 percent of the Hungarian population had no roots in the area and would leave when the Hungarian administration was no longer in place. It wanted to draw the border at the Maros River thus ensuring the safety of the Bácska and of Szabadka. In the case of the Bácska it used the same arguments emphasizing the region's importance due to its economy and transportation system and its Serb character.⁷ After they had dropped the strategic argument in the case of Baranya the Yugoslavs did not know exactly what to demand because they did not know the precise nationality ratios in that area. There were signs that they demanded Baranya so that they could later make concessions.⁸ After hearing the arguments the Supreme Council ordered that the Committee for the Study of Territorial Questions Relating to Rumania and Yugoslavia, consisting of the representatives of the Great Powers, determine the borders of the SCS kingdom, except along the Adriatic.⁹ This was the period, until the end of

⁴ The governmental bodies of the Monarchy recognized it just a few days after the Zagreb National Council's declaration of separation. Károlyi and his group declared, at the time of the Belgrade Convention that they made no claims for it.

⁵ In General Pešić's plans, identical with the plans of the Serb government and of the military leadership, evolved during the war, strategic principles were the determining factors. The plan was submitted in January, 1919 to the senior military staff of the Allies as the official territorial demands of the SCS Kingdom. The submission bypassed the delegation. According to the plan the border went from Lippa along the mouth of the Maros, directly below Szeged. It went 15 kilometers north of Szabadka, directly north of Baja, directly below Nagykanizsa. It then went to the Mura River and, following the river, until the mouth of the Lendva River. Leaving Lendvaújfalú to Hungary it continued along the watershed between the Lendva and the Kerka. (Krizman B., Hrabak B., eds., *Zapisnici sa sednica delegacije*, Belgrad, 1960, 317–318.)

⁶ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, Belgrade, 1969, 73.

⁷ Krizman, Hrabak, eds. *Zapisnici sa sednica delegacije*, 342–345.

⁸ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 71.

⁹ Because of Italy this matter was too delicate for it to be delegated to a committee for resolution.

March, 1919, when the Yugoslavs were quietly willing to give up some of their demands in order to get the territories they considered to be the most important ones.¹⁰

The territorial commission prepared its recommendation about the Hungarian-Yugoslav border on April 6, 1919. In the Bánát it left to Hungary the small area south of Szeged because it was ethnically and economically Hungarian and because it was directly adjacent to Szeged.¹¹ It did not comply therefore with the Yugoslav demand that the northern border be along the Maros. On the other hand, in the Bácska it received Zombor and Szabadka. The proposed border then followed the Dráva to the entry of the Mura River and then the Mura to the Austrian border. This meant that it would receive the Muraköz as well. The recommendation of the commission was accepted by the Council of Foreign Ministers without discussion on May 8 and four days later it was approved by the Council of Four which represented the heads of the four western Great Powers. This council replaced the Supreme Council in decision making.¹² Yugoslavia was satisfied with the results. Yet, in the third phase of the activities of the Yugoslav Peace Delegation, the period between April and August, they engaged in the policy of “small changes” and demanded adjustments in every section of the border.¹³

At the beginning of May the Yugoslav Peace Delegation announced its claim on Baranya up to the Mohács-Villány-Siklós line and in the Bácska on Baja. Thus, with the exception of Pécs and the Mecsek Mountain, they returned practically to the earlier proposal of General Pešić.¹⁴ It is reasonable to inquire why they waited until May to expand their territorial demands because by that time the territorial commission had already prepared its proposal and the Council of Four had accepted it on May 12 without any debate. The reason might have been that it was only now that the demographic reports, ordered at the beginning of the year, were received. It was only now that they realized that the percentage of the Yugoslavs was significantly larger than they had believed even if it was not quite as large as they had claimed at the Peace Conference. This would have entitled them to claim these territories on a nationality basis. The expansion of their territorial demands vis-à-vis Hungary at this time might have been due also to the fact that during the preparations for the intervention these demands might have received, in Belgrade’s view, a more favorable consideration. Actually, they did not receive any significant changes. What’s more, it was precisely during the frantic preparations for the intervention that the Allies ordered Yugoslavia to vacate Temesvár.

The Council of Heads of Delegations handed down its final decision about the Hungarian-Yugoslav border on August 1. By this Yugoslavia obtained some territorial concessions in Baranya.¹⁵ The Yugoslav request for the Muravidék was also approved.¹⁶ The Council of Heads of Delegations tabled the matter of the northern Bánát, south of Szeged, and referred it back to the territorial commission for further study. With this exception the Peace Conference considered the matter of the northern Yugoslav border to be resolved.¹⁷ Not so the Yugoslavs

¹⁰ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 250. Their “inclination” to make concessions can best be explained by their being unsure about the work of the committee, even though they did try to establish contacts with the experts of the Great Powers. A good example for this is in the fact that even though the committee stated its opinion about the Bácska at its meeting on February 28, saying that, “It would follow the line recommended by the Serbs,” the Yugoslav Peace Delegation heard about it only in the middle of March and even then only unofficially. (Francis Deák, *Hungary at the Paris Peace Conference*, 48.)

¹¹ With this he made it certain that Szeged would not become “non-viable.”

¹² Francis Deák, *Hungary at the Paris Peace Conference*, 434–441, 444–448.

¹³ Not only in the direction of Hungary but also in the direction of Romania (Bánát) and Austria (Carinthia).

¹⁴ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 134.

¹⁵ In addition to the Dályok-Baranyavár railway line also the Monostor-Kiskőszeg one.

¹⁶ On the recommendation of its Border Commission, the The Council of Four awarded the Muravidék to Yugoslavia on July 9, 1919. The Yugoslav military occupied the area on August 12, 1919. Minister of the Interior Svetozar Pribičević, on September 2, assigned the entire territory to the jurisdiction of the Slovenian Territorial Government. (Attila Kovács, *Földreform és kolonizáció a Lendvavidéken a két világháború között* [Landreform and colonization in the Lendvavidék between the two World Wars], (PhD diss., Pécs University, 2002), 13.)

¹⁷ The Peace Conference officially notified the Yugoslav Peace Delegation about the Muravidék, the Dráva and the occupation of the Muravidék on August 2, about Bácska on August 5, and about the Baranya borders on August 19. (Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 178.)

who were generally pleased with the results but still continued to come up with further and further demands. Realizing the any such demands could be obtained only from a vanquished country, they stopped their policy of “small adjustments” on all sections of the border. Instead they drafted their demands more against Hungary and these, if successful would not have been “small adjustments.”¹⁸ For Bácska and Baranya they increasingly returned to the Pešić line which they had abandoned in January and from which the deviations were the greatest in the Baranya area. After October, on the initiative of the noted geographer and ethnographer Jovan Cvijić and of the minister of transportation, they returned completely to the Pešić plans.¹⁹

In September the minister of transportation, citing economic reasons, asked the peace delegation that within the reparations clause it should arrange that Yugoslavia receive more coal from the Pécs mines after the signing of the peace treaty.²⁰ The minister did not raise the matter of the border adjustments, but Cvijić did. He studied the situation on site in September and, referring to his findings, made his recommendations. He also admitted that on the basis of the nationality principle they could not claim Pécs and therefore he defined a minimal (nationality) and a maximal (geographic) border. Citing the principle of natural borders he asked for the Mecsek Mountain as the northern border and citing the nationality principle he claimed Mohács.²¹ In buttressing the legitimacy of the demands official Yugoslavia also deviated from the earlier period. While earlier the nationality principle dominated the demands which were only complemented by economic and strategic arguments, in the case of the Pécs mines Yugoslavia relied on economic arguments. In order to acquire Mohács and Baja it raised the possibility of a plebiscite. This latter item came as a surprise because using the “weapon” of a plebiscite vis-à-vis defeated countries was considered to be the ultimate resort. The fact that it was raised could be explained by the endeavors to satisfy the Baranya demands which took such central position in the activities of the Yugoslav Peace Delegation at this time as had the attempts to obtain the central portions of the Bánát had taken during the first half of the year.

Initially Cvijić’s proposal and the minister of transportation’s initiative were not identical and they were handled separately and in parallel. It did not take much time for the parallel lines to meet. In the autumn of 1919 the Yugoslavs started a dual action. One recommended that Yugoslavia acquire the temporary right to exploit the Pécs mines and the other to expand the areas occupied in Baranya and to get Pécs. The demand for getting the coal soon merged with demands for additional territory. The official start of the action was the Yugoslavia note submitted to the Peace Conference on October 7. In this it requested that the exclusive right of Yugoslavia to exploit the Pécs coal basin for five years be added to the peace agreement with Hungary. Two weeks later, on the 22nd, the official note of the peace delegation asked that the entire Baranya, Mohács and Pécs be given to Yugoslavia. This opened the “Pécs question” which for whole year after the signing of the Peace Treaty impeded the normalization of Hungarian-Yugoslav relations.

Knowing the antecedents it is an interesting question whether Yugoslavia really wanted to acquire the territories under discussion or whether standing on the principle of “asking a lot to get a little” wanted to use this approach to get the mining rights to the Pécs coal mines. It is likely that it wanted to get Pécs even though no member of peace delegation thought that this would be

¹⁸ Preparation for the peace treaty with Bulgaria and Austria were well advanced and this left Hungary which, because of its turbulent domestic situation, was still not present at the Paris Peace Conference.

¹⁹ It is important to emphasize that there was a significant difference between the January and end of summer Yugoslav demands. The January proposal about acquisition of Pécs could be viewed as the individual action of Pašić and Pešić, the new demands were initiated by the Belgrade government.

²⁰ The prime minister and the minister of transportation, Ljuba Davidović, instructed the Yugoslav Peace Delegation with a memorandum on September 15, that they should endeavor to assure at the Peace Conference, that Yugoslavia be given the right to mine the Pécs mines for five years after the Peace Treaty was signed. (336-41-1-VII, no. 11289, Arhiv Jugoslavije.)

²¹ Mitrović A., *Jugoslavija na Konferenciji mira 1919–1920* [Yugoslavia at the Peace Conference, 1919–1920] (Belgrade, 1969), 144.

possible.²² Furthermore, the Great Powers were getting tired of the continuous Yugoslav demands and wanted to settle the question of the borders with Hungary. For this reason the Peace Conference asked the American member of the Allied Military Mission, General Harry Hill Bandholtz, to go to Yugoslavia after the completion of his visit to Romania²³ where he discussed the conditions and timing of the Romanian troops leaving Hungary.²⁴ The general's mission to Yugoslavia was similar to the one to Romania but in Belgrade it was much less successful. Neither the Ministry of Foreign Affairs nor the General Staff or Prime Minister Ljubomir Davidović wanted to discuss evacuation.²⁵ It was not surprising therefore that when the Council of the Heads of Delegations received the newest demand from Yugoslavia, this time for Pécs, it immediately ordered Yugoslavia to vacate the occupied territories. In order to save time the Peace Conference did not go to the peace delegation but went directly to the Yugoslav High Command. This approach had worked for the Bánát but did not work for the evacuation of Baranya.²⁶

Lacking a better excuse the Yugoslavs tried to delay the evacuation by arguing about formalities. First they referred to the problems of the coal supplies in Serbia and with these tactics they hoped that they would not have to abandon the mines.²⁷ They considered their treatment to be unjust, resenting particularly the behavior of the Great Powers and their patience vis-à-vis the Gabriele D'Annunzio's adventure in Fiume. They claimed that the Yugoslav population in the contested area wanted to become part of that country and that its personal and economic safety could not be assured after the evacuation.²⁸ The claim that because of the shortage of coal Yugoslavia would be forced to stop the international trains could be considered to be blackmail.²⁹

The Allied missions in Hungary repeatedly sent its representatives to Baranya to try to convince the Yugoslavs to evacuate the area. It is a typical example of the behavior of the Yugoslav military and occupational forces that was demonstrated on November 22, in the case of the fact-finding Allied mission under the leadership of the American Lieutenant Colonel John B. Moore. He ordered the Yugoslavs to vacate the area above the temporary border, the Kiskőszeg-Bolmány line, and to do so within twenty-four hours. The Yugoslavs refused to comply. The prefect of Baranya and Pécs, Vladislav Pandurović, considered it to be the

²² They were so doubtful about success that they received the order about asking for the mining rights in Pécs with great skepticism. Responding to the proposal of the Ministry of Transportation, the Ministry of Foreign Affairs stated that the delegation had not asked for the mining rights because it saw no chance for success. (See 336-41-1-VII, no. 11261 Arhiv Jugoslavije.) The Economic Committee of the delegation did not think that the Yugoslav claim was convincing that it had a great need for the Pécs coal because it knew that its loss would leave Hungary with practically no coal in view of the fact that most of the Hungarian coal had come from Transylvania that had been given to Romania. The delegation also considered the rumored news to be highly adverse, namely the fact that it was almost exclusively British money that had been invested in the mines and thus Great Britain was not about to relinquish its right to mine the coal. (See 336-41-1-VII, no number, Arhiv Jugoslavije.)

²³ According to Bandholtz's claim he conducted the Bucharest negotiations strictly on his own initiative. (Harry Hill Bandholtz. *Napló nem diplomata módra* [An Undiplomatic Diary] (Budapest, 1993), 67.)

²⁴ The general reached an agreement with the king and with Bratianu that the Romanians could disarm the population, could take the most needed rolling stock and could, in agreement with the Allied representatives in Budapest, requisition food. As a compensatory measure, Romania had to evacuate its troops from the country so that Hungarian troops could move in and replace the Romanian ones. (See September 10, report, 395-2-9, confidential, no. 538, Arhiv Jugoslavije.)

²⁵ Vinaver V. *Jugoslavija i vojna intervencija protiv Mađarske 1919. godine*, Историјски гласник, 1967, бр 1-2, 97.

²⁶ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 221.

²⁷ For the Yugoslav supplies of coal, see Smiljana Đurović, "Križa uglja na teritoriji Kraljevine SHS 1919. Godine" [The coal crisis in the territory of the Kingdom of SCS in 1919], *Acta Historico-Economica Iugoslaviae (Zagreb)*, no 2. (1975): 67-80.

²⁸ According to the report from the Military Command in Baranya, more than 30,000 inhabitants of Baranya had stated that they did not dare to remain in their homes after the military had left and that they would leave Hungary with the soldiers. (See Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 228.)

²⁹ Telegram from Davidović to the delegation. (November 24, 1919, 336-41-I-VII, no. 13891, Arhiv Jugoslavije.)

Hungarians' machinations with which Budapest wanted to frustrate the most recent Yugoslav endeavors to secure the Pécs coal mines. According to the prefect it was the Hungarians, learning about Cvijić's proposal, which considered the Dunaszekcső-Pécs-Szalánta-Siklós line to be ideal, who wanted to create a fait accompli and prevent the Yugoslavs from simply taking over the territories should the Peace Conference award them to it. For this reason the prefect recommended to the Belgrade government that it should under no circumstances abandon the line that it demanded in Paris on the basis of Cvijić's recommendation. If they did, they might find themselves in the same situation as Austria that was awarded the Burgenland but could not take control of it because it had no military forces in the area. Pandurović was convinced that if the Pécs coal mines were abandoned there would be a serious shortage of coal in the entire Vojvodina and that this might even lead to Bolshevism.³⁰ Belgrade agreed with Pandurović. In order to avoid any further supervision the Belgrade government instructed the local authorities to stop any mission that wanted to engage in planning the return of Pécs and Baja to Hungary. As an explanation it indicated that it had not received an answer yet from Paris about its latest demands.³¹ Nevertheless Belgrade prepared itself for the expected and repetitive denial from Paris. In order to get at least some benefits from the occupied territories the December 26 meeting of the Council of Ministers decided that, in the area of Baranya Yugoslavia would have to evacuate, all industries owned by the Hungarian state would be stripped of their machines and that these would be taken to Yugoslavia.³²

While the tug-of-war about Pécs and the mines was continuing the peace delegation turned to the Peace Conference with another request asking that the area of seventy-eight square kilometers with 5,000 people, assigned to Hungary because the change in the flow of the Dráva, be given to Yugoslavia.³³ The Peace Conference initially did not want to discuss this request but when they did take it up the request that would have established a Yugoslav bridgehead was denied because of the strong American and Italian objections.³⁴ Ante Trumbić and Ferdo Šišić, members of the Yugoslav Peace Delegation succeeded in making the American, who had voted against the request, to change his mind.³⁵ Their efforts bore fruit and at the December 9, session of the Council of Heads of Delegations agreed with the decision of the majority and, against Italy's protests, granted the Yugoslav request.³⁶

Even though the Peace Delegation and the Yugoslav government did everything to get the line of the border changed by submitting a series of memoranda and even having the local

³⁰ Because they could have no confidence that if the mines would be owned by Hungarians they would get even a single wagon of coal. Particularly because they were getting ready to take vengeance on the former Red Guards who were working peacefully in the mines. (396–2, confidential, no. 13957, Arhiv Jugoslavije.)

³¹ Krizman B., "Zapisnici asa sednica Davidoviceve dve vlade od avgusta 1919. do februara 1920" [Minutes of the cabinet meetings of the two Davidović governments from August 1919 to February 1920], Arhivski vjesnik 13, (1970): 65.

³² Ibid., 67–68. Other than for movables, such as raw materials and manufactured good, they did not want to take personal or community property and the ordinance completely protected hospitals and social structures.

³³ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 236.

³⁴ Krizman B., Hrabak B., eds. *Zapisnici sa sednica delegacije*, 200.

³⁵ The French member of the territorial committee, Jules Laroche, recommended to the Yugoslavs that they should try to win over the American member of the committee, Isaiah Bowman. The Yugoslavs accepted the Frenchman's recommendation. The American objected, saying that the loss of 5,000 Croats was a minor matter for which it was not reasonable to jeopardize the natural borders and that the Yugoslavs should hold out for the old political borders or for the line of the Dráva as their border. Trumbić managed to dissuade him with the argument that the Dráva frequently changed its course and almost always shifted toward the south because the northern side was more elevated than the southern one. By shifting, the river would soon lose its role as a political border. These arguments were successful. Bowman agreed that the Yugoslavs could go to the Council of Heads of Delegations with their request but on condition that the Yugoslav arguments should be applied to the entire length of the Dráva and not just in those areas where they wanted to get some territories from the Hungarians. This condition, unfavorable to the Yugoslavs, was parried by Trumbić who cited a scientific argument according to which the course of the Dráva had been stabilized in several areas. (Naturally in those areas where it was favorable for Yugoslavia). In *ibid.*

³⁶ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 237. The Yugoslav request that would have given them a bridgehead on Hungarian territory did not fit at all into the plans Italy had about Yugoslavia and in which Italy assigned a major role to Hungary.

delegations asking for a transfer of their areas to Yugoslavia paraded before the council, they achieved very few changes. Accepting this, the peace delegation, after January 1920, took the position that they had to be satisfied with what they had received. Subsequently the Yugoslavs, with one or two exceptions, abandoned any further attempts to change the border line.³⁷ Instead of territorial gains they attempted to get economic ones. Their participation in the Pécs coal mines continued to be one of the most important endeavors but the peace delegation raised a number of other issues as well.³⁸

The economic, financial and reparation clauses of the Hungarian peace treaty were largely modeled on the Austrian peace treaty. The council continued to reserve the right to make reparation decisions to the Reparations Commission and rejected the proposal that the Yugoslavs themselves would determine what and how much they wanted. The council also rejected the demand that the Károly Huszár government take responsibility for what the Béla Kun government had done.³⁹ In financial matters the delegation was also not more successful. The commission rejected the recommendation that the purely Hungarian debt should be separated from the joint debt with Croatia and that Hungary should be responsible for that part of the joint debt that was determined as their share by the treaty.⁴⁰ They did receive permission, however, to liquidate the estates owned by Hungarian citizens, particularly the entailed estates and the estates owned by the Church and by the monasteries.⁴¹ Beyond this change, however, the Great Powers, anxious to finalize the peace treaty, were not willing to go. In February, at the meeting of the heads of state of the Great Powers in London, the British drew Trumbić's attention to the fact that it was unlikely that the Yugoslavs would achieve any successes in the area of the economic clauses and it would be better if he made no further demands. He would thus avoid that the Hungarians have an opportunity to achieve changes to their benefit.⁴² Trumbić was told that concerning the borders it would be useful if Yugoslavia would join Czechoslovakia and Romania and have a unified approach. The Yugoslavs accepted this suggestion by the British and limited their activities versus Hungary to a minimum. In addition to the good advice of the British there were other weighty reasons for the Yugoslavs to stop their demands vis-à-vis Hungary. One year after the opening of the Peace Conference the Hungarian Peace Delegation arrived in Paris.

The appearance of the Hungarian delegation caused a considerable disturbance at the Peace Conference, particularly among the Successor States. Even though the delegation, under the leadership of Count Albert Apponyi, was virtually held prisoner in Neuilly and its role was limited to listening to the peace conditions and not to any discussion of them,⁴³ there was a concern that certain requests, such as the question of a plebiscite in the areas to be yielded,

³⁷ This was after the Peace Conference decidedly told them in April, in response to their request, that they could not count on any border modification vis-à-vis Hungary. (See Mitrović A., *Jugoslavija na Konferenciji mira*, 145.)

³⁸ On the basis of the January 10, 1920, decision of the Foreign Ministers Council Hungary had to give Yugoslavia some of the Pécs coal but that the Reparation Committee had to decide how much.

³⁹ So far as responsibility was concerned Pašić believed in the principle of collective guilt. He did discuss this opinion one year earlier before the delegation in connection with the responsibility for the war but it did show how he felt about this matter in general. He explained that the responsibility for starting the war should not be limited to individuals or to rulers because this would reduce the responsibility of the people. He considered this principle to be particularly valid in the case of Bulgaria because, in his opinion, the entire Bulgarian nation was responsible for the war against Serbia. For this reason Pašić considered it unacceptable that King Ferdinand's responsibility should decrease the responsibility of the Bulgarian people. He believed that the eventual punishment of the ruler would exonerate the people of their responsibility. (Krizman B., Hrabak B., eds. *Zapisnici sa sednica delegacije*, 48.)

⁴⁰ *Ibid.*, 242–243. The January 17 session of the delegation.

⁴¹ The Economic and Financial Committee of the Peace Conference accepted it, agreed verbally, and promised that it would obtain the written agreement of the Council of Heads of Delegations for the domestic legislature of Yugoslavia to regulate this question. (See Krizman B., Hrabak B., eds. *Zapisnici sa sednica delegacije*, 217, February 12 session.)

⁴² *Ibid.*, 271.

⁴³ Bánffy Miklós, *Huszonöt év [Twenty-Five Years]*, ed. Zoltán Major (Budapest, 1993), 37.

might find a sympathetic audience.⁴⁴ After the appearance of the Hungarian delegation Yugoslavia stopped any mention of a plebiscite and took the position that it would be a mistake to risk the already obtained territories. Particularly, as Pasić pointed out with some irony, the occupying Yugoslav administration had managed to antagonize the German and Jewish population that would very probably vote for the Hungarians in a plebiscite.⁴⁵ In Belgrade they had a different view on the situation. The Yugoslav government had not given up its hopes to obtain further territorial or economic gains and it continued to send to Paris delegations from the territories to be ceded. At the end of February it accepted Cvijić's recommendation and instructed the peace delegation to get in touch with the Hungarian delegation and raise the idea of a territorial exchange. Thus, after one year it again was proposed that an agreement about the borders should be reached by circumventing the Peace Conference. Just like in 1919, this was done on a Yugoslav initiative. Belgrade's views envisioned the exchange of the Horgos and its surroundings, almost 100 percent Hungarian, with the principally Yugoslav inhabited area around Baja. Belgrade also raised the possibility of a similar territorial exchange about Mohács.⁴⁶ The Hungarian delegation was not opposed to the idea but felt strongly that the timing was not right and therefore rejected the proposal. It believed that once the established borders were fixed by the peace treaty they could consider the possibility of a territorial exchange. Until then it would be unwise to take any chances particularly because Hungary was requesting a plebiscite in all of the disputed areas.⁴⁷ The Yugoslav delegation managed to convince the government and subsequently, accepting the achieved results, tacitly agreed with the conclusions of the Peace Conference and ceased to bother the Peace Conference any further. The Trianon Peace Treaty, signed on June 4, 1920, put a period to the shaping of the Hungarian-Yugoslav border.⁴⁸ This way the designated Hungarian-Yugoslav borders were legally recorded. There remain, however, the question of Baranya and Pécs, which was finally solved in August 1921 when the Yugoslavs troops were withdrawn from Hungary, but it is another story.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bánffy Miklós. Huszonöt év [Twenty-Five Years], ed. Zoltán Major. — Budapest, 1993.
2. Đurović Smiljana. Kriza uglja na teritoriji Kraljevine SHS 1919. Godine [The coal crisis in the territory of the Kingdom of SHS in 1919], *Acta Historico-Economica Iugoslaviae* (Zagreb), no 2. — 1975.
3. Fogarassy László. A Magyar-delszláv kapcsolatok katonai története 1918–1921 [The military history of Hungarian-Yugoslav Relations, 1918–1921], *Baranyai helytörténetírás: a Baranya Megyei Levéltár évkönyve* 16, no. 1 (1986).
4. Francis Deák. Hungary at the Paris Peace Conference. — New York, 1972.
5. Krizman B., Hrabak B., eds. Zapisnici sa sednica delegacije. — Belgrad, 1960.
6. Krizman Bogdan. Zapisnici asa sednica Davidoviceve dve vlade od avgusta 1919. do februara 1920 [Minutes of the cabinet meetings of the two Davidović governments from August 1919 to February 1920]. — *Arhivski vjesnik*, 13. — 1970.

⁴⁴ Their concern was strengthened by the report of Lazar Bajić, their recently appointed representative in Budapest, who in the middle of December wrote that there was a new political trend in Hungary that believed that its representatives could make the Peace Conference change some of its decisions about Hungary's borders. (See Krizman B., Hrabak B., eds., *Zapisnici sa sednica delegacije*, 211.) The Hungarian government really did believe this but also felt that for it to happen it was essential that a different political leadership should emerge in France after the upcoming elections. This would explain why Hungary, after several requests, sent its representatives to Paris only in January when, in fact, they had been invited to participate in the Peace Conference as early as December. (See Magda Ádám, "Dunai konföderáció vagy kisantant?" [Danubian confederation or Little Entente?], *Történelmi Szemle* 20, nos. 3–4 (1977): 449.)

⁴⁵ Krizman, Hrabak, eds. *Zapisnici sa sednica delegacije*, 274.

⁴⁶ Mitrović A., *Razgraničenje Jugoslavije*, 242.

⁴⁷ *Ibid.*, 243.

⁴⁸ Other than the modifications which were implemented on the basis of the decisions of the territorial committee.

7. Magda Ádám. Dunai konföderáció vagy kisantant? [Danubian confederation or Little Entente?], *Történelmi Szemle* 20, nos. 3–4. — 1977.
8. Mitrović A. Razgraničenje Jugoslavije. — Belgrade, 1969.
9. Vinaver V. Jugoslavija i vojna intervencija protiv Mađarske 1919. godine, *Историјски гласник*, 1967, бр 1–2.

Сведения об авторе

Хорняк Арпад — Ph. D, главный научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия.

Сфера научных интересов: история стран Центральной и Южной Европы, отношения Венгрии и Балканских стран.

Контактная информация: электронный адрес: hornyak.arpad@btk.mta.hu

Árpád Hornyák

TERRITORIAL DISPUTES BETWEEN HUNGARY AND THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES IN 1918–1921

The article analyzes the international situation in Central Europe in the period after World War I. Following the defeat and collapse of the Austro-Hungarian Empire, a number of sovereign states declared their independence. The borders of the newly-independent states were established by the victorious allied powers. At the Paris Peace Conference, the key goals of the major powers were identified, which eventually reshaped the territory of Europe. Delegates representing the victorious powers and the representatives of the defeated powers had unequal bargaining positions. The composition of delegations and their stances depended on the political climate in the countries they represented. The major powers moderated all complex conflict situations guided by their national priorities. The article focuses on the territorial disputes between Hungary and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the Province of Vojvodina. The author highlights complex political, ethnic, and cultural factors which predetermined the relationships between the states which emerged after the dissolution of the Austro-Hungarian Empire.

Paris Peace Conference; Major Powers; Hungary; Kingdom of Serbs; Croats and Slovenes; borders; the city of Pécs

REFERENCES

1. Bánffy Miklós. *Huszonöt év* [Twenty-Five Years]. Zoltán Major (ed.). Budapest, 1993. (In Hungarian).
2. Đurović Smiljana. *Kriza uglja na teritoriji Kraljevine SHS 1919. Godine* [The Coal Crisis in the Territory of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in 1919]. Zagreb, *Acta Historico-Economica Jugoslaviae*, 1975, no. 2. (In Croatian).
3. Fogarassy László. *A Magyar-delszláv kapcsolatok katonai története 1918–1921* [The Military History of Hungarian-Yugoslav Relations, 1918–1921], *Baranyai helytörténetírás: a Baranya Megyei Levéltár évkönyve* 16, 1986, no. 1 (In Croatian).
4. Francis Deák. *Hungary at the Paris Peace Conference*. — New York, 1972.
5. Krizman V., Hrabak V. (eds.) *Zapisnici sa sednica delegacije*. Belgrad, 1960. (In Croatian).
6. Krizman Bogdan. *Zapisnici asa sednica Davidoviceve dve vlade od avgusta 1919 do februara 1920* [Minutes of the Cabinet Meetings of the Davidović Governments, August 1919 - February 1920]. *Arhivski vjesnik*, 1970, no. 13 (In Croatian).
7. Magda Ádám. *Dunai konföderáció vagy kisantant?* [The Danubian Confederation or the Little Entente?]. *Történelmi Szemle* 20, 1977, nos. 3–4. (In Hungarian).
8. Mitrović A. *Razgraničenje Jugoslavije*. Belgrade, 1969. (In Croatian).
9. Vinaver V. *Jugoslavija i vojna intervencija protiv Mađarske 1919. godine*, *Istorijski glasnik*, 1967, no. 1–2. (In Serbian).

Information about the author

Hornyák Árpád — Ph. D, leading researcher of the Institute of History at Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary.

Research interests: history of Central and Southern Europe, relations between Hungary and the Balkans.

Contact information: e-mail: hornyak.arpad@btk.mta.hu

Поступила в редакцию 08.05.2019

Received 08.05.2019

УДК 940.48(439)

Чаба Катона

**ИЗМЕНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
В ВЕНГЕРСКИХ ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ**

В статье рассматривается значимость дневников и мемуаров в исследовании Первой мировой войны. Автор подчеркивает особую ценность источников личного происхождения для создания научной картины крупных событий мировой истории, в частности Первой мировой войны. Если официальные документы помогают раскрыть ее политические, дипломатические, социальные аспекты, то частные служат пониманию личных мотивов и человеческих переживаний, связанных с участием в военных действиях. Автор приводит важнейшие, представляющие исследовательский интерес сюжеты из военных дневников и мемуаров, в которых раскрываются особенности национального менталитета, соотношение индивидуального восприятия действительности и официальной пропаганды, образы «своих» и «чужих», новый социальный опыт, полученный во время войны, как опыт войны воспринимался людьми с различным социальным статусом, возрастом или образованием. Отмечена динамика настроений, которая прослеживается в личных свидетельствах с развитием военных событий. Автор отмечает, что консолидация и анализ сведений, приводимых в личных свидетельствах, способны компенсировать недостатки других источников для полноты исторического материала.

Первая мировая война; военные дневники; мемуары; социальный анализ; военная антропология

An important part providing new information on WWI is the search for unpublished private papers. Individual viewpoints and experiences are contained in sources that incorporate individual views, and the relevant personal reflect experiences of people living ordinary lives. These include WWI era diaries and memoirs. Several cultural, social, psychological, and strategic historical themes can be discovered by their use, as they can be excellent sources regarding relations between nations living side by side or waging war against each other. The lecture seeks to show the special historical value of such sources by highlighting several wartime diaries and memoirs.

“In contrast to earlier professional literature, which focused mostly on exploring the military-diplomatic and political-economic background of the two armed conflicts and their consequences, the general emphasis has now shifted to more broadly interpreted social and cultural (intellectual and mental) aspects. This qualitative change in research perspective is partly due to the fact that the attention of history writing has turned from political history via social history to cultural historical aspects and modern socio-historical considerations.”

Slovak historian Gabriela Dudeková made the above statements in one of her articles, in which she discusses the survival strategies of families during the First World War.¹ Her claim is hardly disputable. In this way, the examination of the role of diaries and memoirs in Hungarian research on the “Great War” could be of scholarly interest.²

The occasional love affairs that evolved during the war also constitute an independent topic — just like war propaganda and its impact.³ An equally intriguing question is the change and strengthening of national consciousness during the war,⁴ the phenomenon in which nationalisms become more intense and impatient, and the image of the enemy is extended to entire nations based on stereotypes.⁵ That is how the symbolic images of the Russian bear⁶ and the German hydra appear in private wartime documents — in accordance with official propaganda — as a collective enemy, while pity for the foe (the Italians) can also be detected.⁷

At this stage of research, the above questions are among the most important issues connected to wartime studies. This historical research, which takes a much broader perspective than before, has elevated into focus sources of a personal nature, hence memoirs, diaries, letters, and the various narratives of contemporaries in general.

The investigation of private documents as historical sources is strongly motivated also by the fact that although more than 100 years have passed since the outbreak of the First World War, the history of everyday life during the “Great War” has still not been completely written and most likely will never be. One would have to consider as many wars, sentiments, stories and personal experiences as there are people. “The experience of the world war crisis slowly submerged among the existential troubles of the individual, and there it deepened into a personal problem. The expression of this personalized complex is memoirs literature among others, which has been promoted by postmodern historiography.”⁸ This may produce new outcomes with regard to issues that were previously indisputable, such as the question of whether the war was unanimously and enthusiastically welcomed in the individual countries.⁹

¹ Gabriela Dudeková, “Család és túlélési stratégiák az I. világháborúban. Hosszú távú változások a szlovák társadalomban,” *Világtörténet*, 37, no. 2 (2015): 312.

² Gabriela Kiliánová, “Divided Memories: The Image of the First World War in the Historical Memory of Slovaks,” *Sociológia*, 35, no. 3 (2003): 229–246.

³ David Welch, *Germany and Propaganda in World War I: Pacifism, Mobilization and Total War* (New York ; London: I. B. Tauris), 2014.

⁴ Vanda Wilcox, “Encountering Italy: Military Service and National Identity during the First World War,” *Bulletin of Italian Politics* 3, no. 2 (2011): 283–302.

⁵ According to Michael Mann, “Most of the populations participating in World War I already felt to some degree a sense of national identity.” (See Michael Mann, “The Role of Nationalism in the Two World Wars,” in John A. Hall and Siniša Malešević, eds., *Nationalism and War* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013), 172–196.)

⁶ Beáta Kulcsár, “‘Az 1914/15-iki harcunk az oroszsal,’ Foris Géza háborús visszaemlékezései,” *Pro Minoritate* 23, no. 2 (2014): 62, 70; Sylvain Minault, ed., “In the Trenches: A First World War Diary by Pierre Minault,” *Not Even Past* 5 (2014): 18.

⁷ Csaba Katona, “‘Poor Dago! What Have You Sinned against Us, and What Have We Sinned against You?’ The War Diary of László Kókay,” in Tancredi Artico, ed., *From the Front. Zibaldone della Grande Guerra* (Rome: Aracne editrice, 2017), 205.

⁸ Imre Attila Kovács, ed., “Egy jó magyar katona. Vitéz Balogh Sándor feljegyzései a Nagy Háborúból,” in Péter Miklós, ed., *Harctér és hadifogolytábor. Bakanaplók a Nagy Háborúból* (Hódmezővásárhely: Tornyai János Múzeum és Közművelődési Központ-Emlékpont, 2017), 11.

⁹ Marcel van den Linden and Gottfried Mergner, “Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung,” in van den Linden and Mergner, eds., *Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung: Interdisziplinäre Studien* (Berlin: Duncker & Humblo, 1991), 9–23.

Diaries, private correspondence, autobiographies, and memoirs, just as the outcomes gained from oral history, capture the viewpoint of the individual as the documents of individual and personal remembrance. The worldview of their authors, and often the changes thereof, unfolds before the eyes of the researcher. We can have a look into the (permanent or occasional) social network, relations and value system of the individual. At the same time, we can interpret the information thus obtained within a broader context. It is not surprising that First World War diary and memoir literature is burgeoning in the Euro-Atlantic region — in the United States, Great Britain, France, Germany, Austria and so on. Private documents of this kind are being published in print or online one after the other, placing the issues outlined above into focus, examining how soldiers and those in the background experienced the war and mainly, the impact of this experience. Below I will examine this question in the Hungarian context: does the Hungarian research on First World War diary and memoir literature fit into this international trend?

At this point, we should take a look at the Hungarian professional literature that has recently been published on the subject. The work of fundamental research entitled *Naplók, emlékiratok annotált bibliográfiája* (The annotated bibliography of diaries and memoirs) is connected to the name of György Kövér, who published a volume of studies dealing with ego-documents in 2014. The aim of this research was to compile a register of diaries from the eighteenth, nineteenth and twentieth centuries that have been preserved in manuscript in Hungarian public collections.¹⁰ Within the enormous international literary production related to the centenary of the First World War, many have been inspired by the extraordinarily successful digital projects that have made available hundreds of diaries and masses of letters written by soldiers and other private sources. It is enough to cite one example to demonstrate how general the international embeddedness and acceptance of the above is. The website *Europeana 1914–1918* set the objective of summarizing as many wartime documents as possible and making them digitally available. This huge quantity of documents includes numerous private documents as well. In fact, one of the goals was to make documents and sources of historical value in the possession of private individuals available for international scholars just as much as for citizens interested in the past.¹¹ All of the above has compelled numerous authors to begin examining the history of the everyday life — of soldiers and hinterlands — during the war.¹²

Despite the above, many still find it strange that the historical approach has left its conventional stream of event-, military-, and diplomacy-centered history. Nevertheless, it is this approach that is capable of surpassing the canonized narratives of the national histories — inexorably opposed to each other due to the static position of winners and losers — and their frameworks. Relying on personal sources, this approach discusses the war and its consequences from a fresh socio-historical angle. Naturally, private sources have received some sort of interest ever since their creation. In Hungary, the first such publications appeared already during the war.¹³ In addition to the lack of interest on behalf of historians, the belatedness of their more thorough investigation can be attributed to the fact that the majority of these diaries and memoirs were (or still are) in the possession of private individuals and thus could not really be exploited by historians.

Thus diaries and recollections (i.e., the narratives of everyday life and individual destinies) serve as a mirror of the big whole. To some extent, they are similar to literature presenting war topics. They surpass the individual, and become part of the collective memory: “they become group narratives that... make it possible for both the narrator and the listener to identify with the community emotionally; the individual can enter the world of tradition, thus acquiring

¹⁰ György Kövér, “Én-azonosság az ego-dokumentumokban. Napló, önéletírás, levelezés,” *Soproni Szemle* 64, no. 3 (2011): 219–242.

¹¹ URL : <http://www.europeana1914-1918.eu>

¹² Csaba Katona and Eleonóra Kovács, “A személyes emlékezet dokumentumai,” *Turul* 87, no. 2 (2014): 41–47; Csaba Katona and Eleonóra Kovács, “A személyes emlékezet forrásai,” in István Kollega Tarsoly, Eleonóra Kovács and Gábor Vitek, *A történelem segédtudományai I. Genealógia 3* (Budapest: Tarsoly, 2015), 157–179.

¹³ Zoltán Oszkár Szóts, “Volt egyszer egy évforduló — válogatás az utóbbi két év első világháborús szakirodalmából,” *Múltunk* 61, no. 2 (2016), 122.

a stable identity.”¹⁴ Besides family traditions, this is the reason why these diaries and letters written by soldiers have survived after so many years and have been carefully preserved.

Researchers studying the private history of the First World War are thus in a fortunate position when it comes to unraveling the emotional and spiritual conditions of individuals. Handled with appropriate criticism, the huge quantity of sources about private life can open the way to understanding individual life stories. It is quite evident that the more widespread literacy is, the more written materials are produced and the easier it is to comprehend a topic based on these kinds of sources. The inclination to keep diaries and write memoirs, which was already widespread at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries, became even stronger between 1914 and 1918. “As mushrooms sprout in the forest after rainfall, so do battlefield diaries in the bloodshed. Everybody keeps a diary out there.”¹⁵ This was a period when people felt compelled to write down what happened to them and to the people living around them, or later on, to note down their lasting memories.

War situations are always like that: when life departs from its normal track, logically, it generates events different from those of everyday norms. If this kind of situation evolves and continues for years under conditions in which most strata of the population are literate, it is quite natural that diaries and private documents are produced in great quantities. It is true for most authors that “in addition to the desire to commemorate, they must have also been spurred by the effort to maintain their memory and literacy in a totally different cultural environment.”¹⁶

In the case of battlefield diaries, the starting point is the peculiar situation of their authors (as previously mentioned), which inevitably determines the topics discussed in the diary. Because even if the author is not strictly interested in them, military events, information about the troops, troop movements and camp life all crop up in the descriptions. The manner of describing military (or other) events depended on the narrator’s personality type, character, fields of interest, education and so on. Another crucial factor with regard to battlefield diaries was the extent to which the war situation allowed for continuous diary-keeping. Those who had less time or opportunity to write focused on the essentials and detailed only those circumstances that mattered the most to them. With regard to diaries written on the front, the degree to which the author had to worry about his own security and the safety of his diary was decisive, while it was also important whether his superiors frowned on his writing, for they might even punish soldiers for his activity. Thus the extent to which the author could openly write his diary also represented an important factor.

Although the battlefield and frontline diaries focus predominantly on the events of the military arena, they may also contain reflections about civilian life, or internal, spiritual happenings. Generally speaking, diaries can be thematic due to their author’s field of interest, and battlefield diaries belong to this category since their creation was motivated by an unprecedented and extremely tense situation. The content noted down by particular authors depended on a number of factors, just as the content of general diaries is determined by the personal interests, well-informedness, education and state of mind of the authors as well as the general atmosphere in which they wrote and so on. That is why Peter Burke’s observations are so essential: “Neither memories, nor histories seem objective any longer. In both cases historians are learning to take account of conscious or unconscious selection, interpretation and distortion. In both cases they are coming to see the process of selection, interpretation and distortion as conditioned, or at least influenced, by social groups. It is not the work of individuals alone.”¹⁷

¹⁴ Gábor Gyáni, “Kollektív emlékezet és nemzeti identitás, in Gyáni, ed., *Emlékezés, emlékezet és a történelem elbeszélése* (Budapest: Napvilág, 2000), 89.

¹⁵ Miklós Berend, *Berend Miklós hadi önkénytes honvéd törzsorvos Harctéri naplója. Adatok a magyar honvédség, főképp az 5. h. huszárezred történetéből* (Budapest: Singer és Wolfner, 1916), 6. Quoted in Beáta Kulcsár, “Az 1914/15-iki harcunk az oroszokkal. Foris Géza háborús visszaemlékezései,” *Pro Minoritate* 23, no. 2 (2014): 59.

¹⁶ Gyöngyi Nagy, ed., “Aszalai Kálmán emlékei a Nagy Háborúból,” in Miklós, ed., *Harctér és hadifogolytábor*, 104.

¹⁷ Peter Burke, “History as Social Memory,” in Burke, *Varieties of Cultural History* (Ithaca: Cornell University Press, 1997), 44.

Nevertheless, it should be remembered that there are some diaries that were very much written in a conscious, cold-headed manner, the authenticity of which is questioned precisely by the audience for which they were intended. There is a broad-ranging scale from diaries written strictly for private purposes to works clearly written for outsiders. Therefore, the reading of diary entries requires intense source-criticism with an eye to that aspect as well.

It depends on the author's intentions whether he or she focuses strongly on his or her own life path, or adopting the role of an eyewitness, chronicles the events happening around him or her. There is one more simple explanation regarding intentions: when the author simply "wishes to leave a mark with his or her diary, to create the memory of the situations experienced by him or her."¹⁸ Let me invoke the famous thesis of Pierre Bourdieu regarding biographies: namely, that life is a story, and it is also the totality of the events in relation to individual existence, so it can be conceived of as a story and also as the narration of a story.¹⁹

Far from offering an exhaustive list, the above go to show what a plethora of hitherto unexplored sources await scholars interested in researching the "Great War." They also set an example with their diverse perspectives regarding the topic of the war. Private documents also carry the potential to make the events of the "Great War" known to broader groups of society, and instead of offering a bird's-eye view of this period, they allow us to provide people of today with a greater understanding of the most pertinent issues of the First World War era.

Here are some examples how war appears in the diaries of some people of different social backgrounds, ages, and cultures. The first is an elderly aristocrat who wrote his diary away from the front. Count Teleki Sándor (1861–1919) was born in Paris. He attended a law university and later became a member of parliament. In his old age he loved to relax in the Tatra Mountains, where he developed mountain tourism. In 1917, he wrote about his Tatra holiday: "I worked hard on the heat and drought. I was out in the sun all day. My nerves rested for now. I pulled myself out. <...> These are ten days of real miracles. When I think about it for the third year, I am making myself in the stinky city because of others, that I only get for a few days where it is best for me because of others. <...> I began to heal the destroyed garden. <...> The four prisoners of war with my gardener worked so nicely, so glad. During the holidays, we progressed beautifully. It was a great pleasure to work, improved my health. My nervous condition has improved. Tatra is Tatra!"²⁰

This detail shows how subjective things are in the diary. If someone reads just these few lines from Teleki, might think the war is not important because Teleki didn't write about it. This is obviously not the case. But in the mountains Teleki was less affected by distant events. He did not deal with the war.

We could also think that Teleki was an insensitive man. But for example he has serious merits in the care of the wounded people. When in the Elisabeth Queen Hospital of the Red Cross Ward was organised lectures for the injured soldiers, Count Teleki was the organiser, because from 1914 he was a Red Cross deputy high-representative. A few words from his diary in 1916 shows his empathy: "A lady made a beautiful Christmas tree. We gave money, a young girl sang and I talked to the soldiers. they were all sensitized. One sobbed, ran to me and kissed my hand. The rest began to cry. I protested in vain, but they kissed my hands. It's not a festivity. This is the evening of tears. when everyone thinks of the home, the orphanage, the deteriorated health, the lost hands and feet, the interrupted life. <...> Those who burn their Christmas tree lights in their quiet home with their happy children do not know how was the soldiers' Christmas in the year 1916."²¹

Soldier Gyula Vágovits (1895–1986) was much younger than count Teleki. He volunteered for military service in 1915. It was fought on the Russian and Romanian fronts. In 1918 he went home because of his illness. In his memoirs, he wrote about the naive enthusiasm in 1914, which surrounded the soldiers in the battle. In Hungary, which has not fought since 1866,

¹⁸ Eleonóra Eöry, "Főszolgabírói mulatságok. Társasági élet és szórakozás Olchváry Pál naplójában," *Aetas* 23, no. 3 (2008), 65.

¹⁹ Pierre Bourdieu, "L'illusion biographique," *Actes de la recherche en sciences sociales* 62, no. 1 (1986): 69.

²⁰ Annamária Szakács, "A király meghalt!" — Ifj. Teleki Sándor első világháborús naplója, *ArchivNet* 16, no. 6 (2016) <http://www.archivnet.hu/a-kiraly-meghalt-ifj-teleki-sandor-elsovilaghaborus-naploja> (2019.02.02.)

²¹ *Ibid.*

lived a romantic idea for the war: the glorious Hungarian soldier defeats the enemy and then returns home and the girls celebrates him. The reality was completely different, but in 1914 the Hungarians didn't know it. Vágovits wrote this: "The mobilization has changed the peaceful image of the city."²² "Thousands of men hurried to the soldier. Enthusiastic masses were flying down the streets under national flags and glorified the war. <...> There is a parade of enthusiastic crowds could be encountered, or a family man, with a manly seriousness, said goodbye to his bitterly crying wife and little children. There were masses at the station. Several speakers spoke fiery and enthusiastic about the platform and glorified the war, excited the patriotic crowd. I have never seen and heard so many patriotic songs in my life, so many war-waving shouts, so much crying, and so much wailing. The enthusiasm for the war took place in the late hours. <...> The town's inhabitants enthusiastically followed the soldiers on the front of the station beside Gypsy music. Poor, handsome soldiers on an equestrian attack almost all died of Russian machine guns. But still the enthusiasm for the war was so great. Disappointment appeared when the first wounded arrived. They were placed in military hospitals transformed from schools. The first sad notifications for the relatives of the dead also arrived."²³

I close my examples with the memoir of a Dominican monk, called Kornél Bőle. Bőle wrote a diary at first. Decades later it was transformed into a memoir. Bőle did not fulfill his service on the front. He wrote his memories of the war as a Christian. His astonishment was noticeable when he realized in 1915 that the war would last for a long time: "We always got into the world war. There is less hope that it will end soon. There is fear in Hungary, because the Russian attacked the Austrian and Hungarian armies, distracting the German forces from the anxious French. The Austro-Hungarian Command and Konrad Hötendorfí, the brilliant Chief of Staff, stopped the terrible Russian war, but the Russian attacks still hit Hungary in Maramures."²⁴

It is felt that the propaganda of war, the proclamation of a heroic fight had a profound effect on the writer of the diary. It is very biased when Franz Conrad von Hötendorf is described as a genius and the Russian army as a horrible horde. This conviction has changed a little bit when the monk saw the suffering of the people: "The spiritual and psychic care of the blind soldiers on th hospital was our task in these terrible times. I have seen many suffering and many pains in these times, and lots of pain."

Bőle also saw the raw reality of the war when he went to the city of Ózd. At that time he experienced what the ongoing war prepared for: "The armies fought for Przemysl's castle in those weeks. The iron-spiked lances that our soldiers put down around the castle were made in the town of Ózd. The gendarmerie was therefore very attentive to who went to this city. When I walked at the station in my unknown monastic dress, the on duty gang was certified. I just verified myself, I showed the invitation letter."²⁵

However, these experiences did not completely change Bőle's view. He still believed that in the war the good and the bad would fight. Even decades later he said that the Russians had suppressed Galicia.

The memoir retained some very insignificant details, perhaps due to the earlier diary, perhaps due to memory play: "...when the German and Austrian-Hungarian troops break through Görlitz and the Russian troops reversed, a good old man said that if we take back Lemberg, he pays a barrel of beer. Lemberg was recaptured, so he bought the beer, although it was hard to get."²⁶

As a Christian, he hoped for help and comfort from God: "That is why, on May 30, a huge crowd escaped from the Franz Joseph Bridge with the St Stephen's relic to the Basilica. Maybe there were 300,000 people."²⁷

²² Érsekújvár, now Nové Zámky in Slovakia.

²³ Gyula Vágovits, *Parasztfigura a saktáblán*. Vágovits Gyula visszaemlékezése, Nagy Háború Blog. http://nagyhaboru.blog.hu/2016/03/21/parasztfigura_a_sakktablan (2019.02.19.).

²⁴ Kornél Bőle, *Utaim. Egy domonkos szerzetes visszaemlékezései, 1887–1961*, Gilányi, Magolna ed. (Budapest, Vasvár: Magyar Napló Kiadó-Domonkos Rendtörténeti Gyűjtemény, 2018), 48.

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Ibid.* 49.

²⁷ *Ibid.* 50.

The data, the descriptions of military operations and the analyses of trials often partially or entirely conceal the human tragedies, individual destinies and thoughts behind them. However, if we evoke the war years through the impressions of specific people, series of data, columns and troops are replaced by individuals and personalities who had emotions and passions. It is the stories and lives of specific individuals which those interested can learn about through these private documents, while they also present how these life paths were broken. The “anonymous” characters of large-scale narratives recover their identity that had been blurred by the historical perspective, and again they “will” have a name, a face and an individual destiny. For it is easier to identify with a specific person with whose appearance and customs we seem to be familiar, and in this way, it is easier to understand the given period and everyday life during the war — both on the front and in the hinterland — because “the variety of the conceptions of history can refute the homogeneity of the present implications of past events.”²⁸

At the same time, generalizing and oversimplifying concepts such as “the enemy,” “the army,” “the Romanians,” “the Russians,” “the Hungarians” and so on may well perhaps be pushed into the background. For instance, Italian propaganda kept referring to the Austrians as “the centuries-old enemy.”²⁹ Instead of unilateral and adversarial nationalist narratives churning up nationalistic feelings and remaining unresponsive to one other, the commonly experienced history of the devastating war and the polyphonic approach drawing on dialogue, criticism and empathy may, in this way, come to the fore. This opportunity must not be squandered.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Mann Michael. *The Role of Nationalism in the Two World Wars* // John A. Hall and Siniša Malešević, eds., *Nationalism and War*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — P. 172–196.
2. Annamária Szakács. A király meghalt! — Ifj. Teleki Sándor első világháborús naplója, *ArchivNet* 16, no 6 (2016). — URL : <http://www.archivnet.hu/a-kiraly-meghalt-ifj-teleki-sandor-elsovilagaborus-naplója> (дата обращения: 02.02.2019).
3. Beáta Kulcsár. Az 1914/15-iki harcunk az orrossal. *Foris Géza háborús visszaemlékezései. Pro Minoritate* 23, no. 2 (2014).
4. Sylvain Minault. In the Trenches: A First World War Diary by Pierre Minault, *Not Even Past* 5 (2014).
5. Csaba Katona and Eleonóra Kovács. A személyes emlékezet dokumentumai. — *Turul* 87, no. 2 (2014). — P. 41–47.
6. Csaba Katona and Eleonóra Kovács. A személyes emlékezet forrásai in István Kollega Tarsoly, Eleonóra Kovács and Gábor Vitek, *A történelem segédtudományai I. Genealógia* 3. — Budapest: Tarsoly, 2015. — P. 157–179.
7. Csaba Katona. Poor Dago! What Have You Sinned against Us, and What Have We Sinned against You? *The War Diary of László Kókay in Tancredi Artico*, ed., *From the Front. Zibaldone della Grande Guerra*. — Rome: Aracne editrice, 2017. — 205 p.
8. David Welch. *Germany and Propaganda in World War I: Pacifism, Mobilization and Total War*. — New York–London: I. B. Tauris, 2014.
9. Eleonóra Eöry. Főszolgabírói mulatságok. Társasági élet ésszórakozás Olchváry Pálnaplójában. — *Aetas* 23, no. 3 (2008).
10. Gábor Gyáni. Kollektív emlékezet és nemzeti identitás, in Gyáni, ed., *Emlékezés, emlékezet és a történelem elbeszélése*. — Budapest: Napvilág, 2000.
11. Gabriela Dudeková. Család és túlélési stratégiák az I. világháborúban. Hosszú távú változások a szlovák társadalomban. — *Világtörténet*, 37, no. 2 (2015).
12. Gabriela Kiliánová. Divided Memories: The Image of the First World War in the Historical Memory of Slovaks. — *Sociológia*, 35, no. 3 (2003). — P. 229–246.
13. Gyöngyi Nagy. Aszalai Kálmán emlékei a Nagy Háborúból in Miklós. — *Harc tér és hadifogolytábor*.

²⁸ Zoltán Nagy, “A két világháború közti magyarság emlékezetkultúrája: Bethlen Gábor,” *Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények* 54, no. 1 (2010): 11.

²⁹ Vanda Wilcox, “Encountering Italy: Military Service and National Identity during the First World War,” 290.

14. György Kövér, *Én-azonosság az ego-dokumentumokban*. Napló, önéletírás, levelezés. — Soproni Szemle 64, no. 3 (2011). — P. 219–242.
15. Gyula Vágovits, *Parasztfigura a sakkasztáblán*. Vágovits Gyula visszaemlékezése, Nagy Háború Blog. URL : http://nagyhaboru.blog.hu/2016/03/21/parasztfigura_a_sakkasztablan (дата обращения: 02.02.2019).
16. Imre Attila Kovács ed. *Egy jó magyar katona. Vitéz Balogh Sándor feljegyzései a Nagy Háborúból*, in Péter Miklós, ed., *Harctér és hadifogolytábor. Bakanaplók a Nagy Háborúból* (Hódmezővásárhely: Tornyai János Múzeum és Közművelődési Központ–Emlékpont, 2017).
17. Kornél Bőle Utaim. *Egy domonkos szerzetes visszaemlékezései, 1887–1961*, Gilányi, Magolna ed.–Budapest–Vasvár: Magyar Napló Kiadó–Domonkos Rendtörténeti Gyűjtemény, 2018.
18. Marcel van den Linden and Gottfried Mergner. *Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung in van den Linden and Mergner, eds., Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung: Interdisziplinäre Studien*. — Berlin: Duncker & Humblo, 1991, P. 9–23.
19. Miklós Berend, *Berend Miklós hadi önkényes honvéd törzsorvos Harctéri naplója. Adatok a magyar honvédség, főképp az 5. h. huszárezred történetéből* (Budapest: Singer és Wolfner, 1916), 6. Quoted in Beáta Kulcsár, “Az 1914/15-iki harcunk az oroszsal. Foris Géza háborús visszaemlékezései,” *Pro Minoritate* 23, no. 2 (2014).
20. Peter Burke. *History as Social Memory in Burke, Varieties of Cultural History*. — Ithaca: Cornell University Press, 1997.
21. Pierre Bourdieu. *L'illusion biographique*. *Actes de la recherche en sciences sociales* 62, no. 1 (1986).
22. Vanda Wilcox. *Encountering Italy: Military Service and National Identity during the First World War*. *Bulletin of Italian Politics* 3, no. 2 (2011). — P. 283–302.
23. Vanda Wilcox. *Encountering Italy: Military Service and National Identity during the First World War*. *Bulletin of Italian Politics* 3, no. 2 (2011).
24. Zoltán Nagy. *A két világháború közti magyarság emlékezetkultúrája*: Bethlen Gábor, *Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények* 54, no. 1 (2010).
25. Zoltán Oszkár Szóts. *Volt egyszer egy évforduló — válogatás az utóbbi két év első világháborús szakirodalmából*. — *Múltunk* 61, no. 2 (2016).

Сведения об авторе

Катона Чаба — научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия.

Сфера научных интересов: социальная история и история культуры Венгрии XIX–XX веков.
Контактная информация: электронный адрес: katona.cheva@gmail.com

Csaba Katona

THE TRANSFORMATION OF MEMORIES OF THE GREAT WAR IN HUNGARIAN JOURNALS AND MEMOIRS

The article treats the significance of journals and memoirs for the research of World War I. The author underlines that private journals and memoirs are an important source of reliable information about significant events in history, World War I, in particular. While official documents unveil political, diplomatic, and social aspects, private documents enable a researcher to understand people's motives, the feelings they experienced finding themselves dragged into military actions. Analyzing military journals and memoirs, the author focuses on events which reveal people's national mentality, the clash of individual perception and official propaganda, the images of “friends” and “enemies”, new social experiences imposed by the war and viewed through the prism of different social status, age, and education. The author highlights changes in mood associated with military successes and failures. The author maintains that the analysis of journals and memoirs enables a researcher to get a more comprehensive view of historical processes.

World War I; military journals; memoirs; social analysis; military anthropology

REFERENCES

1. Mann Michael. The Role of Nationalism in the Two World War. Nationalism and War. Hall John A., Malešević Siniša (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2013, p. 172–196.
2. Annamária Szakács. A király meghalt! — Ifj. Teleki Sándor első világháborús naplója, *ArchivNet* 16, no 6 (2016). URL: <http://www.archivnet.hu/a-kiraly-meghalt-ifj-teleki-sandor-elsovilaghaborus-naplója> (Accessed: 02.02.2019). (In Hungarian).
3. Beáta Kulcsár. Az 1914/15-iki harcunk az oroszokkal. Foris Géza háborús visszaemlékezései. *Pro Minoritate*, 2014, no. 2 (23). (In Hungarian).
4. Sylvain Minault. In the Trenches: A First World War Diary by Pierre Minault, Not Even Past, 2014, 5.
5. Csaba Katona, Eleonóra Kovács. A személyes emlékezet dokumentumai. *Turul*, 2014, vol. 87, no. 2, pp. 41–47. (In Hungarian).
6. Csaba Katona, Eleonóra Kovács. A személyes emlékezet forrásai in István Kollega Tarsoly, Eleonóra Kovács and Gábor Vitek, *A történelem segédtudományai I. Genealógia 3*. Budapest, Tarsoly Publ., 2015, pp. 157–179. (In Hungarian).
7. Csaba Katona. Poor Dago! What Have You Sinned against Us, and What Have We Sinned against You? The War Diary of László Kókay. From the Front. *Zibaldone della Grande Guerra*. Tancredi Artico (ed.). Rome, Aracne editrice Publ., 2017, 205 p.
8. David Welch. Germany and Propaganda in World War I: Pacifism, Mobilization and Total War. New York, London, I. B. Tauris Publ., 2014.
9. Eleonóra Eöry. Főszolgabírói multságok. Társasági élet ésszórakozás Olchváry Pálnaplójában. *Aetas*, 2008, no. 3 (23). (In Hungarian).
10. Gábor Gyáni. Kollektív emlékezet és nemzeti identitás, in Gyáni, ed., *Emlékezés, emlékezet és a történelem elbeszélése*. Budapest, Napvilág Publ., 2000. (In Hungarian).
11. Gabriela Dudeková. Család és túlélési stratégiák az I. világháborúban. Hosszú távú változások a szlovák társadalomban. *Világtörténet*, 2015, no. 2 (37). (In Hungarian).
12. Gabriela Kiliánová. Divided Memories: The Image of the First World War in the Historical Memory of Slovaks. *Sociológia*, 2003, no. 3 (35), pp. 229–246.
13. Gyöngyi Nagy. Aszalai Kálmán emlékei a Nagy Háborúból in Miklós. Harctér és hadifogolytábor. (In Hungarian).
14. György Kövér. Én-azonosság az ego-dokumentumokban. *Napló, önéletírás, levelezés*. Soproni Szemle, 2011, no. 3 (64), pp. 219–242. (In Hungarian).
15. Gyula Vágovits, Parasztfigura a sakktáblán. Vágovits Gyula visszaemlékezése, Nagy Háború Blog. URL: http://nagyhaboru.blog.hu/2016/03/21/parasztfigura_a_sakktablan (Accessed: 02.02.2019). (In Hungarian).
16. Imre Attila Kovács. Egy jó magyar katona. Vitéz Balogh Sándor feljegyzései a Nagy Háborúból. Harctér és hadifogolytábor. *Bakanaplók a Nagy Háborúból*. Péter Miklós (ed.). Hódmezővásárhely, Tornyai János Múzeum és Közművelődési Központ, Emlékpont, 2017. (In Hungarian).
17. Kornél Böle Utaim. Egy domonkos szerzetes visszaemlékezései, 1887–1961. Gilányi Magolna (ed.). Budapest, Vasvár, Magyar Napló Kiadó Publ., Domonkos Rendtörténeti Gyűjtemény Publ., 2018. (In Hungarian).
18. Marcel van den Linden, Gottfried Mergner (eds.). *Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung*. *Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung: Interdisziplinäre Studien*. Berlin, Duncker & Humblo Publ., 1991, pp. 9–23. (In German).
19. Miklós Berend, Berend Miklós hadi önkénytes honvéd törzsorvos Harctéri naplója. Adatok a magyar honvédség, főképp az 5. h. huszárezred történetéből (Budapest: Singer és Wolfner, 1916), 6. Quoted in Beáta Kulcsár, “Az 1914/15-iki harcunk az oroszokkal. Foris Géza háborús visszaemlékezései,” *Pro Minoritate*, 2014, no. 2 (23). (In Hungarian).
20. Peter Burke. *History as Social Memory in Burke, Varieties of Cultural History*. Ithaca, Cornell University Press, 1997.
21. Pierre Bourdieu. L'illusion biographique. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1986, no. 1 (62). (In French).
22. Vanda Wilcox. Encountering Italy: Military Service and National Identity during the First World War. *Bulletin of Italian Politics*, 2011, no. 2 (3). pp. 283–302.
23. Vanda Wilcox. Encountering Italy: Military Service and National Identity during the First World War. *Bulletin of Italian Politics*, 2011, no. 2 (3).
24. Zoltán Nagy. A két világháború közti magyarság emlékezetkultúrája: Bethlen Gábor, Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények, 2010, no. 1 (54). (In Hungarian).

25. Zoltán Oszkár Szóts. Volt egyszer egy évforduló — válogatás az utóbbi két év első világháborús szakirodalmából. Múltunk, 2016, no. 2 (61). (In Hungarian).

Information about the author

Katona Csaba — researcher of the Institute of History at Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary.

Research interests: social history and cultural history of Hungary in the 19th — 20th centuries.

Contact information: e-mail: katona.cheva@gmail.com

Поступила в редакцию 07.05.2019

Received 07.05.2019

УДК 9(47):951.092

Сунь Ичжи

**«РУССКИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИКЕ
ШАНХАЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ
1922–1925 ГОДОВ**

В статье освещается «русский вопрос» в Шанхае в 1922–1925 годах. Анализируется позиция различных шанхайских властей, в том числе бывших русских консульских властей, муниципалитета Международного сэттльмента, Муниципального совета Французской концессии и китайской власти, в решении «русского вопроса», а также отношение шанхайской общественности к российской эмиграции. При анализе документов и прессы обнаруживаются серьезные расхождения между шанхайскими властями и обществом в отношении к русским эмигрантам. Кроме французских властей, шанхайские власти не проявляли к эмигрантам должного отношения: позиция муниципалитета Международного сэттльмента была негативная, китайское правительство не предпринимало активных действий по решению вопросов эмигрантов в связи с политическими причинами. Совсем иная картина сложилась в местном обществе: китайские и иностранные жители Шанхая активно предоставляли помощь русским беженцам. В дело включились Красный Крест Китая и США, организованный усилиями общественности Комитет помощи беженцам, Шанхайский конный клуб и др.

Шанхай; Китай; русская эмиграция в Китае; история Шанхая; русско-китайские отношения

В последующие годы русский вопрос продолжал вызывать значительное беспокойство (пер. с англ.)

F.L. Hawks Pott. A Short History of Shanghai

После окончательного разгрома Белой армии в Сибири в 1922 году белогвардейцы вместе с беженцами покинули Россию. Шанхай как крупнейший порт на Дальнем Востоке привлек внимание командования Сибирской флотилии во главе со Г. К. Старком и Ф. Л. Глебовым.

Через корейский порт Гензан флотилии двинулись в Шанхай двумя потоками: в конце 1922 года Г. К. Старк возглавил первую группу кораблей с беженцами и кадетами на борту, в 1924 году в «Восточную жемчужину» приплыли корабли Ф. Л. Глебова с казачьим отрядом¹.

Ко времени прибытия русских флотилий в Шанхае за более чем полувековую историю с момента основания порта сложилась сложная политическая ситуация: управление городом было разделено между тремя властями — муниципалитетом Международного сэттльмента (上海公共租界工部局), Муниципальным советом Французской концессии (上海法租界公董局) и китайской администрацией².

Иностранная консульская власть также представляла важную политическую силу в городе. Хотя консульские власти и иностранные муниципалитеты входили в единую «колониальную» систему управления, позиции консульских властей и муниципалитетов, в особенности муниципалитета Международного сэттльмента, по различным вопросам были далеко не едины. Почти 80-летняя история самоуправления иностранных колоний в Шанхае сформировала свою традицию, которая особенно сильно проявлялась, когда консульские власти напоминали иностранным переселенцам — «шанхайлэндерам», проживающим в Шанхае, что они являются подданными европейских стран, на что муниципалитет Международного сэттльмента выражал сильное негодование и подчеркивал свое исключительное право на самоуправление.

Русская консульская власть, а также высшая торговая и финансовая элита во главе с руководителями шанхайского отделения Русско-Азиатского банка, будучи «политической», «колонизаторской» и «разведывательной» организацией царизма в Китае³, после Октябрьской революции постепенно потеряла свое влияние и в конце концов сама стала объектом политики шанхайских властей⁴. В 1921 году на базе бывшего русского Генкон-

¹ До революции Шанхай именовали по-разному: «Восточная жемчужина», «Восточный Париж», «Западный Нью-Йорк», «Желтый Вавилон» и «Рай для авантюристов (冒險家的樂園)». См.: 上海通史 (Всеобщая история Шанхая) / под ред. 熊月之 (Сюн Юэчжи). Т. 1. Шанхай: 上海人民出版社 (Шанхай-жень-мин-чубань-шэ), 1999. С. 1–7; All About Shanghai and Environs, A Standard Guide Book, Historical and Contemporary Facts and Statistics, Illustrated with Maps and Photographs. Shanghai: The University Press, 1935. P. 1; Miller G. E. Shanghai, The Paradise of Adventurers. New York: Orsay Publishing House Incorporated, 1937. 307 p. Стоит заметить, что название «Желтый Вавилон» с негативным подтекстом было в ходу исключительно в русской эмигрантской среде. (См., напр.: Софонова О. Пути неведомые. Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины: 1916–1949. Мюнхен: F. Zeuner Buch und Offsetdruck, 1980. 301 с.; Петров В. Шанхай на Вампу: очерки и рассказы. Вашингтон: Русско-Американское ист. о-во, 1985. 269 с.; Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 376 с.)

² Подробно о политической системе Шанхая см.: Montalto de Jesus C. A. Historic Shanghai. Shanghai: Shanghai Mercury, 1909. 257 с.; Lanning G., Couling S. The History of Shanghai: in 2 vol. Shanghai: Kelly & Walsh, 1921–1923. Vol 1. 504 p.; Vol. 2. 508 p.; Kotenev A. M. Shanghai: Its Mixed Court and Council. Shanghai: North-China daily news & herald, 1925. 548 p.; Hawks Pott F. L. A Short History of Shanghai. Shanghai: Kelly & Walsh, 1928. 336 p.; Hsia C. The Status of Shanghai. Shanghai: Kelly & Walsh, 1929. 202 p.; Maybon Ch. B., Fredet J. Histoire de la concession française de Changhai. Paris: Librairie Plon Les Petits-Fils de Plon et Nourrit, 1929. 458 p.; 上海公共租界史稿 (Исторические записи Шанхайского международного сэттльмента). Шанхай: Шанхай-жень-мин-чубань-шэ, 1980. 627 с.; 上海地方史资料 (Материалы для изучения шанхайской истории). Т. 1. Шанхай: 上海社会科学院出版社 (Шанхай-шэ-хуэй-кэ-сюэй-юай-чубань-шэ), 1982. 268 с.; Т. 2. Шанхай: Шанхай-шэ-хуэй-кэ-сюэй-юай-чубань-шэ, 1983. 270 с.; 上海史 (История Шанхая) / под ред. 唐振常 (Тан Чженьчан). Шанхай: Шанхай-жень-мин-чубань-шэ, 1989. 1073 с.

³ Q. v.: 杨培新 (Ян Пэйсинь). 华俄道胜银行和欧亚大陆第一桥 (Русско-Китайский «Азиатский» банк и первый мост на континенте Евразии). Пекин: 中国金融出版社 (Чжун-го-динь-жун-чубань-шэ), 1992. С. 16–18.

⁴ О дореволюционной деятельности русского Генконсульства и Русско-Китайского (Азиатского) банка см.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай: 三联书店 (Сан-лянь-шудянь), 1993. С. 3–14 (пер. на рус. см.: Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. М.: Русский путь, 2008. 576 с.); Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. Шанхай: Слово, 1936. 290 с.; Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л.: Ленингр. воен. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. 605 с.; Лукьянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 163–192; Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / пер. с англ. М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 222–243;

сульства было создано Бюро по русским делам в Шанхае (上海俄僑事務局), которое де-юре вошло в состав китайского правительства.

Кроме городских властей в управлении городом важную роль играла общественность, влиявшая на принятие решений и разрешение тех или иных проблем. Однако и в ней не было единства. Китайская и иностранная общественность в начале 1920-х годов еще не нашли точек соприкосновения и по многим вопросам между ними не было согласия.

В такой пестрой обстановке в Шанхае возник «русский вопрос», ставший особо актуальным с 1917 года, вплоть до основания Китайской Народной Республики⁵. Отношение властей и общественности Шанхая к российской эмиграции до прибытия Сибирской флотилии было рассмотрено нами в другой публикации⁶. Данная работа является продолжением нашего исследования по интересующей нас проблематике с момента прибытия в Шанхай Сибирской флотилии в 1922 году и до шанхайской забастовки 30 мая 1925 года. После того как в 1925 году социально-политическая стабильность Шанхая оказалась на грани хаоса, шанхайские власти изменили свое отношение к российским эмигрантам: после забастовки многие русские получили работу, а в последующие годы в ходе Северного похода Чан Кайши с целью защиты города был создан Шанхайский русский полк⁷. Положение русских после 1925 года сильно изменилось.

Благодаря материалам, выявленным автором в Шанхайском муниципальном архиве (Shanghai Municipal Archive = 上海档案馆) и Полицейском фонде Международного селтльмента (Shanghai Municipal Police Files = 上海公共租界工部局警務處檔案)⁸, а также материалам шанхайской прессы, удалось проследить основные политические линии различных шанхайских властей и отношение местного общества к российской эмиграции в 1922–1925 годах.

Сотрудники бывшего русского Генконсульства были представителями элиты старой русской колонии в Шанхае. В 1922 году они еще не полностью утратили свое политическое влияние. Благодаря открытию и функционированию Бюро по русским делам, были налажены контакты с китайским правительством, а также частично сохранились личные связи бывшего генконсула В. Ф. Гроссе с иностранными консулами и муниципалитетами селтльмента и концессии.

Уже после омского переворота 18 ноября 1918 года русское Генконсульство встало на сторону Верховного правителя А. В. Колчака. Яркое выраженный консерватизм хо-

Казуико Яго. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии / пер. с англ. и ред. С. А. Соломатина // Экономическая история : ежегодник. 2011/2012. М. : РОССПЭН, 2012. С. 293–314 ; Ходяков М. В. Китайско-Восточная железная дорога и эмиссия бон Русско-Азиатского банка в 1918–1919 гг. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 355–367 ; Сунь Ичжи. Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) банка в Китае в конце XIX — начале XX в. // Мавродинские чтения. 2018. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 334–337 ; Putnam Weale B. L. Manchu and Muscovite. London : Macmillan, 1904. 552 p. ; Enselme H. A Travers la Mandchourie. Paris : J. Rueff, 1903. 202 p. ; Quedest R. The Russo-Chinese Bank: A Multinational Financial Base of Tsarism in China. Birmingham : Dept. of Russian Language and Literature University of Bormingham, 1977. 69 p. ; 徐寄廛 (Сюй Тицин). 增改最近上海金融史 (Новейшая финансовая история Шанхая: дополненный вариант). Шанхай : 商務印書館 (Шан-у-инь-шу-гуань), 1929. С. 252–283 ; 中外條約彙編 (Сборник договоров) / под ред. 黃月波 (Хуан Юэпо) и др. Шанхай : Шан-у-инь-шу-гуань, 1935. С. 351–354 ; 陈志明 (Чжэн Чжимин). 华俄道胜银行与沙俄远东政策 1984 年中俄关系史讨论会论文 (Русско-Китайский «Азиатский» банк и политика царизма на Дальнем Востоке : материалы конф.) Пекин, 1984 ; 华俄道胜银行在华三十年 (Русско-Китайский «Азиатский» банк: 30 лет в Китае) / под ред. 毕凤鹏 (Би Фэнпэн). Харбин : 黑龙江人民出版社 (Хэйлунцзянь-жень-мин-чу-бань-шэ), 1992. 377 с. ; 杨培新 (Ян Пэйсинь). 华俄道胜银行和欧亚大陆第一桥 (Русско-Китайский «Азиатский» банк и первый мост на континенте Евразии). Пекин : 中国金融出版社 (Чжун-го-динь-жун-чу-бань-шэ), 1992. 106 с.

⁵ См.: Сунь Ичжи. Российская эмиграция и советская разведка в Шанхае (1945–1949 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 156–172.

⁶ См.: Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг. // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век : сб. ст. / отв. ред. М. В. Ходяков. СПб. : Лема, 2018. С. 204–215.

⁷ См.: Красноусов Е. М. Шанхайский русский полк. Сан-Франциско : Глобус, 1984. 373 с.

⁸ Данный фонд полностью оцифрован, его материалы доступны на сайте научных ресурсов “Archives Unbound”. URL : <http://go.galegroup.com> (дата обращения: 10.02.2019).

рошо прослеживается в активной борьбе против Н. Д. Авксентьева и других членов Уфимской директории, бежавших в Шанхай⁹. Казалось бы, В. Ф. Гроссе и его соратники должны были благоприятно отнестись к прибывшим белогвардейцам и кадетам, имея с ними общие политические взгляды. В историографии вслед за Ван Чжичэном сложилась следующая оценка действий В. Ф. Гроссе: он активно содействовал решению вопросов Сибирской флотилии и доброжелательно относился к русским беженцам, приплывшим вместе со Г. К. Старком¹⁰. Однако в действительности, как верно отметила историк Е. Н. Наземцева, отношение В. Ф. Гроссе к прибытию Сибирской флотилии было далеко не самым доброжелательным¹¹. Ярким примером может служить встреча с заместителем председателя Российской эмигрантской ассоциации В. В. Федуленко¹² и отношение Генконсула к новоприбывшим русским кадетам. Во время стоянки флотилии в Гензане Г. К. Старк отправил В. В. Федуленко в Шанхай просить у местных властей разрешения пустить в Шанхай и обратился к В. Ф. Гроссе, бывший Генконсул крайне пренебрежительно отнесся к нему и объявил, что «не может ничего сделать» и отказал в помощи¹³. В. В. Федуленко охарактеризовал В. Ф. Гроссе как «очень неприятного человека»¹⁴. Что касается прибывших кадетов, то в своих воспоминаниях Н. Ц. Грудзинский, ротный командир Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса написал о том, что «консул наш, г. Гроссе, отмахивался от корпусов руками и ногами»¹⁵. Такое же отношение было у В. Ф. Гроссе и к Сибирскому кадетскому корпусу. В юбилейном издании Сибирского кадетского корпуса написано, что «В. Ф. Гроссе определенно заявил директору корпуса об отсутствии у него возможности помочь кадетам и о дальнейшей их судьбе высказывался в самых мрачных красках, считая их эвакуацию весьма рискованной»¹⁶.

В документах муниципалитета Международного сэттльмента также можно заметить незаинтересованность В. Ф. Гроссе в разрешении вопроса Сибирской флотилии. 7 декабря сотрудник полиции Международного сэттльмента встретился с В. Ф. Гроссе, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. В. Ф. Гроссе в беседе с ним сказал, что «не может помочь этим беженцам»¹⁷.

В связи с пренебрежительным отношением со стороны В. Ф. Гроссе и в целом сотрудников бывшего Генконсульства к прибывшей вместе с пассажирами Сибирской флотилии, между ними произошел прямой конфликт. 3 января 1923 года полиция Международного сэттльмента получила письмо от В. Ф. Гроссе с просьбой защитить его от группы беженцев-казаков. Согласно его заявлению, один из его коллег получил письмо с угрозой, при этом каждый день с 9 до 15 часов большое количество вооруженных беженцев собиралось около здания консульства¹⁸.

⁹ См.: Сунь Ичжи. Шанхайские дни членов Временного Всероссийского правительства // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2018. № 10. С. 307–313.

¹⁰ См.: Ван Чжичэн. 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). С. 27; Шаронова В. Виктор Гроссе — хозяин Русского замка в Шанхае // Новый журнал. 2013. № 271. С. 345–374.

¹¹ См.: Наземцева Е. Н. Сибирская флотилия в Шанхае: проблема «белого наследия» в советско-китайско-японских отношениях на Дальнем Востоке (1922–1926 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 61–68.

¹² Q. v.: Chashchin K. V. Russians in China. Genealogical index 1926–1946. New York : South Eastern Publishers, 2014. P. 817.

¹³ Q. v.: Fedoulenko V. V. Russian Émigré Life in Shanghai. Berkeley : University of California, 1967. P. 46.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Цит. по: Гаттенбергер П. С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса. Выдержки из записок ротного командира корпуса полковника Николая Цесаревича Грудзинского // Военная быль. 1974. № 126. С. 13–18 ; Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, 1888–1978 / под ред. П. Гаттенбергера. Сан-Франциско : Глобус, 1978. С. 102.

¹⁶ Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус. Шанхай : Заря, 1940. С. 245.

¹⁷ Shanghai Municipal Archive (далее — SMA). U1-3-303. P. 82.

¹⁸ Q. v.: Shanghai Municipal Police Files (далее — SMPF). I.O.4913. P. 3.

В. Ф. Гроссе попросил у полиции принять меры: во-первых, назначить группу вооруженных полицейских в гражданской одежде во главе с Б. Я. Корольковым (Korolkoff)¹⁹ для ежедневной охраны здания бывшего Генконсульства с 9 до 15 часов; во-вторых, провести внезапную проверку по адресу Yangtzeroo Rd. № 108–109, где столовалась группа наиболее агрессивно настроенных казачьих офицеров, одетых в форму и гражданскую одежду, с целью обыска на предмет наличия у них оружия²⁰.

4 января 1923 года по просьбе В.Ф. Гроссе полиция направила группу сотрудников во главе с Б. Я. Корольковым в здание Генконсульства. Однако она решила не проводить проверку по указанному В. Ф. Гроссе адресу, а вместо этого выяснила подробную информацию об этих беженцах и содержании письма с угрозой. Согласно полученной полицией информации, помещение по Yangtzeroo Rd. № 108–109 занимал ресторан, хозяином которого был русский офицер Фони́кс Головачевский (Fonix Golovachevsky). Ресторан служил местом собраний эмигрантов (около 8 человек), пославших письмо с угрозой и собиравшихся около здания Генконсульства. Их лидерами были полковник Очакков(?) (Ouchakoff) и лейтенант Блохин (Blohin)²¹. Письмо, полученное бывшим российским вице-консулом в Шанхае К. Э. Мецлером, содержало следующую угрозу: «Ты скоро будешь там, где должен быть».

Хотя В. Ф. Гроссе не проявлял особой заинтересованности в отношении Сибирской флотилии, но нужно заметить, что он и его супруга Э. П. Гроссе жертвовали некоторые суммы на благотворительность, в частности и в делах, связанных с образованием детей, постоянно помогали эмигрантам решать вопросы непосредственно с властями и общественностью Шанхая. Исходя из этого, нельзя сделать однозначный вывод об отношении сотрудников бывшего Генконсульства к русским эмигрантам в целом.

В сложившихся обстоятельствах муниципалитет Международного сэттльмента, как и прежде, не предпринимал активных действий по отношению к российским эмигрантам²². Уже с 1917 по 1922 год социально-экономическое положение русских беженцев в Шанхае было крайне сложным²³, а прибытие новых беженцев на корабле «Эльдорадо» с флотилиями Г. К. Старка и Ф. Л. Глебова лишь ухудшило ситуацию. Продолжал беспокоить Шанхай и высокий процент преступности среди эмигрантов²⁴.

Редакция газеты “Herald” очень красноречиво высказалась о позиции муниципалитета по русским беженцам: «позиция муниципалитета — сплошное “non possumus”»²⁵. В отличие от шанхайского общества, муниципалитет категорически не одобрял выделение субсидий русским беженцам, обосновывая свою позицию следующим образом: «если предоставлять русским помощь, то это спровоцирует наплыв новых беженцев в Шанхай

¹⁹ Б. Я. Корольков в 1920 году первым из русских был принят на полицейскую службу и в начале 1923 года он вошел в полицейский состав Международного сэттльмента. (См.: Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая. М.: Старая Басманная, 2013. С. 240–241.)

²⁰ Q. v.: SMPF. I.O.4913. P. 3.

²¹ Q. v.: Ibid. P. 2.

²² См.: Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг.

²³ См.: Сунь Ичжи. Русский вопрос в Шанхае: социальные и экономические проблемы русских эмигрантов в 1917–1922 гг. // Китай и соседи: сб. материалов 3-й Всерос. науч. конф. СПб.: Лема, 2018. С. 114–122.

²⁴ См. напр.: 俄難民酒醉行兇 (Пьяный русский беженец совершил убийство) // 新聞報 (далее — Синьвэнбао). 1923, 12 июня; 俄難民掠劫行人 (Русский беженец грабил прохожих) // Там же. 5 июня; Catching a Tartar in Chapei, The Russian Invader bad the Householder Who Knew His Criminal Code // The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette (далее — NCHSCCG). 1923, 7 Jul.; и др. Подробно о преступлениях среди русских эмигрантов см.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). 1993. С. 345–370.

²⁵ NCHSCCG. 1923. Apr 14; Non possumus — пер. с лат. «не можем». Римские папы прибегали к данной формуле, когда категорически отказывались выполнять приказы светской власти. Используя эту фразу, редакция газеты хотела провести параллель между муниципалитетом и римскими папами, иронизируя над тем, что муниципалитет, в отличие от пап, не имел прав игнорировать требования общества.

и еще более усложнит проблему»²⁶. Еще до прибытия Сибирской флотилии, а именно в январе 1922 года, Муниципалитет отказался выделять субсидии Русскому благотворительному обществу, ссылаясь на постановление № 16/895 от 21 марта 1916 года, согласно которому муниципалитет не должен выделять субсидии нуждающимся иностранцам²⁷.

7 февраля 1923 года на заседании Муниципального совета предложение о передаче части имущества школы Томаса Ханбери (Thomas Hanbury School = 漢壁禮公學)²⁸ на нужды бесплатного образования русским детям было отклонено²⁹.

В сентябре и октябре 1923 года первая русская школа в Шанхае, которая в это время была единственным национальным образовательным учреждением для русских детей, совместно с В. Ф. Гроссе подала ходатайство о выделении субсидий. 17 октября 1923 года через В. Ф. Гроссе школа предоставила муниципалитету подробную учебную программу I–VIII классов и развернутый финансовый план³⁰. Однако данный вопрос не поднимался на заседании Муниципального совета, муниципалитет перенаправил данный запрос Комитету по образованию³¹, где после обсуждения было решено отказать в выделении субсидий, согласуясь с политикой муниципалитета не финансировать национальные школы³².

После того как Комитет по образованию отказал первой русской школе в Шанхае в финансовой поддержке, 4 декабря 1923 года В. Ф. Гроссе направил в муниципалитет еще один запрос о предоставлении 12 стипендий русским детям на обучение в школе Томаса Ханбери и других школах³³. Данный вопрос был поднят на заседании Муниципального совета³⁴, но вновь был получен отрицательный ответ³⁵.

Муниципалитет также отказал в помощи русским кадетам. В апреле 1924 года, когда Уполномоченный по вопросам общественного здравоохранения (Commissioner of Public Health) Международного сэттльмента получил жалобу от Британо-Американской табачной компании (British-American Tobacco Company «China» Limited = 英商駐華英美煙有限公司) по поводу антисанитарии в доме на улице Bubbling Well Road, где проживали русские кадеты³⁶, главный инспектор по здравоохранению Мелвилл (Mr. Melville) решительно отказал выделять им какую-либо денежную и материальную помощь³⁷.

Муниципалитет не предпринял никаких мер по оказанию помощи русским девушкам, попавшим в рабское положение в Шанхае. 19 марта 1924 года Муниципальный совет вынес постановление, по которому все публичные дома на территории Международного сэттльмента должны закрыться до 31 декабря 1924 года, но при этом никакой конкретной помощи проституткам оказано не было³⁸. В результате русские публичные дома, которые главным образом располагались около северного Сычуань роад, ушли «в тень». В путеводителе «Развлечения Шанхая» (上海門徑) приводится описание ужасающей санитарной обстановки в русских публичных домах, вызванной главным образом постановлением 1924 года об их закрытии. В разделе «Продажные женщины с Запада и восточные распутницы» (西洋婊子和東洋妓女), то есть русские и японки, китайский автор называет русских проституток «толстыми, как глупые свиньи» (臃腫如蠢豬) и «невыно-

²⁶ The minutes of Shanghai municipal council (далее — MSMC). Shanghai : Shanghai Classic Publishing House, 2001. Vol. 22. P. 634.

²⁷ Q. v.: SMA. U1-3-1689. P. 4.

²⁸ Первая школа для западных детей в Шанхае.

²⁹ Q. v.: MSMC. P. 622.

³⁰ Q. v.: SMA. U1-3-1136. Pp. 6–16.

³¹ Q. v. ibid. P. 17.

³² Q. v. ibid. P. 18.

³³ Q. v. ibid. P. 21.

³⁴ Q. v.: MSMC. P. 662.

³⁵ Q. v.: SMA. U1-3-1136. Pp. 23–24.

³⁶ Q. v.: SMA. U1-16-1020. P. 14.

³⁷ Q. v.: SMA. U1-3-303. P. 135.

³⁸ Q. v.: MSMC. Vol. XXII. P. 673.

симо зловонными» (騷臭不堪), а также предупреждает посетителей о необходимости удостовериться, что девушка не больна сифилисом³⁹.

Кроме того, Муниципалитет отклонил предложение шанхайского общества по содействию русским беженцам. Когда Комитет помощи беженцам (The Refugee Relief Advisory Committee = 救濟俄難民顧問委員會) запросил субсидии в размере 12 тыс. долларов с целью поддержать раздачу бесплатного питания, Муниципальный совет перенаправил просьбу Комитету по надзору (Watch Committee), который 23 мая 1924 года отказал по причине «расхождения с политикой муниципалитета в отношении беженцев»⁴⁰, то есть вновь в связи с вышеупомянутым постановлением № 16/895, которое, однако, являлось лишь формальным поводом для отказа, поскольку было принято еще до массового притока русских беженцев в Шанхай. Если бы действительно у муниципалитета было желание активно решать проблемы, ничто не могло бы помешать ему в этом. Когда в Шанхае вспыхнула забастовка, муниципалитету пришлось прибегнуть к помощи русских беженцев, чтобы выйти из затруднительного положения. Только после этого постановление было отменено⁴¹.

Муниципалитет также не одобрял проведение Комитетом помощи беженцам лотереи. Изначально проект был реализован во Французской концессии совместно с Комитетом по репатриации русских из Шанхая в СССР⁴². Муниципалитет Международного селтльмента с самого начала запретил продажу лотерейных билетов на своей территории.

В отличие от муниципалитета, французская власть более тепло относилась к беженцам. Причиной могло служить относительное благополучие русских жителей во Французской концессии. Французская консульская власть одобряла проведение лотереи, Муниципальный совет Французской концессии вел активную переписку с муниципалитетом Международного селтльмента по вопросам, связанным с беженцами. Однако в рассматриваемом нами периоде французы также не выделяли крупных субсидий общественным учреждениям помощи русским беженцам. Лишь в 1925–1926 годах, когда политическая ситуация в Шанхае стала напряженной, французская власть первой осознала оказанную помощь русских эмигрантов в решении политических и общественных проблем Шанхая и начала системно предоставлять русским учреждениям финансовую поддержку⁴³. В основном помощь русским беженцам, оказанная Французской концессией до 1925 года, состояла в организации переселения их из Шанхая, поскольку, как следует из переписки Муниципального совета Концессии с властями селтльмента, французы, как и члены Муниципального совета селтльмента, считали русских беженцев «серьезной угрозой» для Шанхая⁴⁴.

Что касается отношения китайских властей в Шанхае к российской эмиграции, то стоит упомянуть, что уже в 1921 году было создано Бюро по русским делам в Шанхае⁴⁵. После этого практические вопросы, связанные с русскими, китайцы в основном решали через Бюро, возглавляемое В. Ф. Гроссе и официально считавшееся частью китайского правительства. В связи с усложнением политической ситуации в стране, китайская власть стала меньше практиковать самостоятельное решение вопросов беженцев и в большинстве случаев следовала политике муниципалитета Международного селтльмента⁴⁶. Бюро

³⁹ 王定九 (Ван Динцзюй). 上海門徑 (Развлечения Шанхая). Шанхай: 上海中央書店 (Шанхай-чжун-ян-шу-дянь), 1932. Раздел 嫖的門徑 (Как посещать публичные дома). С. 39–41.

⁴⁰ SMA. U1-3-303. P. 140.

⁴¹ Q. v. *ibid.* P. 169.

⁴² См.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). 1993. С. 64.

⁴³ Q. v.: SMA. U1-3-303. Pp. 198–202, 226.

⁴⁴ Q. v.: MSMC. P. 666.

⁴⁵ Q. v.: 中苏国家关系史资料 1917–1924 (Материалы по китайско-советским отношениям. 1917–1924) / под ред. 薛衔天 (Сюэ Сяньтянь) и др. Пекин: 中国社会科学出版社 (Чжун-гуо-шэ-хуэй-кэ-сюэ-чубань-шэ), 1993. С. 665–666.

⁴⁶ Например, в деле продажи оружия и выпуска лотерей — 時報 (далее — Шибао). 1923, 24 янв.; 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). 1993. С. 65.

по русским делам во главе с В. Ф. Гроссе в свою очередь неэффективно решало проблемы беженцев. В 1923 году китайское правительство в Шанхае планировало совместно с Бюро разработать план депортации русских на север. Однако В. Ф. Гроссе не внес каких-либо предложений в связи с «отсутствием финансов»⁴⁷. Действия китайского правительства, а точнее бездействие, по решению насущных вопросов русских эмигрантов дополнялись негативной по отношению к ним позицией.

Во-первых, отношения китайских властей с белыми сибирскими правительствами во время русской Гражданской войны были, мягко говоря, далеко не самыми благоприятными. В вопросах защиты китайских резидентов и коммерсантов в Сибири, а также свободного плавания по Амуру между Пекином и белыми правительствами возникало немало конфликтов⁴⁸. Хотя белые русские после 1917 года уже потеряли контроль над страной и больше не являлись «хозяевами» территории прежней «Желтой России»⁴⁹, но «гордость и высокомерие белой расы» по-прежнему были им присущи. Пренебрежительное отношение к китайцам и китайскому правительству явно прослеживается на страницах эмигрантской прессы того времени: Китай, по мнению некоторых белых русских, «не страна с суверенными правами, и что его правительство не имеет права сделать что-либо, не прося на это разрешения своих откупов»⁵⁰. Следовательно, китайское правительство совершенно не было расположено помогать людям с подобной национальной и политической позицией.

Во-вторых, из-за стремления Пекина нормализовать отношения с Советами содействие беженцам не представлялось выгодным в политическом плане. Когда в 1923 году китайское правительство узнало о том, что японское правительство в Корее планировало депортировать гензанских русских в Шанхай, оно категорически выступило против и направило телеграмму шанхайской таможне, чтобы та не пускала русских в Шанхай:

⁴⁷ Синьвэньбао. 1923, 19 март.

⁴⁸ Подробно о конфликтах между Китаем и сибирскими правительствами см.: 中俄關係史料 俄政變與一般交涉 中華民國六至八年 (Исторические источники по китайско-русским отношениям. 1917–1919) / под ред. 中央研究院近代史研究所 (под ред. Ин-та истории Нового времени при Академии Синика). Т. 1, 2. Тайбэй : 精華印書館股份有限公司 (Цин-хуа-инь-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сян-гун-сы), 1960. (Далее — ИИКРО) ; 中俄關係史料 一般交涉 中華民國九年 (ИИКРО. 1920) / под ред. Ин-та истории Нового времени при Академии Синика. Тайбэй : Цин-хуа-инь-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сян-гун-сы, 1968. 546 с. ; 中俄關係史料 一般交涉 中華民國十年 (ИИКРО. 1921) / под ред. Ин-та истории Нового времени при Академии Синика. Тайбэй : Цин-хуа-инь-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сян-гун-сы, 1973. 643 с.

⁴⁹ Китайские и русские ученые по-разному оценивают план «Желтой России». Китайские авторы периода охлаждения советско-китайских отношений в основном акцентировали внимание на «варварской, бесстыдной» колонизаторской политике царизма по угнетению китайского населения в Маньчжурии и «геноциде» китайцев на «китайской территории, оккупированной русским империализмом (Дальний Восток. — С. И.)». В этот период были опубликованы сразу две «Истории вторжения царской России в Китай», содержавшие научные результаты шанхайской и пекинской школ. В наши дни китайские ученые в меньшей степени изучают колониальную политику царизма на Дальнем Востоке и Северо-Восточном Китае. Однако интерес в этой теме не угас: петербургская историческая школа продолжает изучение данного вопроса. Серьезные расхождения между российскими и китайскими учеными в разработке данной проблематики явно прослеживаются в терминологии: первые используют термин «китайские переселенцы», вторые — «русские колонизаторы и империалисты». (См., напр.: 王魁喜 (Ван Куйси). 论沙俄«黄俄罗斯»计划的破产 (Крах плана «Желтой России») // 吉林师大学报 (Вестник Цзилинского педагогического университета). 1979. № 4. С. 46–55 ; 沙俄侵华史 (История вторжения царской России в Китай) / под ред. 复旦大学历史系沙俄侵华史编写组 (ред. группа при ист. фак. Фуданьского ун-та). Шанхай : Шанхай-жень-мин-чу-бань-шэ, 1975. 232 с. ; 沙俄侵华史第四卷 上下册 (История вторжения царской России в Китай : в 2 ч.) / под ред. 中国社会科学院近代研究所 (Ин-т по изучению Новой истории при Китайской академии социальных наук). Пекин : 人民出版社 (Жень-мин-чу-бань-шэ), 1990 Т. 4. 1083 с. ; Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897 ; Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX—XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 6. С. 720–733 ; Иванов А. А. Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX в.) // Научный диалог. 2019. № 2. С. 221–236; Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...».

⁵⁰ Новость жизни. 1920, 25 сент.

«если они попадут (в город. — С. И.), неизбежны крупные траты по их депортации, и русское (советское. — С. И.) правительство не будет считать это добрым делом, что повредит отношениям между нашей страной и Россией»⁵¹.

Совсем иное отношение к российской эмиграции сложилось в шанхайском обществе, на которое не повлияло даже осложнение «русского вопроса» в 1922–1925 годах⁵², хотя шанхайское общество начало серьезно задумываться об эффективности предоставляемой помощи, планируя решить проблему за счет репатриации. В основном беженцам помогали европейцы, но нельзя не оценить и помощь со стороны китайских подданных. Хотя китаезычная периодика порой заостряла внимание на высоком проценте преступности среди русских эмигрантов и их негативном влиянии на Шанхай⁵³, в целом пресса проявляла сочувствие к беженцам. Тон изданий полностью переменялся в 1930–1940-х годах⁵⁴.

Что касается материальной помощи, то китайский Красный Крест реально финансировал русских и пытался решить их проблемы. Во время прибытия флота Г. К. Старка китайский Красный Крест совместно с Чжан Цзянем (張騫), коммерсантом из Наньтуна (南通), передали безвозмездно Г. К. Старку большое количество продовольствия: 440 корзин сушеного сладкого картофеля, 100 мешков сахара, 100 мешков кукурузной муки и 10 корзин сушеной соленой редьки⁵⁵. Однако Г. К. Старк весьма критично высказался о полученном продовольствии. Согласно его отчету, «обещанная китайцами провизия выразилась исключительно в виде нескольких сотен пудов отвратительного китайского сладкого картофеля, который корабли отказались принять, провизию на поход пришлось полностью купить»⁵⁶. Определить точно, приняла ли на самом деле флотилия материальную помощь от китайского Красного Креста мы не можем: в отчете Г. К. Старка по данному вопросу содержится путаница относительно количества и ассортимента продовольствия. Однако вряд ли в такое трудное время флотилия могла отказаться от бесплатного продовольствия, притом что сушеный сладкий картофель и соленая редька не могли испортиться в силу способа своего приготовления. Согласно репортажу в китаезычной прессе, русские беженцы «приняли продовольствие и выразили свою благодарность» Красному Кресту⁵⁷.

Крупная помощь была оказана русским беженцам иностранной колонией в Шанхае. Однако после отплытия флотилии Г. К. Старка среди иностранцев велись бурные дискуссии о том, стоит ли предоставлять русским помощь. В основном общественное мнение было представлено несколькими точками зрения. Часть европейцев считала, что не стоит ничего давать, так как «у нас у самих еще много чего нужно решить»⁵⁸. Сторонники этой точки зрения подчеркивали, что среди других европейцев в Шанхае также была безработица: «зачем предоставлять этим беженцам помощь, если еще ничего не сделано для наших людей... в Шанхае проживает больше 300 безработных британцев, у многих американцев те же проблемы»⁵⁹.

Среди сторонников предоставления беженцам помощи не было единого мнения. Они делились на тех, кто предпочитал помогать русским в репатриации, и тех, кто хотел помочь русским найти работу и, в конце концов, позволить им осесть в Шанхае. Госпо-

⁵¹ Синьвэньбао. 1923, 19 март.

⁵² См.: Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг.

⁵³ См., напр.: 新評三 俄難民 (Третий новый комментарий: русские беженцы) // Синьвэньбао. 1923, 19 март; 安置俄難民 (Ухаживать за русскими беженцами) // Синьвэньбао. 1924, 6 янв.; и др.

⁵⁴ См.: Аноним. 白俄是大上海的害蟲 (Белые русские — насекомые-вредители Великого Шанхая) // 大都會 (Космополитен). 1946. № 4. С. 3; Гулева М. А. «Вечные изгнанники»: изображение русских эмигрантов в китайском журнале «Шидай маньхуа» (1934–1937) // Клио. 2017. № 11. С. 30–37.

⁵⁵ См.: Синьвэньбао. 1922, 24 дек.

⁵⁶ Старк Ю. К. Последний оплот: отчет о деятельности Сибирской флотилии 1920–1924. СПб.: Блиц, 2015. С. 328.

⁵⁷ См.: 申報 (далее — Шэньбао). 1922, 31 дек.

⁵⁸ NCHSCCG. 1923, 24 Feb.

⁵⁹ Ibid. 17 Feb.

дин Логан (Mr. Logan), придерживавшийся второй точки зрения, считал, что если шанхайцы помогут русским найти работу с месячным окладом в 20 долларов, то все проблемы будут решены. Однако сторонники репатриации во главе с Ситоном Делавалом (Seaton Delaval) категорически были не согласны с ним и подчеркивали, что с зарплатой в 20 долларов невозможно выжить в Шанхае, поэтому лучше организовывать репатриацию русских, чем бессмысленно давать им деньги⁶⁰.

Многие русские были категорически не согласны с репатриацией, считая, что иностранцы не понимают нужд русских людей⁶¹. В конце концов, с усложнением «русского вопроса», пришло осознание, что нельзя оставить русских беженцев на произвол судьбы. Однако вплоть до 1925 года сторонники двух разных подходов по содействию беженцам каждый по-своему, согласно своим принципам, пытались помочь русским. В середине 1925 года была предпринята попытка найти общее решение: некий Бобров (С. Bobroff) предлагал репатриировать только тех, кто не получил работу, при этом продолжать помогать тем, у кого уже есть работа в Шанхае. Однако в своей статье он все же подчеркивал, что в его предложении есть «серьезная дискриминация»⁶².

Что касается практической деятельности иностранного общества, то до усложнения «русской проблемы» в Шанхае функционировал Центральный финансовый комитет во главе с Э. Эзра для помощи беженцам⁶³. После отхода флотилии Г. К. Старка шанхайское общество решило создать новое учреждение помощи беженцам. 20 июня 1923 года был создан Комитет помощи беженцам во главе с С. В. Вульфом (S.W. Wolf)⁶⁴. Предоставляемая помощь Комитета в основном заключалась в раздаче бесплатного питания, репатриации беженцев, организации приемного пункта на Raoting Rd., помощи беспризорным русским детям и выпуске лотерейных билетов⁶⁵. В отличие от Центрального финансового комитета, который был создан в противовес бездеятельному Русскому благотворительному обществу⁶⁶, Комитет помощи беженцам активно сотрудничал с Обществом во главе с В. Ф. Гроссе и его женой Э. П. Гроссе⁶⁷.

В связи с тем что муниципалитет Международного сэттльмента отказался выделять субсидию Комитету для бесплатной раздачи еды⁶⁸, Комитет начал искать помощи у шанхайской общественности. Уже 13 ноября 1923 года С. В. Вульф вместе с Э. П. Гроссе дали объявление в “North-China Daily News” о сборе пожертвований для Комитета: «...можете присылать любые дары с надписью “помощь беженцам” в Общество королевских девушек (The King’s Daughters’ Society, 5a North Soochow Rd.)»⁶⁹.

Вплоть до конца своего существования Комитет получил довольно приличную сумму пожертвований от разных общественных организации и отдельных лиц. 25 июля 1924 года С. В. Вульф опубликовал в “North-China Daily News” слова благодарности за помощь, предоставленную Шанхайским конным клубом (Shanghai Race Club), всеми китайскими и западными журналистами в Шанхае и семьей Ранхель (Rangel)⁷⁰.

⁶⁰ Q. v.: NCHSCCG. 9 Feb.

⁶¹ Q. v. ibid. 10 Feb.

⁶² China Press (далее — CP). 1925, 9 Apr.

⁶³ См.: Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг. С. 213.

⁶⁴ См.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае. 1993. С. 61.

⁶⁵ Подробно о деятельности Комитета см.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае. 1993. С. 61–66; Refugee Relief Advisory Committee Work Reviewed as Last Meeting is Held // CP. 1925, 17 Apr.

⁶⁶ См.: Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг. С. 212. Подробно о Русском благотворительном обществе см.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае. 1993. С. 510–511; Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. С. 64.

⁶⁷ Q. v.: NCHSCCG. 1923, 17 Nov.

⁶⁸ Q. v.: SMA. U1-3-303. P. 140.

⁶⁹ The North-China Daily News. 1923, 13 Nov.

⁷⁰ Q. v. ibid. 1924, 25 Jul.

Ближе к концу своего существования Комитет постоянно получал помощь от частных лиц и организаций. Так, например, в декабре 1924 года Комитет получил 161,2 доллара от 11 лиц, а в январе 1925 года — 140 долларов от 9 лиц, в том числе 45 долларов от самих организаторов Комитета (G. E. Peet, S. W. Wolfe, M. Jansen)⁷¹. Однако из-за отсутствия помощи и поддержки со стороны Муниципалитета Комитет не смог продолжать свою деятельность и 17 апреля 1925 года был ликвидирован. Все дела были переданы Русскому благотворительному обществу во главе с Э. П. Гроссе⁷², куда перешли также некоторые руководители Комитета (Miss Mabel Jansen, C. W. Harvey, H. N. Leary, P. R. Tomlinson, Messrs. Maurice, J. Walker, S. W. Wolfe)⁷³.

Одной из самых важных сторон деятельности Комитета являлась организация раздачи бесплатного питания. При его активном содействии в Шанхае была организована целая сеть пунктов раздачи еды для русских беженцев. В отчете полиции Международного сэттльмента, предоставленном муниципалитету 1 февраля 1924 года, приводится перечень таких пунктов, организованных Комитетом: 1) «Ранхельская кухня» в конце улиц Scott and Dixwell Rd. на 750 человек; 2) кухня «Сестра милосердия» на Avenue Dubail на 900 человек; 3) кухни госпожи Эвелей (Eveleigh) на Avenue du Roi Albert № 315, 317, 319, 321 примерно на 30 человек; 4) кухни господина Долгорукова в Chapei, Paoshing Rd. № 52, 62, 67, 69, 82, Tientung Rd. № 70, Paoshan Rd. № 87 примерно на 200 человек; 5) кухни в Paoshan Rd. № 30, 35, N. Szechuen Rd. № 412 на 400 человек⁷⁴.

За семь месяцев Комитет смог организовать раздачу еды для 2280 русских беженцев. Численность же безработных мужчин среди беженцев, согласно полицейской статистике от 9 октября 1923 года, составляла 3 тыс.⁷⁵, а численность безработных женщин, согласно статистике 1 февраля 1924 года, — 500 человек⁷⁶. Комитету не удалось полностью решить продовольственную проблему русских беженцев, что, однако, не умаляет его достижения в решении данного вопроса.

Кроме Комитета помощи беженцам, американский Красный Крест в Китае также оказывал активную помощь русским беженцам в Шанхае. После прибытия Сибирской флотилии Г. К. Старка и усложнения проблемы беженцев Центральный комитет американского Красного Креста в Китае немедленно информировал Вашингтон о сложившейся ситуации, в результате чего 19 января 1923 года главное управление Красного Креста в Вашингтоне отправило китайскому комитету 25 тыс. американских долларов (10 тыс. было направлено от русского общества в США)⁷⁷. Часть из этих денег была использована для нужд беженцев в Шанхае. Так, например, в течение 1923 года американский Красный Крест постоянно финансировал Комитет помощи беженцам, а также предоставлял бесплатные лекарства и места в центральной больнице Шанхая⁷⁸.

Наиболее существенная помощь русским беженцам была предоставлена Шанхайским конным клубом. Шанхайский конный клуб каждый год выделял из своего крупного капитала средства разным благотворительным обществам Шанхая. Согласно отчетам, с 1923 до середины 1925 года Клуб потратил 714 872,44 долл. на благотворительную деятельность⁷⁹, из них в 1923 году 5 тыс. долл. было предоставлено Комитету помощи для русских сирот Мировой войны (Relief Committee for Russian Orphans of the Great War), 3 тыс. долл. — Комитету помощи беженцам, 2 тыс. долл. — отдельным беженцам; в 1924 году 9 тыс. долл. — Фонду по репатриации и эмиграции русских, 8 тыс. долл. —

⁷¹ См.: CP. 1925, 6 Feb.

⁷² См.: 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). 1993. С. 66.

⁷³ См.: CP. 1925, 30 Apr.

⁷⁴ Q. v.: SMA. U1-3-303. Pp. 101–104.

⁷⁵ Q. v. ibid. Pp. 95–97.

⁷⁶ Q. v. ibid. Pp. 101–104.

⁷⁷ Q. v.: NCHSCCG. 1923, 20 Jan.

⁷⁸ Q. v. ibid. 1924, 17 May.

⁷⁹ Q. v. ibid. 1923, 29 Dec. ; 1924, 7 Jun. ; 13 Dec. ; 1925, 6 Jun.

Комитету помощи беженцам, 3 тыс. долл. — Русскому благотворительному обществу, по 2 тыс. долл. — Родильному фонду для неимущих русских (Maternity Fund for Indigent Russians) и Союзу военнослужащих (Union of Russian Army & Navy Men), по 1 тыс. долл. — кадетам и Фонду строения приемных пунктов для русских, 500 долларов — школе русских шоферов, 495,85 долл. — Фонду по обеспечению орудиями труда русских трудящихся (Fund to provide Tools for Russian Workmen), 300 долларов — первой русской школе в Шанхае; в первой половине 1925 года 7,5 тыс. долл. — Русскому благотворительному обществу, 1,5 тыс. долл. — Комитету помощи беженцам, по 1 тыс. долл. — Родильному фонду для неимущих русских, кадетам и Фонду строения приемных пунктов для русских⁸⁰. Всего Клуб тратил 49 295,85 долл. для помощи русским беженцам, что в среднем составляло 7 % от его общих расходов на благотворительность.

Таким образом, при анализе документов обнаруживаются серьезные расхождения между шанхайскими властями и обществом в их отношении к русским эмигрантам. Кроме более или менее благоприятного отношения французских властей, позиция Муниципалитета Международного сэттльмента, мягко говоря, не была самой благоприятной для беженцев. Кроме того, в связи с политическими причинами китайское правительство не предпринимало активных действий по решению вопросов российской эмиграции.

Своеобразное отношение к русским эмигрантам сложилось у представителей элиты русской колонии, бывших сотрудников Генконсульства во главе с В. Ф. Гроссе. С одной стороны, хотя они разделяли политические взгляды Г. К. Старка, но к Сибирской флотилии относились крайне неблагоприятно, однако, с другой стороны, в области благотворительности В. Ф. Гроссе со своей супругой оказали довольно существенную помощь русским беженцам, помогая им установить связи с городскими властями и шанхайским обществом.

Совсем иная картина по отношению к российской эмиграции сложилась в местном обществе. Китайские и иностранные жители Шанхая активно предоставляли помощь русским беженцам.

Таким образом, кроме представителей элиты русской колонии, перешедших от бездействия в благотворительности⁸¹ к более активной позиции, отношение местных властей и общественности к эмигрантам из России как в 1917–1921 годах, так и в 1922–1925 годах, оставалось прежним: муниципалитеты сэттльмента и концессии, а также китайская власть не предпринимали активных действий по отношению к беженцам, в то время как общественные организации, напротив, старались всячески поддерживать людей, оторванных от родины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае : пер. с кит. — М. : Русский путь, 2008. — 576 с.
2. Гаттенбергер П. С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса. Выдержки из записок ротного командира корпуса полковника Николая Цесаревича Грудзинского // Военная быль. — 1974. — № 126. — С. 13–18.
3. Гулева М. А. «Вечные изгнанники»: изображение русских эмигрантов в китайском журнале «Шидай маньхуа» (1934–1937) // Клио. — 2017. — № 11. — С. 30–37.
4. Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. — Шанхай : Слово, 1936. — 290 с.
5. Иванов А. А. Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX в.) // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 221–236.
6. Казухико Яго. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии / пер. с англ. и ред. С. А. Соломатина // Экономическая история : ежегодник. 2011/2012. — М. : РОССПЭН, 2012. — С. 293–314.

⁸⁰ Q. v.: NCHSCCG. 1923, 29 Dec. ; 1924, 7 Jun. ; 13 Dec. ; 1925, 6 Jun.

⁸¹ См.: Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг. С. 210–211.

7. Красноусов Е. М. Шанхайский русский полк. — Сан-Франциско : Глобус, 1984. — 373 с.
8. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. — СПб. : Нестор-История, 2008. — 668 с.
9. Наземцева Е. Н. Сибирская флотилия в Шанхае: проблема «белого наследства» в советско-китайско-японских отношениях на Дальнем Востоке (1922–1926 гг.) // Военно-исторический журнал. — 2015. — № 9. — С. 61–68.
10. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус. — Шанхай : Заря, 1940. — 414 с.
11. Петров В. Шанхай на Вампу : очерки и рассказы. — Вашингтон : Русско-Американское ист. о-во, 1985. — 269 с.
12. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). — Л. : Ленингр. воен. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. — 605 с.
13. Софонова О. Пути неведомые. Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины : 1916–1949. — Мюнхен : F. Zeuner Buch und Offsetdruck, 1980. — 301 с.
14. Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. — М. : Молодая гвардия, 2006. — 376 с.
15. Старк Ю. К. Последний оплот : отчет о деятельности Сибирской флотилии, 1920–1924. — СПб. : Блиц, 2015. — 548 с.
16. Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX—XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2018. — Т. 8, № 6. — С. 720–733.
17. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией : пер. с англ. — М. : Новое лит. обозрение, 2009. — 421 с.
18. Сунь Ичжи. Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) банка в Китае в конце XIX — начале XX в. // Мавродинские чтения. 2018. — СПб. : Нестор-История, 2018. — С. 334–337.
19. Сунь Ичжи. Российская эмиграция и советская разведка в Шанхае (1945–1949 гг.) // Новейшая история России. — 2019. — Т. 9, № 1. — С. 156–172.
20. Сунь Ичжи. Отношение шанхайского общества к российской эмиграции. 1917–1922 гг. // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век : сб. ст. — СПб. : Лема, 2018. — С. 204–215.
21. Сунь Ичжи. Шанхайские дни членов Временного Всероссийского правительства // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени М. А. Бонч-Бруевича. — 2018. — № 10. — С. 307–313.
22. Сунь Ичжи. Русский вопрос в Шанхае: социальные и экономические проблемы русских эмигрантов в 1917–1922 гг. // Китай и соседи : сб. материалов 3-й Всерос. науч. конф. — СПб. : Лема, 2018. — С. 114–122.
23. Ходяков М. В. Китайско-Восточная железная дорога и эмиссия бон Русско-Азиатского банка в 1918–1919 гг. // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8, № 2. — С. 355–367.
24. Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8, № 4. — С. 880–897.
25. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, 1888–1978 / под ред. П. Гаттенбергера. — Сан-Франциско : Глобус, 1978. — 291 с.
26. Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая. — М. : Старая Басманная, 2013. — 519 с.
27. Шаронова В. Виктор Гроссе — хозяин Русского замка в Шанхае // Новый журнал. — 2013. — № 271. — С. 345–374.
28. All About Shanghai and Environs, A Standard Guide Book, Historical and Contemporary Facts and Statistics, Illustrated with Maps and Photographs. — Shanghai : The University Press, 1935. — 225 p.
29. Chashchin K. V. Russians in China. Genealogical index 1926–1946. — New York : South Eastern Publishers, 2014. — 932 p.
30. Enselme H. A. Travers la Mandchourie. — Paris : J. Rueff, 1903. — 202 p.
31. Hawks Pott F. L. A Short History of Shanghai. — Shanghai : Kelly & Walsh, 1928. — 336 p.
32. Fedoulenco V. V. Russian Émigré Life in Shanghai. — Berkeley : University of California, 1967. — 171 p.
33. Hsia C. The Status of Shanghai. — Shanghai : Kelly & Walsh, 1929. — 202 p.
34. Kotenev A. M. Shanghai: Its Mixed Court and Council. — Shanghai : North-China daily news & herald, 1925. — 548 p.

35. Lanning G., Couling S. The History of Shanghai : in 2 vol. — Shanghai : Kelly & Walsh, 1921–1923. — Vol. 1. — 504 p. ; Vol. 2. — 508 p.
36. Miller G. E. Shanghai, The Paradise of Adventurers. — New York : Orsay Publishing House Incorporated, 1937. — 307 p.
37. Montalto de Jesus C. A. Historic Shanghai. — Shanghai : Shanghai Mercury, 1909. — 257 p.
38. Maybon Ch. B., Fredet J. Histoire de la concession française de Changhai. — Paris : Librairie Plon Les Petits-Fils de Plon et Nourrit, 1929. — 458 p.
39. Putnam Weale B. L. Manchu and Muscovite. — London : Macmillan, 1904. — 552 p.
40. Quested R. The Russo-Chinese Bank: A Multinational Financial Base of Tsarism in China. — Birmingham : Dept. of Russian Language and Literature University of Bormingham, 1977. — 69 p.
41. 上海通史 (Всеобщая история Шанхая) / под ред. 熊月之 (Сюн Юэчжи): в 15 т. — Шанхай : 上海人民出版社 (Шанхай-жень-мин-чу-бань-шэ), 1999. — Т. 1. — 264 с.
42. 上海公共租界史稿 (Исторические записи Шанхайского международного сэттльмента) . — Шанхай : Шанхай-жень-мин-чу-бань-шэ, 1980. — 627 с.
43. 上海地方史资料 (Материалы для изучения шанхайской истории) : в 5 т. — Т. 1. — Шанхай : 上海社会科学院出版社 (Шанхай-шэ-хуэй-кэ-сюэй-юай-чу-бань-шэ), 1982. — 268 с. ; Т. 2. — Шанхай : Шанхай-шэ-хуэй-кэ-сюэй-юай-чу-бань-шэ, 1983. — 270 с.
44. 上海史 (История Шанхая) / под ред. 唐振常 (Тан Чженьчан). — Шанхай : Шанхай-жень-мин-чу-бань-шэ, 1989. — 1073 с.
45. 杨培新 (Ян Пэйсинь). 华俄道胜银行和欧亚大陆第一桥 (Русско-Китайский «Азиатский» банк и первый мост на континенте Евразии). — Пекин : 中国金融出版社 (Чжун-го-динь-жун-чу-бань-шэ), 1992. — 106 с.
46. 汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). — Шанхай : 三联书店 (Сан-лянь-шу-дянь), 1993. — 832 с.
47. 徐寄廌 (Сюй Тицин). 增改最近上海金融史 (Новейшая финансовая история Шанхая: дополненный вариант). — Шанхай : 商務印書館 (Шан-у-инь-шу-гуань), 1929. — 517 с.
48. 中外條約彙編 (Сборник договоров) / под ред. 黃月波 (Хуан Юэпо) и др. — Шанхай : Шан-у-инь-шу-гуань, 1935. — 645 с.
49. 陈志明 (Чжэн Чжимин). 华俄道胜银行与沙俄远东政策 1984 年中俄关系史讨论会论文 (Русско-Китайский «Азиатский» банк и политика царизма на Дальнем Востоке: материалы конф. — Пекин, 1984. — 13 с.
50. 华俄道胜银行在华三十年 (Русско-Китайский «Азиатский» банк: 30 лет в Китае) / под ред. 毕凤鹏 (Би Фэнпэн). — Харбин : 黑龙江人民出版社 (Хэйлунцзянь-жень-мин-чу-бань-шэ), 1992. — 377 с.
51. 王定九 (Ван Динцзюй). 上海門徑 (Развлечения Шанхая). — Шанхай : 上海中央書店 (Шанхай-чжун-ян-шу-дянь), 1932. — 420 с.
52. 中苏国家关系史资料 1917–1924 (Материалы по китайско-советским отношениям. 1917–1924) / под ред. 薛衔天 (Сюэ Сяньтянь) и др. — Пекин : 中国社会科学出版社 (Чжун-го-шэ-хуэй-кэ-сюэ-чу-бань-шэ), 1993. — 731 с.
53. 中俄關係史料 俄政變與一般交涉 中華民國六至八年 (Исторические источники по китайско-русским отношениям. 1917–1919) / под ред. 中央研究院近代史研究所 (Ин-т истории Нового времени при Академии Синика) : в 2 т. — Тайбэй : 精華印書館股份有限公司 (Цин-хуа-инь-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сян-гун-сы), 1960.
54. 中俄關係史料 一般交涉 中華民國九年 (ИИКРО. 1920) / под ред. Ин-та истории нового времени при Академии Синика. — Тайбэй : Цин-хуа-инь-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сян-гун-сы, 1968. — 388+158 с.
55. 中俄關係史料 一般交涉 中華民國十年 (ИИКРО. 1921) / под ред. Ин-та истории Нового времени при Академии Синика. — Тайбэй : Цин-хуа-инь-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сян-гун-сы, 1973. — 643 с.
56. 王魁喜 (Ван Куйси). 论沙俄«黄俄罗斯»计划的破产 (Крах плана «Желтой России») // 吉林师大学报 (Вестник Цзилинского педагогического университета). — 1979. — № 4. — С. 46–55.
57. 沙俄侵华史 (История вторжения царской России в Китай) / под ред. 复旦大学历史系沙俄侵华史编写组 (ред. группа при ист. фак. Фуданьского ун-та). — Шанхай : Шанхай-жень-мин-чу-бань-шэ, 1975. — 232 с.

58. 沙俄侵华史第四卷上下册 (История вторжения царской России в Китай) / под ред. 中国社会科学院近代研究所 (Ин-т по изучению Новой истории при Китайской академии социальных наук). — Пекин :人民出版社 (Жень-мин-чу-бань-шэ), 1990. — Т. 4. — 1083 с.

Сведения об авторе

Сунь Ичжи — студент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: история Шанхая, русская эмиграция в Шанхае, Русско-Китайский (Азиатский) банк в Шанхае.

Контактная информация: электронный адрес: yizhisun961203@gmail.com

Sun Yizhi

SHANGHAI RUSSIANS THROUGH THE PRISM OF SHANGHAI GOVERNMENT POLICY AND COMMUNITY IN 1922–1925

The article focuses on Shanghai Russians in 1922–1925. It analyzes the attitude of Shanghai governmental structures, including the Russian Consulate, the Municipal Council of the International Settlement, the Municipal Council of the Shanghai French Concession and Chinese authorities, to the so called Shanghai Russians. It also analyzes the way Shanghai community treated Russian emigrants. The analysis of documents and periodicals shows that Shanghai authorities and Shanghai community treated Russian emigrants differently. Only French authorities did their best to help Russian emigrants, while the Municipal Council of the International Settlement and other Shanghai authorities paid little attention to the issue for a number of political reasons. However, both native Chinese and foreign citizens living in Shanghai assisted Russian exiles in every possible way. Russian emigrants were provided aid and assistance by the Red Cross Society of China, the American Red Cross, the Refugee Relief Advisory Committee, Shanghai Race Club, etc.

Shanghai; China; Russian emigrants in China; history of Shanghai; China-Russia relations

REFERENCES

1. Wang Z. *Istorija ruskoj jemigracii v Shanhae* [The History of Russian Emigration in Shanghai]. Moscow, Russian Way Publ., 2008, 576 p. (Transl. from Chinese).
2. Gattenberger P. From the Amur to the Danube. The Tragedy of the Khabarovsk Cadet Corps of Duke Muravyev-Amursky. Excerpts from the Reports of Colonel Nikolai Tsesarevich Grudzinsky, Company Commander. *Voennaja byl'* [Military Stories]. 1974, no. 126, pp. 13–18. (In Russian).
3. Guleva M. A. Eternal Exiles: Images of Russian Emigrants in the Chinese Magazine “Shidai Manhua” (1934–1937). *Klio* [Clio]. 2017, no. 11, pp. 30–37. (In Russian).
4. Zhiganov V. D. *Russkie v Shanhae* [Russians in Shanghai]. Shanghai, Word Publ., 1936, 290 p. (In Russian).
5. Ivanov A. A. Foreign Depredation and the Protection of Fishery Resources in the Russian Far East (Late 19th – Early 20th Centuries). *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2019, no. 2, pp. 221–236. (In Russian).
6. Kazuhiko Y. The Russo-Chinese Banc (1896-1910): An International Bank in Russia and Asia. *Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik. 2011/2012* [Economic History: Almanac. 2011/2012]. Salomatina S. A. (ed.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 293–314. (In Russian).
7. Krasnousov E. M. *Shanghaiskij russkij polk* [The Russian Regiment]. San-Francisco, Globe Publ., 1984, 373 p. (In Russian).

8. Lukojanov I. V. «*Ne otstat' ot derzhav...*» *Rossija na Dal'nem Vostoke v konce XIX — nachale XX veka* ["To Keep Abreast of Other Countries..." Russia in the Far East in the Early 19th – Late 20th Centuries]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2008, 668 p. (In Russian).
9. Nazemceva E. N. The Siberian Flotilla in Shanghai: the Problem of “White Heritage” in Soviet-Sino-Japanese Relations in the Far East (1922–1926). *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Journal of Military History]. 2015, no. 9, pp. 61–68. (In Russian).
10. *Pervyj Sibirskij imperatora Aleksandra I kadetskij korpus* [The First Siberian Cadet Corps of Emperor Alexander I]. Shanghai, Dawn Publ., 1940, 414 p. (In Russian).
11. Petrov V. *Shanghai na Vampu* [Shanghai for Whampoa]. Washington, Russian-American Historical Society Publ., 1985, 269 p. (In Russian).
12. Romanov B. A. *Rossija v Man'chzhurii (1892–1906)* [Russia in Manchuria (1892–1906)]. Leningrad, Leningrad Military Institute named for A. S. Enukidze Publ., 1928, 605 p. (In Russian).
13. Sofonova O. *Puti nevedomye. Rossija (Sibir', Zabajkal'e), Kitaj, Filippiny: 1916–1949* [Unknown Paths: Russia (Siberia, Transbaikalia), China, the Philippines: 1916–1949]. Munich, F. Zeuner Buch und Offsetdruck Publ., 1980, 301 p. (In Russian).
14. Starosel'skaja N. D. *Povsednevnaia zhizn' «russkogo» Kitaja* [Everyday Life of Russians in China]. Moscow, Young Guard Publ., 2006, 376 p. (In Russian).
15. Stark Ju. K. *Poslednij oplot: otchet o dejatel'nosti Sibirskoj flotilii, 1920–1924* [The Last Stronghold: the Siberian Flotilla Report, 1920–1924]. St. Petersburg, Blitz Publ., 2015, 548 p. (In Russian).
16. Starovojtova E. O., Janchenko D. G. The Role of Chinese Migrants in the Economic Development of the Russian Far East at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij* [The Issues of National and Federative Relations]. 2018, vol. 8, no. 6, pp. 720–733. (In Russian).
17. Schimmelpenninck van der Oye D. *Navstrechu Voshodjashhemu solncu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiju k vojne s Japoniej* [Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire on the Path to War with Japan]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2009, 421 p. (In Russian).
18. Sun Y. The Emission Policy of the Russo-Chinese Banc in China in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Mavrodinskije chtenija. 2018* [Mavrodin's Readings. 2018]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2018, pp. 334–337. (In Russian).
19. Sun Y. Shanghai Russians and the Soviet Intelligence Service (1945–1949). *Novejshaja istorija Rossii* [Modern History of Russia]. 2019, vol. 9, no. 1, pp. 156–172. (In Russian).
20. Sun Y. The Attitude of Shanghai Community to Russian Emigrants. 1917–1922. *Rossija na perelome: vojny, revoljucii, reformy. XX vek* [Russia at a Turning Point: Wars, Revolutions, Reforms. The 20th Century]. St. Petersburg, Lema Publ., 2018, pp. 204–215. (In Russian).
21. Sun Y. Members of the Russian Provisional Government in Shanghai. *Vestnik Gumanitarnogo fakul'teta S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta telekommunikacij imeni M. A. Bonch-Bruevicha* [Bulletin of the Humanitarian Faculty of St. Petersburg State University of Telecommunication named M. A. Bonch-Bruevich]. 2018, no. 10, pp. 307–313. (In Russian).
22. Sun Y. The Russian Issue in Shanghai: Social and Economic Problems Experienced by Russian Emigrants in 1917–1922. *Kitaj i sosedi: sbornik materialov tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [China and its Neighbors: Proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference]. St. Petersburg, Lema Publ., 2018, pp. 114–122. (In Russian).
23. Hodjakov M. V. Chinese Eastern Railway and the Bond Emission Initiated by the Russo-Chinese Banc in 1918–1919. *Novejshaja istorija Rossii* [Modern Russian History]. 2018, vol. 8, no. 2, pp. 355–367. (In Russian).
24. Hodjakov M. V. Manchuria in the Late 19th — Early 20th Centuries in the Geopolitical Prospects of the Russian Military Elite. *Novejshaja istorija Rossii* [Modern Russian History]. 2018, vol. 8, no. 4, pp. 880–897. (In Russian).
25. Hattenberger P. (ed.) *Habarovskij grafa Murav'eva-Amurskogo kadetskij korpus, 1888–1978* [Khabarovsk Cadet Corps of Duke Muravyev-Amursky, 1888–1978]. San-Francisco, Globe Publ., 1978, 291 p. (In Russian).
26. Sharonova V. G. *Nekropol' russkogo Shanhaja* [Russian Necropolis in Shanghai]. Moscow, Old Basmanaya Publ., 2013, 519 p. (In Russian).
27. Sharonova V. Victor Grosse, Russian Consul General in Shanghai. *Novyj zhurnal* [New Journal], 2013, no. 271, pp. 345–374. (In Russian).
28. *All about Shanghai and Environs. A Standard Guide Book. Historical and Contemporary Facts and Statistics. Illustrated with Maps and Photographs*. Shanghai, University Press, 1935, 225 p.

29. Chashchin K. V. *Russians in China. Genealogical index 1926–1946*. New York, South Eastern Publishers, 2014, 932 p.
30. Enselme H. A. *Travers la Mandchourie*. Paris, J. Rueff Publ., 1903, 202 p. (In French).
31. Hawks Pott F. L. *A Short History of Shanghai*. Shanghai, Kelly & Walsh Publ., 1928, 336 p.
32. Fedoulenko V. V. *Russian Émigré Life in Shanghai*. Berkeley, University of California Publ., 1967, 171 p.
33. Hsia C. *The Status of Shanghai*. Shanghai, Kelly & Walsh Publ., 1929, 202 p.
34. Kotenev A. M. *Shanghai: Its Mixed Court and Council*. Shanghai, North-China daily news & herald Publ., 1925, 548 p.
35. Lanning G., Couling S. *The History of Shanghai: in 2 vol.* Shanghai, Kelly & Walsh Publ., 1921–1923, vol. 1, 504 p.; vol. 2, 508 p.
36. Miller G. E. *Shanghai, The Paradise of Adventurers*. New York, Orsay Publishing House Incorporated, 1937, 307 p.
37. Montalto de Jesus C. A. *Historic Shanghai*. Shanghai, Shanghai Mercury Publ., 1909, 257 p.
38. Maybon Ch. B., Fredet J. *Histoire de la concession française de Changhai*. Paris, Librairie Plon Les Petits-Fils de Plon et Nourrit Publ., 1929, 458 p. (In French).
39. Putnam Weale B. L. *Manchu and Muscovite*. London, Macmillan Publ., 1904, 552 p.
40. Quested R. *The Russo-Chinese Bank: a Multinational Financial Base of Tsarism in China*. Birmingham, Department of the Russian Language and Literature at the University of Bormingham Publ., 1977, 69 p.
41. 熊月之 *Sun Yizhi* (ed.) 上海通史 [General History of Shanghai: in 15 vol.]. Shanghai, 上海人民出版社 *Shanghai-zhen'-min-chu-ban'-shje Publ.*, 1999, vol. 1, 264 p. (In Chinese).
42. 上海公共租界史稿 [Historical Records of Shanghai International Settlement]. Shanghai, 上海人民出版社 *Shanghai-zhen'-min-chu-ban'-shje Publ.*, 1980, 627 p. (In Chinese).
43. 上海地方史资料 [Materials for Studying Shanghai History: in 5 vol.]. vol. 1, Shanghai, 上海社会科学院出版社 *Shanghai-shje-hujej-kje-sjujej-juaj-chu-ban'-shje Publ.*, 1982, 268 p.; vol. 2, Shanghai, 上海社会科学院出版社 *Shanghai-shje-hujej-kje-sjujej-juaj-chu-ban'-shje Publ.*, 1983, 270 p. (In Chinese).
44. 唐振常 *Tan Chzhen'chan* (ed.) 上海史 [Shanghai History]. Shanghai, 上海人民出版社 *Shanghai-zhen'-min-chu-ban'-shje Publ.*, 1989, 1073 p. (In Chinese).
45. 杨培新 *Jan Pjejsin'*. 华俄道胜银行和欧亚大陆第一桥 [Russo-Chinese Banc and the First Eurasian Land Bridge]. Beijing, 中国金融出版社 *Chzhun-go-din'-zhun-chu-ban'-shje Publ.*, 1992, 106 p. (In Chinese).
46. 汪之成 *Van Chzhichjen*. 上海俄侨史 [Russian Emigrants in Shanghai]. Shanghai, 三联书店 *San-ljan'-shu-djan' Publ.*, 1993, 832 p. (In Chinese).
47. 徐寄廌 *Sjuj Ticin*. 增改最近上海金融史 [Modern Financial History of Shanghai: a Revised Version]. Shanghai, 商務印書館 *Shan-u-in'-shu-guan' Publ.*, 1929, 517 p. (In Chinese).
48. 黄月波 *Huan Jujepo* (ed.) 中外條約彙編 [Collection of Agreements]. Shanghai, 商務印書館 *Shan-u-in'-shu-guan' Publ.*, 1935, 645 p. (In Chinese).
49. 陈志明 *Chzhjen Chzhimin*. 华俄道胜银行与沙俄远东政策 1984 年中俄关系史讨论会论文 [Russo-Chinese Banc and Russia's Imperial Policy in the Far East: proceedings of a conference]. Beijing, 1984, 13 p. (In Chinese).
50. 毕凤鹏 *Bi Fjenpjen* (ed.) 华俄道胜银行在华三十年 [Russo-Chinese Banc: 30 Years in China]. Harbin, 黑龙江人民出版社 *Hjejlunczjan'-zhen'-min-chu-ban'-shje Publ.*, 1992, 377 p. (In Chinese).
51. 王定九 *Van Dinczjuj*. 上海門徑 [Shanghai Amusements]. Shanghai, 上海中央書店 *Shanghai-chzhun-jan-shu-djan' Publ.*, 1932, 420 p. (In Chinese).
52. 薛衔天 *Sjuje Sjan'tjan'* (ed.) 中苏国家关系史资料 1917–1924 [Sino-Russian Relations. 1917–1924]. Beijing, 中国社会科学出版社 *Chzhun-guo-shje-hujej-kje-sjuje-chu-ban'-shje Publ.*, 1993, 731 p. (In Chinese).
53. 中央研究院近代史研究所 *Institute of Modern History at Academia Sinica* (eds.) 中俄關係史料 俄政變與一般交涉 中華民國六至八年 [Historical Sources on Sino-Russian Relations. 1917–1919: in 2 vol.]. Taipei, 精華印書館股份有限公司 *Cin-hua-in'-shu-guan'-gu-fjen'-juj-sjan-gun-sy Publ.*, 1960. (In Chinese).

54. 中央研究院近代史研究所 *Institute of Modern History at Academia Sinica* (eds.) 中俄關係史料 一般交涉 中華民國九年 [Institute of History of Sino-Russian Relations. 1920]. Taipei, 精華印書館股份有限公司 *Cin-hua-in'-shu-guan'-gu-fjen'-juj-sjan-gun-sy Publ.*, 1968, 388+158 p. (In Chinese).
55. 中央研究院近代史研究所 *Institute of Modern History at Academia Sinica* (eds.) 中俄關係史料 一般交涉 中華民國十年 [Institute of History of Sino-Russian Relations. 1921]. Taipei, 精華印書館股份有限公司 *Cin-hua-in'-shu-guan'-gu-fjen'-juj-sjan-gun-sy Publ.*, 1973, 643 p. (In Chinese).
56. 王魁喜 *Van Kujsi*. 论沙俄«黄俄罗斯»计划的破产 [The Failure of the Manchuria Plan]. 吉林师大学报 *Bulletin of Tzilin Pedagogic University Publ.*, 1979, no. 4, pp. 46–55. (In Chinese).
57. 复旦大学历史系沙俄侵华史编写组 *Editorial group of the Faculty of History at Fudan University* (eds.) 沙俄侵华史 [History of Tsarist Russian Invasion of China]. Shanghai, 上海人民出版社 *Shanghai-zhen'-min-chu-ban'-shje Publ.*, 1975, 232 p.
58. 中国社会科学院近代史研究所 *Institute of Modern History at the Chinese Academy of Social Sciences* (eds.) 沙俄侵华史第四卷上下册 [History of Tsarist Russian Invasion of China]. Beijing, 人民出版社 *Zhen'-min-chu-ban'-shje Publ.*, 1990, vol. 4, in 2 parts, 1083 p. (In Chinese).

Information about the author

Sun Yizhi — Student of the Department of Modern History of Russia at the Institute of History at St. Petersburg State University

Research interests: history of Shanghai, Russian emigrants in Shanghai, Russo-Chinese Banc in Shanghai.

Contact information: e-mail: yizhisun961203@gmail.com

Поступила в редакцию 10.05.2019

Received 10.05.2019

УДК 551.4:91(471.313)

В. А. Кривцов, А. В. Водорезов, М. М. Комаров

**ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ
ТЕРРИТОРИИ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ
НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Охарактеризованы принципы геоморфологического районирования территории Рязанской области на локальном уровне. Приведена уточненная картосхема дробного геоморфологического районирования региона, на которой выделены геоморфологические районы, подрайоны и в их пределах местности. Геоморфологические местности обособлены нами в геоморфологических подрайонах с учетом морфометрических показателей, литогенной основы, морфогенетической структуры, развивающихся в их пределах экзогенных рельефообразующих процессов, в том числе антропогенного морфолитогенеза. Геоморфологические местности являются объектами индивидуального районирования и имеют собственное название. Приведены примеры описания двух геоморфологических местностей, выделенных в разных геоморфологических подрайонах.

геоморфологическое районирование; геоморфологический район; геоморфологический подрайон; геоморфологическая местность

Введение

Геоморфологическое районирование — выделение объективно существующих морфологических комплексов разного ранга и разной степени сложности и установление их соподчиненности. Это необходимый этап обобщения региональных геоморфологических исследований, на котором разнородный материал сводится в определенную систему, позволяющую наиболее полно и логично представить закономерности пространственного размещения, строения и развития рельефа соответствующей территории.

Одной из наиболее актуальных задач современной геоморфологии является прогноз развития рельефа той или иной территории и рекомендации по ее рациональному обустройству в связи с промышленным и гражданским строительством, прокладкой дорог и трубопроводов, гидромелиорацией, земледелием. Решение этих задач предполагает наличие знаний об общем и особенном в рельефе конкретных территорий. Геоморфологическое районирование по существу и является воплощением соответствующих знаний.

Принципы геоморфологического районирования на локальном уровне

В 1980 году вышла в свет книга «Геоморфологическое районирование СССР и прилегающих морей»¹, в которой сформулированы основные принципы геоморфологического районирования (объективность; генетическая и историческая обусловленность; скользящее сочетание всей системы факторов рельефообразования; различный характер границ; связь с современными географическими условиями; полная делимость), охарактеризованы геоморфологические области (подобласти), в том числе в пределах характеризуемого региона, а также указано, на какое число районов они разделены, при этом описание районов не приводится. Разделение на геоморфологические районы и более дробные территориальные единицы, как отмечают авторы, задача локального районирования.

В достаточной мере обоснованное дробное геоморфологическое районирование территории Рязанской области стало возможным лишь после проведения нами целенаправленных исследований особенностей строения и условий формирования рельефа региона, в результате которых были составлены геоморфологическая карта аналитического типа масштаба 1:200000 на всю территорию области, морфоструктурная карта масштаба 1:1000000, серия морфометрических карт масштаба 1:1000000 (густота эрозионной сети, глубина расчленения основными эрозионными формами), прослежены закономерности морфологической дифференциации поверхности, выделены морфологические комплексы регионального уровня и определено их положение в ряду единиц геоморфологического районирования.

Первая схема геоморфологического районирования территории Рязанской области, на которой показаны и кратко охарактеризованы геоморфологические районы и выделенные нами в их пределах подрайоны, была опубликована в статье В. А. Кривцова «Дробное геоморфологическое районирование территории Рязанской области» в 1997 году в журнале Геоморфология². Эта же схема и характеристика показанных на ней геоморфологических районов и подрайонов с рядом уточнений и дополнений приведены в книге В. А. Кривцова «Рельеф Рязанской области (региональный геоморфологический анализ)»³.

В изданных нами в 2005 и 2006 годах монографиях «Антропогенная трансформация рельефа на территории Рязанской области и ее роль в формировании современных ландшафтов»⁴ и «Особенности строения и формирования рельефа на территории Рязанской области»⁵ специально рассматривается вопрос об учете антропогенной трансформации поверхности при дробном геоморфологическом районировании территории. В этих же работах с учетом полученных ранее материалов была показана возможность выделения в пределах геоморфологических подрайонов геоморфологических местностей, отмечалось также, что при их локализации необходим учет особенностей проявления и масштабов антропогенного морфолитогенеза.

Локальный уровень геоморфологического районирования территории Рязанской области предполагает выделение геоморфологических районов и более дробных территориальных единиц в их пределах — геоморфологических подрайонов.

¹ См.: Геоморфологическое районирование СССР и прилегающих морей : учеб. пособие для студентов геогр. специальных вузов / С. С. Воскресенский, О. К. Леонтьев, А. И. Спиридонов и др. М. : Высш. школа, 1980. 343 с.

² См.: Кривцов В. А. Дробное геоморфологическое районирование территории Рязанской области // Геоморфология. 1997. № 3. С. 68–74.

³ См.: Кривцов В. А. Рельеф Рязанской области (региональный геоморфологический анализ). Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 1998. 195 с.

⁴ См.: Водорезов А. В., Кривцов В. А. Антропогенная трансформация рельефа на территории Рязанской области и ее роль в формировании современных ландшафтов. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. 219 с.

⁵ См.: Кривцов В. А., Водорезов А. В. Особенности строения и формирования рельефа на территории Рязанской области. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2006. 279 с.

Геоморфологические районы — относительно крупные (в нашем случае площадью до 15 тыс. км²), морфологически обособленные участки — региональные морфологические комплексы, соответствующие мезоморфоструктурам, осложняющим основные мега- и макроморфоструктуры.

При выделении в пределах геоморфологических районов подрайонов мы исходили из того, что подрайоны представляют собой морфологически обособленные участки в пределах районов и имеют общие для всего района черты рельефа, тип и интенсивность неотектонических движений, тип и интенсивность проявления процессов денудации и аккумуляции в неоген-четвертичное время, тип и генезис субстрата, особенности проявления экзогенных рельефообразующих процессов на разных этапах развития территории.

Локализованные нами в пределах геоморфологических районов подрайоны соответствуют наименьшим морфологическим комплексам регионального уровня, формирующимся в пределах относительно небольших морфоструктур, обособившихся в пределах более крупных мезоморфоструктур. Соответствующие морфоструктуры либо испытали неодинаковое по величине поднятие, либо отличаются особенностями своего развития. Геоморфологические подрайоны как объекты индивидуального районирования имеют собственное название. В их характеристике используются сведения об общих признаках района, отмечаются специфические, в том числе морфологические, морфометрические, структурные, литологические, генетические особенности, отличающие данный подрайон от других подрайонов.

В процессе изучения геоморфологических подрайонов нами была выявлена их морфологическая и морфометрическая неоднородность. Центральные и периферийные участки подрайонов по интенсивности эрозионного расчленения, а соответственно и по морфологии междуречий, характеру и динамике моделирующих их экзогенных рельефообразующих процессов нередко различаются значительно, чем периферийные участки соседних подрайонов⁶.

Для пространственной локализации различающихся по морфологии участков геоморфологических подрайонов нами были использованы три морфометрических признака: 1) средняя высота поверхности (ячейки 4×4 км на карте масштаба 1:100000) как показатель принадлежности к определенной морфоструктуре и соответственно геоморфологическому району; 2) глубина расчленения эрозионными формами и 3) густота эрозионной сети как показатель доминирующей на данной территории морфоскульптуры⁷. Следующим этапом локализации неоднородностей в пределах геоморфологических подрайонов стало построение карт контрастности распределения соответствующих морфометрических показателей. Карты контрастности строились в приложении ГИС «Карта 2005» (матрица уклонов, размер элемента матрицы равен 200 м). Полосы (зоны) с высокой контрастностью (1–8 условных баллов) считались пороговыми границами (в реальности они могут быть и конфигурационными) и переносились на отдельную карту. На полученную по трем показателям сетку границ были наложены некоторые другие значимые границы (пойм крупных рек, литологические). После этого удалялись мелкие контуры, а полузамкнутые контуры замыкались конфигурационными границами с учетом рисовки изолиний средней высоты поверхности, глубины и густоты эрозионного расчленения, реального положения междуречий и эрозионных форм, особенностей литогенной основы и отдельных морфогенетических элементов, особенностей и масштабов проявления антропогенного морфолитогенеза, положения границ геоморфологических районов и подрайонов.

⁶ См.: Природный потенциал ландшафтов Рязанской области : моногр. / В. А. Кривцов, С. А. Тобратов, А. В. Водорезов, М. М. Комаров, О. С. Железнова, Е. А. Соловьева ; под ред. В. А. Кривцова, С. А. Тобратова. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2011. 768 с.

⁷ См. там же.

В результате в пределах геоморфологических подрайонов нами были выделены геоморфологические местности⁸. Геоморфологическая местность в нашем понимании — наименьшая единица геоморфологического районирования, обособляемая в пределах геоморфологических подрайонов с учетом морфометрических показателей, литогенной основы, морфогенетической структуры, развивающихся в ее пределах экзогенных рельефообразующих процессов, в том числе антропогенного морфолитогеоза. Геоморфологические местности, как и подрайоны, являются объектами индивидуального районирования и имеют собственное название.

В ходе геоморфологических исследований, выполненных в последние годы, нами были уточнены данные по количеству и расположению ряда подрайонов и местностей. В частности, геоморфологический район Мещерской низины Б(2)-1 разделен не на пять, как ранее, а на четыре подрайона: *Пранско-Приокский (Б(2)-1а)*, в состав которого вошла местность *Клепиковское поозерье*; *Тумско-Куришинский (Б(2)-1б)*; *Ижевский (Б(2)-1в)*; *Окский (Б(2)-1г)*, в пределах которого вместо одной выделены 8 местностей. В Цнинско-Мокшинском геоморфологическом районе (Б(1)-2), включавшем ранее четыре геоморфологических подрайона, выделены три подрайона: *Ермишинский (Б(1)-2а)*; *Окско-Мокшинский (Б(1)-2б)*, в контурах которого выделено не две, как на схеме, приведенной в книге «Природный потенциал ландшафтов Рязанской области», а пять геоморфологических местностей; *Цнинско-Мокшинский (Б(1)-2в)*, в состав которого вошли и местности, относившиеся ранее к упраздненному *Выша-Цнинскому* подрайону. Уточнены границы *Раново-Пронского (Б(1)-1а)* и *Хупта-Пара-Воронежского (Б(1)-1г)* подрайонов Окско-Воронежского геоморфологического района (Б(1)-1), а также количество и границы местностей в их пределах. Уточнены количество и границы местностей в контурах *Пара-Пронского (Б(1)-1в)*, *Верхнепарского (Б(1)-1д)*, *Пара-Цнинского-(Б(1)-1е)* и *Окско-Цнинского (Б(1)-1ж)* подрайонов (рис. 1).

С учетом имеющегося опыта дробного геоморфологического районирования территории Рязанской области нами была разработана схема описания геоморфологических местностей, учитывающая: положение конкретной местности в пределах геоморфологического подрайона и занимаемая ею площадь; морфометрические показатели (высота поверхности междуречий, густота и глубина эрозионного расчленения, структура эрозионной сети) и морфологические особенности междуречий и эрозионных форм; набор морфологических (морфогенетических) элементов и(или) локальных морфологических комплексов (в поймах крупных рек); современные рельефообразующие процессы; особенности проявления и масштабы антропогенной трансформации поверхности; уникальные формы и комплексы форм рельефа (при их наличии).

При определении величины вертикального расчленения для местностей, расположенных в пределах рязанских участков Среднерусской возвышенности и Окско-Донской равнины, где удаленность водоразделов от тальвегов ближайших эрозионных форм, как правило, не превышает 2 км, обрабатывались ячейки 2×2 км на топографических картах масштаба 1:100000. Полученные при этом материалы позволили в той или иной степени расширить и(или) уточнить данную ранее характеристику геоморфологических подрайонов и районов.

К настоящему времени нами охарактеризована основная часть местностей. Полное их описание для всей территории Рязанской области предполагается опубликовать в 2020 году отдельным изданием. В качестве примера приводится характеристика двух геоморфологических местностей, выделенных в разных подрайонах.

⁸ См.: Природный потенциал ландшафтов Рязанской области.

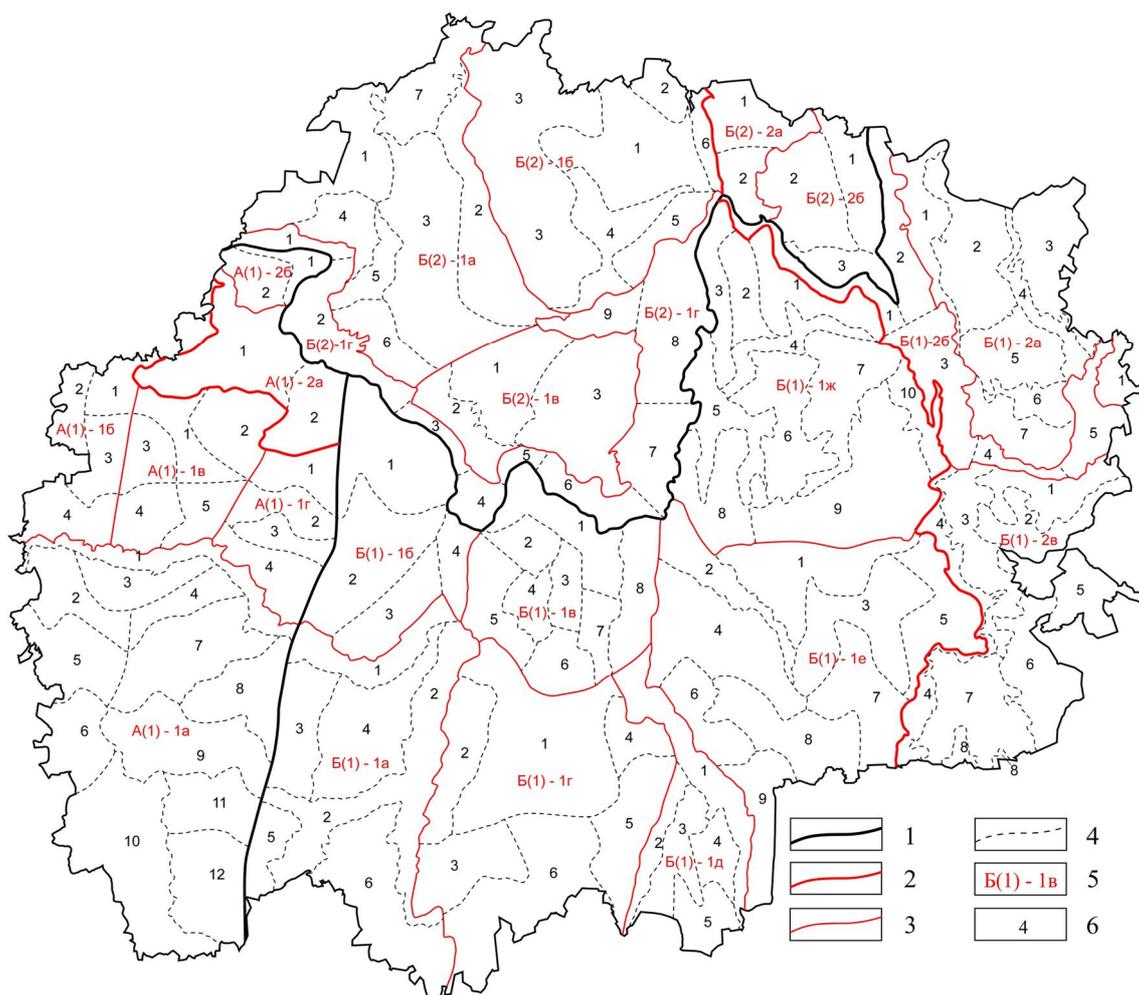

Рис. 1. Картограмма геоморфологического районирования территории Рязанской области на локальном уровне

1 — границы геоморфологических подобластей, 2 — границы геоморфологических районов, 3 — границы геоморфологических подрайонов, 4 — границы геоморфологических местностей, 5 — индексы геоморфологических подрайонов, 6 — номера геоморфологических местностей

Геоморфологические районы и подрайоны:

1. Верхнедонской район (A(1)-1).
Подрайоны: Пронско-Донской (A(1)-1а); Михайлово-Зарайский (A(1)-1б); Михайлово-Рязанский (A(1)-1в); Пронско-Рязанский (A(1)-1г).
2. Рязанский район (A(1)-2).
Подрайоны: Вожский (A(1)-2а); Константиновский (A(1)-2б).
3. Окско-Воронежский район — Б(1)-1.
Подрайоны: Раново-Пронский (Б(1)-1а); Нижне-Пронский (Б(1)-1б); Пара-Пронский (Б(1)-1в); Хупта-Пара-Воронежский (Б(1)-1г); Верхнепарский (Б(1)-1д); Пара-Цнинский (Б(1)-1е); Окско-Цнинский (Б(1)-1ж).
4. Цнинско-Мокшинский район (Б(1)-2).
Подрайоны: Ермишинский (Б(1)-2а); Окско-Мокшинский (Б(1)-2б); Цнинско-Мокшинский (Б(1)-2в).
5. Район Мещерской низины (Б(2)-1).
Подрайоны: Пранско-Приокский (Б(2)-1а); Тумско-Куршинский (Б(2)-1б); Ижевский (Б(2)-1в); Окский (Б(2)-1г).
6. Окско-Клязьминский район (Б(2)-2).
Подрайоны: Сынтульский (Б(2)-2а); Ковров-Касимовский (Б(2)-2б).

Пронско-Донской подрайон (А(1)-1а) Верхне-Донского района (А(1)-1)

В пределах подрайона выделяются двенадцать геоморфологических местностей (см. рис. 1):

10. Местность Пронско-Донского водораздела площадью 779,7 км² занимает юго-западную часть Пронско-Донского подрайона, принадлежащую бассейну Дона. Абсолютная высота междуречий в границах местности изменяется от 180 до 230 м, средняя их высота составляет 201,4 м. Эрозионная сеть долинно-балочного типа. Общая протяженность долин постоянных и временных водотоков составляет 107 км² (в том числе Кочуровка — 20 км, Паника — 35 км), балок — 352 км, оврагов — 2 км. Средняя густота эрозионного расчленения составляет 0,62 км/км². Вертикальное расчленение в границах местности изменяется от 5 до 60 м, средняя его величина составляет 19,1 м. Глубина речных долин изменяется от 5 м в верховьях до 25 м в низовьях притоков Дона. Ширина долин рек Кочуровки, Рожни, Круглянки, Паники (в ее среднем и нижнем течении) по бровке склонов изменяется от 0,3 до 0,8 км, местами до 1,5 км, ширина долины реки Сухой Тобола и реки Паники в ее верховьях — от 1,0 до 2,0–2,5 км. Междуречья на разных участках пологоувалистые, холмисто-увалистые, плоские с фрагментами ложбин стока талых ледниковых вод (в верховьях реки Дриски, в верховьях реки Паники, в верховьях и в среднем течении реки Сухой Тобола).

Морфогенетическая структура местности:

- междуречья — 7072 км², в том числе плоские приводораздельные участки — 506,2 км², придолинные пологонаклонные участки — 201 км²;
- поймы рек — 19,5 км²;
- 1-я надпойменная терраса — 3,6 км²;
- 2-я надпойменная терраса — 4,8 км²;
- днища балок — 5,6 км²;
- днища ложбин стока талых ледниковых вод — 22,5 км²;
- склоны долин и балок — 15,5 км².

Современные рельефообразующие процессы в границах местности:

- на распахиваемых пологонаклонных придолинных участках междуречий плоскостной и мелкоструйчатый смыв (130,6 км²);
- на склонах долин и балок массовое смещение материала по типу дефлюкции;
- в поймах рек накопление пойменного аллювия, местами торфа;
- в днищах балок накопление балочного аллювия;
- карст на междуречьях и в днищах долин;
- суффозионно-просадочные явления на междуречьях;
- антропогенный морфолитогенез на междуречьях и в речных долинах.

Антропогенная морфоскульптура представлена селитьбой, гидротехническими сооружениями, участком железной дороги, автомобильными дорогами, пашней. В границах местности располагаются 38 сельских населенных пунктов общей площадью 18,25 км² (1,5 % всей площади); участок железной дороги протяженностью 4 км (0,12 км² вместе с придорожными лесополосами); автомобильные дороги с асфальтовым и бетонным покрытием — 90 км (1,8 км²), грунтовые — 344 км (1,4 км²); рыбоводные пруды в бассейне реки Сухой Тобола (Ряжский рыбхоз) общей площадью 6,4 км² с бетонными и земляными плотинами общей протяженностью 2,5 км при ширине 8 м (0,02 км²); 50 небольших прудов с земляными плотинами в балках общей площадью 0,3 км². Суммарная площадь антропогенной морфоскульптуры без учета пашни составляет 28,3 км², или 3,6 %, с пашней, занимающей 638,0 км², — 85,5 % всей геоморфологической местности.

В зависимости от особенностей проявления и масштабов антропогенного морфолитогенеза местность отнесена к земледельческим, распаханым на 80–90 %, практически без массивов сохранившейся природной поверхности на междуречьях и показателем антропогенной преобразованности более 2 тыс. м³/км².

К северу от долины реки Сухой Тобола маломощная, до 10 м, толща четвертичных отложений, представленных мореной и перекрывающими ее покровными суглинками, подстилается нижнемеловыми песками и песчаниками, залегающими под ними водонепроницаемыми юрскими алевритами и глинами, являющимися первым от поверхности региональным водоупором. Южнее мезозойские отложения почти повсеместно размыты и четвертичные отложения залегают на закарстованной поверхности известняков нижнего отдела каменноугольной системы. Как следствие, балки в правобережной части реки Сухой Тобола «сырые», в левобережной части ее бассейна и южнее — сухие. В долине реки Паники уже в мае при понижении уровня грунтовых вод в карстовом массиве поверхностный сток местами прекращается и котловины, заполненные водой, чередуются с сухими участками русла (рис. 2). Похожая ситуация характерна и для долины реки Кочуровки в ее верховьях. В долине реки Сухой Тобола располагалось месторождение торфа Мшара Большая общей площадью 108 га, выработанное еще к середине XX века.

Рис. 2. Сухой участок русла в долине реки Паники в начале мая

**Пара-Цнинский подрайон (Б(1)-1е)
Окско-Воронежского геоморфологического района (Б(1)-1)**

В пределах подрайона выделяются девять геоморфологических местностей (рис. 1):

9. Местность Пара-Островское междуречье площадью 262,2 км² располагается на междуречье реки Пары, несущей свои воды на север в Оку, и реки Островки, текущей в юго-восточном направлении и принадлежащей бассейну реки Цны, в основном в бассейне реки Пары. Местность вытянута вдоль долины реки Пары с юга на север на 41 км. Ширина ее в верховьях реки Пары, на меридиональном отрезке, составляет 5–6 км, в северной, расширенной ее части, — до 16 км. Абсолютные отметки междуречья Пары и Островки в его приводораздельной части изменяются от 171 до 181 м. В направлении долины реки Пары на запад и долины реки Белой на север абсолютные отметки понижаются до 160–150 м. Средняя высота поверхности междуречья составляет 167 м.

Парская часть междуречья Пары и Островки расчленена долинами рек и ручьев, а также многочисленными балками, образующими разветвленные балочные системы, и оврагами. Общая протяженность долин постоянных водотоков, самым крупным из которых является река Белая, достигает 30 км, балок — 126 км, оврагов — 8 км. Средняя густота эрозионного расчленения составляет 0,62 км/км². Вертикальное расчленение изменяется от 4–5 м вблизи водораздела рек Пары и Островки до 31 м в придолинной части реки Пары, средняя его величина в границах местности составляет 14,7 м. Глубина долин притоков реки Пары от их верховий к низовьям увеличивается от 5–8 м до 20 м, глубина балок — от 2–3 до 10–15 м, ширина их днищ изменяется от 8–10 до 50 м.

Морфогенетическая структура местности:

- междуречья — 251,6 км² (95,8 %), в том числе плоские приводораздельные участки — 228 км² (87,0 %), пологонаклонные придолинные участки — 23,6 км² (9,0 %);
- поймы рек и ручьев — 3,4 км² (1,3 %);
- надпойменные террасы — 4,8 км² (1,9 %);
- днища балок — 2,3 км² (0,9 %);
- склоны долин, балок и оврагов — 3,5 км² (1,4 %).

Современные экзогенные рельефообразующие процессы представлены:

- плоскостным и мелкоструйчатым смывом на распахиваемых придолинных пологонаклонных участках междуречий (7 км²);
- процессами массового смещения материала по типу дефлюкции на задернованных склонах; накоплением пойменного аллювия;
- суффозионно-просадочными процессами (в границах местности насчитывается 290 западин типа «степных блюдец» общей площадью 2,17 км²);
- накоплением балочного аллювия;
- биогенной аккумуляцией в поймах ручьев и в днищах балок.

В границах местности учтены три месторождения торфа общей площадью 1,65 км², располагающиеся в днищах долин и балок, в том числе в пойме ручья Мордовка — 0,63 км², и в днище Елецкой балки — 0,94 км².

Антропогенная морфоскульптура представлена: селитьбой — 16 сельских поселений общей площадью 5,75 км²; железной дорогой — 8,5 км (0,23 км²); автомобильными дорогами с асфальтовым покрытием — 20 км (0,4 км²); проселочными грунтовыми дорогами — 150 км (0,6 км²); прудами — 21 пруд общей площадью 0,35 км²; пашней — 230,5 км². Общая площадь антропогенной морфоскульптуры без учета пашни — 7,33 км² (2,8 %), с пашней — 237,8 км² (90,7 %). В зависимости от особенностей проявления и масштабов антропогенного морфолитогенеза местность отнесена к земледельческим, распаханым на 80–90 %, практически без массивов сохранившейся природной поверхности на междуречьях и показателем антропогенной преобразованности более 2 тыс. м³/км².

Выводы

Выполненное нами геоморфологическое районирование территории Рязанской области на локальном уровне, с выделением в пределах геоморфологических районов подрайонов, а в контурах последних — геоморфологических местностей и их достаточно подробное описание, по сути, первая работа такого рода. Отсутствие опыта подобной работы предполагает, что характеристики геоморфологических подрайонов и местностей впоследствии могут быть дополнены.

Изучение геоморфологических местностей позволило уточнить границы выделенных нами ранее региональных ландшафтов⁹, выяснить их внутреннюю морфологическую дифференциацию, а также особенности и масштабы их антропогенной трансформации.

⁹ См.: Ландшафты Рязанской области : учеб. пособие / В. А. Кривцов, А. В. Водорезов, С. А. Тобратов. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2018. 208 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водорезов А. В., Кривцов В. А. Антропогенная трансформация рельефа на территории Рязанской области и ее роль в формировании современных ландшафтов : моногр. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. — 219 с.
2. Геоморфологическое районирование СССР и прилегающих морей : учеб. пособие для студентов геогр специальностей вузов / С. С. Воскресенский, О. К. Леонтьев, А. И. Спиридонов и др. — М. : Высш. школа, 1980. — 343 с.
3. Кривцов В. А. Рельеф Рязанской области (региональный морфологический анализ) : моногр. — Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 1998. — 195 с.
4. Кривцов В. А., Водорезов А. В. Особенности строения и формирования рельефа на территории Рязанской области : моногр. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2006. — 279 с.
5. Ландшафты Рязанской области : учеб. пособие / В. А. Кривцов, А. В. Водорезов, С. А. Тобратов. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2018. — 208 с.
6. Природный потенциал ландшафтов Рязанской области : моногр. / В. А. Кривцов, С. А. Тобратов, А. В. Водорезов, М. М. Комаров, О. С. Железнова, Е. А. Соловьева ; под ред. В. А. Кривцова, С. А. Тобратова. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2011. — 768 с.

Сведения об авторах

Кривцов Вячеслав Андреевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: региональная геоморфология и физическая география.

Контактная информация: тел.: 8 (4912) 28-19-36; электронный адрес: v.krivtsov@365.rsu.edu.ru

Водорезов Алексей Владимирович — кандидат географических наук, заведующий кафедрой физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: экологическая геоморфология, ландшафтоведение, биогеография.

Контактная информация: тел.: (4912) 28-19-36; электронный адрес: a.vodorezov@mail.ru

Комаров Михаил Михайлович — кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры физической географии и методики преподавания географии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: региональная геоморфология.

Контактная информация: тел. 8 (4912) 28-19-36; электронный адрес: komarovmm@mail.ru

V. A. Krivtsov, A. V. Vodorezov, M. M. Komarov

GEOMORPHOLOGIC ZONATION
OF THE RYAZAN REGION AT THE LOCAL LEVEL

The article characterizes major principles of geomorphic zonation of the Ryazan Region at the local level. It presents an updated map of geomorphic zonation of the region showing geomorphic regions and sub-regions and providing sample geomorphic descriptions. Geomorphic zonation of sub-regions is performed with due consideration of morphometric features, lithogenic bases, and morphogenetic structures associated with exogenous relief-building processes, including anthropogenic morpho-lithogenesis. Geomorphic zones are mapped and labeled individually. The article provides sample descriptions of geomorphic zones in different geomorphic sub-regions.

geomorphologic zonation; geomorphologic region; geomorphologic sub-region, geomorphologic area

REFERENCES

1. Vodorezov A. V., Krivcov V. A. *Antropogennaja transformacija rel'efa na territorii Rjazanskoj oblasti i ee rol' v formirovanii sovremennyh landshaftov* [Anthropogenic Transformations of the Relief of the Ryazan Region and its Role in the Formation of Modern Landscapes]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2005, 219 p. (In Russian).
2. Voskresenskij S. S., Leont'ev O. K., Spiridonov A. I. *Geomorfologicheskoe rajonirovanie SSSR i prilegajushhih morej* [Geomorphic Zonation of the Soviet Union and the Adjacent Seas]. Moscow, Higher School Publ., 1980, 343 p. (In Russian).
3. Krivcov V. A. *Rel'ef Rjazanskoj oblasti (regional'nyj morfologicheskij analiz)* [Relief of the Ryazan Region (Regional Morphology Analysis)]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 1998, 195 p. (In Russian).
4. Krivcov V. A., Vodorezov A. V. *Osobennosti stroenija i formirovanija rel'efa na territorii Rjazanskoj oblasti* [Structural Features and Formation Peculiarities of Ryazan Relief]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2006, 279 p. (In Russian).
5. Krivcov V. A., Vodorezov A. V., Tobratov S. A. *Landshafty Rjazanskoj oblasti* [Landscapes of the Ryazan Region]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2018, 208 p. (In Russian).
6. Krivcov V. A., Tobratov S. A., Vodorezov A. V., Komarov M. M., Zheleznova O. S., Solov'eva E. A. *Prirodnyj potencial landshaftov Rjazanskoj oblasti* [The Natural Potential of Landscapes of the Ryazan Region]. Krivcov V. A., Tobratov S. A. (eds.). Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2011, 768 p. (In Russian).

Information about the authors

Krivtsov Vyacheslav Andreyevich — Doctor of Geographical Sciences, Professor in the Department of Geography and Geography Teaching Methodology of the Faculty of Geography at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: regional geomorphology, physical geography.

Contact information: Phone No.: (4912) 28-19-36; e-mail: v.krivtsov@365.rsu.edu.ru

Vodorezov Aleksey Vladimirovich — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor in the Department of Physical Geography and Geography Teaching Methodology at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: ecological geomorphology, landscape studies, biogeography.

Contact information: Phone No.: (4912) 28-19-36; e-mail: a.vodorezov@365.rsu.edu.ru

Komarov Mikhail Mikhailovich — Candidate of Geographical Sciences, Teaching Assistant in the Department of Physical Geography at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: regional geomorphology.

Contact information: Phone No.: (Ofc) 8 (4912) 28-19-36; e-mail: komarovmm@mail.ru

Поступила в редакцию 11.07.2019

Received 11.07.2019

УДК 930.272(282.251.2)

Г. Ю. Ямских, Д. Е. Макарчук, Н. В. Лебедева

**ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
КЛИМАТА И РАСТИТЕЛЬНОСТИ ГОЛОЦЕНА В ДОЛИНЕ РЕКИ ЛУГАВКИ
(ЮЖНО-МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА)**

В статье приводятся результаты реконструкции климата и растительности голоцена в долине реки Лугавка на территории Южно-Минусинской котловины на основе данных спорово-пыльцевого, ботанического и малакофаунистического анализов торфяных отложений болотного массива «Тигрицкое», расположенного на левом пойменном берегу реки Лугавки, в 0,5 км к северо-востоку от села Тигрицкое и в 18 км от поселка Шушенское. Процесс торфонакопления в пределах болотного массива начался во второй половине голоцена, по данным радиоуглеродного датирования, в теплых и переменнo-влажных климатических условиях. На протяжении второй половины голоцена в долине реки Лугавки преобладающее развитие получили степные ландшафты, тип которых в зависимости от климатических условий определялся сочетанием маревых, злаковых, полевых растений и разнотравья. В середине суббореального времени климат территории был холодным и влажным. Потепление и уменьшение увлажнения происходило в конце поздне-суббореального и начале поздне-субатлантического времени. Для конца ранне-субатлантического периода были характерны преимущественно прохладные и переменнo-влажные условия. Результаты малакофаунистического анализа подтверждают палеоботанические данные. Исчезновение моллюсков вида *Cochlicopa lubrica* (Müller, 1774) свидетельствует о похолодании климата в среднесубатлантическое время. Появление раковин *Oxyloma elegans* (Risso, 1826) в начале поздне-субатлантического периода указывает на постепенное увеличение увлажнения. В конце субатлантического времени произошло похолодание и уменьшение увлажнения с одновременным полным исчезновением малакофауны.

палеогеографические реконструкции; поздний голоцен; спорово-пыльцевой анализ; ботанический состав торфа; ископаемая малакофауна; радиоуглеродное датирование; Южно-Минусинская котловина

Глобальные и региональные изменения природной среды и климата и их прогноз являются важнейшей проблемой, с которой общество столкнулось в последние десятилетия¹. Исследование естественной динамики природной среды, окружающей человека, чрезвычайно важно в современной ситуации контрастных изменений климата, проявлений парникового эффекта, усиления антропогенного прессинга на природу. Изменяющийся растительный покров является индикатором климатических условий, что позволяет оценивать и климатические условия прошлых эпох. Понимание процессов динамики растительного покрова в прошлом помогает выявить естественные долговременные процессы изменения современной природной обстановки, что, в свою очередь, дает возможность более обоснованно прогнозировать ее изменения в будущем. Современные природные условия, в том числе и на территории Южно-Минусинской котловины, отличаются динамичностью и региональными особенностями на фоне общих трендов глобаль-

¹ Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / eds. R. K. Pachauri, L. A. Meyer. Geneva (Switzerland), 2014. 151 p.

ных изменений климата². Для выявления трендов глобальных изменений климата и одновременно растительного покрова наиболее полную информацию можно получить при изучении пыльцы и спор растений, малакофауны голоценовых торфяных отложений. Палеогеографические исследования по выявлению изменений климата и растительности голоцена в течение многих лет проводятся на территории Южно-Минусинской котловины³, расположенной в центре евразийского материка. Территория занята лесостепными ландшафтами, развивающимися в условиях резко континентального климата с мозаичным увлажнением и концентрической зональностью почвенно-растительного покрова.

Материалы и методы исследований. Торфяная залежь «Тигрицкое» располагается на заболоченном водоразделе рек Енисея и Амыла, в 2 км к востоку от села Тигрицкое и в 18 км к северо-востоку от села Шушенское (рис. 1).

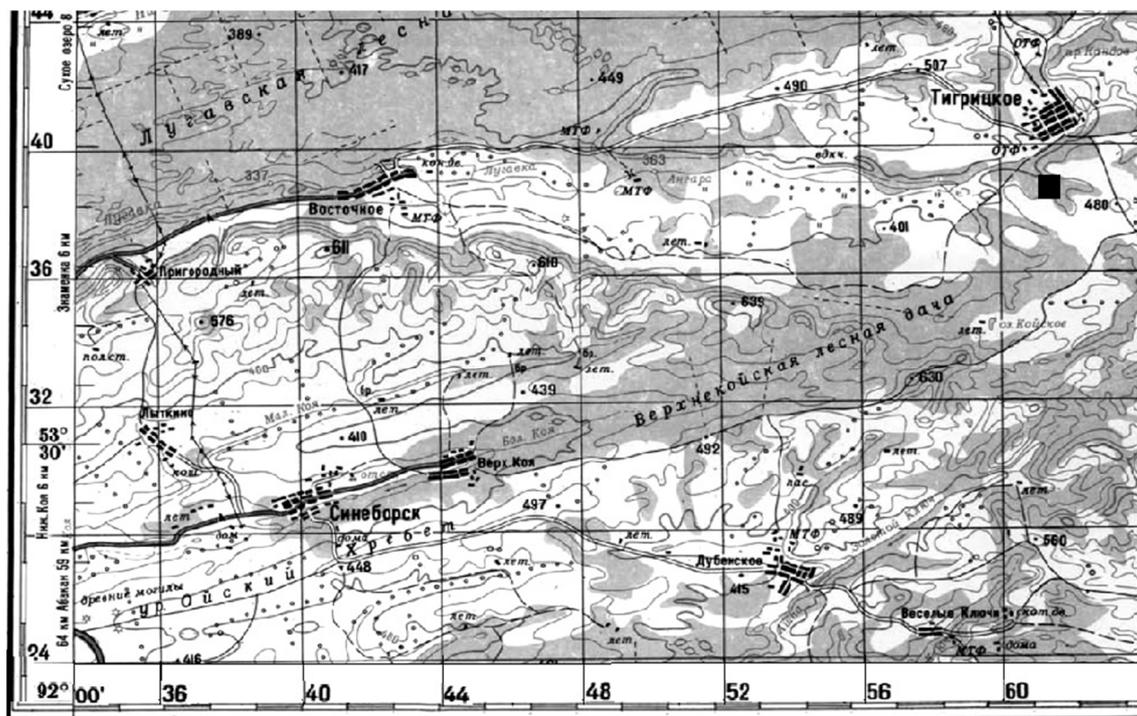

Рис. 1. Месторасположение разреза «Тигрицкое». Фрагмент карты N-46-XXI

С заболоченного водораздела берут начало река Лугавка, правый приток Енисея, и река Жебь — левый приток реки Амыл. Урез реки Енисея на этом участке составляет 260 м⁴. Современная растительность болота представлена разнотравно-осоково-зеленомошным фитоценозом, в котором доминирует осока волосистоплодная и дрепанокладус глянцеваый. Ближе к руслу реки развиты осоково-хвощовые ассоциации, господствующими видами в которых являются хвощ болотный и хвощ приречный. Правый берег реки

² См.: Павлова Е. В. ГИС-проект экологического каркаса территории Южно-Минусинской котловины как инструмент организации рационального природопользования и сохранения ландшафтов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Техника и технологии. 2015. Т. 8, № 6. С. 706–714.

³ См.: Ямских А. Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ин-т, 1993. 226 с. ; Ее же. Растительность и климат голоцена Минусинской котловины. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1995. 180 с. ; Ее же. Реконструкция растительности и климата голоцена внутриконтинентальных территорий Приенисейской Сибири : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Барнаул, 2006. 34 с. ; Лебедева Н. В. Моллюски голоцена Южно-Минусинской котловины : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Томск, 2011. 26 с.

⁴ См.: Зубарева Г. Ю. Растительность, климат и стратиграфия голоцена Минусинской котловины : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Новосибирск, 1990. 21 с.

ограничен поднятием с абсолютной отметкой высот до 500 м. На узкой правобережной пойме произрастает березово-ивовое и осоково-разнотравное сообщество. Средняя мощность торфа на болотном массиве — 0,7 м.

В центральной части левобережной поймы заложен шурф, торфяная залежь которого имеет мощность 0,96 м и подстилается оторфованными суглинками.

Определение абсолютного возраста образцов торфа произведено в Институте геологии и минералогии Сибирского отделения РАН (СОАН) и Геологическом институте РАН (ГИН). Значения радиоуглеродного возраста приведены в таблице, калиброванный возраст получен с использованием программы CalPal⁵.

Таблица

Результаты радиоуглеродного датирования торфяных отложений болотного массива «Тигрицкое»

Глубина, см	Некалиброванный возраст, ¹⁴ C	Лабораторный номер	Калиброванный возраст, л. н.
0,16–0,21	445±40	СОАН-820	498±24
0,30–0,35	1375±75	СОАН-5353	1284±70
0,75–0,80	2380±50	ГИН-3657	2480±112
0,85–0,89	2800±35	СОАН-8201	2908±39

Обработка образцов для палинологического, малакофаунистического анализов и анализа ботанического состава торфа выполнялась по стандартным методикам⁶. Количественное выражение результатов спорово-пыльцевого анализа, реконструкция элементов палеоклимата и палеоландшафтов были выполнены на основе расчетных уравнений регрессии⁷.

Результаты и их обсуждение. Палеогеографические реконструкции голоцена в долине реки Лугавки были проведены на основе комплексного изучения торфяных отложений болотного массива «Тигрицкое», базальные горизонты которых датированы раннесуббореальным временем. Торфяная залежь является осоковой и относится к низинному типу, средняя зольность торфа составляет 47,9 %. Ботанический анализ торфа выполнен доктором биологических наук, профессором кафедры ботаники Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, А. Н. Васильевым⁸.

Строение торфяной залежи (сверху вниз):

1. Торф осоковый (осока дернистая — 50 %, осока волосистоплодная — 50 %) темно-коричневого цвета, средней степени разложения с включением растительных остатков и раковин пресноводных моллюсков. Самый верхний горизонт торфа черного цвета вовлечен в современное почвообразование. Мощность 0,15 м.

2. Торф хвощовый (хвощ — 40 %, осока дернистая — 20 %, береза — 15 %, печеночник — 10 %, тростник южный — 15 %) темно-коричневого цвета, средней степени раз-

⁵ Q. v.: Danzeglocke U. Jöris O., Weninger B. CalPal-2007. 2008. URL : <http://www.calpal-online.de> (дата обращения: 15.11.2018).

⁶ См.: Гричук В. П., Заклинская Е. Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М. : Географгиз, 1948. 223 с. ; ГОСТ 28245-89. Торф. Методы определения ботанического состава и степени разложения : межгос. стандарт : утв. и введ. Пост. Гос. комитета СССР по стандартам от 04 сент. 1989 г. № 2689. М. : Стандартиформ, 1989. 6 с. ; Кац Н. Я., Кац С. В., Скобеева Е. И. Атлас растительных остатков в торфах. М. : Недра, 1977. 371 с. ; Жадин В. И. Моллюски пресных и солоноватых вод СССР. М. : АН СССР, 1952. 377 с. ; Лихарев И. М., Раммельмейер Е. С. Наземные моллюски фауны СССР. М. : АН СССР, 1952. 511 с. ; Пьявченко Н. И. Степень разложения торфа и методы ее определения. Красноярск : Ин-т леса и древесины, 1963. 55 с. ; Ložek V. Quartermollusken der Tschechoslowakei. Rozpr. Ustred. Ustavu Geol. 1964. 374 p.

⁷ См.: Ямских Г. Ю. Реконструкция растительности и климата голоцена внутриконтинентальных территорий Приенисейской Сибири.

⁸ См.: Васильев А. Н., Ямских А. Ф., Сухинина Л. А., Зубарева Г. Ю. Стратиграфия торфяников края и ее сельскохозяйственное значение // Природа и хозяйство Красноярского края. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 1985. С. 217–221 ; Васильев А. Н., Ямских А. Ф. Некоторые ископаемые мхи из голоценовых отложений южной части бассейна реки Енисей // Эколого-географические исследования флоры Красноярского края. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 1986. С. 48–51.

ложения с редкими включениями щебня. Обнаружено небольшое количество остатков раковин ископаемых наземных моллюсков, относящихся к видам *Vallonia pulchella* (Müller, 1774), *Pupilla muscorum* (Linné, 1758), *Oxyloma elegans* (Risso, 1826). На глубине 0,16–0,21 м из слоя почвы получена датировка по C^{14} — 445±40 л. н. (СОАН–820). Мощность 0,1 м.

3. Торф травяной (полевица белая, частуха подорожниковая, сабельник — по 70 %, осока буроватая — 10 %, хвощ болотный — 20 %) серый с коричневым оттенком, слабой степени разложения. На глубине 0,45–0,55 м от поверхности обнаружены обломки древесины. Многочисленны остатки раковин моллюсков *Lymnaea (Galba) truncatula* (Müller, 1774), *Gyraulus rossmaessleri* (Auerswald, 1851), *Conventus urinator* (Clessin, 1876) и наземных моллюсков *Cochlicopa lubrica* (Müller, 1774), *Pupilla muscorum* (Linné, 1758), *Carychium minimum* (Müller, 1774), *Vallonia pulchella* (Müller, 1774), *Perpolita hammonis* (Ström, 1765), *Succinea sp.* Возраст торфа на глубине 0,30–0,35 м составил 1375±75 лет (СОАН–5353). Мощность 0,3 м.

4. Торф осоковый (осока буроватая — 20 %, дернистая — 30 % и волосистоплодная — 20 %, сабельник — 10 %, хвощ — 20 %) темно-коричневого цвета, средней степени разложения с включением раковин моллюсков: пресноводные *Lymnaea (Galba) truncatula* (Müller, 1774), *L. (Radix) peregra* (Müller, 1774), *Gyraulus rossmaessleri* (Auerswald, 1851), *Conventus urinator* (Clessin, 1876), наземные *Pupilla muscorum* (Linné, 1758), *Carychium minimum* (Müller, 1774), *Vallonia pulchella* (Müller, 1774), *Perpolita hammonis* (Ström, 1765), *Succinea putris* (Linné, 1758), *Perpolita petronella* (Pfeiffer, 1853), *Euconulus fulvus* (Müller, 1774). На глубине 0,75 м из слоя почвы мощностью 3–5 см получена датировка по C^{14} — 2380±50 л. н. (ГИН–3657). Мощность 0,25 м.

5. Торф хвощовый (хвощ — 50 %, гипновые мхи — 10 %, осока дернистая — 30 %, неопределенные остатки — 10 %) серовато-бурого цвета, средней степени разложения с включением раковин моллюсков *Lymnaea (Galba) truncatula* (Müller, 1774), *L. (Stagnicola) palustris* (Müller, 1774), *Gyraulus rossmaessleri* (Auerswald, 1851), *Conventus urinator* (Clessin, 1876), *Pupilla muscorum* (Linné, 1758), *Succinea putris* (Linné, 1758), *Vallonia pulchella* (Müller, 1774), *Perpolita hammonis* (Ström, 1765). На глубине 0,85–0,89 м из слоя почвы получена датировка C^{14} — 2800±35 (СОАН–8201). Мощность 0,1 м.

6. Супесь буровато-серого цвета, оторфованная. Контакты с подстилающими и перекрывающими отложениями четкие. Мощность 0,3 м.

7. Суглинок серый, макропористый, с тонкими красновато-бурыми прослоями ожелезнения. Мощность 0,26 м.

8. Суглинок тяжелый, зеленовато-серый с сизым оттенком, с ярко выраженными прослоями ожелезнения. Мощность 0,5 м.

Уровень грунтовых вод располагается на глубине 1,2 м.

В отложениях болотного массива «Тигрицкое» зафиксировано 157 взрослых форм ископаемых раковин моллюсков, ювенильных форм — 27, обломков — 19. По количественному составу преобладают раковины пресноводных моллюсков, относящиеся к виду *Lymnaea (Radix) peregra* (Müller, 1774) и *Vallonia pulchella* (Müller, 1774). Применение палинологического метода и радиоуглеродного датирования позволило реконструировать типы растительности и элементы палеоклимата второй половины голоцена (рис. 2, 3). Было выделено 9 спорово-пыльцевых зон.

Зона I (глубже 1,4 м). Единичное присутствие пыльцевых зерен березы и сосны. Формирование отложений относится к первой половине суббореального времени⁹. Климатические условия этого времени холодные и влажные.

Зона II (интервал 1,4–1,1 м). Главная роль в спектрах принадлежит осокам, маревым и разнотравью. Количество пыльцы древесных и травянистых растений находится почти в равных пропорциях, в пределах 45–50 %. Состав спектров отражает развитие злаково-осоковой и марево-разнотравной степи. Климатические условия холодные и переменновлажные. Температура июля плюс 17,8 °С, января минус 20,3 °С. Продолжительность безморозного периода 91 день, сумма активных температур 1679 °С, осадков выпадало до 523 мм.

⁹ См.: Ямских Г. Ю., Лебедева Н. В. Моллюски голоцена Южно-Минусинской котловины и их стратиграфическое положение // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2011. № 1: Науки о Земле. С. 239–247.

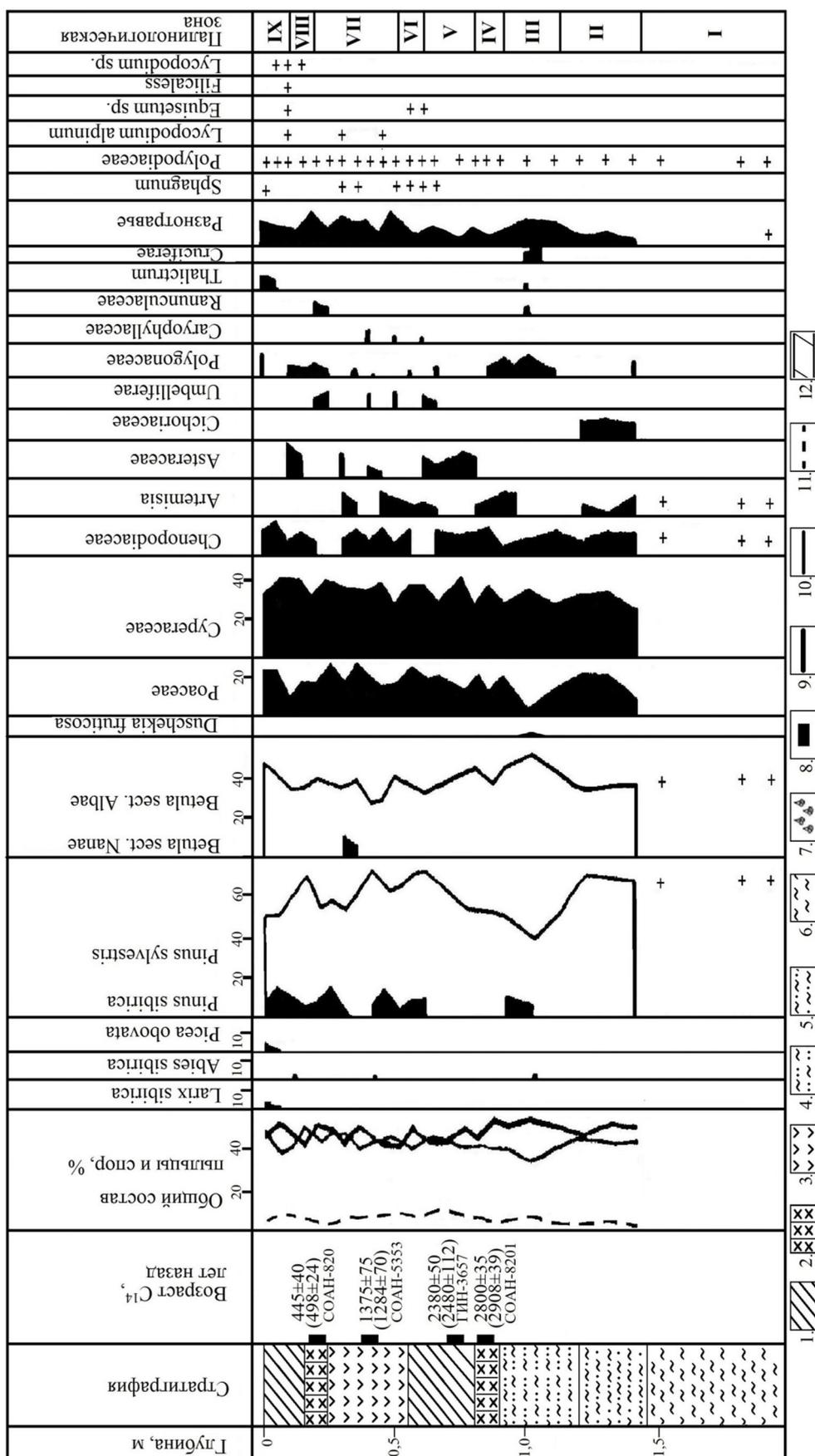

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма и растительные зоны торфяных отложений болота «Гигрицкое»

Условные обозначения — торф: 1 — осоковый, 2 — хвощовый, 3 — травяной, 4 — супесь, 5 — суглинок, 6 — тяжелый суглинок, 7 — раковины ископаемых моллюсков; 8 — радиоуглеродная дата (в скобках приведены значения калиброванного возраста, л. н.); 9 — древесные; 10 — травянистые; 11 — споры; 12 — теплые периоды

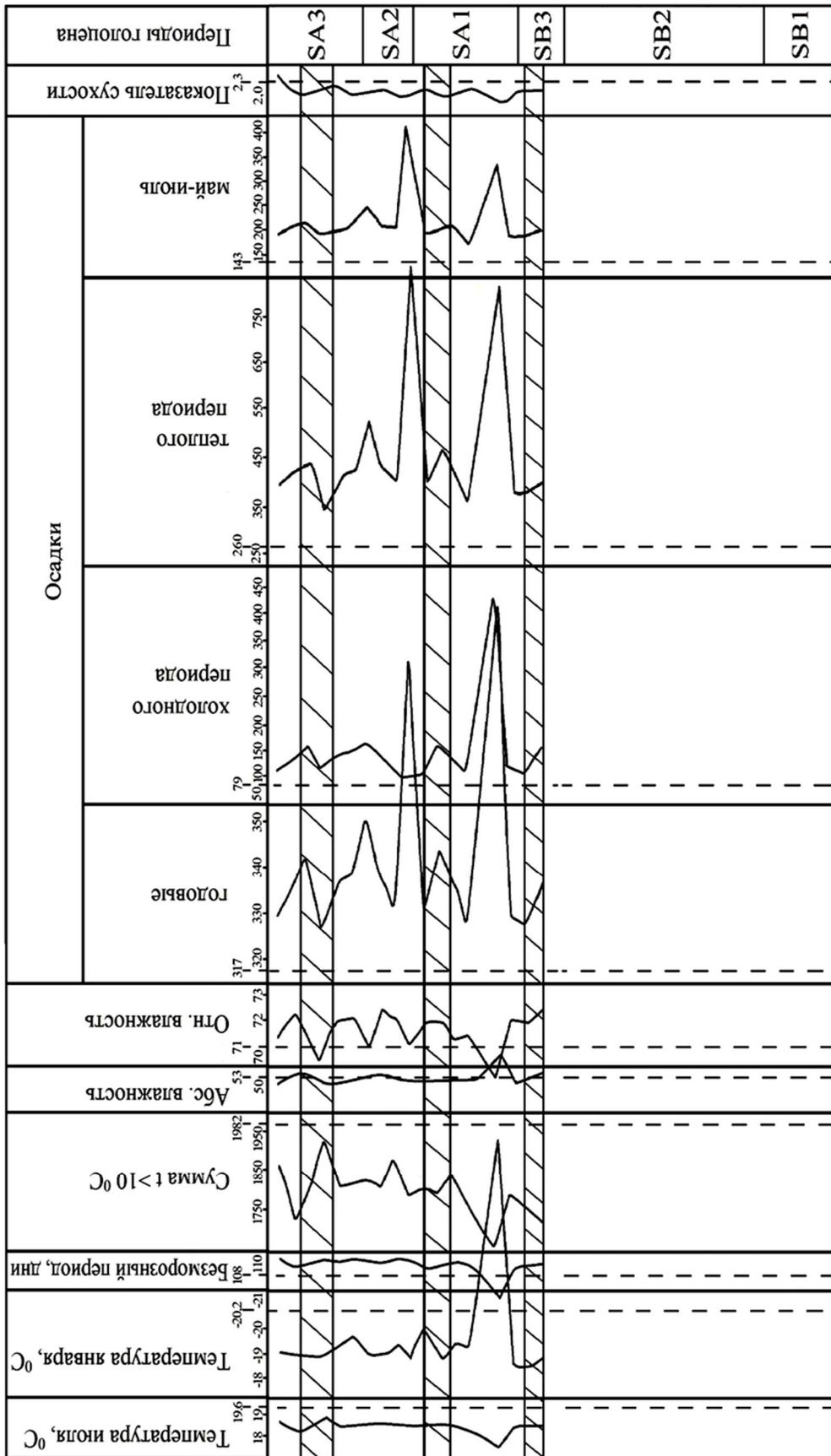

Рис. 3. Реконструированные элементы палеоклимата торфяных отложений болота «Гигрицкое»

Зона III (интервал 1,1–0,9 м). Состав спектров указывает на развитие сосново-березовой лесостепи с кедром (пыльцы березы — 50 %, сосны — 40 %, кедра — 8 %). Климатические условия прохладные, влажные. Температура июля плюс 18,3 °С, января минус 19,8 °С. Продолжительность безморозного периода составляла 100 дней, сумма активных температур до 1769 °С, осадков выпадало до 543 мм.

Зона IV (интервал 0,9–0,85 м). Начальная стадия торфообразования. Содержание пыльцы травянистых и кустарничковых растений составляет 45 % при ведущей роли злаков — до 30 %, осок — 35 % и разнотравья — 15 %. Состав спектров указывает на развитие злаково-полынных и полынно-разнотравных степей. В теплых и переменновлажных климатических условиях танатоценоз представлен 4 пресноводными и 4 наземными видами моллюсков (рис. 4) с преобладанием количества раковин наземных видов *Vallonia pulchella* (Müller, 1774) и *Perpolita hammonis* (Ström, 1765).

Зона V (интервал 0,85–0,6 м). Увеличение в составе спектров доли травянисто-кустарничковых растений с преобладанием злаков, полыни и полынно-разнотравных группировок. Среди древесных ведущая роль принадлежит пыльце сосны. Спектры указывают на развитие марево-злаковых и злаково-разнотравных степей. В начале раннесубатлантического времени в составе малакофаунистического комплекса появились *Lymnaea (Radix) peregra* (Müller, 1774), *Perpolita petronella* (Pfeiffer, 1853), *Euconulus fulvus* (Müller, 1774) и *Carychium minimum* (Müller, 1774), что свидетельствует о повышении обводненности болот, причем, согласно результатам ботанического анализа торфа, максимальное увлажнение на территории Южно-Минусинской котловины относится к середине раннесубатлантического времени. Фиксируется максимальное количество раковин ископаемых моллюсков — 157 взрослых форм наземных и пресноводных видов. Климат становится прохладным и переменновлажным. Температура июля плюс 18,1 °С, января минус 19,7 °С. Продолжительность безморозного периода доходила до 99 дней при сумме активных температур 1695 °С, осадков выпадало до 488 мм.

Зона VI (интервал 0,6–0,5 м). Отложения границы травяных и осоковых торфов. В спектрах преобладает пыльца полыней, маревых, злаков и разнотравья (в среднем до 70 %). Состав спектров указывает на развитие полынно-маревых и злаково-разнотравных степей. Климатические условия становятся теплыми и влажными. В составе малакофаунистического комплекса фиксируется резкий спад количества раковин холодолюбивого вида *Conventus urinator* (Clessin, 1876). В наземных танатоцетозах увеличивается количество раковин влаголюбивых видов, таких как *Vallonia pulchella* (Müller, 1774), *Carychium minimum* (Müller, 1774), *Succinea putris* (Linné, 1758). Температура июля плюс 18,4 °С, января минус 19,7 °С. Продолжительность безморозного периода 104 дня, сумма активных температур 1852 °С, осадков выпадало до 530 мм.

Зона VII (интервал осадков 0,5–0,2 м). Отложения сформировались в конце среднесубатлантического времени. В спектрах преобладает пыльца травянистых растений (маревых, полыней, злаков и разнотравья), кроме этого, в них присутствует пыльца кустарничковой березки (10 %) и плауна альпийского. Основная часть территории занята марево-полынной и злаково-разнотравной степью. Значительную роль в составе растительности играла кустарничковая березка и плаун альпийский. Климат стал прохладнее, чем в предыдущее время, но по-прежнему оставался влажным. Фиксируется исчезновение раковин теплолюбивого вида наземных моллюсков *Cochlicopa lubrica* (Müller, 1774). Танатоценоз представлен исключительно наземными влаголюбивыми формами. Температура июля плюс 18,4 °С, января минус 19,9 °С. Продолжительность безморозного периода была 102 дня, сумма активных температур 1790 °С, осадков выпадало до 537 мм.

Зона VIII (интервал 0,2–0,1 м). Отложения поздне-суббореального времени. Развитие марево-злаковых и злаково-разнотравных степей. Появление в поздне-субатлантическом периоде единичных раковин *Oxyloma elegans* (Risso, 1826), переносящих долгое пребывание в воде, что указывает на постепенное увеличение увлажнения.

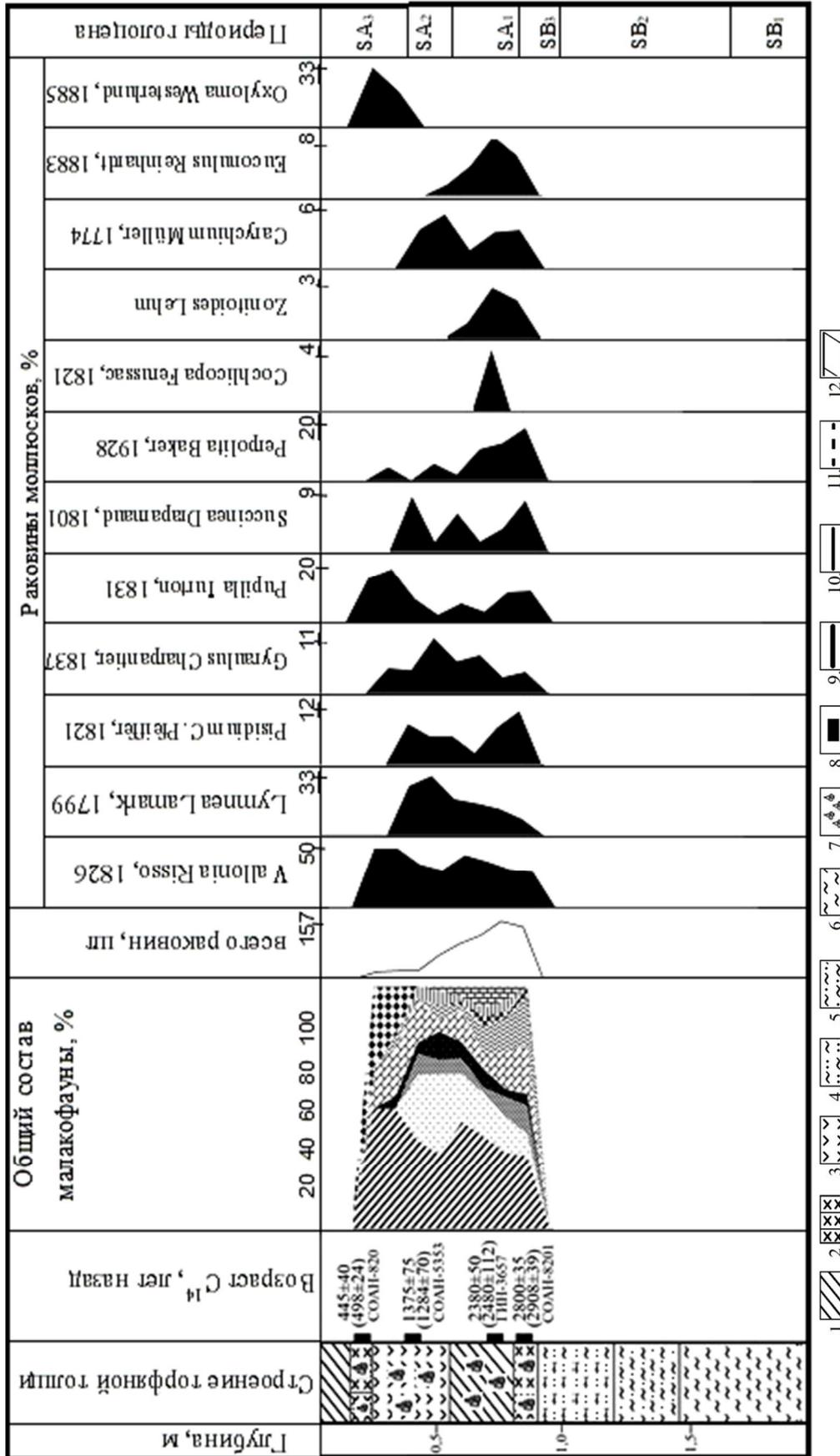

Рис. 4. Малакофаунистический состав торфяных отложений разреза «Тигрицкое»

Условные обозначения — торф: 1 — осоковый, 2 — хвощовый, 3 — травяной, 4 — сусесь, 5 — суглинок; 6 — тяжелый суглинок; 7 — раковины ископаемых моллюсков; 8 — радиуглеродная дата (в скобках приведены значения калиброванного возраста, л. н.); 9 — древесные; 10 — травянистые; 11 — споры; 12 — теплые периоды

Зона IX (интервал (0,1–0,0 м). В спектрах наблюдается некоторое увеличение (до 40–45 %) пыльцы древесных растений за счет присутствия на окружающих территориях главным образом березы и сосны, незначительное увеличение — пыльцы ели (2–3 %) и лиственницы (1 %). Среди травянисто-кустарничковой группы растений по-прежнему преобладают маревые, злаки и разнотравье. Характер спектров указывает на развитие марево-злаково-разнотравной степи. В это время происходит полное исчезновение малакофауны, что связано с изменением климата.

Выводы. На протяжении второй половины голоцена в долине реки Лугавки преобладающим типом растительности были степи, тип которых в зависимости от климатических условий определялся сочетанием маревых, злаковых, полынных и разнотравья. В середине суббореального времени климат территории был холодным и влажным. Потепление и уменьшение увлажнения происходило в конце поздне-суббореального и начале поздне-субатлантического времени. Для конца ранне-субатлантического периода были характерны преимущественно прохладные и переменнo-влажные условия. Результаты малакофаунистического анализа подтверждаются палеоботаническими данными. Исчезновение вида *Cochlicopa lubrica* (Müller, 1774) свидетельствует о похолодании климата средне-субатлантического времени, появление в начале поздне-субатлантического периода раковин моллюска *Oxyloma elegans* (Risso, 1826) — о постепенном увеличении увлажнения. В конце субатлантического времени произошло похолодание и уменьшение увлажнения при полном исчезновении малакофауны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А. Н., Ямских А. Ф., Сухинина Л. А., Зубарева Г. Ю. Стратиграфия торфяников края и ее сельскохозяйственное значение // Природа и хозяйство Красноярского края. — Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 1985. — С. 217–221.
2. Васильев А. Н., Ямских А. Ф. Некоторые ископаемые мхи из голоценовых отложений южной части бассейна реки Енисей // Эколого-географические исследования флоры Красноярского края. — Красноярск : Краснояр. гос. пед. ин-т, 1986. — С. 48–51.
3. Гричук В. П., Заклинская Е. Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. — М. : Географгиз, 1948. — 223 с.
4. Жадин В. И. Моллюски пресных и солоноватых вод СССР. — М. : АН СССР, 1952. — 377 с.
5. Кац Н. Я., Кац С. В., Скобеева Е. И. Атлас растительных остатков в торфах. — М. : Недра, 1977. — 371 с.
6. Лихарев И. М., Раммельмейер Е. С. Наземные моллюски фауны СССР. — М. : АН СССР, 1952. — 511 с.
7. Павлова Е. В., Махрова М. Л., Ямских Г. Ю. ГИС-проект экологического каркаса территории Южно-Минусинской котловины как инструмент организации рационального природопользования и сохранения ландшафтов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Техника и технологии. — 2015. — Т. 8, № 6. — С. 706–714.
8. Пьявченко Н. И. Степень разложения торфа и методы ее определения. — Красноярск : Ин-т леса и древесины, 1963. — 55 с.
9. Ямских А. Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. — Красноярск : Краснояр. гос. пед. ин-т, 1993. — 226 с.
10. Ямских Г. Ю. Растительность и климат голоцена Минусинской котловины. — Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1995. — 180 с.
11. Ямских Г. Ю., Лебедева Н. В. Моллюски голоцена Южно-Минусинской котловины и их стратиграфическое положение // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. — 2011. — № 1 : Науки о Земле. — С. 239–247.
12. Danzeglocke U. Jöris O., Weninger B. CalPal-2007. — 2008. — URL : <http://www.calpal-online.de>. (дата обращения: 15.11.2018).
13. Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / eds. R. K. Pachauri, L. A. Meyer. — Geneva (Switzerland), 2014. — 151 p.
14. Ložek V. Quartermollusken der Tschechoslowakei. Rozpr. Ustred. — Ustavu Geol., 1964. — 374 p.

Сведения об авторах

Ямских Галина Юрьевна — доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой географии Сибирского федерального университета.

Сфера научных интересов: палинология, палеогеография, палеоклиматология, палеоландшафтоведение, география почв, экзогенная геоморфология и четвертичная геология.

Контактная информация: моб. тел. 8 (913) 595-41-95; электронный адрес: yamskikh@mail.ru

Макарчук Дарья Евгеньевна — старший преподаватель кафедры географии Сибирского федерального университета.

Сфера научных интересов: голоценовая малакофауна, палеогеография, палеоклиматология, палеоландшафтоведение.

Контактная информация: моб. тел. 8 (923) 350-45-60; электронный адрес: bolkunova91@mail.ru

Лебедева Наталья Владимировна — кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры географии Сибирского федерального университета.

Сфера научных интересов: ископаемая малакофауна, палеогеография, четвертичная геология.

Контактная информация: моб. тел. 8 (913) 595-41-95; электронный адрес: fidelika@bk.ru

G. Yu. Yamskikh, D. E. Makarchuk, N. V. Lebedeva

**PALEOGRAPHIC RECONSTRUCTION OF HOLOCENE CLIMATE
AND VEGETATION IN THE VALLEY OF THE LUGAVKA RIVER
(SOUTH-MINUSINSK BASIN)**

The article presents the results of a paleographic reconstruction of Holocene climate and vegetation in the Lugavka River valley at the territory of South-Minusinsk Basin. The paleographic reconstruction is based on spore and pollen, botanical and malacofaunistic analysis of peat deposits in the Tigritskoye swamps, which are situated to the southeast of the village of Tigritskoye, 18 km outside the village of Shushenskoye. According to radiocarbon dating, the process of peat accumulation in the swamp started in the second half of the Holocene in warm and humid climatic conditions. During the second half of the Holocene in the Lugavka River valley steppe-like landscapes prevailed, their type was predetermined by weather conditions and the combination of chenopodiaceous, graminaceous, wormwood plants and miscellaneous herbs. The mid-Subboreal was characterized by cold and wet conditions. The Late Subboreal and the beginning of the Late Subatlantic were warmer and less humid. The end of the Early Subatlantic period had predominantly cool and alternating humid conditions. The results of a malacofaunistic analysis support the paleobotanical data. The disappearance of *Cochlicopa lubrica* (Müller, 1774) is evidence of a cold snap in the Middle of the Subatlantic period, while the appearance of *Oxyloma elegans* (Risso, 1826) in the beginning of the Late Subatlantic attests to a gradual humidification. The end of the Subatlantic was characterized by colder and less humid conditions and the total disappearance of malacofauna.

paleographic reconstruction; Late Holocene; spore and pollen analysis; botanical composition of peat; fossil malacofauna; radiocarbon dating; South-Minusinsk Basin

REFERENCES

1. Vasil'ev A. N., Jamskih A. F., Suhinina L. A., Zubareva G. Ju. Peat Stratigraphy and Its Agricultural Significance. *Priroda i hozjajstvo Krasnojarskogo kraja* [Nature and Economy of the Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 1985, pp. 217–221. (In Russian).
2. Vasil'ev A. N., Jamskih A. F. Some Holocene Moss Fossils at the Southern Part of the Yenisei River Basin. *Jekologo-geograficheskie issledovaniya flory Krasnojarskogo kraja* [Geographical Ecological Research of the Flora of the Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 1986, pp. 48–51. (In Russian).
3. Grichuk V. P., Zaklinskaja E. D. *Analiz iskopaemyh pyl'cy i spor i ego primeneniye v paleogeografii* [Analysis of Fossils Spores and Pollen Grains and its Importance for Paleogeography]. Moscow, Geografiz Publ., 1948, 223 p. (In Russian).

4. Zhadin V. I. *Molljuskii presnyh i solonovatyh vod SSSR* [Mollusks in Fresh and Brackish Waters of the USSR]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952, 377 p. (In Russian).
5. Kac N. Ja., Kac S. V., Skobeeva E. I. *Atlas rastitel'nyh ostatkov v torfah* [Atlas of Plant Remains in Peat Sediments]. Moscow, Depths Publ., 1977, 371 p. (In Russian).
6. Liharev I. M., Rammel'mejer E. S. *Nazemnye molljuskii fauny SSSR* [Terrestrial Mollusks of the USSR]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952, 511 p. (In Russian).
7. Pavlova E. V., Mahrova M. L., Jamskih G. Ju. GIS-based Ecological Framework Project of South-Minusinsk Basin as a Tool for Organizing Rational Nature Management and Landscape Preservation. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Tehnika i tehnologii* [Journal of Siberian Federal University. Engineering and Technologies Series]. 2015, vol. 8, no. 6, pp. 706–714. (In Russian).
8. P'javchenko N. I. *Stepen' razlozhenija torfa i metody ee opredelenija* [Methods for the Determination of the Degree of Peat Decomposition]. Krasnoyarsk, Institute of Forestry and Wood Publ., 1963, 55 p. (In Russian).
9. Jamskih A. F. *Osadkonakoplenie i terrasobrazovanie v rechnyh dolinah Juzhnoj Sibiri* [Sediment Deposition and Terrace Formation in River Basins of Southern Siberia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 1993, 226 p. (In Russian).
10. Jamskih G. Ju. *Rastitel'nost' i klimat golocena Minusinskoj kotloviny* [The Vegetation and Climate of the Holocene in the Minusinsk Basin]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1995, 180 p. (In Russian).
11. Jamskih G. Ju., Lebedeva N. V. Holocene Mollusks of the South-Minusinsk Basin and its Stratigraphic Position. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astafeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named for V. P. Astafyev]. 2011, no. 1: Earth Sciences, pp. 239–247. (In Russian).
12. Danzeglocke U. Jöris O., Weninger B. CalPal-2007, 2008, URL : <http://www.calpal-online.de>. (Accessed: 15.11.2018).
13. Pachauri R. K., Meyer L. A. (eds.) *Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Geneva (Switzerland), 2014, 151 p.
14. Ložek V. *Quartermollusken der Tschechoslowakei*. Rozpr. Ustred, Ustavu Geol., 1964, 374 p. (In German).

Information about the authors

Yamskikh Galina Yuryevna — Doctor of Geography, Professor, Head of the Department of Geography at Siberian Federal University.

Research interests: palynology, palaeogeography, paleoclimatology, paleolandscape, geography of soils, exogenous geomorphology and geological quarterly.

Contact information: Mobile No.: 8 (913) 595-41-95; e-mail: yamskikh@mail.ru

Makarchuk Darya Eugenyevna — Senior Teacher in the Department of Geography at Siberian Federal University.

Research interests: Holocene malacofauna, paleogeography, paleoclimatology, paleolandscape.

Contact information: Mobile No.: 8 (923) 350-45-60; e-mail: bolkunova91@mail.ru

Lebedeva Natalya Vladimirovna — Candidate of Geology and Mineral Sciences, Associate Professor in the Department of Geography at Siberian Federal University.

Research interests: fossil malacofauna, paleogeography, geological quarterly.

Contact information: Mobile No.: 8 (913) 595-41-95; e-mail: fidelika@bk.ru

Поступила в редакцию 20.06.2019

Received 20.06.2019

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161.1-1.09«19»

Е. А. Андреева

РУСЬ И ЗАПАД В СТИХОТВОРЕНИИ ДАВИДА САМОЙЛОВА «КОРОЛЕВА АННА»

Поэт XX века Давид Самойлов в своем творчестве часто обращается к известным литературным и историческим персонажам, наполняет тексты аллюзиями и реминисценциями. Отсылка к уже известным читателю сюжетам помогает по-новому осмыслить события прошлого и найти новые грани известных образов, поставить актуальные вопросы и под другим углом посмотреть на вечные проблемы. В стихотворении «Королева Анна» он обращается к образу древнерусской княжны Анны Ярославны, ставшей королевой Франции. С одной стороны, недостаточность сведений о ее жизни за границей и отсутствие упоминаний о ней в древнерусских летописях, а с другой — интерес к этой личности как на Западе, так и в России дают автору возможность поразмышлять о судьбе героини и об ее отношении к оставленной родине. Стихотворение построено на приеме антитезы: дому, Руси, источнику тепла, женскому началу, мирному труду противопоставлена Франция, чужбина, холодная и жестокая страна, основным занятием в которой являются охота и война. Поэт раскрывает перед читателем внутренний мир своей героини, утверждая невозможность потерять духовную связь с родиной, как бы ни манили «теплые страны».

Анна Ярославна; антитеза; Давид Самойлов; родина; стихотворение

В лирику Д. Самойлова органически входит большой культурный пласт, представляющий часть художественного мира не только самого автора, но и читателя, к которому он обращается: это русские и зарубежные писатели, исторические личности, музыканты и художники, мифологические персонажи и известные литературные герои¹. Реминисценциями и аллюзиями наполнены многие стихотворения автора, и часто уже в заглавии они отсылают читателей к известной им ситуации. Для лирики Д. Самойлова характерна общность прошлого и настоящего (древности и современности), интерес к истории, в особенности к истории своей страны. При этом минувшее всегда соотносено с современностью, что отражается как на тематике текстов, так и на их стилистической окраске (высокая книжная лексика сочетается с разговорной). Для Д. Самойлова как поэта важно ощущение преемственности, связи с литературной традицией. Привычные сюжеты в его стихотворениях переосмысливаются, получают новое истолкование, а вечные проблемы, волновавшие и его современников, решаются на материале литературы, культуры, мифологии, истории.

¹ Подробнее см.: Береговская Э. М. Давид Самойлов-лирик: лингвостилистический портрет // Русский язык в научном освещении. М., 2003. № 2 (6). С. 14–26.

Стихотворение Д. Самойлова «Королева Анна», ранее не являвшееся предметом подробного анализа, заставляет вспомнить исторические события XI века, наталкивает на размышления о судьбе русской княжны в европейском мире, о судьбе человека в чужой стране.

Приступая к анализу текста, необходимо вспомнить о том, кто такая Анна Ярославна и как она оказалась королевой Франции. Примечательно то, что история ее жизни известна русским читателям прежде всего по западноевропейским источникам, а древнерусские летописи оставили это событие в стороне, словно не считали его значимым и весомым для своей страны. То, что теперь является поводом для гордости, древнерусскому человеку представлялось обычным событием. Став королевой другой страны, русская княжна стала и частью истории этой страны, утратила связь с Русью. Древнерусских летописцев интересовала жизнь невесток и жен-иностранок, которые, оказываясь на Руси, приобщали князей к европейской литературе, языкам². Известий же об Анне Ярославне, покинувшей родину, летописцы не имели и не считали нужным интересоваться ее дальнейшей судьбой.

Существует несколько версий стремления французов к заключению данного брака: 1) образ невесты, наделенной красотой и всяческими добродетелями, 2) желание ослабить политическую силу Руси, которая начала влиять на европейскую политику XI века, 3) запрет Римской церкви на браки между близкими родственниками, а потому поиск новых возможностей для брачных союзов, 4) стремление Рима войти в сношения с Русью. Таким образом, причины брака французского короля Генриха I Капетинга прежде всего политического и тактического характера³. Н. М. Карамзин, невзирая на отсутствие сведений об Анне Ярославне в древнерусских летописях, подробно остановился на обстоятельствах ее брака: «В 1048 году — по известию древней рукописи, найденной в С. Омерской церкви — Король отправил Послом к Ярославу Епископа Шалонского, Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию Государей Французских. — По кончине Генрика I, в 1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с Графом де-Крепи. Один Французский Летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей супруга, возвратилась в Россию: но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и Вера Католическая, ею принятая, удерживали сию Королеву во Франции»⁴. В отличие от древнерусских авторов, историк заинтересовался судьбой русской княжны, ставшей королевой Франции.

Стихотворение Д. Самойлова — это фактически размышление о том, что держит Анну Ярославну во Франции, попытка понять, что чувствует русская княжна, оказавшаяся королевой европейской державы. Стихотворение носит название «Королева Анна», а не привычное русскому слуху «Анна Ярославна», что подчеркивает отдаленность героини от родины. «Ана рѣина» («Anna Regina» — «королева Анна») — так кириллическими буквами она расписалась на дарственной грамоте аббатству Святого Криспина в Суассоне от имени своего сына, короля Франции Филиппа I, в 1063 году. В рассматриваемом стихотворении Д. Самойлов пытается проникнуть в душу героини и понять, что же стоит за этой подписью, какие чувства и эмоции владели героиней.

Стихотворение открывается риторическим вопросом: «Как тебе живется, королева Анна, в той земле, во Франции чужой?»⁵. За первым вопросом сразу же следуют еще два: «Неужели от родного стана отлепилась ты душой?», «Как живется, Анна Ярославна,

² См.: Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М. : Академический проект, 2017.

³ См.: Мусин А. Анна Киевская: между историографией и историей // Княжа доба: історія і культура. Львов, 2014. № 8. С. 146–147.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Тула : Приок. кн. изд-во, 1990. Т. 2. С. 219–220.

⁵ Здесь и далее текст стихотворения цит. по: Самойлов Д. Когда мы были на войне. М. : Э, 2017. С. 227–228.

в теплых странах?» Всего в тексте стихотворения семь вопросов, но нет ни одного прямого ответа, есть мысли, сомнения, предположения, желание автора убедить героиню, себя, читателя, что невозможно «отлепиться душой» от родины. Поэтому весь текст пронизывают противопоставления. Родина — родной стан (место расположения, стоянки, остановки) — предстает местом прежнего пребывания, прошлой жизни, тем местом, о котором остались лишь воспоминания. Франция — та земля, противоположная «этой», родной и для самого писателя, чужая, то есть непривычная и незнакомая для русского человека. Во Франции все иное: начиная с климата, заканчивая взаимоотношениями с людьми. В то время как чужбина — это «теплые страны» (хотя речь идет об одной стране, в таком употреблении заметна авторская ирония, подчеркивающая типичное отношение человека XX века к европейским странам), Россия — это север. «А у нас — зима», — коротко и емко сообщается в стихотворении. Данная картинка не требует разъяснений: холод, метель, огромные просторы, заметенные белым снегом. Но представленные «тепло» и «холод» оказываются мнимыми. Истинное тепло остается в родной стороне. Это прежде всего тепло веры: «В Киеве у нас настолько славно, храмы убраны и терема!», «Хорошо почувствовать на ощупь, как тепла медовая свеча!». В обоих предложениях выражаются сильные эмоции: восторг, радость, счастье. Неслучайно и сами предложения восклицательные.

Атмосфера чужой земли передается через перечисление ее характерных особенностей: загадочность неизвестного русскому человеку мира создают ветры, дующие с «морья-океана» вдоль земли. Еще в фольклоре океан предстает символом вечного движения, изменения, неосвоенного пространства, а значит непонятного, загадочного. И в данном стихотворении это образ чужого, непознанного, отчасти пугающего пространства. Этой водной стихии противопоставлен Днепр, вполне привычный, «прирученный» человеком, на берегу которого девушки полощут белье и хохочут.

Ветер пронизывает все пространство чужой земли, от него невозможно укрыться даже в дворцовых залах, холодных, одиноких, необжитых, фактически непригодных для жизни.

Образ Руси ассоциируется у автора с женским началом (отсюда упоминание девушек на Днепре), в то время как запад и далекая Франция — страна мужчин, в которых женщине, теплу, ласке нет места. Все образы «чужого» мира мужские: воюющие герцоги, чем-то обеспокоенные. При этом автор упоминает их в риторических, не предполагающих ответа вопросах. Так становятся бессмысленными бесконечные распри воюющих друг с другом герцогов и суетные, мелочные помыслы королей.

Пространство, в котором оказалась Анна Ярославна, само по себе враждебно и излучает холод: здесь «хозяин редок, словно гость», что противоречит стереотипу о русском гостеприимстве. В новой стране царят животные инстинкты и собака (то есть зверь) берет верх над человеком: «собаки у младенцев малых отбирают турью кость».

Атрибутами «чужой» Франции являются «и мечи, и панцири, и шкуры», символы охоты и войны — то, что направлено не на созидание, благо и процветание государства, а что связано с раздорами и убийством. Агрессия и удовлетворение личных интересов и потребностей противостоят образу мирного труда русских девушек, полощущих белье, труду созидательному, приносящему радость. Наряду с войнами и охотами, особое внимание уделяют представители чужой страны пирам, на которых «хлещут трубадуры авиньонское вино». Неслучайно после увиденного, услышанного и прочувствованного настроение героини должно измениться.

Поэт вновь задает свой главный вопрос: «Хорошо ли быть на самом деле / королевой Франции чужой?» Обращает на себя внимание наречное выражение «на самом деле», которое уводит от притягательной картинке к реальности: на словах быть королевой Анной почетно, но легко ли и приятно — в этом приходится сомневаться. И реакция Анны Ярославны ясно говорит о том, что ответ будет отрицательным: «Ты полночи мечешься в постели, / Прорыпаясь со слезой». Королева явно не может принять то, с чем ей пришлось столкнуться на чужбине. Героиня стихотворения встревожена, душа ее неспокойна, она грустит и плачет то ли вспоминая Русь, то ли будучи не в состоянии привыкнуть к новой жизни.

Сфера духовная для автора является одной из самых важных в этом стихотворении. Жизнь души связана с верой, с религией. Самойлов противопоставляет два храма — католический и православный, причем эти образы собирательные. Соборы Франции «суровы и стрельчаты, / в них святые — каменная рать». От каждого слова веет холодом, безразличием по отношению к человеку и его проблемам, мыслям и чувствам. Святые — лишь изваяния, созданные из камня, и это отличает их от православных ликов на иконах. Священники католические, с точки зрения поэта, своевольны и под стать месту, где они служат. Вместо того чтобы исполнять Божью волю, прелаты совершают те или иные поступки по своему усмотрению, руководствуясь собственными представлениями о том, что правильно, а что неверно. А потому звучит авторское неутешительное — «а до Бога не достать!»

Противопоставляя французским соборам русские храмы, Самойлов пишет об их красоте и тепле, которую источают медовые свечи. В этом тепле — главная характеристика русского православного храма, его можно обонять и осязать, все здесь близко русскому сердцу.

Но не только тепло храмов и зима являются отличительными особенностями родины. Бездорожье, распутица, ставшие основными стереотипами в восприятии России, также создают образ, близкий душе и сердцу. Неслучайно композиционно строки о Руси, помещенные в начале и конце стихотворения, образуют кольцо. Все размышления о Франции оказываются в центре стихотворения. Можно считать, что последняя строфа — своеобразный ответ на вопрос, заданный в первой строфе: нельзя забыть родную землю, образ родины всегда остается в памяти. Королева Анна, подчеркивает автор, не могла отлепиться душой от родного стана: ничто не может заменить внутреннюю теплоту, никакие внешние атрибуты и титулы не спасают от одиночества.

Все стихотворение построено по принципу антитезы, образы Руси и Франции противопоставлены друг другу, например:

<i>Русь</i>	<i>Франция</i>
здесь	там
своё	чужое
тепло	холод
мирный труд	войны, охота, пиры
«женский» мир	«мужской» мир

Становится очевидно, что женщине некомфортно в мире мужчин, в мире, живущем по иным законам, там, где нужно диктовать свои условия, быть суровым и жестоким. Тем не менее Анна Ярославна превращается в королеву Анну; принимая свою судьбу, но не забывая о своей стране, она учится жить в условиях враждебного мира и, как известно из исторических источников, успешно справляется со своей трудной и ответственной задачей.

Выбирая героиней своего стихотворения реальное историческое лицо, древнерусскую княжну, а впоследствии королеву Франции, Давид Самойлов пытается раскрыть для читателя внутренний мир, переживания Анны Ярославны, о которой русские летописи не оставили упоминаний. Он стремится найти ответ на волнующие его важные вопросы: как чувствует себя человек, оторванный от родины, легко ли пережить эту разлуку и может ли высокое положение излечить от тоски. Делает это поэт на примере исторического персонажа, действия, чувства и мысли которого являются для читателей неизвестными и дают простор для поэтического творчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская Э. М. Давид Самойлов-лирик: лингвостилистический портрет // Русский язык в научном освещении. — М., 2003. — № 2 (6). — С. 14–26.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 2. — Тула : Приок. кн. изд-во, 1990. — С. 219–220.

3. Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. — М. : Академический проект, 2017. — 391 с.
4. Мусин А. Анна Киевская: между историографией и историей // Княжа доба: історія і культура. — Львов, 2014. — № 8. — С. 146–147.
5. Немзер А. Поэт Давид Самойлов // Счастье ремесла : избр. стихотворения. — М. : Время, 2010. — С. 5–24.
6. Самойлов Д. Королева Анна // Когда мы были на войне. — М. : Э, 2017. — С. 227–228.

Сведения об авторе

Андреева Екатерина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела древнеславянских литератур Института мировой литературы имени Горького РАН.

Сфера научных интересов: древнерусская литература эпохи татаро-монгольского ига, поэтика и герменевтика древнерусской литературы, традиции древнерусской литературы в литературе XX–XXI веков, компаративистика.

Контактные данные: электронный адрес: aaa46aaa@yandex.ru

E. A. Andreeva

RUSSIA AND THE WEST IN DAVID SAMOYLOV'S POEM "QUEEN ANNA"

In his works, a 20th-century poet David Samoylov often alludes to well-known fictional characters and historical personages. His poems are full of allusions and reminiscences. References to plots which are familiar to the reader enable the author to view past events from a different perspective, to discover new depths in familiar images, to ask urgent questions and to view eternal problems from an unorthodox point of view. In his poem "Queen Anna", he focuses on the image of Anna Yaroslavna, a Russian princess and queen of France. On one hand, the information related to her life abroad is rather scarce, while Old Russian chronicles do not even mention her. On the other hand, people both in Russia and abroad are keenly interested in this historical figure. Therefore, the author ponders about the woman and her attitude to the motherland she had to leave. The poem is based upon antithesis, the opposition between home, Russ, warmth, femininity, and peaceful labor on one hand and France, a foreign land, a cold and brutal country where people fight and hunt on the other hand. The poet unveils his character's inner world. The poet highlights that it is impossible to lose one's spiritual connection with one's motherland.

Anna Yaroslavna; antithesis; David Samoylov; motherland, poem

REFERENCES

1. Beregovskaja Je. M. David Samoylov, a Lyricist: a Linguostylistic Portrait. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language Research]. Moscow, 2003, no. 2 (6), pp. 14–26. (In Russian).
2. Karamzin N. M. *Istorija gosudarstva Rossijskogo. Tom 2* [History of the Russian State]. Vol. 2. Tula, Prioksky Publishing House, 1990, pp. 219–220. (In Russian).
3. Morozova L. E. *Velikie i neizvestnye zhenshhiny Drevnej Rusi* [Great and Unknown Women of Ancient Russia]. Moscow, Academic Project Publ., 2017, 391 p. (In Russian).
4. Musin A. Anne of Kiev: between Historiography and History. *Knjazha doba: istorija i kul'tura* [The Time of Princes: History and Culture]. Lvov, 2014, no. 8, pp. 146–147. (In Russian).
5. Nemzer A. David Samoylov, a Poet. *Schast'e remesla* [Craft Benefits]. Moscow, Time Publ., 2010, pp. 5–24. (In Russian).
6. Samojlov D. Queen Anne. *Kogda my byli na vojne* [When We were at War]. Moscow, E Publ., 2017, pp. 227–228. (In Russian).

Information about the authors

Andreeva Ekaterina Aleksandrovna — Candidate of Philology, Senior Researcher in the Department of Slavic Literatures of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: Old Russian literature of the Mongol Yoke, poetics and hermeneutics of Old Russian literature, traditions of Old Russian literature in the literature of the 20th–21st centuries, comparativistics.

Contact information: e-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.06.2019

Received 17.06.2019

УДК 821.111-3.09«19»

Т. Г. Струкова

**ПАРИЖ И ЖИЗНЬ. О КНИГЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ
«ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ»**

В статье впервые предпринята попытка рассмотреть с позиций теории повседневности восприятие художественного текста прошлого века современным читателем, феномен несовпадения обыденных деталей, культурных кодов у читателей разного времени, влияние современных массовых стереотипов на декодирование классического текста.

повседневность; культурное поле; историчность повседневности; Париж как главный персонаж; ответственность писателя

В последнее время все очевиднее формируется теория повседневности как специфическая концепция интерпретации художественного текста. В повседневности есть темпоральность и повторяемость, событийность и бессобытийность, цикличность и линейность, неразрывность и дискретность, движение и остановки. В художественном мире произведения предметно воплощается телесность, образность, вещьность, универсальные, типичные или необычные ситуации и объекты именно потому, что поле человеческого опыта являет собой систему, в которой принципом кодирования обыденности выступает наглядность. Эффект вещьности, образности, телесности позволяет читателю другой культуры или эпохи декодировать повседневность текста, хотя степень расшифровки зависит от множества факторов. Здесь действует целенаправленная установка на рассмотрение части целостной системы или всей целостности, чаще всего происходит оперирование категориями (часть/целое, общее/частное), и эти категории резонируют собственной повседневности читателя.

У повседневности есть важное свойство — историчность. А оно приводит к тому, что читателю одной эпохи бывает затруднительно понять повседневность иного времени, так как культурные реалии могут разительно отличаться, и тогда адекватное декодирование текста может стать почти недостижимым. К примеру, сейчас сложно представить себе без дополнительного разъяснения технологию создания и использования «вощенного столика», о котором идет речь в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, тогда как в романе «вощенный столик» обретает осязаемые свойства обыденной вещи, без которой не обходился быт русской дворянской усадьбы начала XIX века. А потому текст, который отделен от современного читателя временем, требует не только литературоведческого комментария, что общепризнано, но и разъяснения обыденных реалий, которые реципиенту кажутся странными или просто невозможными.

В 1999 году Петр Вайль опубликовал книгу «Гений места», которая стала своего рода культурологическим путеводителем по странам и городам. В ней он писал: «Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города. Их облик определяется гением места, и представление об этом — сугубо субъективно»¹.

В 1964 году, более чем за тридцать лет до этого издания, вышла книга Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» (“A Moveable Feast”). Именно в этом произведении оформился новый жанр — гибрид мемуаров о 1921–1926 годах, своеобразных отчетов о журналистских поездках, эссе о литературной и художественной жизни Парижа. Сам Хемингуэй так характеризовал свою книгу: «Если читатель пожелает, он может считать эту книгу беллетристикой. Но ведь и беллетристическое произведение может пролить какой-то свет на то, о чем пишут как о реальных фактах»². Для Хемингуэя Париж того времени был средоточием эстетического новаторства, местом, где он учился писать и был счастлив, хотя для многих американцев, к примеру С. Фицджеральда, Париж был городом излишеств, попок и пышного декаданса.

Хемингуэю приехал в Париж в 1921 году разъездным журналистом от канадской газеты «Торонто Стар», у него была полная свобода в выборе материала, правда, редакция оплачивала только опубликованные статьи. В послевоенном Париже за один доллар давали двенадцать франков, за семь франков (60 центов) можно было хорошо пообедать. В Париж из Америки стремились молодые непризнанные гении, влекомые дешевизной повседневной жизни и атмосферой творческой раскрепощенности.

Хемингуэй, в отличие от многих богатых бездельников, мог рассчитывать только на себя. Литература денег не приносила, поэтому он был вынужден совмещать напряженный писательский труд с не менее сложной работой журналиста. В 1922 году он выезжает на Генуэзскую конференцию, фактическим поводом которой была попытка примирения европейских стран с Советской Россией. В этом же году он отправился в Грецию, где не утихали греко-турецкие военные действия, затем Хемингуэй присутствовал на Лозаннской конференции. Стремительный переход от богемной свободы к статусу уважаемого журналиста давался ему нелегко, но он не хотел потерять постоянную работу. В книге «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэй пишет, что у него был один приличный костюм и пара хороших туфель для соблюдения социальных условностей.

Почти документальная фиксация повседневных ритуалов³, четкое обозначение культурных реалий, деталей парижской жизни, свойственных именно тому времени, разделение на разные социальные страты проявляются в эпизоде, когда Эрнест решает отпу-

¹ Вайль П. Гений места. М. : Колибри, 2008. 488 с. URL : <http://www.livelib.ru/author/173974-petr-vajl> (дата обращения: 21.02.2019).

² Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М. : Эксмо, 2016. С. 7. (Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием в скобках номера страницы).

³ См.: Феномен повседневности в литературе XX века : моногр. / науч. ред. Т. Г. Струкова. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2013.

стить волосы до плеч. Для современного читателя волосы до плеч у молодого мужчины не вызывают отрицательных эмоций, а в 20-е годы XX века подобная вольная прическа была акцентированным знаком принадлежности к разгульной богемной среде, что перекрывало доступ в приличное общество. Незначительная, на взгляд нашего современника, деталь означает окончательное решение Хемингуэя уйти из газеты и полностью посвятить себя нелегкому писательскому труду. Следствием этого стала чистенькая бедность и отчаянная нехватка средств, обед заменялся прогулками в Люксембургском саду, а картины в музеях казались прекраснее, когда от голода сосало под ложечкой. Он стал спарринг-партнером для профессиональных боксеров-тяжеловесов, что позволяло заработать 10 франков за один раунд. К 1923 году наследство Хэдли, жены Хемингуэя, закончилось, они с трудом находили 7 франков на обед. Первый сборник «Три рассказа и 10 стихотворений», конечно же, потешил его самолюбие, но книгу мало кто заметил, да и денег она не принесла.

Готовя к публикации восстановленный подлинный текст книги «Праздник, который всегда с тобой», сын Хемингуэя Патрик писал: «Новое поколение читателей... имеет возможность прочесть... текст, который является менее препарированным и более полным вариантом оригинального рукописного варианта, задуманного автором как воспоминания о парижских годах, когда он был молодым формировавшимся писателем, — об одном из счастливейших переходящих праздников» (с. 5).

В XXI веке Париж — это туристическая Мекка, и обязательным считается запечатлеть собственную персону на фоне Эйфелевой башни, Сакре-Кёр или Лувра. А в Париже 20-х годов прошлого века Хемингуэй уходил писать в кафе потому, что в съемной квартире условий для работы не было: плакал маленький сын, да еще под окнами неустанно визжала пила лесопилки. Теперь на стенах этих кафе висят таблички с указанием, что здесь был знаменитый писатель. Все превращено в торговую марку.

Историчность повседневности⁴ приводит к тому, что нашему современнику бывает трудно понять обыденность иного времени, поскольку изменились не только культурные и социальные реалии, но и другим стало индивидуальное культурное поле современного читателя (П. Бурдье), и поэтому не факт, что обладатель индивидуального культурного поля способен понять все детали давно минувших лет, так как аутентичное декодирование текста становится затруднительным, а иногда почти недостижимым⁵.

Нынешний гляцевый стереотип Парижа как легендарного места приводит к тому, что читатель совершенно искренне не видит детальное изображение Хемингуэем тех мест, где он жил. Для Хемингуэя Париж — это узкие улочки, бульжные мостовые, по которым тархтят колеса тележек уличных торговцев, крохотные темные лавчонки, холод зимнего дождя, дешевые кафе, съемные квартиры, резкие, иногда тошнотворные запахи. К примеру, на первой странице книги фиксируется такая картинка: «Кафе “Дез аматёр” было отстойником улицы Муфтар, чудесной узкой людной торговой улицы, которая вела к площади Контрэскарп. Низенькие туалеты старых домов — по одному возле лестницы на каждом этаже, с двумя цементными приступками в форме подошвы по сторонам от очка, чтобы жилец не поскользнулся, — опорожнялись в отстойник; ночью их откачивали в цистерны на конной тяге. Летом, при открытых окнах, ты слышал звук насосов и очень сильный запах» (с. 32).

Однако современный читатель наслаивает поверх текста Хемингуэя собственное представление о том, что в Париже такого не было, потому что не может быть никогда, да и гляцевая картинка, которую он рассматривал в Интернете, достоверна. Конечно же, Париж изменился, и сейчас невозможно увидеть пастуха, который доит козу прямо на улице. Но Хемингуэй в «Празднике, который всегда с тобой» точно фиксирует знаки

⁴ «Мы понимаем повседневность в художественном произведении как реализованную эмпирическим автором целостную систему культурных кодов и практик, в которой представлена вся полнота бытия/поведения человека. С этой системой индивидум соотносит свое восприятие мира и переживания, в ней производятся значения, создаются и преобразуются объекты». (Феномен повседневности в литературе XX века. С. 19.

⁵ См. там же. С. 21–22.

времени — звон трамвая переключается со звоном колокольчика пастуха. Писатель четко указывает ориентиры парижского пространства, создает выпуклые, достоверные зарисовки обыденной жизни, в результате текст визуализируется и начинает тяготеть к кинокадру.

Хемингуэй пишет, что он не ходил в то кафе, в котором обедал Джойс, не только потому, что дорого, но еще и потому, что «в таких местах всегда ожидалось появление журналистов как поденной замены бессмертия» (с. 99). Хемингуэй искал заведение «теплое, чистое, приветливое» (с. 33), где владелец не выставлял его за дверь за то, что он заказывал всего-навсего кофе с молоком и бриоши за один франк, а затем на несколько часов погружался в работу. Устрицы, которые он просил принести после окончания работы, были самыми дешевыми, их ели рабочие.

Обыденная парижская реальность 20-х годов XX века сейчас становится понятной только после тщательного исследования, по сути историко-культурного декодирования текста. Но у современного читателя создается стойкое впечатление о барстве Хемингуэя, и наступает этап осуждения, незаслуженного и неверного. Париж 20-х годов XX века искривляется нынешним представлением, тогдашнее время истаивает, хотя Хемингуэй представляет точную картину, в которой все детали (быт, встречи, еда, поездки и т. д.) создают выпуклое полотно, как у Сезанна.

Писатель добивается эффекта, к которому сознательно стремился — текст становится зримым, объемным, ощущение прошлого становится почти осязаемым. В этой же книге Хемингуэй рассказывает о поисках собственной манеры письма, к примеру, он пишет: «Я исходил из своей новой теории, что можно опустить что угодно, если опускаешь сознательно, и опущенный кусок усилит рассказ, заставит людей почувствовать больше того, что они поняли» (с. 95). Именно поэтому Хемингуэй сохраняет только каркас событий, тогда как детали либо затушевывает, либо, напротив, усиливает в зависимости от художественной необходимости. Он избегал пышных определений, таких как «потрясающий», «великолепный», «грандиозный», «величественный», следуя в подчеркнутом стилевом аскетизме завету Л. К. Моиса, газетного «волка» из «Канзас Стар», и старался писать об обыденных вещах просто, не разыгрывая из себя стороннего наблюдателя и всезнающего господина бога одновременно, а единственно стоящей формой рассказа он считал объективное изложение событий и эмоций.

Зима в Париже заставляла Хемингуэя приспособливаться: «Я знал, сколько будет стоить пучок прутьев для растопки, три перевязанных проволокой пучка сосновых щепок длиной в половину карандаша и вязанка коротких полешков, которые я должен купить, чтобы согреть комнату» (с. 33). Холод преследовал везде и всегда. В книге читаем: «Закончив работу, я убирал блокнот или бумаги в ящик стола, а несъеденные мандарины — в карман. Если оставить их в комнате, они за ночь замёрзнут» (с. 38). Зима в Париже в 20-е годы XX века — это покупка хороших дров и угля, прессованной угольной крошки для камина, чтобы комната быстро не остывала, жаровни на террасах кафе, чтобы посетители могли согреться.

О причине знакомства с Сильвией Бич Хемингуэй говорит так: «В те дни покупать книги было не на что. Книги можно было брать в платной библиотеке «Шекспир и компания» на улице Одеон 12... На холодной ветреной улице это был теплый веселый уголок с большой печью, топившейся зимой, с книгами на столах и полках» (с. 51). Хемингуэй был удивлен уверенности Сильвии Бич в том, что за пользование книгами он непременно внесет абонентский взнос позже, ведь адрес в Париже, по которому он жил, «улица Кардинала Лемуана, — был беднее некуда» (с. 52).

В книге «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэй подчеркивал, что в 20-е годы в Париже он читал и перечитывал русских писателей, стремясь понять внутреннюю авторскую работу, что давало возможность объединить собственный небольшой опыт с достижениями предшественников, а это, по его мнению, позволяло постичь самое главное — правду повествования.

Для Хемингуэя русская литература стала «целым новым миром» (с. 134). По его собственному признанию, он опирался на художественные находки русских писателей, которые для него были совершенно очевидны. Он ценил скрупулезное описание «дорог

и пейзажей» у Тургенева, поражен точности картины «боев» у Толстого, восхищался «простотой» повествования у Чехова, удивлялся правдивости «фантазмагии» Гоголя. С его точки зрения, Достоевский писал «невероятно плохо» (с. 139), но при этом его более всего занимала мысль о том, каким образом Достоевский мог «вызывать такие сильные чувства» (с. 139). Хемингуэй винил самого себя как читателя за то, что текст Достоевского оказался для него недоступен, он его так и не расшифровал. Застряв в горах Шрунса, он не смог заставить себя перечитать роман «Преступление и наказание».

Английские, французские, американские авторы не выдерживали сравнения с русскими писателями. «Сперва были русские писатели, потом все остальные. Но долго были только русские» (с. 134). После текстов Чехова рассказы К. Мэнсфилд казались «манерными», после «Севастопольских рассказов» описание войны у С. Крейна было «фантазией больного мальчика», а «Пармская обитель» Стендаля, кроме нескольких страниц, оказалась «скудной» (с. 133). Интересна табель о писательских рангах, которую Хемингуэй выстроил для себя. В одном из писем он заметил, что, решив в Париже стать писателем, он начал соревнование именно с русскими авторами. Первым, по его признанию, он обошел Тургенева (хотя в письме к А. Маклишу он назвал Тургенева своим любимым писателем), затем Чехова, потом Гоголя, но с Толстым, по его признанию, начать схватку он сможет только тогда, когда станет либо гением, либо сумасшедшим.

Столь высокая оценка русской литературы и такое честное признание об ученичестве у русских мастеров было скорее уникальным, чем обычным явлением в писательской среде Парижа 20-х годов прошлого века. Э. Паунд пафосно рассуждал о русской литературе, но, в конце концов, признался Хемингуэю, что «никого из русских не читал» (с. 135). С. Фицджеральду, который переживал об отсутствии военного опыта, Хемингуэй рекомендовал читать «Севастопольские рассказы» Толстого, но тот так и не последовал совету. Русская литература в то время была явлением модным, но инородным, и утверждать, что тогда она оказала невероятно мощное влияние на европейскую и американскую литературу, будет, на мой взгляд, большим преувеличением.

Кроме ежедневной писательской работы, была просто жизнь, и Хемингуэй полагал, что без накопления опыта писатель не сможет ничего. Писатель приживался, притирался к Парижу, а Париж открывался ему. Бедность не признавалась вообще: «Мы считали себя людьми высокого полета, а те, на кого мы смотрели свысока и кому справедливо не доверяли, были богаты» (с. 63). Прогулки по Парижу, разезды по Европе в качестве корреспондента, знакомство с парижской богемой, катание на лыжах в горах, поездка в Памплону на бой быков, чтение книг русских авторов — все это укладывалось в неперемное правило писательского труда, которое сформулировал для себя Хемингуэй. Он годами воспитывал в себе серьезное и ответственное отношение к слову и стремился всегда следовать этому правилу, потому что литература, по его мнению, не переносит полумер и несправедливости. «И в этой же комнате я приучил себя, закончив работу, не думать о том, что пишу, покуда не сяду завтра за продолжение. Так мое подсознание будет работать над этим, а я тем временем, надеюсь, смогу слушать других людей, и все замечать, и что-то новое узнавать, надеюсь, и я читал, чтобы не думать о своей работе, чтобы на другой день не оказаться перед ней бессильным» (с. 39–40).

С детства в Мичигане Хемингуэй увлекался рыбной ловлей, но в Париже только наблюдал за рыбаками. «Авторы путевых заметок писали о рыболовах на Сене так, как будто они сумасшедшие и ничего не ловят, но это была серьезная и добычливая рыбалка. Большинство рыболовов были люди с маленькой пенсией, еще не знавшие, что ее совсем съест инфляция, или заядлые любители, посвящавшие этому выходные или половинные выходные. <...> И я всегда радовался тому, что есть люди, которые ловят серьезно и основательно и приносят хотя бы несколько рыб в семью для жарки» (с. 59). В этом маленьком отрывке есть фиксация рыбалки как страстного увлечения и почти сакральное отношение к рыбе как еде.

Зимой он сбегал из стилого, сырого, ветреного Парижа в горы. В книге «Праздник, который всегда с тобой» писал: «В Шрунсе не было ни лыжных подъемников,

ни фуникулеров, зато сверху по долинам шли трелевочные и скотопрогонные дороги. Ты поднимался пешком с лыжами, а наверху, где начинался глубокий снег, взбирался на лыжах с прикрепленными к ним тюленьими шкурами» (с. 149–150).

Современный читатель совершенно иначе представляет себе катание на горных лыжах. Это утрамбованные ратраками трассы, подъемники, тренеры, прокатные пункты, кафе, рестораны и разноцветная веселая толпа. Все технологично и комфортно — модное развлечение. Во времена Хемингуэя не было никаких билетов на ски-пасс, ярких костюмов, шлемов, перчаток и вертолетов горных патрулей. Только рюкзак за спиной, в котором зачастую были дрова, чтобы обогреться в хижине наверху. «Откуда ты хотел скатиться, туда ты должен был подняться и скатиться мог лишь столько раз, сколько взобраться на своих двоих. И ноги становились такими, какие не подведут при спуске» (с. 151).

Восхождение к горному приюту превращалось в целую экспедицию, которую долго и детально планировали, а ежедневный пеший подъем в горы готовили тщательно. «Утром после завтрака нагружались и шли вверх по дороге под яркими еще звездами, с лыжами на плече. У носильщиков лыжи были короткие, и несли они большой груз... никто не мог состязаться с носильщиками — коренастыми угрюмыми крестьянами, которые говорили на диалекте долины Монтафон и поднимались в гору ровным шагом, как выючные лошади, а наверху, у хижины Альпийского клуба... складывали свою ношу у каменной стены хижины, запрашивали больше денег, чем было договорено внизу, и, согласившись на компромисс, уносились вниз на своих коротких лыжах, как гномы» (с. 158–159).

С таким же вниманием к обыденным деталям он изображает поездку в Памплону, на бой быков, который ему виделся античной трагедией. Один раз в году тишайший в другое время городок превращался в пространство средневекового карнавала с танцующими на площадях людьми, с бегом разъяренных быков по главной улице. И вновь у современного читателя наблюдается разрушение стереотипа. Нынешняя Памплона стала модным туристическим местом, на бой быков в ней собирается до полумиллиона человек. Во времена Хемингуэя испанская Памплона была одним из многочисленных центров праздника урожая, на который съезжались крестьяне из окрестных деревень, чтобы продать излишки зерна, мяса, сыров, а заодно хорошо повеселиться и посмотреть на бой быков. Талант Хемингуэя превратил заурядный городишко в место паломничества, а коррида стала модной забавой.

Хемингуэй всегда возвращался в Париж. «Если тебе повезло, и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж — это праздник, который всегда с тобой» (с. 7). Именно в Париже он сформировался как писатель, там нашел интеллектуальные, духовные источники для творчества. В этом городе его эмоции, тесно переплетенные с реальной, обыденной средой обитания — улочками, кафе, студиями, музеями, садами, ипподромами, боксерскими рингами, Сенной, стали толчком для первых рассказов и романов. Париж был частью его молодости и счастья, о Париже он стал писать позже, вдали от него.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Вайль П. Гений места. — М. : Колибри, 2008. — 488 с. — URL : <http://www.livelib.ru/author/173974-petr-vajl> (дата обращения: 21.02.2019).
2. Феномен повседневности в литературе XX века : моногр. / науч. ред. Т. Г. Струкова. — Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2013. — 208 с.
3. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. — М. : Эксмо, 2016. — 170 с.
4. Mellow J. R. Hemingway: A Life Without Consequences. — New York : Houghton Mifflin, 1992. — 246 p.

Сведения об авторе

Струкова Татьяна Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: история зарубежной литературы XIX–XXI веков, теория литературы, литературная критика, теория повседневности и ее реализация в литературе XX–XXI веков.

Контактные данные: электронный адрес: tstrukova@vmail.ru

T. G. Strukova

PARIS AND LIFE. ABOUT E. HEMINGWAY'S BOOK "A MOVEABLE FEAST"

The article attempts to investigate modern readers' perception of a literary text written in the previous century from the point of view of everyday routine. It attempts to analyze the incongruous details of everyday life. It investigates cultural codes relevant to differently aged readers. It analyzes the impact of stereotypes spread in modern mass media on the way people decode a classical text.

everyday life; cultural field; historicity of everyday life; Paris as a major character; writer's responsibility

REFERENCES

1. Vajl' P. *Genij mesta* [Genius of Place]. Moscow, Colibri Publ., 2008, 488 p, URL : <http://www.livelib.ru/author/173974-petr-vajl> (Accessed: 21.02.2019). (In Russian)
2. Strukova T. G. (ed.) *Fenomen povsednevnosti v literature HH veka* [The Phenomenon of Everyday Life in the 20th Century Literature]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2013, 208 p. (In Russian)
3. Hemingway E. *Prazdnik, kotoryj vseгда s toboj* [A Moveable Feast]. Moscow, Eksmo Publ., 2016, 170 p. (In Russian)
4. Mellow J. R. *Hemingway: A Life Without Consequences*, New York, Houghton Mifflin Publ., 1992, 246 p.

Information about the authors

Strukova Tatyana Georgiyevna — Doctor of Philology, Professor in the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature at Voronezh State Pedagogical University.

Research interests — history of foreign literature of the 19th–20th centuries, literary criticism, theory of everyday life and its implementation in literary traditions of the 19th–20th centuries.

Contact information: tstrukova@vmail.ru

Поступила в редакцию 17.06.2019

Received 17.06.2019

УДК 811.161.1'373.614:821.161.1«19»

Ю. В. Веревкина

**СЛОВА С НАРОДНОЙ ЭТИМОЛОГИЕЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ОВЕЧКИНА**

В статье в рамках научной работы кафедры русского языка Курского государственного университета изучаются идиолекты авторов Курского края. В процессе анализа словника, составленного нами на основе текстов произведений В. Овечкина, выявлены лексемы с «окказиональной» семантикой, которые обладают «народной» этимологией и являются особенностью авторского идиостиля. Лингвисты неоднозначно трактуют данное явление: одни относят подобные слова к каламбурам, другие — к явлению «неуправляемой каламбурности». В своем исследовании мы придерживаемся понятия «слова с народной этимологией», под которым понимаем окказиональную семантизацию, псевдоэтимологизацию как стилистический прием. «Народная этимология» позволяет переосмыслить незнакомое или трудное для восприятия слово путем сближения его с хорошо известным и уже освоенным словом-понятием. Во избежание неверного толкования все значения слов с народной этимологией устанавливались с учетом контекстов, в которых они употребляются. В состав каждой такой лексической единицы минимально входят два компонента, имеющих смысловую нагрузку, образующих сложное информативное единство, подчиненное определенной цели. Почти все лексемы данной категории связаны с сельскохозяйственной тематикой. Количество таких слов в произведениях В. Овечкина невелико, что позволяет максимально точно донести смысл каждого слова до широкого круга читательской аудитории.

идиостиль; каламбур; неуправляемая каламбурность; псевдоэтимологизация; народная этимология; сложная семантическая структура; сложное информативное единство

Лингвистическое исследование текстов писателя и публициста В. В. Овечкина — составная часть научного проекта «Курское слово» кафедры русского языка Курского государственного университета. Проект посвящен описанию местных говоров, языка фольклорных произведений, а также творческих идиолектов тех авторов, жизнь и творчество которых связаны с Курским краем.

Самая значительная часть творческой биографии В. В. Овечкина имеет отношение к Курской области, где он проживал с 1948 по 1963 год. Здесь написаны пьеса «Настя Колосова» о показательных успехах в колхозах, рассказы, критические статьи, а также наиболее известные его произведения — цикл очерков «Районные будни», связанных общностью темы и героев. «По сути, в его очерках... факты реальной экономической и социальной жизни людей из глубинки... впервые... стали предметом глубокого эстетического переживания и явлением большой литературы. <...> В этих очерках показанное писателем ужасающее положение колхозного крестьянина (неоплачиваемый труд, отсутствие паспортов, а в силу этого фактически крепостная зависимость от местных властей) принимало характер обобщения и масштабной социальной критики всей советской тоталитарной системы. Хотя, конечно, Овечкин... видел главного врага... в бюрократах и управленцах, он ставил вопрос и о необходимости системных перемен, по сути о принципиальной демократизации общества как условия его процветания»¹.

Для изучения актуализированного лексикона писателя нами был составлен словник, учитывающий каждое употребление слова в макротексте его произведений. Предварительный анализ словаря позволил выделить в нем ядерную и периферийную части,

¹ Валентин Овечкин: биография. URL : <http://www.people.su/81909> (дата обращения: 11.02.2019).

определить роль различных групп и разрядов слов (например, общественно-политической, военной лексики), показал наличие большого количества диалектизмов и украинизмов, а также единиц с народной этимологией, очевидно, обусловленных особенностями авторского идиостиля. Описание таких слов составляет предмет настоящей статьи.

Наличие в текстах слов с народной этимологией является одним из приемов стилизации речи, характеризующих писательский лексикон. Данные слова представляют исследовательский интерес благодаря «окказиональной» семантизации как речевому явлению, новой этимологизации слов. Изучение явления народной этимологии не утратило своей актуальности в силу того, что это один из аспектов, позволяющих создавать «особый» контекст, отвечающий принципу коммуникативности и принципу понимания»². Однако отношение лингвистов к подобным лексемам неоднозначно, многие не уделяют им должного внимания, считая «явлением неуправляемой каламбурности»³.

Исследователи сходятся во мнении, что каламбур — это игра слов, «оборот речи, шутка, основанная на использовании звукового сходства двух или нескольких слов или словосочетаний, имеющих разное значение (иногда в каламбуре сталкиваются разные значения одного и того же слова), с целью произвести комический эффект. Подчеркивается, что это могут быть сходно звучащие отрезки речи или разные виды омонимии единиц, не только одинаково произносимых, но часто по-разному пишущихся. Согласно образному определению, «каламбур — это экспериментальная мастерская по выработке и оформлению необычных смыслов»⁴.

Существуют классификации каламбуров, базирующиеся на различных критериях⁵. В данной статье предметом нашего исследования являются слова с так называемой «народной этимологией». Приведем классификацию А. П. Сковородникова, основным критерием которой является лексическая сторона функционирования каламбура. По мнению автора, лексические каламбуры делятся на следующие виды:

1) полисемические: *Если история повторяется, значит у неё склероз* (Аргументы и факты. 2000. № 45);

2) омонимические: *Народ был, народ есть, народ будет есть* (Комсомольская правда. 1991. 6 дек.);

3) антонимические, основанные на сопоставлении или противопоставлении псевдоантонимов (слов из разных антонимических пар): *Поклон сужает кругозор, но расширяет перспективы* (Литературная газета. 1995. 8 нояб.);

4) паронимические: *Это не взятка-с, а законное, так сказать, взятие...* (А. П. Чехов); *В спорах вырождается истина* (Литературная газета. 2002. 10–16 июля)⁶.

В текстах В. Овечкина встречается один из распространенных «приемов каламбурной игры — изменение звучания нарицательных или собственных существительных (в нашем случае нарицательных) с целью их переосмысления»⁷, то есть на основе сходства звучания происходит соединение двух элементов с разными значениями в пределах одной единицы с целью создания и обыгрывания определенного смысла. Следует разли-

² Ушкалова М. В. К вопросу о классификации каламбура // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2013. № 3 (27). Т. 1. URL : <http://www.scientific-notes.ru/pdf/031-014.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).

³ Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. С 18.

⁴ Санников В. З. Русская языковая шутка: от Пушкина до наших дней. М. : Аграф, 2003. С. 76.

⁵ См.: Фюрстенберг А. И. Каламбур // Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Советская энциклопедия, 1973. Т. 11. С. 191–192 ; Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001. 224 с. ; Дамм Т. И., Сковородников И. П. Каламбур: опыт словарной статьи // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 116 ; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки славянской культуры, 2002. 552 с. ; Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи. 723 с.

⁶ Дамм Т. И., Сковородников И. П. Каламбур: опыт словарной статьи. С. 116.

⁷ Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. С. 492.

чать заданную и незаданную каламбурность, «окказиональную семантизацию слова как стилистический прием и нестилистическую (неуправляемую, наивную) псевдомотивацию (или псевдоэтимологизацию)»⁸, когда «говорящий по незнанию норм литературного языка или в шутку меняет звучание непонятого по своей внутренней форме слова, сближая его с понятными словами»⁹, «когда, не зная подлинной этимологии слова, приписывает ему “поверхностное” значение с опорой на “прозрачный” квазикорень — “народную” псевдоэтимологизацию»¹⁰.

В Словаре литературоведческих терминов отмечено, что «народная этимология (термин Г. Ферстмана, 1852; «приурочка», «переиначка», по Р. Брандту, «подверстка», по Далю, «народный перевод») — переосмысление или как бы присмысление незнакомого и трудного слова путем сближения его с хорошо известным и уже освоенным словом-понятием: *секуция* (экзекуция), *нажим* (режим), *острология*, *стрелябия*, *банка* (банк), *громофон*, *невралитет*, *опробировать*, *винополька* и т. д.»¹¹.

Проблеме изучения слов с «народной этимологией» посвящены работы В. А. Чудинова, который понимает под «народной этимологией ложную этимологию, лексическую ассоциацию, возникающую под влиянием просторечия»¹², Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова, считающих «“народной этимологией” переделку фонеморфологической структуры непонятого слова, в результате чего оно по звучанию и значению сближается с известными носителю языка словами и легче поддается осмыслению»¹³, а также работы других ученых-лингвистов.

Следует отметить, что послевоенное время, описываемое в произведениях В. Овечкина, связано с резким ростом производительности труда в различных областях народного хозяйства, что также служит платформой для активного процесса номинации. Следствием процесса развития сельского хозяйства стало появление новой терминологии для работников данной отрасли, которая также подверглась процессу «трансформации».

В произведениях В. Овечкина часть слов с «народной этимологией» семантически близка с уже известными словами (*цементальский*, *хата-амбулатория*, *финонос*); некоторые лексемы имеют своей целью выявить отрицательные стороны определенных явлений действительности (*агролом*, *лавулировать*, *лавулирующий*, *бригадёр*), а лексема *рынтабельный* употребляется с целью создания иронического эффекта. Большинство слов с «народной этимологией» в произведениях В. Овечкина связано с сельскохозяйственной тематикой. Таким образом автор хотел показать, как «приживались» и переосмысливались новые слова в сознании простого человека. Подобные единицы дают возможность альтернативной интерпретации, при этом возникает вероятность ложного истолкования, поэтому значения всех выбранных слов установлены в соответствии с текстами, в которых они употребляются, и с опорой на толковые словари («Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) и «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой).

В текстах В. Овечкина представлены образования, которые заменяют непонятные слова иноязычного происхождения другими, смысл которых вполне прозрачен.

В слове *цементальский*, зафиксированном в очерке «Трудная весна», соединены слова *симментальский* ('порода крупного рогатого скота, отличающаяся высокими мясными и молочными качествами (по названию реки Зимменталь (Simmental) в Швейцарии'¹⁴) и общеупотребительное в описываемое время слово *цемент*, символизирующее нечто надежное, основополагающее.

⁸ Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи. С. 226.

⁹ Санников В. З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. С. 63.

¹⁰ Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи. С. 226.

¹¹ Боровой Л. Народная этимология // Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. С. 230.

¹² Чудинов В. А. Народная этимология как народное толкование слов. URL : <http://chudinov.ru/narodnaia> (дата обращения: 10.03.2019).

¹³ Введенская Л. А., Колесников Н. П. Этимология : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2004. С. 37.

¹⁴ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1988. Т. 4. С. 94.

*Три быка. Вот стоят, посмотрите. Сам выбирал в совхозе. Цементальской породы*¹⁵.

Таким образом, новое слово возникло в результате ассоциативного наложения лексемы *цемент* на иноязычное слово *симментальский* с затемненной этимологией для неспециалиста, которое трудно произносится, плохо запоминается.

В номинации *бык-делопроизводитель*, представленной в том же очерке, произошло объединение лексем *производитель* — ‘самец (бык, жеребец, хряк, баран), улучшатель породы и продуктивности скота’¹⁶, и *делопроизводитель* — ‘должностное лицо, занимающееся делопроизводством’¹⁷.

— [Долгушин] *Учет ведете при случке? Какая корова покрыта, какая не покрыта?*

— [Бесфамильный] *Да, и учет ведем... А вообще я, товарищ директор, на быков надеюсь... У нас хорошие быки-делопроизводители*¹⁸.

В рассказе «Прасковья Максимовна» зафиксирована лексема *хата-амбулатория* — трансформированный вариант наименования *хата-лаборатория*, в котором общий смысл более или менее угадан: ‘заведение, оборудованное в крестьянской избе’ — из элементов *хата* (слово, «пришедшее в русский язык из украинского»¹⁹) и *амбулатория* (‘медицинское учреждение, оказывающее лечебно-профилактическую помощь по основным лечебным специальностям и на дому’)²⁰.

*«Я, говорит, и так квалифицированный, вдоль и поперек. Могу вам без хаты-амбулатории анализ сделать каждому гектару и каждой кочке на гектаре, ибо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался»*²¹.

Использование в речи подобных приемов позволяет, кроме прямого, буквального значения, выразить скрытые, добавочные смыслы. Так, например, в рассказе В. Овечкина «Ошибка» *агролом* — это сочетание слов *агроном* и *ломать*, когда совершается сознательный, содержательный, художественный перенос смысла (а не только невольное переосмысление). В данном случае подразумевается неумелый специалист в области агрономии.

*Придет дед к нему [Павлову] в политотдел, сядет в углу, нахмурится и бормочет: «Сукины дети, агроломы, нету на вас погибели! <...> Привез агроном эти пшеничники, или как они там у черта называются, а они только сверху землю ковыряют, а вглубь не лезут. Весь сорняк как был, так и стоит невредимый!»*²².

Фирнос — народный вариант слова *эфиронос* (‘растение, содержащее эфирные масла’²³) представлен в военной повести «С фронтовым приветом». Возможно, на создание этой номинации оказала влияние и привычная для слуха сельского жителя в то время сходно звучащая лексема *меринос*, обозначающая наиболее многочисленную и распространенную в Советском Союзе породу тонкорунных овец (*эфиронос*, как и *меринос*, — терминологические наименования, использующиеся в специальной области и придающие речи большую «весомость», авторитетность).

*«По-простому, видишь, как назвать розу — ну, цветок, и все. А по-научному называется — фирнос. Из тех лепесточков розовое масло дают»*²⁴.

¹⁵ Овечкин В. В. Трудная весна // Собр. соч. : в 3 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 225.

¹⁶ Сельскохозяйственный словарь-справочник. М. ; Л. : Сельхозгиз, 1934. 1280 с. URL : http://enc.biblioclub.ru/Termin/1113679_PROIZVODITEL (дата обращения: 15.02.2019).

¹⁷ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. Т. 1. С. 370.

¹⁸ Овечкин В. В. Трудная весна. Т. 2. С. 225.

¹⁹ Толковый словарь языка Совдепии / под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 638.

²⁰ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Т. 1. С. 26.

²¹ Овечкин В. В. Прасковья Максимовна // Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. С. 63.

²² Овечкин В. В. Ошибка // Там же. С. 46.

²³ Словарь русского языка. С. 772.

²⁴ Овечкин В. В. С фронтовым приветом // Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. С. 362–363.

Единица *рынтабельный*, зафиксированная в рассказе В. Овечкина «Без роду, без племени», обозначает экономическую сторону хозяйственной деятельности, образована соединением слов *рынок* как ‘сфера товарного обращения, товарооборота’²⁵ и *рентабельный* — ‘оправдывающий расходы; не убыточный’²⁶.

*Сказать по правде, колхозы там хорошие, но только для местного человека, который на корню сидит, а так, чтоб подработать, — негде. Нету такого колхоза, чтоб уж дюже был, как бы сказать, **рынтабельный** для нас*²⁷.

Несколько лексем, которые можно отнести к сфере народной этимологии, характеризуют очень важную для писателя проблему — особенности руководства колхозным хозяйством.

Значение слова *лавулировать* (а также сюда можно отнести и производную лексему *лавулирующий*) объясняет сам автор в рассказе «Лавулирующие».

*Слышал я в народе новый глагол — **лавулировать**. Новое слово, его нет ни в каких словарях. Похоже и на регулировать, и на лавировать, и на вуалировать. Но ни то, и ни другое, и ни третье. Емкое по смыслу и очень точное слово. Зашла речь об одном ответработнике, и кто-то метко охарактеризовал его этим новым словечком: «Да он не работает, а так — лавулирует всю жизнь»*²⁸.

*Был у меня неприятный, оставивший тяжелый осадок на душе, но в общем полезный, в смысле наблюдений, разговор с одним ответработником из **лавулирующих***²⁹.

Лексема *бригадёр* образована объединением элементов слов *бригадир* в значении ‘руководитель бригады’ и *живодёр* — ‘жестокий человек’. *Бригадёр* в рассказе «Ошибка» — неумелый, безответственный руководитель бригады, который впоследствии оказался «жуликом» и растратчиком колхозных средств.

*Давеча булгахтер с **бригадёр** считали, считали — недостает одной кобылы, написали акт: разорвали, дескать, волки, а она нынче утром заявляется — в грязюке вся по уши, худущая, как шкилет!*³⁰

Среди фактов речевого явления слова с «народной этимологией», находящиеся на стыке изучения нескольких наук, представляют собой одну из перспективных сторон изучения взаимодействия лексикологии с фонетикой, фонологией, а также с литературоведением, лингвостилистикой и психолингвистикой.

В состав каждой такой лексической единицы минимально входят два компонента, имеющие смысловую нагрузку, образующие сложную семантическую структуру. Таким образом происходит формирование сложного информативного единства, подчиненного определенной цели.

Рассматриваемые лексемы являются когнитивным ядром определенных контекстов и «обладают не только экспрессивно-семантическим, но и ассоциативным полем, фонетическая и психологическая природа которого еще мало изучена»³¹. Как считают некоторые исследователи, в пределах рассматриваемого временного периода каламбурная игра слов потеряла свою актуальность, хотя и продолжала занимать заметное место в творчестве некоторых писателей, таких как В. Маяковский, И. Ильф, Е. Петров, Б. Заходер и др. Данная категория единиц представлена и в произведениях В. Овечкина, однако широко не употребляется. По нашему мнению, ее использование объясняется тем, что автор старался максимально точно донести смысл каждого слова до читателя независимо от уровня его образованности, чтобы не возникало проблем с пониманием основного идейного замысла.

²⁵ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Т. 2. С. 529.

²⁶ Там же. С. 500.

²⁷ Овечкин В. В. Без роду, без племени // Собр. соч. Т. 1. С. 203.

²⁸ Овечкин В. В. Лавулирующие // Там же. Т. 1. С. 257.

²⁹ Там же. С. 259.

³⁰ Овечкин В. В. Ошибка. С. 43.

³¹ Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи. С. 346.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Валентин Овечкин: биография. — URL : <http://www.people.su/81909> (дата обращения: 11.02.2019).
2. Введенская Л. А., Колесников Н. П. Этимология : учеб. пособие. — СПб. : Питер, 2004. — 221 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М. : Ин-т общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
4. Дамм Т. И., Сквородников И. П. Каламбур: опыт словарной статьи // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. — Красноярск, 2001. — № 1. — С. 116–117.
5. Овечкин В. В. Собр. соч. : в 3 т. — М. : Худож. лит., 1989. — Т. 1. — 464 с. ; Т. 2. — 559 с.
6. Санников В. З. Русская языковая шутка: от Пушкина до наших дней. — М. : Аграф, 2003. — 560 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — 2-е изд. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.
8. Ушкалова М. В. К вопросу о классификации каламбура // Учен. зап. : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. — 2013. — № 3–1 (27), т. 1. — С. 151–157. — URL : <http://www.scientific-notes.ru/pdf/031-014.pdf> (дата обращения: 03.03.2019).
9. Чудинов В. А. Народная этимология как народное толкование слов. — URL : <http://chudinov.ru/narodnaia> (дата обращения: 10.03.2019).

Сведения об авторе

Веревкина Юлия Владимировна — соискатель кафедры русского языка Курского государственного университета.

Сфера научных интересов: своеобразие лексикона В. Овечкина.

Контактная информация: моб. тел.: 8 (950) 876-26-59; электронный адрес: zolotosony@yandex.ru

Yu. V. Verevkina

WORDS WITH FOLK ETYMOLOGY IN V. OVECHKIN'S WORKS

The article investigates idiolects used by writers of the Kursk region within the framework of a research conducted by the Department of the Russian Language at Kursk State University. The analysis of the glossary compiled on the basis of V. Ovechkin's texts enables us to single out words with occasional semes and folk etymology. Some linguists claim that such words should be classified as "traditional" pun, others treat them as "erratic" pun. The author of the present research prefers the term "words with folk etymology" to denote words with occasional semes and pseudosemes used intentionally for stylistic purposes. The so called "folk etymology" enables people to reassess the meaning of an unfamiliar or difficult word due to its convergence with a well-known word or notion. To avoid a misleading interpretation, all words with folk etymology are assessed against contexts in which they are used. Every word with folk etymology contains at least two semantic components which are united to create a complex unity aimed at fulfilling a certain informative purpose. Almost all words with folk etymology are related to agriculture. V. Ovechkin's works contain small amounts of such words, therefore the meaning of every word can be meticulously explained to the reader.

idiostyle; pun; erratic pun; pseudo-etymology; folk etymology; complex semantic structure; complex unity

REFERENCES

1. *Valentin Ovechkin: biografija* [Valentin Ovechkin: a Biography]. URL : <http://www.people.su/81909> (accessed: 11.02.2019). (In Russian).
2. Vvedenskaja L. A., Kolesnikov N. P. *Jetimologija* [Etymology]. St. Petersburg, Peter Publ., 2004, 221 p. (In Russian).
3. Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translatology (General and Lexical Issues)]. Moscow, Institute of Compulsory Secondary Education of the Russian Academy of Education Publ., 2001, 224 p. (In Russian).
4. Damm T. I., Skovorodnikov I. P. Pun: an Attempt at Compiling a Dictionary Entry. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Krasnoyarsk State University. Humanities]. Krasnoyarsk, 2001, no. 1, pp. 116–117. (In Russian).
5. Ovechkin V. V. *Sobranie sochinenij: v 3 tomah* [Collected Works: in 3 vols.]. Moscow, Belles-Lettres Publ., 1989, vol. 1, 464 p., vol. 2, 559 p. (In Russian).
6. Sannikov V. Z. *Russkaja jazykovaja shutka: ot Pushkina do nashih dnei* [Russian Pun: from Pushkin till Nowadays]. Moscow, Agraf Publ., 2003, 560 p. (In Russian).
7. Sannikov V. Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry* [The Russian Language through the Prism of Pun]. Moscow, Slavic Language Publ., 2002, 552 p. (In Russian).
8. Ushkalova M. V. Classifying Pun. *Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes: electronic research journal of Kursk State University]. 2013, no. 3–1 (27), vol. 1, pp. 151–157. URL : <http://www.scientific-notes.ru/pdf/031-014.pdf> (accessed: 03.03.2019). (In Russian).
9. Chudinov V. A. *Narodnaja jetimologija kak narodnoe tolkovanie slov* [Folk Etymology as Folk Interpretation of Words]. URL: <http://chudinov.ru/narodnaia> (accessed: 10.03.2019). (In Russian).

Information about the authors

Verevkina Yulia Vladimirovna — Postgraduate of the Department of the Russian Language at Kursk State University.

Research interests: uniqueness of V. Ovechkin's vocabulary.

Contact information: Phone No: 8 (950) 876-26-59; e-mail: zolotosony@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.03.2019

Received 22.03.2019

РЕЦЕНЗИИ

УДК 019.941

И. В. Пахомова

ЖРЕБИЙ РУССКОГО ПОЭТА

Рецензия на монографию Л. Ф. Алексеевой

«Василий Александрович Сумбатов — русский поэт XX века»

(М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2017. 299 с.)

Рецензия представляет монографию известного российского литературоведа Л. Ф. Алексеевой «Василий Александрович Сумбатов — русский поэт XX века», опубликованную в 2017 году. Монографическое исследование посвящено наследию В. А. Сумбатова, чье творчество в настоящее время известно только специалистам в области русской литературы XX века. Анализ жизненного и творческого пути Сумбатова открывает и исследователям, и широкому кругу читателей поэта и драматурга, участника Первой мировой и Гражданской войны в России, движения Сопротивления против немецких нацистов в Риме. В пяти главах монографии анализируются произведения разных лирических жанров, автобиографической прозы, драматургии и эпистолярного наследия писателя, знакомство с которым еще ожидает научные круги и всех интересующихся русской литературой XX столетия.

В. А. Сумбатов; русская поэзия XX века

В монографии Алексеевой Л. Ф.¹ анализируется творческий путь и произведения различных жанров поэзии, автобиографической прозы, драматургии и эпистолярного наследия Василия Александровича Сумбатова, участника Первой мировой и Гражданской войны в России, движения Сопротивления против немецких нацистов в Риме. В исследовании представлен глубокий анализ творчества малоизвестного современному читателю поэта, который базируется на многочисленных документах из различных фондов России: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), отдел рукописей Института мировой литературы (ОР ИМЛИ), а также заграничного семейного архива поэта.

¹ Алексеева Л. Ф. Василий Александрович Сумбатов — русский поэт XX века : моногр. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2017. 299 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.

Монография состоит из пяти глав. В первой главе «Автобиографический герой на ковре эпохи» представлены вехи жизненного пути и судьба В. А. Сумбатова, рассматриваются его повести «Детство» и «Отрочество» и стихотворный роман «Русская Держава».

Вторая глава «Синтез движущейся истории в творчестве Сумбатова» посвящена годам Первой мировой войны, теме царской семьи, проходящей через весь творческий путь поэта, римским годам и деятельности Сумбатова во время Второй мировой войны.

Третья глава «Поэзия В. Сумбатова в контексте литературного процесса» включает анализ поэтических традиций и их творческого преобразования в наследии поэта, воссоздает мозаику социальных и духовных разноречий революции 1917 года на материале поэмы «Без Христа», диалог с А. А. Блоком. Отдельно рассматривается философско-эстетическая концепция России и русской идеи, а также судьбы поколений в поэтическом видении Сумбатова.

Четвертая глава «Осмысление духовной сущности бытия в творчестве В. А. Сумбатова» представлена анализом ряда образов: неба в сборнике «Стихотворения В. Сумбатова» (Мюнхен, 1922), православного храма лирического героя в книге стихов «Прозрачная тьма» (1969), размышления о характере духовно-философской картины мира поэта, его представлениях о цели человеческой жизни и истории, земном бытии и загробном мире.

Пятая глава «Переложения В. А. Сумбатовым Священного Писания, древнерусских произведений и фольклора» посвящена исследованию переложения «Нагорной проповеди» (от Матфея, гл. V–VII), рассмотрению сочинения поэта «Святая водица» (Старинный сказ), «рассказа гусара» «Ведьма», а также «Слова о полку Игореве» в поэтическом переложении В. А. Сумбатова.

Особую ценность для современного читателя представляет основанная на документах биография В. А. Сумбатова. Василий Александрович происходил из старинного княжеского рода, известного в России со времен Ивана Грозного. После окончания частной московской гимназии ушел вольноопределяющимся рядовым на фронт Первой мировой, где проявил себя храбрым и находчивым воином. После тяжелого ранения вернулся в Москву, где скрывался от преследования новой властью. Стремясь присоединиться к Добровольческой армии, вместе с женой отправился на Юг защищать Россию. В 1919 году, желая лишь переждать «русскую смуту», семья Сумбатова оказалась по воле обстоятельств в эмиграции, которая продлилась до конца дней: сначала сорок лет в Риме, затем на севере страны в Больцано, а последние годы на северо-западе Италии в Ливорно. Во время Второй мировой войны Сумбатовы участвовали в движении Сопротивления, прятали бежавших из военных концлагерей русских пленных.

В разные годы В. А. Сумбатов был тесно связан с политическими и культурными кругами своей эпохи. У него были дружеские отношения со многими писателями, критиками, искусствоведами, историками и религиозными деятелями. Поэт внес значительный вклад в популяризацию русской культуры за рубежом. Выступал в качестве консультанта, художника по тканям для костюмов и декораций во время киносъемок на темы русской истории, в 1947 году снялся в роли поручика Ивана Игнатьича в фильме Марио Каммерини по роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Сумбатов занимался также изготовлением художественных миниатюр. Будучи хорошим графиком и акварелистом, выиграл конкурс и получил право оформлять папские буллы. Эта работа хорошо оплачивалась, для семьи Сумбатовых она являлась бы важным подспорьем, однако выдвинутое Ватиканом требование перейти в католичество Сумбатов категорически отверг. От работы он был отстранен, и до конца своих дней сохранил приверженность православию.

Расставшись с Россией в возрасте 26 лет, В. А. Сумбатов прожил за ее пределами 57 лет. Разлуку эту он переносил тяжело. Неслучайно в одном из поздних стихотворений он уподобил себя одинокой льдине, проплывающей в благополучном, но не полезном северному существу южном море:

Мне снятся снежные просторы.
И по ним я плачу, тая,
В буйных водах пыл задора
Ледяной слезою охлаждая (с. 16).

На страницах монографии Л. Ф. Алексеевой поэт предстает как личность незаурядная, творчески смелая, плодотворно реализовавшая свой потенциал в литературном процессе Русского Зарубежья с 1920 по 1970 год. Во многом этому способствовали такие его качества, как строго осознанные ценностные ориентиры личности, замечательная эрудированность в области истории русской и западноевропейской поэзии, бережное обращение со словом, предельное внимание к стихотворной технике.

Перу В. А. Сумбатова принадлежат многочисленные стихотворения, часть из которых была включена в три книги, изданные в разное время в Германии и Италии. Его произведения печатались на страницах изданий Русского Зарубежья, в том числе в газетах «Новое время», «Борьба за Россию», «Россия и славянство», «Русская мысль», «Новое русское слово», «Русская правда» и др. В Зарубежье о нем писали поэты и критики: Юрий Трубецкой, Юрий Терапиано, Валерий Перелешин, Элла Боброва, главный редактор парижского журнала «Возрождение» Яков Горбов, при этом, однако, поэтическое наследие Сумбатова возвращается в Россию медленно.

Благодаря стараниям внучки В. А. Сумбатова, Е. М. Сумбатовой-Реста, некоторые его произведения опубликованы в России. Так, напечатаны в журналах и научных сборниках в качестве «приложений» лирико-философская стихотворная драма «Распятие», первая часть автобиографического повествования «Ковер над бездной», переложения древних и фольклорных текстов на современный язык (в том числе V–VII главы Евангелия от Матфея, составляющие «Нагорную проповедь»), стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», роман в стихах «Русская Держава»).

Автор исследования убедительно доказывает, что творческое наследие русского поэта В. А. Сумбатова, всей душой связанного с Россией, но большую часть прожившего за ее пределами, обладает ценностями исключительного масштаба. Среди поэтов Русского Зарубежья он принадлежал к числу тех, кто стойко хранил православную веру и любовь к России, отстаивал ее честь, думал о ее непростой судьбе на протяжении своей нелегкой жизни. В монографии замечено: «Василий Александрович Сумбатов честно принял жребий русского поэта XX века. На его долю выпало немало горьких испытаний, страданий, боли, побед, вдохновений, невосполнимых утрат, печальных расставаний, сопровождавших многочисленные повороты на жизненном пути» (с. 8).

Справедливо констатируется автором монографии и то, что наследие В. А. Сумбатова остается до сих пор малоизвестной страницей истории русской литературы XX века. Л. Ф. Алексеева убеждена: предстоит дальнейшее осмысление сложных связей замечательного во многих отношениях поэта с различными сторонами отечественной и мировой культуры, освоение его произведений живописным, музыкальным, театральным, эстрадным искусством. Нельзя не согласиться с тем, что насущной задачей для культуры и образования в России является кропотливое собирание поэтических произведений, литературных и исторических заметок, эпистолярия В. А. Сумбатова, а в итоге — полное издание его сочинений. Творчество поэта, без сомнения, особенно актуально в контексте нашего времени, «когда многочисленные перемены побуждают к осмыслению важнейших проблем духовно-нравственного и социально-исторического порядка» (с. 253). Завершается монография исчерпывающе полным на данный момент библиографическим списком произведений В. А. Сумбатова и публикаций о нем, которые, бесспорно, послужат решению этой задачи.

Издание будет интересно и молодым исследователям, начинающим свой путь в литературоведении, и зрелым, опытным ученым, а также широкому кругу читателей, заинтересованных в объективном знании о трагической эпохе рубежа XIX и XX веков и судьбах ее ярких и выдающихся представителей.

Сведения об авторе

Пахомова Ия Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: русская и зарубежная литература XX века.

Контактная информация: тел.: 8 (915) 622-50-56, электронный адрес: i.pahomova@365.rsu.edu.ru

I. V. Pakhomova

A RUSSIAN POET'S FATE

Review of L. F. Alekseeva's monograph "Vassily Alexandrovich Sumbatov — a Russian Poet of the 20th Century"

(Moscow : Moscow State Regional University, 2017. 299 p.)

The present review focuses on a famous Russian literary researcher L. F. Alekseeva's monograph "Vassily Alexandrovich Sumbatov — a Russian Poet of the 20th Century", which was published in 2017. The reviewed monograph investigates the literary legacy of V. A. Sumbatov, whose literary work is only known to literary researchers of Russian literature of the 20th century. The analyzed monograph acquaints researchers and readers with the life and work of V. A. Sumbatov, a poet, a playwright, a veteran of World War I, a veteran of the Russian Civil War, and a participant of the Italian resistance movement. The five chapters of the monograph analyze V. A. Sumbatov's lyrical works, autobiographical prose, drama, and epistolary works, which remain to be investigated by researchers and readers inspired by Russian literature of the 20th century.

V. A. Sumbatov; Russian poetry of the 20th century

Information about the author

Pakhomova Ia Vasilyevna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Rязan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: Russian and foreign literature of the 20th century.

Contact information: Phone No: 8 (915) 622-50-56, e-mail: i.pahomova@365.rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 11.07.2019

Received 11.07.2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ВУЗА

УДК 006.3

И. М. Эрлихсон

**30-Я ЮБИЛЕЙНАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЗАПАД И ВОСТОК: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»,
18–19 апреля 2019 года**

**30TH ANNIVERSARY
INTERNATIONAL RESEARCH-PRACTICAL CONFERENCE
“WEST AND EAST: HISTORY AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT”,
April 18–19, 2019**

18–19 апреля 2019 года в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина на базе кафедры всеобщей истории и международных отношений состоялась 30-я юбилейная Международная конференция «Запад и Восток: история и перспективы развития». Широко сформулированная и многогранная проблематика привлекла внимание как широко известных в научных кругах исследователей, так и молодых ученых из России (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Рязань, Владимир, Коломна, Казань, Нижний Новгород, Воронеж, Арзамас, Липецк и др.) и зарубежья (Венгрия). Структура конференции предполагала работу четырех секций, каждая из которых была посвящена отдельному аспекту проблематики, в том числе вопросам взаимодействия личности и государства, дипломатии Нового и Новейшего времени, актуальным проблемам современного англоведения, стереотипам восприятия «чужого», эволюции теоретико-методологических подходов к определению детерминирующих факторов исторического процесса и исследованию истории стран Запада и Востока.

С приветственным словом перед участниками конференции выступили проректор по научной деятельности РГУ имени С. А. Есенина кандидат исторических наук, доцент В. А. Горнов, декан факультета истории и международных отношений РГУ имени С. А. Есенина кандидат исторических наук, доцент О. И. Амурская, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений доктор исторических наук, профессор Ю. И. Лосев, отметившие актуальность проблем, вынесенных на научный форум. С ответным словом выступил профессор венгерского Университета имени Иштвана Сечени Dr. Csaba Sándor Horváth.

Научную часть пленарного заседания открыла доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета Л. П. Репина. Ее доклад «Микроисторическая перспектива и “всеобщие вопросы” Джованни Леви» был посвящен возможностям, которые открывает перед исследователем микроисторический метод для практического решения важных теоретических и методологических проблем, а также перспективам интеллектуальной биографии.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор, специалист по английскому просвещению и проблемам межкультурного взаимодействия Британии и России Т. Л. Лабутина в докладе “Территориальный подкуп” как инструмент давления британской дипломатии на Екатерину II в переговорах об оборонительном союзе» осветила стратегию и тактику британской дипломатии по вопросу пролонгации договора об оборонительном союзе Великобритании и России. Проанализировав дипломатическую переписку британских послов, докладчик пришла к заключению, что британская дипломатия приложила немало усилий, чтобы вовлечь Россию в конфликт с североамериканскими колониями и их европейскими союзниками, используя для этой цели «территориальный подкуп» Екатерины II — испанский остров Менорка.

В докладе «Актуализация представлений о прошлом в Британии XVIII века» доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор М. П. Айзенштат подчеркнула, что во второй половине XVIII столетия в британском обществе в связи с глубоко укоренившимися традициями повседневности, а также изменениями, привнесенными промышленной революцией, заметно повысился интерес к собственной истории. Наиболее заметно это отразилось в парламентской полемике по ключевым вопросам политико-экономической жизни, а также сферы международных отношений. Как правило, актуализация прошлого чаще всего была напрямую связана с различными факторами кризисного характера, такими как обострение внутривластной ситуации, усиление напряжения в колониальных владениях, с международной обстановкой, и служила своего рода ораторским приемом, применяемым для усиления аргументации.

Пленарное заседание продолжил профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского, почетный работник высшего профессионального образования, доктор исторических наук А. Б. Соколов, в докладе которого «Эдвард Радзинский как историк» была представлена оценка исторических трудов Э. Радзинского как в публичной сфере, так и в профессиональной историографии. Докладчик подчеркнул, что Радзинского правомерно следует рассматривать как историка, пишущего в рамках постмодернистской методологии. Его книги, написанные профессионально, в то же время имеют признаки, присущие постмодернистскому типу истории: приверженность к нарративу и отказ от структурного подхода в пользу сюжета, «креативность» в интерпретации источников, опора на воображение, яркость и литературность стиля, прямое признание субъективного характера напрашивающихся выводов, дискурсивный подход к историческим свидетельствам.

Значительный интерес участников конференции вызвало выступление профессора кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, доктора исторических наук Л. И. Ивониной. В докладе «Формы и методы гуманитарной дипломатии в Европе во время становления Вестфальской системы» дана характеристика гуманитарной дипломатии в период от заключения Вестфальского мира 1648 года, завершившего Тридцатилетнюю войну, до венчавших окончание войны за испанское наследство Утрехтского (1713) и Раштатт-Баденского (1714) конгрессов. Дипломатический парадокс рассматриваемой эпохи, по мнению докладчика, заключался в том, что гуманитарная дипломатия нередко звучала в русле военной политики и не исключала применение военных методов, в то же время в этот период развивалось активное научное сотрудничество как одна из форм политики «мягкой силы», возникали концепции мира и шел поиск возможностей их реализации.

Завершил пленарное заседание доклад доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина И. М. Эрлихсон «История Мэри Адамс, или Карьера лондонской проститутки (по материалам Ньюгейтского календаря)», в котором докладчик обратилась к проблеме преступности в Великобритании XVIII века, акцентируя внимание на проституции как источнике криминальной активности. Привлекая в качестве источника «Ньюгейтские календари», была реконструирована биография Мэри Адамс, обвиненной в воровстве, и определена степень влияния психологических и социально-экономических причин, выступавших мотивами преступления.

Работа конференции продолжилась по тематическим секциям. В рамках секции «Международные отношения, дипломатия и геополитика в Новое и Новейшее время» были заслушаны доклады, посвященные вопросам, связанным с особенностями внешней политики государств Европы, Азии и Северной Америки в XVII–XXI веках и развития международных отношений в современных условиях глобализации и интеграции. В рамках секции также прозвучали доклады, посвященные внешнеполитическому развитию России и актуальным проблемам дипломатической истории. Участниками секции стали Csaba Sándor Horváth (“Hungarian rail transport to the Balkan and the Eastern front in the first year of the Great War”), доктор исторических наук Ю. Н. Паничкин, кандидаты исторических наук О. А. Базин, А. М. Бирюков, Н. П. Писчинова, Ю. В. Савосина, Ю. О. Толмачев, а также Ю. Ш. Егенова, Н. А. Крысанова, А. В. Подгорный.

Участниками секции «Европа, Россия, Азия: проблемы политической и социально-экономической модернизации в Средние века, Новое и Новейшее время» под председательством кандидата исторических наук М. В. Жолудова был освещен спектр вопросов, связанных с политическим, экономическим и социокультурным развитием государств Европы, России и Северной Америки, а также взаимодействием властных структур и общественного сознания. С докладами выступили доктор исторических наук Д. В. Шмелев, кандидат исторических наук В. И. Дуров, К. В. Тимченко. Были освещены проблемы трансформации политической системы Великобритании в первой половине XIX века; векторы экономической политики и реформы, проведенные в рамках либеральной модернизации В. Жискара д’Эстена; аспекты деятельности польской революционной тайной организации «Союз активной борьбы» в Галиции, занимавшейся подготовкой кадров польских офицеров для будущей национальной армии в случае восстания в Царстве Польском; история Аньяльской конфедерации 1788–1790 годов, впервые выдвинувшей идеи об отсоединении Финляндии от Швеции и создании независимого государства.

В рамках секции «Актуальные проблемы современного англоведения» под председательством кандидата исторических наук, доцента Б. В. Сафронова были обсуждены сюжеты английской истории от Средних веков до Новейшего времени. Значительное внимание было уделено дискуссионным и актуальным проблемам британской политической, внешней и колониальной истории, специфике процесса имперского строительства. Прозвучали доклады кандидатов исторических наук М. Н. Алексеевой, А. С. Гавриковой, О. И. Галкиной, А. Ю. Прокопова, Л. Р. Сабитовой, Е. А. Суслопаровой, а также Д. С. Силяковой. При разноплановости событий и процессов, о которых рассуждали докладчики, широком диапазоне хронологических рамок затронутых ими периодов британской истории выявились близкие подходы к постановке исследовательских задач.

Участниками секции «Идеология и историческая память: символы и интерпретации в текстах культуры» под председательством кандидата исторических наук М. В. Кузьминой был рассмотрен спектр вопросов, касающихся формирования, интерпретации текстов, а также функционирования стереотипов национального сознания, обобщенно-образных представлений о «чужом», одновременно отражающих собственную систему ценностей. С докладами выступили венгерские коллеги Б. Вапра (“The revolution and war of independence of 1956, in the light of American Hungarian papers of the time”), Ж. Ланцердорфер («Детская

тема в венгерских народных балладах»), а также отечественные специалисты, кандидаты исторических наук С. А. Зотов, Н. Н. Крючков, С. А. Васильева, О. В. Яблонская, а также М. В. Короткова. В их докладах были освещены проблемы презентации социальных типов и конкретных исторических персоналий в литературных произведениях, теоретические основы реформирования английского правосудия конца XVIII — начала XIX века, аспекты модернизация Британской империи в английской либеральной мысли XIX столетия.

В рамках конференции для студентов направления подготовки «Международные отношения» была проведена открытая лекция кандидата исторических наук, независимого исследователя А. В. Шандры на тему «Россия и Запад на ближневосточном рубеже: особенности подходов к решению региональных политических проблем».

Подводя итоги конференции, участники отметили значимость сотрудничества, возможность поделиться результатами научных изысканий, а также то, что в изучении проблем политики, экономики, культуры и идеологии остается еще много неизученного, от чего значимость заявленных тем лишь возрастает, а результаты научных изысканий не теряют своей актуальности.

Работа научно-практической конференции ставила целью обсуждение научным сообществом широкого круга вопросов исторической науки, затрагивающих обширный диапазон тем. В рамках плодотворного научного диалога российские и зарубежные коллеги поделились своими достижениями, а начинающие ученые получили ценный опыт выступления на крупном научном мероприятии.

По итогам работы конференции был издан сборник.

Сведения об авторе

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: английская общественная мысль XVII–XVIII веков, раннее Просвещение.

Контактная информация: тел.: (4912) 28-05-10; электронный адрес: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Information about the author

Erlihson Irina Marikovna — Doctor of History, Professor in the Department of World History and International Relations at Ryazan State University named for S.A. Yesenin.

Research interests: British social thought of the 17th–18th centuries, Early Enlightenment.

Contact information: Phone No. (Ofc): (4912) 28-05-10; e-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 09.07.2019

Received 09.07.2019

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина» с периодичностью четыре номера в год.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 5 октября 2018 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-73858.

Подписной индекс журнала — № 55168 в объединенном каталоге «Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер ISSN 2413-2217.

Решением Президиума ВАК журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 28.12.2018 г.) по специальностям:

<i>Индекс</i>	<i>Специальности</i>	<i>Науки</i>
07.00.02	Отечественная история	исторические науки
07.00.03	Всеобщая история (соответствующего периода)	исторические науки
07.00.09	Историография, источниковедение и методы исторического исследования	исторические науки
25.00.25	Геоморфология и эволюционная география	географические науки

Журнал также публикует статьи по следующим отраслям науки (**РИНЦ**):

01.00.00 — Физико-математические науки:

03.00.00 — Биологические науки

08.00.00 — Экономические науки

09.00.00 — Философские науки

19.00.00 — Психологические науки

10.00.00 — Филологические науки (10.01.00 литературоведение, 10.02.00 языкознание)

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения.

Условия и порядок приема публикаций

1. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fjournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»). Не принимаются к публикации статьи, написанные в соавторстве «аспирант – научный руководитель» и «докторант – научный консультант».

2. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

3. Стоимость одной страницы публикации (шрифт 14 Times New Roman, 1,5 интервала) в первом полугодии 2019 года — 450 рублей. Для очных аспирантов (граждан РФ) публикация бесплатна.

4. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

5. Сведения об авторах (на русском и английском языках):

▪ фамилия, имя, отчество автора (полностью без сокращений в Им. п.; буква «ё» не должна заменяться на «е»);

▪ ученая степень, звание, должность и место работы или информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);

▪ адрес с почтовым индексом, указанием города и страны; все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail); отдельно следует указать адрес и телефон, которые будут опубликованы в журнале, и адрес и телефон, которые будут использоваться только для связи и отсылки авторского экземпляра;

▪ основная сфера научных интересов.

6. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,5 до 1,0 авторского листа, или от 20 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см² площади изображений.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес o.popova@365.rsu.edu.ru. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Требования к оформлению статей

1. Научный аппарат статьи состоит из индекса УДК, аннотации, ключевых слов, сносок и списка литературы, References. В статье обязательны ссылки на научную литературу и источники. Сноски оформляются постранично, в автоматическом режиме. В сноски включаются ссылки на все источники и литературу используемые автором. Запрещаются заимствования без цитирования и ссылок (образец оформления ссылок. pdf). В список литературы включается только научная литература.

2. Название статьи (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, используя заглавные только там, где это необходимо, избегая аббревиатур и сокращений.

3. Аннотация (на русском и английском языках) объемом 150–300 слов, избегая использования аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация должна представлять собой перевод русскоязычной аннотации. Правила написания аннотации см. URL: <http://finis.rsue.ru/Docs/pravila.pdf>

4. Таблицы и рисунки. Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется отдельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

5. Формулы помещаются в тексте с использованием формульного редактора Microsoft Equation, диаграммы располагаются с помощью программы Microsoft Excel. Формулы должны быть тщательно выверены автором. Иллюстрации (рисунки и графики) должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg, выполненные с соблюдением ГОСТ 2.3.04-81 ЕСКД «Шрифты чертежные» (образец 1986 pdf), должны иметь разрешение не менее 300 dpi (штриховые рисунки — не менее 1200 dpi) и располагаться в тексте статьи.

6. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библио-графическая запись. Библиографическое описание».

7. В список литературы не включаются любые материалы, не имеющие конкретного автора: законы, постановления, приказы, положения, стандарты (включая ГОСТы), архивные материалы, методические указания, правила, нормативы, справочники, словари, страницы сайтов. Данные источники следует указывать в сносках, а не в списке литературы.

8. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается. Проверять наличие doi статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название статьи на английском языке.

9. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения. Ссылки на Википедию недопустимы.

10. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту. Перевод русского текста на латиницу производится с помощью автоматического транслитератора <http://ru.translit.net/?account=bsi> (Формат BSI). В транслитерации научных статей необходимо указать перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках. Обязательно указывается в конце описания в круглых скобках язык, на котором опубликован включенный в список источник (In Russian, In English, In Norwegian, In Chinese, etc.).

Пример библиографического описания наиболее часто встречающихся типов источников в Списке литературы и References см. на сайте: URL: <http://vestnik.rsu.edu.ru/submission-requirements/>

Направляя статью для публикации в журнале «Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина», автор тем самым изъявляет согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Контактная информация:

- электронный адрес — o.popova@365.rsu.edu.ru;
- телефон — (4912) 97-15-15 (доб. 7004).

Submission requirements

The journal is **founded by** Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “Ryazan State University named for S. A. Yesenin”.

The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin is a quarterly academic journal.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on October 5, 2018. The Registration Number is ПИ No ФС77-73858.

The subscription index is No 55168 in the unified catalogue “Pressa Rossii” (Russian Press).

The International Standard Serial Number is ISSN 2413-2217.

The academic journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals recommended by the Higher Attestation Commission (HAC) for publication of thesis results in the following spheres (relevant on 28.12.2018):

<i>Code</i>	<i>Groups of specialties</i>	<i>Branch of science</i>
07.00.02	Russian history	History
07.00.03	General history (of a period)	History
07.00.09	Historiography, source study, methods of historical research	History
25.00.25	Geomorphology and evolution geography	Geography

The academic journal welcomes articles in the following spheres (Russian Index of Scientific Citation (**RISC**):

01.00.00 — Physics and mathematics

03.00.00 — Biology

08.00.00 — Economy

09.00.00 — Philosophy

19.00.00 — Psychology

10.00.00 — Philology (10.01.00 Literary studies, 10.02.00 Linguistics)

The journal publishes papers by Russian and foreign authors submitted in Russian and in English as the language of intercultural communication.

Paper Submission Procedure

1. Articles are accepted only if they comply with the principles of publication ethics (see the corresponding section at www.fljournal.rsu.edu.ru “Publication Ethics”). Collaborative articles written by teams of PhD students and their supervisors are not accepted.

2. PhD students must present positive reviews conducted by their supervisors.

3. Publication charges are based on the rate of 450 rubles per A4 side of paper (14Times New Roman font, 1,5 spacing) (relevant in the first half of 2019). Publication is free for PhD students (Russian citizens).

4. All manuscripts should be formatted in such a way so as to meet the standard conventions of the journal.

5. Information about the authors should be provided both in Russian and in English.

▪ Last names, first names, patronymics (in the Nominative Case, without abbreviation, the letter “ë” should be replaced by the letter “e”)

▪ academic degrees, academic ranks, affiliation, position, specialization (for PhD students) (specify the department and the university)

▪ postal addresses (specify the town/city and the country); effective communication means for cooperation with editors (phone number (office and residence), mobile phone number, fax, e-mail). Specify what telephone and address should be published and what telephone and address should be used to contact you and to send you a copy of the journal

▪ research interests

6. The manuscript should be 12-24 pages long (20 000–40 000 characters). Prosaic manuscripts should not exceed 40 000 character, poetic manuscripts should not exceed 700 lines, images should not exceed 3 000 cm².

7. Submit your articles to o.popova@365.rsu.edu.ru. Electronic versions of supervisors' reviews are submitted together with the articles in a format ensuring visibility of the supervisors' signatures and stamps.

Submission Requirements

1. The manuscripts should include the text, UDC, abstract, key words, footnotes, and references. The article should refer to scholarly literature. Footnotes should be automatically inserted on a page basis. Footnotes contain references to all sources used by the author. You cannot quote without reference (Reference formatting sample. pdf). References only contain scholarly literature.

2. The article title (in English and in Russian) is written in lowercase letters. Capital letters are only used if necessary. Abbreviations are not welcome.

3. The abstract of the article (in English and in Russian) should be no more than 150–300 words. Abbreviations are not welcome either. The abstract must clearly state the purpose of the research, its novelty, the author's perception of the discussed issues, major postulates and results. The Russian abstract should be translated into English. For Abstract guidelines, see: <http://finis.rsue.ru/Docs/pravila.pdf>.

4. Tables and figures. Please insert a caption below each figure. Each figure should be numbered. Pictures should be grouped and locked in place. Tables and figures are numbered sequentially, but separately. Refer to the caption number within the body of the text.

5. Formulas should be embedded directly into your Word document file with Microsoft Equation, diagrams should be added with Microsoft Excel. All formulae should be thoroughly checked by the author. Illustrations (schemes and diagrams) should be accurate and black-and-white. The resolution of photographs and images (TIF, IPG) should be no less than 300 dpi. The resolution of line art should not be lower than 1200 dpi. Photographs, images, and line drawings should be embedded into your Word document.

6. The bibliography references should be arranged in alphabetical order in accordance with GOST P 7.0.100–2018 7.1-2003 “Bibliographic record. Bibliographic description”.

7. Materials without designated authorship (laws, resolutions, orders, provisions, standards (including state standards), archival materials, instructional guidelines, rules, normative standards, catalogues and directories, dictionaries, sites) are not listed in the References, but are inserted in footnotes.

8. If the cited work is assigned a digital object identifier (DOI), the latter should be included at the end of the reference. The URL is no added then. To see if a source has a DOI, go to <http://search.crossref.org/> or to <https://www.citethisforme.com>. To get DOI, copy and paste the English title of the article into the search line.

9. Referring to electronic sources, insert the access date. References to Wikipedia are not allowed.

10. References in Latin script mirror references in Cyrillic script. To transliterate the text, use the text transliteration tool at <https://translit.net/ru/?account=bsi> (BSI format). Article titles are translated and placed in square brackets. The language in which the work is published should be indicated at the end of the citation in round brackets (In Russian, In English, In Norwegian, In Chinese, etc.). Sample citations of most common kinds of sources can be seen at <http://vestnik.rsu.edu.ru/submission-requirements/>

When submitting a manuscript to the **Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin**, the author agrees that the full text of the article will be published on the site of Ryazan State University named for S. A. Yesenin, as well as in the Russian Scientific Electronic Library for open access.

E-mail and Phone No: o.popova@365.rsu.edu.ru; (4912) 97-15-15 (ext. 7004).

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С. А. Есенина

2019

№ 3 (64)

Научный журнал

Главный редактор
Попова Ольга Дмитриевна

Редактор *Т. Н. Свитнева*
Технический редактор *Н. Н. Кулешова*
Переводчик *Ж. Д. Томина*

Дата выхода в свет 16.09.2019. Цена свободная.
Поз. № 23. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,72. Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 100 экз. Заказ № 174.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а